VALERIE BRYSON **Feminist Political Theory: An Introduction**

MacMillan, UK, 1992

ВАЛЕРИ БРАЙСОН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФЕМИНИЗМА

Введение

Перевод с английского
О. Липовской и Т. Липовской

Под общей редакцией
Т. Гурко

Москва 2001

ББК 87

Б87

Данное издание выпущено в рамках программы
Центрально-Европейского Университета "Books for Civil Society"
при поддержке Центра по развитию издательской деятельности
(OSI — Budapest) и Института "Открытое общество.
Фонд Содействия". (OSIAF — Moscow)

Выражаем благодарность
за информационную помощь в подготовке издания
Американскому культурному центру
(г. Москва, ул. Николоямская, д. 1, тел. (095) 777.65.30)

БРАЙСОН В.

Б87 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФЕМИНИЗМА. Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. М.: Идея-Пресс, 2001. — 304 с.

ISBN 5-7333-0026-4

ББК 87

ISBN 5-7333-0026-4

СОДЕРЖАНИЕ

Моим родителям Хизер и Алану Пул

ВВЕДЕНИЕ

Практически всю историю своего существования западная политическая теория игнорировала женщин. Мы редко появляемся в ее анализе реальных и потенциальных носителей власти. Когда же она удостаивает нас внимания, то обычно лишь для того, чтобы обосновать наше исключение из общественной деятельности и оправдать наше домашнее заточение. Только изредка в нас видят политических субъектов, заслуживающих серьезного внимания. Даже сегодня подобное исключение половины человеческой расы, как правило, либо считается естественным, либо не принимается во внимание как тривиальная оплошность. Неравенство разного рода, существующее между мужчинами и женщинами, расценивается как неважное и теоретически неинтересное. Однако феминистская политическая теория рассматривает положение женщин как основополагающее для политического анализа. Она ставит вопрос, почему фактически во всех известных нам обществах мужчины наделены властью над женщинами и как это положение можно изменить. Таким образом, это *ангажированная* теория, стремящаяся понять общество для того, чтобы бросить ему вызов и изменить его. Целью ее является не абстрактное знание, а знание, которое может быть использовано для информирования и направления феминистской политической практики.

Термин «феминист (ка)» [1] впервые стал использоваться в английском языке в 80-х гг. XIX в., обозначая тех, кто поддерживал равные юридические и политические права женщин с мужчинами. Его значение с тех пор развивалось и до сих пор горячо дебатируется. В этой книге я буду пользоваться им в самом широком и общем смысле. Этот термин будет относиться к любому теоретику (или теории), считающему, что отношения между полами основаны на неравенстве, подчинении или угнетении, воспринимающему такое положение вещей как проблему политической власти, а не естественное установление и рассматривающему этот факт как важный для политической теории и практики. Это означает, что я буду применять этот термин как анахронизм и по отношению к тем, чьи труды писались до его существования, и по

[1] В английском языке этот термин не имеет рода и, таким образом, может подразумевать и женщин и мужчин. — *Прим. ред.*

отношению к тем, кто сам его отвергал (чаще всего потому, что они полагали, что он касается только женщин среднего класса). Я также условно позволю себе употребить его по отношению к отдельным мужчинам, которые внесли свой вклад в феминистские дискуссии. Однако необходимо отметить, что многие современные феминистки утверждают, что мужчины никогда не могут быть феминистами либо потому, что они «враги», либо из-за отсутствия личного непосредственного опыта. Они могут считаться в лучшем случае "сторонниками феминизма".

В последующих главах прослеживается развитие феминистской политической теории с семнадцатого века до настоящего времени. Тем не менее это не отображение систематического прогресса, поскольку многие идеи и их авторы исчезли из истории, и только недавно было вновь обнаружено богатое наследие феминистской мысли. Это означает, что многие поколения феминисток нередко должны были начинать почти с нуля. Кроме того, хотя некоторые ранние труды неизбежно представляются наивными и упрощенными, временами они выглядят поразительно современными, представляя идеи, актуальные и в наши дни. Часто они изложены с такой страстью и остротой, которые, отражая сущность женского опыта, чувствуются спустя столетия. Трудности, испытываемые Мэри Уоллстоункрафт (Mary Wollstonecraft) в личной жизни, нетерпимость Элизабет Кэйди Стэнтон (Elizabeth Cady Stanton) к домашнему образу жизни или отрицание «респектабельности» Симоной де Бовуар — не просто интересные биографические факты, но то, что повлияло как на их теории, так и на наше восприятие этих теорий.

Развитие феминистской мысли было не просто непоследовательным, но нередко сопровождалось глубокими теоретическими разногласиями. Это отчасти отражает различия в потребностях и представлениях женщин в разных обществах и ситуациях, но также восходит и к смешанным корням феминизма — либеральной и социалистической традиции «мужской» политической теории, а также собственно женского опыта. Поэтому многие современные авторы толкуют феминизм не как унифицированную теорию, а выделяют различные феминистские позиции. Наиболее часто встречающиеся подходы — либеральный, марксистский и радикальный. Термин «социалистический феминизм», правда, внося некоторую путаницу, также употребляется как для описания всех теорий, которые рассматривают как взаимосвязанные цели феминизма и социализма (вне зависимости от того, основаны ли они на марксизме), так и для современных попыток синтеза идей марксистского и радикального направлений феминизма.

В соответствии с такой классификацией либеральный феминизм, по сути, утверждает, что, поскольку женщины — такие же разумные существа, как и мужчины, они должны обладать теми же юридическими и политическими правами. Поэтому либеральные феминистки выступали и боролись в последние триста лет за право женщин на образование, оплачиваемый труд, участие в политике и полное юридическое равноправие. Либеральный феминизм сосредоточивается на правах в общественной сфере и не анализирует отношения власти, которые могут существовать в семье и частной жизни. Предполагается, что успех обеспечит сама по себе справедливость требований, и у мужчин не будет оснований сопротивляться. Хотя основной посылкой либерального феминизма выступает тот факт, что женщины как группа находятся в невыгодном положении, тем не менее считается, что, как только будет достигнуто политическое и юридическое равенство, максимальное использование предоставленных возможностей станет зависеть от каждой отдельной женщины.

Марксистские феминистки, в свою очередь, доказывают, что в классовом обществе такие права могут быть доступны лишь немногим представительницам среднего класса. Большинство женщин, так же как и мужчин, останутся угнетенными до тех пор, пока на смену капиталистической экономической системе не придет коммунизм. В рамках этой перспективы ключевой задачей в освобождении женщин является их вхождение в рынок оплачиваемого труда и участие в классовой борьбе. Только в коммунистическом обществе экономическая зависимость женщин, являющаяся основой их угнетения, исчезнет, а общественные детские сады и обобществленное домашнее хозяйство освободят их от монотонного домашнего труда и позволят полноценно участвовать в профессиональной деятельности. Эти изменения не могут быть просто достигнуты требованием справедливости, поскольку они являются продуктом определенной стадии экономического развития. Равноправия полов невозможно добиться по желанию, но только при определенных исторических условиях.

По мнению радикальных феминисток, обе эти теории игнорируют сущность и повсеместность мужской власти. Идеи радикального феминизма были впервые в целостном виде сформулированы в конце 60-х гг. В основе этого подхода лежит утверждение, что мужская патриархатная власть является первичным властным отношением в человеческом обществе. Согласно этой теории, власть мужчин над женщинами распространяется не только на общественную сферу экономической и политической деятельности, но она характерна для всех видов отношений между полами, включая самые интимные.

Утверждение, что "личное есть политическое", требует переопределения власти и политики и подвергает сомнению позиции политической теории, которая сама по себе рассматривается как инструмент мужского доминирования, оправдывающая или же скрывающая реальность мужской власти и ее основ в «частной» жизни. Некоторые радикальные феминистки идут дальше, утверждая, что различия в характере и поведении мужчин и женщин детерминированы биологически, и в меньшей мере являются продуктом социализации, причем женщины обладают естественным превосходством. Для некоторых это означает, что всех мужчин нужно рассматривать как «врагов» и единственным феминистским выбором может считаться лесбийский сепаратизм. Другие отвергают этот тезис, но считают, что мужчины как группа угнетают женщин во всех сферах жизни и что понимание этого факта должно быть центральным для любой феминистской политики.

Некоторые современные социалистические феминистки претендуют на совмещение лучших идей марксистского и радикального феминизма. Соглашаясь с утверждениями радикальных феминисток о повсеместности мужской власти и с тем, что все сферы жизни должны рассматриваться как политические, они пытаются проследить историю патриархатной власти и понять ее связь с другими формами угнетения, в частности взаимодействие классового угнетения и угнетения по признаку пола в капиталистическом обществе. В контексте феминистской политики они приветствуют борьбу на всех уровнях: иногда это могут быть автономные женские организации, но также допускается и работа с мужчинами. В отличие от либеральных и ортодоксальных марксистских феминисток эти феминистки социалистического толка утверждают, что, по крайней мере, на определенный период мужчины могут быть заинтересованы в сохранении существующего гендерного неравенства, однако в отличие от некоторых радикальных феминисток они не рассматривают интересы мужчин и женщин как неизменно противоречащие друг другу.

Такая классификация предполагает, что существует четыре различных феминистских подхода, которые объясняют положение женщин наличием: плохого законодательства, плохой экономической системы, плохих мужчин или комбинации этих факторов. Но это лишь упрощенное изложение сложных, постоянно развивающихся теорий. Использование подобных маркировок может лишь затушевывать всю сложность феминистских идей и политической активности. К классификации теорий следует подходить с большой осторожностью. В этой книге я буду использовать ее как удобную стартовую позицию для изучения лабиринта феминистских теорий, что допуска-

ет их взаимосвязанность, но позволяет в то же время разделить не согласующиеся мнения и выявить противоречия. Я буду исследовать пути, по которым разные подходы взаимодействовали, обогащая друг друга, а также буду доказывать, что, хотя многие разногласия сохранились, в последние годы происходит конвергенция феминистских идей, сопровождающаяся как минимум отказом от легковесных и упрощенных утверждений некоторых прежних подходов.

Ключевой областью разногласий тем не менее остаются дискуссии на тему различия/равенства. Многие феминистки всегда отказывались придавать политическое значение биологическим различиям между женщинами и мужчинами на основании того, что это всегда будет использоваться в ущерб женщинам. Тем не менее некоторые феминистки долго доказывали, что женщины по своей природе превосходят мужчин, и сегодня существует сильная ветвь внутри радикального феминизма, представительницы которой настаивают на том, что биологические различия окрашивают все в наших жизнях. В частности, они утверждают, что мужчины по своей природе конкурентны, агрессивны и являются сексуальными хищниками, тогда как женская способность давать жизнь означает, что они олицетворяют «женские добродетели» миролюбия, заботы и сотрудничества. Некоторые идут дальше, утверждая, что в действительности женщины думают не так, как мужчины, и что интуиция и сопереживание позволяют развить более высокие уровни понимания, чем мужской расчет и логика. Другие считают, что диффузная природа женской сексуальности позволяет им постичь «нелинейные» формы восприятия мира за пределами мужской логики. Такие аргументы могут дать нам полезные коррективы к традиционному пониманию человеческой природы и рациональности, поскольку деятельность и мышление, считающиеся мужскими, обычно некритично воспринимаются как норма, а «объективность» фактически используется для маскировки мужской предвзятости. Это также может позволить нам переоценить характерные черты и поведение, традиционно ассоциируемые с женщинами. Однако такой биологический детерминизм, похоже, является тупиком для политической теории. Хотя он и достаточно влиятелен, но в то же время все-таки вызывает резкое сопротивление со стороны многих современных феминисток.

Другая спорная область — это предполагаемый расизм современной западной феминистской теории. В то время как феминизм критиковал традиционную политическую теорию за вытеснение или исключение женщин, саму феминистскую теорию обвиняют в универсализации опыта и потребностей

белых женщин Европы и Америки и игнорировании весьма различных устремлений черных женщин и женщин третьего мира. Действительно, само использование подобных терминов предполагает, что белые женщины первого мира рассматриваются как норма, по отношению к которой другие группы являются лишь приложением, не говоря уже об огромных различиях внутри обозначаемых групп. Некоторые авторы настаивают на том, чтобы опыты женщин, которые до сих пор были маргинальными, стали центральной точкой отсчета, а не "добавлением" к феминистской теории и практике, и чтобы существующие подходы были пересмотрены точно также, как и мужские теории. Другие доказывают, что ограничения существующих концепций можно преодолеть и что в целом возросла чувствительность к этим проблемам среди западных феминисток в сравнении с прошлым. Тем не менее принципиальный вопрос, возможно ли глобальное женское движение, остается неразрешенным и будет являться ключевой темой дискуссий в последующие десятилетия.

Современная феминистская критика традиционной теории совпала с кризисом "мужской" политической теории и философии. Не только политические перемены в Восточной Европе привели многих марксистов в полное замешательство, но и вся западная политическая мысль подверглась пересмотру «постмодернистскими» теориями, которые в принципе отрицают возможность достоверности и объективности. В этой новой перспективе не существует абсолютной истины или конечного знания, такие понятия, как «справедливость» или «правота», утрачивают свое значение, а постулаты либерализма или марксизма одинаково отрицаются как частичные продукты конкретных исторических условий. Некоторые феминистки приветствовали появление постмодернизма, видя в нем возможность демистификации и реконструкции теории, понимания значимости отношений власти и включения "пристрастных" точек зрения. Он также может разрушить категорию «женщины», подталкивая к пониманию многообразия опытов, которые включает это понятие. Тем не менее необходимо отделять подлинные теоретические находки от академических изысков, и другие феминистки более осторожны в отношении постмодернизма, утверждая, что он не может обеспечить базис для феминистской политики. Некоторые считают, что эта теория изначально консервативна, поскольку, в сущности, признает незаконными любые попытки бросить вызов существующему порядку вещей.

Такого рода полемики будут подробно рассматриваться в последующих главах. Это означает, что современный феминизм не только не представляет собой совокупность прописаных истин, но является очень противоречивым

и динамичным комплексом захватывающих идей, любая из которых может подвергаться сомнению. Публикации прошлого тоже не являются просто «мертвыми теориями», поскольку имеют дело с проблемами, обсуждаемыми сегодня. И в этом смысле они впечатляют нас сами по себе и по-прежнему остаются значимыми для современной феминистской политики. Таким образом, я утверждаю, что мы можем извлечь знание из всех идей, обсуждаемых на последующих страницах, поскольку те из них, которые не являются открытиями, могут помочь нам избежать ошибок. Хотя многие мыслители считали, что нашли реальное решение проблем, на практике их рассуждения всегда подвергались изменениям. Понимание этого означает, что сегодня новые идеи могут приветствоваться и использоваться, но утверждения, что они предлагают *ответ*, отвергаются. Возможно, мы стремимся к такому положению, когда можем одновременно определять структуры и процессы, противоречащие интересам женщин, но также понимать, что ни одна концепция не является ключевой для реальных перемен, поскольку все они взаимосвязаны. Из этого следует, что различные формы феминистской деятельности могут часто восприниматься как взаимодополняющие, а не противоречащие, поскольку если нет простых ответов, то не существует и единого вида феминистской политики, приемлемой для всех женщин, во всех ситуациях и во всех обществах. Конечно же имеются реальные различия, и феминистки даже не всегда согласны между собой относительно собственных целей, не говоря уже о способах их достижения. Хорошая теория тем не менее может позволить нам отличить истинные разногласия от проблем общения или разницы в расстановке акцентов, а также найти возможные формы приемлемых политических действий и связь между ними.

Работая над книгой, я обнаружила для себя, кроме всего, сложность и богатство феминистской политической теории в прошлом и в наши дни. Стало ясно, что «новые» полемики и идеи часто предвосхищались мыслителями прошлого. Современный феминизм последовательно выходит за рамки традиционного политического мышления, бросая вызов его установкам и ставя новые вопросы на повестку дня. Из этого следует, что феминистскую политическую теорию нельзя загнать в угол, поскольку проблемы, которые она поднимает, являются жизненно необходимыми для понимания устройства политической власти. В стремлении разобраться в положении женщин и изменить его она расширяет наше понимание всех сфер политической жизни, и любая политическая теория, игнорирующая феминистские посылки, неизбежно является неполной и обедненной.

ПРЕДШЕСТВЕННИЦЫ
И
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Глава 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ МЫСЛИ

Вопреки распространенному мнению феминистская теория не берет свое начало от Мэри Уоллстоункрафт (Mary Wollstonecraft) в конце XVIII в., но может быть обнаружена еще в Средневековье (и нет сомнения, что проявлялась в частных высказываниях еще раньше). Насколько нам известно, первые публичные обсуждения темы представлены исключительно мужчинами, но начиная с XV в. стали раздаваться и женские голоса, и первой женщиной, писавшей о правах и обязанностях своего пола, является, вероятней всего, француженка Кристина де Пизан (Christine de Pisan, 1364—1430). С точки зрения феминистской политической теории в ранних работах интересны не столько детали, о которых писали отдельные авторы того времени (поскольку они не дают анализа властных отношений и не предлагают никакой политической программы), сколько тот факт, что споры о роли женщины в обществе, содержащие определенно феминистскую перспективу, восходят к гораздо более ранним периодам, чем принято считать. Также интересно отметить, что с самого начала эти обсуждения носили международный характер и, например, влияние де Пизан прослеживается в дискуссиях в Англии в конце XVII в. (Ferguson, 1985, p.xi. См. также: de la Barre, 1990; Willard, 1975; Shahar, 1983).

Мэри Эстелл и дискуссии XVII века

«Первая заметная волна светского феминистского протеста в Британии» (Ferguson, 1985, p. 15) возникла тогда, когда впервые значительное число женщин бросили вызов общепринятым представлениям о проблемах своего пола в памфлетах и книгах. Некоторые из них публиковались анонимно, но далеко не все. Из этих авторов наиболее известны драматург Афра Бенн (Aphra Benn, 1640—1689) и Мэри Эстелл (Mary Astell, 1666—1731), которая недавно была названа «первой английской феминисткой» (Hill, 1986) и, «хотя и спорно, первым систематическим феминистским теоретиком Запада» (*Stimpson*. Introduction to Perry, 1986, p. xi. См. также: Smith, 1982; Kinnard, 1983; Browne, 1987). Дискуссии этой поры отличались от тех, которые имели место ранее, отчасти из-за беспрецедентно высокого уровня участия в них женщин, но также и потому, что они происходили в условиях быстрых экономических, социальных и политических изменений. Такие обсуждения являлись отражением задач и проблем модернизирующегося общества, и в них использовались новые философские концепции и политическая терминология. Вопросы, поднятые тогда, и язык, использовавшийся в этих дебатах, сохранили свою актуальность и по сей день.

Любая попытка увязать феминистскую теорию непосредственно с социальным положением женщин должна осуществляться с большой осторожностью. Но все-таки, вероятно, повышение уровня и интенсивности обсуждения женских проблем хотя бы частично было следствием того, что в этот ранний период капиталистического развития была поставлена под сомнение традиционная роль женщины в обществе. Изменения в сельском хозяйстве начали создавать новый растущий класс наемных рабочих, и, поскольку разделение труда становилось все более сложным, а структуры производства укрупнялись, старая система семейного производства начала уходить в прошлое. Впервые наметилось определенное различие между общественной сферой занятости и частной сферой дома и семьи. В то же время женщины все больше вытеснялись из таких отраслей торговли и производства, в которых были широко представлены ранее: пивоваренное, печатное производство и медицина, а женщин из аристократических слоев, игравших ранее большую роль в управлении поместьями своих мужей, стали все больше ограничивать домашней сферой. После Реформации, когда у женщин исчезла возможность найти традиционное убежище в стенах монастыря, для все большего их числа брак становился экономической необходимостью, и их зависимость от мужей возрастала. Однако в силу демографических факторов увеличилось количество «избыточных женщин», и для таких незамужних женщин, как Мэри Эстелл, похоже, не оставалось достойных способов обеспечить свое существование. В этом контексте не удивительно, что возник вопрос о роли женщин, и, более того, как только появилась необходимость четкого разделения частного и общественного, вполне логично было задаться вопросом о подходящей для женщин сферы деятельности. Такая проблема не могла возникнуть в средневековом обществе, но остается главной для многих феминистских дискуссий в наше время.

В политическом смысле XVII в. является эпохой больших потрясений и проблематизации традиционной власти. Совершенно очевидно, что события Гражданской войны и Междуцарствия должны были политизировать многих женщин, так же как и мужчин. Помимо традиционных форм «закулисного влияния» женщин имеются свидетельства об их участии в демонстрациях, восстаниях и обращениях с петициями к парламенту. Еще более остро вопрос о подходящих половых ролях и поведении ставился во многих создававшихся религиозных сектах: например, рантеры выступали за крайнюю сексуальную вседозволенность, а квакеры заявляли, что мужчины и женщины не только равны перед Богом, но также могут на равных претендовать на священнические посты.

Вопросы о власти в государстве и в семье были, кроме того, непосредственно связаны с политической теорией того времени. Консервативные апологеты абсолютной монархии утверждали, что власть государя над народом санкционирована Богом и природой точно так же, как авторитет отца в семье. Это означало, что «патриархат» (отцовская власть) в доме использовался как аргумент для оправдания такой же власти в государстве. Оппоненты, отстаивающие позицию, согласно которой государственной власть *не имеет* божественного происхождения и должна основываться на разуме и согласии, вынуждены были также пересмотреть принцип предписанности власти в семье. Логично было предположить, что патриархат в государстве и в семье либо должны сосуществовать, либо одновременно исчезнуть. Поэтому неудивительно, что эта логическая позиция не была доведена до окончательного разрешения, и, хотя Гоббс и Локк, основные политические теоретики той эпохи, пытались анализировать отношения в семье, они придерживались аргументов общественной пользы и физического превосходства мужчин для оправдания подчиненного положения женщин. Мужчины считались независимыми и рациональными личностями, способными понимать и отстаивать собственные интересы. Женщины рассматривались в роли жен и матерей, как слабые существа, неспособные освободиться от проклятия Евы, потребности которых были неразрывно связаны с семьей и которые поэтому не имели самостоятельных политических прав.

Такая позиция на первый взгляд выглядит непоследовательной, что можно было бы устранить при более строгом применении вышеуказанного принципа. Однако некоторые современные теоретики предполагают, что, несмотря на универсалистские претензии, установки этих либеральных авторов тенденциозны по отношению к женщинам в самой своей сути. То есть считается, что они основаны на изначально мужских представлениях о человеческой природе, игнорирующих взаимозависимость людей, традиционно приписываемые женщинам черты, например заботу о ближних (Jaggar, 1983). Далее, утверждается, что вся либеральная теория основана на разделении общественного и частного, что означает исключение женщин из первой сферы и недооценку второй (Pateman, 1986a). Эта теория также увековечивает значимость рациональности, исключающей женщин, поскольку она определяет разум в терминах *преодоления женственности* (идентифицируемой с природой, специфичностью, биологией, страстью и эмоциями) (См.: Coole, 1988; Lloyd, 1984; Braidotti, 1986; Nye, 1990a). Это достаточно сложная система аргументации, и мы будем не раз обращаться к ней в этой книге. На данном этапе важно лишь отметить, что расширение рамок традиционной теории для

включения в нее женщин может оказаться более проблематичным, чем кажется на первый взгляд, и что концепции и предположения, сделанные теоретиками-мужчинами, могут оказаться не до конца адекватными, когда дело доходит до выражения потребностей и опыта женщин.

Однако не Гоббс и не Локк были вдохновителями первого поколения феминисток конца XVII в., а революция в философии, начало которой положил Декарт в более ранний период этого века. Согласно картезианству, все люди обладают разумом, и, следовательно, истинное знание, основанное на опыте и собственных наблюдениях, а не на изучении теорий, доступно любому. Традиционные авторитеты отвергаются в пользу рационального анализа и независимого мышления. Несмотря на высказанное суждение о том, что «даже женщины» способны рационально мыслить, Декарт подвергается упрекам в том, что неправомочно приписал разум своему полу (в основном потому, что усилил и формализовал разделение между разумом и телом) (См.: Lloyd, 1984). Тем не менее в то время его идеи воспринимались как просто освободительные и вдохновили многих феминистских авторов. Его концепция подразумевала, что *любой* авторитет может подвергаться сомнению и что отсутствие у женщин классического образования не исключает их из философии. Как сказала Мэри Эстелл, важны хорошие идеи, а не то, «что говорят о них всякие чудаки» (*Astell*. A Serious Proposal to the Ladies («Серьезное предложение дамам»). Цит. по: Fergusson, 1985, p.188. См. также: Perry, 1986; Kinnard, 1983; Smith, 1982; Rogers, 1982).

В работах Эстелл можно найти вытекающие из этого нового подхода в философии классические утверждения либерального феминизма о том, что мужчины и женщины обладают одинаковой способностью к разуму и, следовательно, должны иметь равный доступ к образованию, чтобы использовать эту способность: «Поскольку Бог наделил женщин, как и мужчин, разумной душой, почему им возбраняется пользоваться ею?» (*Astell*. A Serious Proposal to the Ladies. Цит. по: Fergusson, 1985, p. 188). Здесь она предвосхищает аргументацию Мэри Уоллстоункрафт и последующих авторов, утверждая, что, хотя женщины в современном ей обществе кажутся легкомысленными и неспособными к здравомыслию, это всего лишь результат неправильного воспитания, а не какой-либо природной ограниченности, что доказывает необходимость улучшения женского образования, а не его невозможность. Впрочем, несмотря на то, что Эстелл строила свои аргументы на либеральной идее рациональности, она не принимала либеральную идею политических прав. Подобно многим феминисткам XVII в., она была непоколебимой сторонницей тори и защитницей монархии. В этом смысле она скорее предпочла бы лишить мужчин полити-

ческих прав, нежели распространить их и на женщин. Действительно, логика ее консерватизма, похоже, приводила ее к очень нефеминистскому выводу. Соглашаясь с тем, что власть в государстве и в семье построены по одному принципу, она утверждала, что жена обязана повиноваться мужу как подданный своему государю, а когда женщина вступает в брак, она выбирает себе «пожизненного монарха» и, следовательно, обязана подчиниться его власти.

Труды Эстелл временами весьма ироничны, поэтому не все, что она говорит, следует принимать за чистую монету, тем не менее, ее консерватизм часто выглядит неподдельным. В его применении она более радикальна, чем кажется на первый взгляд, и во многом она вышла за рамки либерального феминизма в анализе взаимоотношений мужчин и женщин. Во-первых, она настаивала на том, что обязанность женщины подчиняться мужу не означает признание его превосходства. Более того, в ее работах просматривается плохо скрываемое неуважение к мужскому полу (например, она говорила, что мужчины не приспособлены к обучению детей, поскольку «наставления, сопровождаемые противоречащим примером, редко оказываются эффективными» (Цит. по: Kinnard, 1983). Во-вторых, она заявляла, что подчинение мужской власти *не может* распространяться на незамужних женщин, будь то «бедные девушки без отца», как она сама, или «вдовы, потерявшие своих хозяев» (*Astell.* Reflections Upon Marriage («Размышления о замужестве»). Цит. по: Fergusson, 1985, p. 195). Это означало, в-третьих, что образованная женщина должна отказаться от домашнего рабства, вследствие чего она советовала женщинам избегать брачного союза (попутно с иронией отмечая, что, если бы все последовали ее примеру, это «привело бы к концу человеческой расы» (Цит. по: Perry, 1986, p. 9). Далее делался вывод, что, в-четвертых, женщинам не следовало ограничиваться стремлением обзавестись мужем, и они могли бы сконцентрироваться на развитии собственного ума, а не привлекательности: «Не лучше ли утро, проведенное с книгой, чем с зеркалом?» (Цит. по: Perry, 1986, p. 92). И, наконец, в качестве практического средства освобождения женщин от замужества и зависимости от мужчин она предлагала создание женских сообществ типа светских монастырей. Там женщины могли бы жить и учиться вместе без мужчин, ощущая, что они «способны на большее, чем унизительное завоевание каких-то жалких сердец» (Цит. по: Perry, 1986, p. 102). Эта идея вызвала довольно большой интерес, но не могла получить достаточной финансовой поддержки не столько из-за ее феминистской направленности, сколько из-за опасной ассоциации с Римской католической церковью.

Таким образом, Эстелл была не просто одной из первых феминисток-просветительниц с неудачным пристрастием к консерватизму и неспособно-

стью принять женскую сексуальность. В ее работах можно обнаружить центральные идеи современного радикального феминизма: идею о том, что мужчина (либо как сексуальный хищник, либо как деспотичный муж) является естественным врагом женщины; идею о том, что женщина должна быть освобождена от обязанности угождать мужчине (что Перри рассматривает как раннюю форму «пробуждения сознания» (Perry, 1986, p. 103); веру в то, что этого можно добиться только в том случае, если женщины смогут жить отдельно от мужчин; и представление о том, что мужчина контролирует и определяет знание: «История написана ими, они пересказывают собственные великие открытия и делали это всегда» (Цит. по: Perry, 1986, p. 3). В этих идеях просматривается явный отказ от системы ценностей, в которой мужчина представлен как мера определения женского успеха: не случайно ее основная работа об образовании названа *«Серьезное предложение дамам ... от той, которая любит свой пол»* («A Serious Proposal to the Ladies... by a Lover of her Sex»).

В то время как Мэри Эстелл являлась наиболее радикальной и последовательной феминисткой своего времени, она не была, как уже говорилось, одинока в своих призывах. Это значит, что к началу XVIII в. уже широко установилось представление о женщинах как о социальной группе, чье положение в обществе нуждалось в улучшении, и именно это осознание женской групповой идентичности, как считает Смит, отделяет мыслителей того периода от их предшественников (Smith, 1982). Но чего мы у них *пока не* обнаруживаем, так это какого-либо выраженного протеста против социального и экономического положения женщин, против разделения труда по признаку пола. Мы также не находим никакой последовательной политической программы или требования, чтобы гражданские права мужчин распространились и на женщин. Придерживаясь преимущественно консервативной позиции с социальной и политической точек зрения, эти первые феминистки обращались почти исключительно к женщинам высшего и среднего класса, и не предпринимали попыток увязать ситуацию женщин с другими угнетенными группами в обществе. Они видели основной путь независимости женщин от мужчин в получении образования и упражнении разума, и лишь в третьей четверти XVIII в. феминизм стал ассоциироваться с более широкими требованиями перемен.

Эпоха Просвещения и ранний либеральный феминизм

Середина XVIII в. во многих отношениях выглядит как отказ от феминизма, поскольку доводы в пользу женской рациональности стали менее по-

пулярными, нежели убеждение в присущей им слабости и зависимости от мужчин. Идеи Эстелл и ее современниц приобрели дурную славу, и сами их имена были забыты. Однако, несмотря на отсутствие систематического анализа положения женщин, высказывались отдельные претензии по поводу женской судьбы, а вопрос об образовании и вовсе не был снят с повестки дня (Smith, 1982; Fergusson, 1985; Rogers, 1982; Spender, 1983a). Многие женщины продолжали писать и публиковать свои работы в этот период, и наиболее известными из них были члены группы «синий чулок» из «салона интеллектуалок». Хотя они недвусмысленно отрицали феминизм и соглашались с вторичной ролью женщин по отношению к мужчинам в литературном мире, само существование их как группы, участвующей в публичных дискуссиях и печатающейся начиная с 1750 г., можно рассматривать как подтверждение способностей женщин и их общественной роли. Женщины уже не были молчаливым большинством, их уже невозможно было исключить из обсуждения общественных проблем. Именно в этом контексте следует воспринимать идеи второй «волны» феминизма. Хотя *прямая связь* между ними и авторами времен Мэри Эстелл отсутствует, идеи современных феминисток не стали сенсацией нашей эпохи. Это полузабытое наследие внесло свой вклад и в быстрое развитие феминистских идей последней четверти XVIII в.

В этот период подчеркивание рациональности и проблематизация традиционной власти, начавшиеся, как мы видели, с философии XVII столетия, достигли своего расцвета. Это также было время, когда преобладал дух американской и французской революций, а философские дискуссии о значении свободы и человеческой рациональности материализовались в американской «Декларации независимости» (1776) и во французской «Декларации прав человека и гражданина» (1789). Объединяющим элементом для всех мыслителей этой так называемой «Эпохи Разума» или «Эпохи Просвещения» была оптимистическая вера в прогресс через поступательное развитие человеческого разума и познания. Разум сменил Бога и античность в качестве эталона правильного и неправильного, и не было института или власти, свободных от его критики. Невзирая на то, что многие из ведущих философов были, в сущности, социально и политически консервативны, не вызывает сомнения радикальное применение ими этих принципов. Они предоставили основу для либеральной веры в то, что разумные индивиды имеют права, которые не могут быть нарушены деспотической властью, что, следовательно, любая власть должна опираться на согласие подчиненных, а личность должна быть свободной от контроля государства и независимой настолько, насколько это возможно.

Эти постулаты, излагаемые всегда в терминах прав *человека,* могут на первый взгляд восприниматься как обобщающие и включающие женщин. Однако философы Просвещения и революционные лидеры обычно не просто упускали из виду тот факт, что эти принципы также распространяются на женщин, но даже отрицали саму эту возможность (См. Kennedy and Mendus, 1987, Introduction). Существовало на редкость всеобщее согласие по поводу того, что идеи рационального индивидуализма *не применимы* к женщинам, так как от природы женщины неспособны к полноценному развитию разума. Например, мы встречаем в работах Вольтера, Дидро, Монтескье и в особенности Руссо мысль о том, что женщины, по сути, творения эмоций и страстей, чья важнейшая роль — быть женами и матерями, и с точки зрения биологии они не могут участвовать в общественной деятельности (См.: Rendall, 1985; Shapiro, 1978; Kennedy and Mendus, 1987) [1].

Нельзя сказать, однако, что ничего не противостояло этому согласию в среде мыслителей, и к концу столетия было сделано несколько попыток показать их непоследовательность и продемонстрировать, что либеральные идеи Просвещения вполне применимы к женщинам наравне с мужчинами. Наиболее известной работой на эту тему считается «Vindication of the Rights of Woman» («Защита прав женщины» [2], 1792) Мэри Уоллстоункрафт (1759—1797), но ее слава не должна затмевать достижения других феминистских трудов того времени. Например, французский мыслитель Кондорсе утверждал, что женщины обладают разумом и, следовательно, должны получать образование и иметь те же политические права, что и мужчины, и отрицание этого есть недопустимая тирания. Хотя он и не предполагал, что женщины на самом деле будут широко участвовать в политике, но это, говорил он, не является обоснованием лишения их политических прав в принципе. Он утверждал, что в исключении женщин из политики на основании менструального цикла или беременности не больше логики, чем в отказе в политических пра-

[1] Ср.: *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. Под ред. К. Цеткин. М., 1929, с. 234: «Руссо и другие великие просветители стояли за ограничение поля деятельности женщин домашним очагом и материнскими обязанностями. А Вольтер, Дидро и другие были за свободную, равноправную деятельность женщины на всех поприщах общественной жизни. Своего же самого последовательного и блестящего теоретического защитника в эпоху Великой французской революции женское равноправие приобрело в лице знаменитого философа Кондорсе». — *От изд-ва.*

[2] Вариант Цеткин К.: «Требование прав женщине». См.: *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение, с. 284.

вах мужчине из-за того, что он болеет подагрой (Цит. по: Baker (ed., 1976); также см. Schapiro, 1978 и Vogel, 1986) [3]. Здесь мы видим прямую попытку возразить непоследовательности других авторов и утвердить универсальность применения либеральных принципов, в том числе и к женщинам [4]. «Феминизм был ... неотъемлемой частью полной концепции либерализма, которую с энтузиазмом отстаивал Кондорсе» (Schapiro, 1978). Немец фон Хиппель (von Hippel) также отрицал идею о том, что лишение женщин гражданских и политических прав может быть оправдано биологическими причинами. Он считал, что это мужчины сделали женщин такими, каковы они есть, и требовал, чтобы мужчинам и женщинам были даны равные права и образование для построения гражданского общества, а не для разделения половых ролей. Он пошел дальше других авторов своего времени, обвиняя мужчин за существующее положение женщин и отрицая идею о том, что традиционное разделение труда между полами можно обосновать наличием разума или природными различиями. Он доказывал, что именно просвещенные *мужчины* должны бороться за освобождение женщин, поскольку женщинам внушили, что они и неспособны к независимой политической деятельности (*von Hippel*. On the Civil Improvement of Women («Об улучшении гражданского положения женщин»), 1793).

Однако сами женщины тоже не молчали в это время, и их голоса, требовавшие равного положения с мужчинами, можно было услышать по обе стороны Атлантики. Так, в Америке Абигайль Адамс (Abigail Adams, 1744—1818) в 1776 г. в письме к своему мужу (ставшему впоследствии вторым президентом Соединенных Штатов) прибегла к языку, которым он пользовался, протестуя против английского господства. Она писала, что женщины также нуждаются в защите от тирании и «мы сами не станем подчиняться законам, в принятии которых мы не участвовали и которые мы не представляем». Ответ Джона

---

[3] *Condorce J.-A.* On the Admission of Women to the Right of Citizenship» («О предоставлении женщинам прав гражданства, 1790); *Кондорсе Ж.-А.* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. (франц. изд. 1795 г.) М.: Соцэкгиз, 1936. — *От изд-ва.*

[4] Ср.: *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. Под ред. К. Цеткин. М., 1929, с. 241: В своей книге «Lettres d'un bourgeois de New Haven a un citoyen de Virginie» («Письма гражданина из Новой Гавани», 1887) Кондорсе «требовал полного социального равноправия для женщины, и в частности политического равноправия ее с мужчиной... По мнению Кондорсе, выставленный революцией принцип равенства самым чувственным образом оскорбляется тем обстоятельством, что половина рода человеческого лишена права принимать участие в законодательстве». — *От изд-ва.*

Адамса: «по поводу твоего выдающегося свода законов я могу только посмеяться...» — мало повлиял на ее мнение о том, что «все мужчины стали бы тиранами, если бы могли» (Цит. по: Schneir, 1972 и Rossi, 1973). Другая переписка того времени позволяет считать, что подобные идеи часто обсуждались женщинами, принадлежащими к тому же классу, что и Адамс (Rendall, 1985, Ch.2; Spender, 1983a), а более систематический анализ был сделан Джудит Мюррей (Judith Murray, 1751—1820) (См.: Spender, 1983a; и Rossi, 1973).

Тем временем в Англии историк Кэтрин Маколей (Catherine Macaulay, 1731—1791) рассуждала сходным образом. В ее «Письмах об образовании» («Letters on Education», 1790) она настаивала на том, что различия между полами являются продуктом образования и окружающих условий, а не природы. Она выступала против того, как уродуются женские умы и тела в угоду мужчинам, и требовала, чтобы мальчикам и девочкам давали одинаковое образование — и в этом она пошла дальше некритичного принятия мужских ценностей, требуя, чтобы образование мальчиков также включало в себя обучение традиционным женским навыкам. Труд Маколей впоследствии затмили работы ее современницы Мэри Уоллстоункрафт. На какое-то время ее слава распространилась на два континента: она состояла в переписке с Джорджем Вашингтоном (Spender, 1983a, p. 127), и Абигайль Адамс просила своего корреспондента узнать о ней все возможное, так как «такая выдающаяся личность моего пола ... естественно возбуждает мое любопытство» (Spender, 1983a, p. 129). Какой бы ни была причина ее быстрого исчезновения из общественной памяти (неудобоваримый литературный стиль, оскорбленные чувства благовоспитанного общества из-за ее брака с мужчиной значительно моложе ее и неспособность мужчин-историков принять существование более чем одной феминистской писательницы одновременно — это возможные предположения (См. Spender, 1983a). Очевидно лишь, что в определенный период ее идеи активно обсуждались и предвосхищали многое из того, о чем писала Уоллстоункрафт, — факт, который последняя охотно признавала.

Конечно же наиболее выдающуюся роль в эту эпоху играли женщины Франции. Парижские женщины, требовавшие хлеба и вязавшие на спицах у подножия гильотины, убийство Марата Шарлоттой Корде стали легендой. Одновременно отдельные представительницы, такие как, например, умеренная республиканка мадам Ролан, включились в борьбу за политическую власть. Феминизм, как таковой, всегда был маргинален по отношению к революции. Однако требования улучшения женского образования были включены в первые петиции к Национальной Ассамблее (французский парламент), и вскоре более обширные темы о женских правах и женском представительстве нача-

ли горячо обсуждаться в брошюрах, радикальной прессе и в женских политических клубах, появившихся между 1789 и 1793 гг. Вместе с Кондорсе женщины заявляли, что принципы Просвещения применимы также и к ним и что политические права при-надлежат им так же, как и мужчинам. «Декларация прав женщины и гражданки» («Declaration of the Rights of Women», 1790) Олимпии де Гуж (Olympe de Gouges) (См.: Riemar и Fout, 1980) представляет собой самый яркий пример такого подхода [5] (См. также: Rendall, 1985; Spender, 1983a; Evans, 1977; Tomalin, 1974; Kelly, 1987). Однако по мере развития революции эти требования были забыты. В результате антифеминистской кампании были закрыты женские клубы, а самые известные писательницы и активистки заключены в тюрьму или убиты. Сквозь призму ее соб-

[5] *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. Под ред. К. Цеткин. М., 1929, сс. 244—245 (цитата из «Декларации прав женщины и гражданки» Олимпии де Гуж): «Женщина рождена свободною и по правам равною мужчине. Цель каждого благоустроенного общества есть защита неотъемлемых прав обоих полов: свободы, прогресса, безопасности и протеста против притеснения... Но на самом деле подобающие женщине по природе права до сих пор допускались лишь в тесных пределах. Нация, на которой основывается государство, состоит из общества мужчин и женщин, и законодательство должно быть выражением воли этого общества. Все гражданки должны точно так же, как и все граждане, лично или при посредстве избранных ими представителей принимать участие в самоуправлении. Оно должно быть для всех одинаково. Поэтому все гражданки и все граждане, соответственно своим способностям, должны быть допущены ко всем общественным местам, отличиям и должностям; только различие их добродетелей и талантов должно служить критерием при их выборе. Женщина имеет право взойти на эшафот, взойти на трибуну: ей следовало бы обладать обоими этими правами. Но права женщины должны служить общему благосостоянию, а не интересам пола.

Женщина, так же как мужчина, вносит свою часть в государственное имущество — она, как и он, имеет право требовать отчета об управлении им. Конституция не действительна, если выработана не большинством всех индивидуумов, из которых состоит нация. Пробудитесь, женщины!.. Светоч истины рассеял облака глупости и тирании; когда вы прозреете? Соединитесь и противопоставьте грубой физической силе силу разума и справедливости! И вы скоро увидите, что мужчины не будут уже больше лежать у ваших ног томящимися поклонниками, но, гордо подняв головы, будут делить с вами вечные права человека и будут идти с вами рука об руку».

См. также о «Декларации» с. 234: «Этот документ содержит в сжатом виде всю буржуазную теорию равноправия женщины. Эта теория коренится в философии естественного права. Она имеет дело с всеобщими человеческими правами, не касаясь социальных отношений». — *От изд-ва.*

ственной судьбы требование Олимпии де Гуж о том, что «если женщина имеет право всходить на эшафот, то тем самым она должна иметь право быть и на трибуне» [6], выглядит чудовищной иронией.

Однако, несмотря на то, что выражение феминистских требований имело короткую историю в период Французской революции, они повлияли на общественное сознание, что, в свою очередь, формировало массовую реакцию на феминизм в других странах: «Было такое чувство, что французы плохие, революция плохая, Французская революция привела к феминизму, следовательно, феминизм должен быть плох» (Rover, 1970, p. 13). Поэтому, если мы хотим понять реакцию на идеи Мэри Уоллстоункрафт в Англии, важно помнить, что либеральный феминизм может восприниматься в буквальном смысле как революционная идеология. Несмотря на неприятие ею экстремизма и насилия в революции, «воспринимаемая через дым Бастилии, Уоллстоункрафт представала амазонкой в окровавленных одеждах, священнослужительницей болтливой свободы» (Taylor, 1983, p. 11). Это означает, что, несмотря на то, что ее работа была менее оригинальной, чем думали ее поклонники и ярые критики, эффект был преувеличен самой эпохой — она писала свою книгу два года спустя после начала революции и делала это с силой и страстью, отражавших бурное время, в которое она жила.

«Защита прав женщины» [7] Мэри Уоллстоункрафт

Несмотря на репутацию книги, некоторые оценивали «Защита прав женщины» как «настоящий образовательный трактат» (Evans, 1977, p. 16), и, действительно, в какой-то мере в ней воспроизводились старые споры о природе женщин и их способности к рациональному мышлению. Уоллстоункрафт подробно обсуждает идеи философа Руссо, который в своем трактате «Эмиль, или О воспитании», посвященному идеальному воспитанию молодого человека приводит главу, описывающую совершенно отличающуюся систему образования «Софи», будущей жены Эмиля. Для Руссо природа и способности мужчин и женщин *не* были одинаковыми, и, по его мнению, эти биологически обусловленные различия в целом определяли их роли

Жан-Жак Руссо

[6] *Там же*, с. 234.

[7] Перевод названия дается по кн.: *Миловидова Э.* Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. Под ред. К. Цеткин. М., 1929

в обществе, где мужчины становились гражданами, а женщины — женами и матерями. Это означало, что образование мальчиков и девочек должно соответствовать их естественным различиям в способностях и устремлениях — «на самом деле почти все маленькие девочки неохотно учатся читать и писать; но что касается уменья держать иголку, то этому они учатся всегда с охотой» [8], — и культивировать добродетели, необходимые во взрослой жизни. Мальчикам следовало получать навыки разумного гражданина, девочкам — уроки по удовлетворению желаний мужчины и воспитанию его детей. Демократический радикализм Руссо выделял его из ряда других философов Просвещения, и, отчасти потому, что Уоллстоункрафт разделяла его приверженность к свободе и справедливости, она была так разгневана его взглядами на женщин. Именно радикализм политических взглядов Руссо пробудил ее революционный пыл в отстаивании одинакового образования для девочек и мальчиков.

Разногласия Уоллстоункрафт с Руссо сосредоточились на четырех моментах. Во-первых, как и более ранние феминистки, она не соглашалась с тем, что женщины менее способны к рациональному мышлению или что суетность, слабость и фривольность являлись естественными атрибутами женского пола («Вероятно, у меня было больше возможностей наблюдать девочек в детстве, чем у Ж.-Ж. Руссо» (*Wollstonecraft.* Vindication..., p. 129). В выражениях, часто напоминающих стиль Эстелл (о которой она, возможно, никогда не слышала), она постоянно корила бездумное тщеславие женщин высшего класса, но, как и Эстелл, считала эти проявления «женственности» социальным конструктом, который скорее искажал, нежели отражал реальные способности женщин. Во-вторых, Уоллстоункрафт считала, что, если мужчины и женщины обладают одинаковой способностью к мышлению, они должны получать одинаковые навыки к его использованию: женщина *не* «создана специально для того, чтобы нравиться мужчине» [9], а является независимой личностью, которая не только способна, но и имеет право на образование. Эти аргументы, как мы видели, уже выдвигались ее предшественницами, но Уоллстоункрафт пошла дальше в своем третьем пункте несогласия с Руссо. Поскольку человеческая сущность мужчин и женщин основана на их равноценной Богом данной способности к разуму, то и их *добродетели* должны быть одинаковыми — то есть должны базироваться на разуме и выбираться по своей воле. Это значит, что для Уоллстоункрафт добродетель хорошей жены и матери не могла рассматриваться как «естественная» или как навязанное мужчиной неведение, замас-

[8] *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. СПб., 1913. Кн. V. Софи, или Женщина, с. 367.
[9] *Там же,* с. 357.

кированное под невинность. Она горячо утверждала, что женщина, обученная пассивному подчинению своему мужу, никогда не сможет правильно воспитывать детей. Женщины должны получать образование и знания, чтобы иметь возможность делать разумный выбор, поскольку только в этом случае имеет смысл говорить об их ценных качествах.

Мысль о том, что женщины должна действовать по своему свободному выбору, действительно радикальна и дает новое направление дискуссии о предписанности социальных ролей и сопутствующих им правах и обязанностях. И именно в этом, последнем, четвертом, положении Уоллстоункрафт и ее современницы отличаются от более ранних феминисток, так как идея о равной *ценности* неизбежно приводит к идее равных *прав*. Во времена Эстелл вера в женский разум сочеталась с политическим консерватизмом, но теперь она была увязана с политическим либерализмом. Были сформулированы принципы, которые привели к последующим суфражистским кампаниям и борьбе за юридические права и, в конечном итоге, к требованиям равноправного участия женщин с мужчинами в политике и сфере оплачиваемого труда.

Однако систематическое выражение этих требований все еще оставалось в будущем, и Уоллстоункрафт была гораздо больше озадачена утверждением принципов, нежели разработкой детальной программы. Она писала в то время, когда, несмотря на то, что индустриализация открывала новые сферы занятости, женщины имели возможность работать лишь за низкую плату и в ужасающих условиях. Одновременно в среде среднего класса усилилась экономическая зависимость женщин от мужчин и происходил постепенный разрыв между домашней и общественной сферами. Как и в эпоху Эстелл, перспективы найти работу для женщин среднего класса почти отсутствовали (собственный опыт Уоллстоункрафт показывает, насколько унизительны были единственно доступные варианты заработка в качестве учительницы, компаньонки или гувернантки). Жена все чаще рассматривалась как чисто декоративный символ успешности мужа, а не как его партнер. Эта зависимость была сформулирована в знаменитом указе Блэкстоуна о том, что в браке «любое юридическое положение жены приостанавливается ... либо, по меньшей мере, оформляется и закрепляется за положением супруга» (цит. по: Kramnick, 1978, p. 34). Именно в этом контексте Уоллстоункрафт требовала, чтобы женщине было предоставлено независимое право на образование, оплачиваемый труд, собственность и защиту закона. Она утверждала, что это необходимо, чтобы обеспечить условия, при которых женщина не будет вынуждена вступать в брак из экономической необходимости, и жены не будут полностью зависимы от доброй воли

своих мужей [10]. Следовательно, женщинам нужны были юридические права, чтобы иметь возможность свободного разумного выбора и достижения добродетели. Женщина, вынужденная исполнять традиционную женскую роль по принуждению, будет делать это плохо, но, если бы мужчины могли

«разомкнуть наши цепи и согласиться с разумным товариществом вместо рабского подчинения, они увидели бы в нас более внимательных дочерей, более любящих сестер, более верных жен, более рассудительных матерей, а в обществе — лучших граждан» (*Vindication*..., р. 263).

Как указывает вышеприведенная цитата, Уоллстоункрафт не считала, что образование и свобода выбора приведут к отказу большинства женщин от их традиционной роли, но доказывала, что это позволит женщинам лучше исполнять эти роли. Она не соглашалась с жестким разделением общественной и частной сфер, что постоянно фигурирует в либеральной философии (причем первая сфера считается более значимой, чем вторая). Напротив, она стремилась к *переоценке* женских домашних обязанностей (Thornton, 1986, р. 88), показывая, что домашние дела, исполняемые надлежащим образом, являются формой выражения разумного гражданства, то есть их следует рассматривать как общественные обязанности, а не как источник личного удовлетворения или страдания (Vogel, 1986).

Сформулированная ею проблема заключается в том, что в обществе, где домашние обязанности не оплачиваются, остается и экономическая зависимость женщины от мужа. Уоллстоункрафт понимала эту опасность, но не до конца видела ее подтекст. Точно так же ее утверждение, что материнство является формой гражданства, не решает проблемы мужской монополии на политическую и юридическую власть, которая оставляет женщин зависимыми от доброй воли мужчин «разомкнуть их цепи». Она вкратце говорит о том, что женщины должны иметь представительство в государственной власти (Vindication..., р. 260), но это не является центральной темой. И, хотя она доказывала, что женщины должны иметь свободу выбора профессии или карьеры в общественной жизни, при этом никогда не подразумевалось, что отдельные преуспевающие женщины могут использовать свою власть на пользу всех представительниц своего пола.

Еще одна значительная проблема кроется в некритичном принятии Уоллстоункрафт и другими либеральными феминистками концепции разума [11],

[10] *Миловидова Э.* Женский вопрос..., с. 246 (цитата из Уоллстоункрафт М.): «Недопустимо, чтобы женщина проституировала себя на улице или в супружестве под влиянием гнетущей нужды». — *От изд-ва.*

[11] *Там же,* с. 247: «Из рабынь в политическом и гражданском смысле этого

который как предполагалось, должен быть свободен от влияния страстей и эмоций — качеств, традиционно ассоциируемых с женщиной. Для Руссо, в частности, власть разума могла быть достигнута посредством исключения объектов страсти — женщин — из общественной жизни. Некоторые современные феминистки считают, что это исключение не является попросту неудачным продуктом собственных предрассудков Руссо, что могло бы игнорироваться современными теоретиками, но что это исключение есть основа всей его теории. Они доказывают, что заточение женщин в стенах дома отражает предпосылку его концепции разумного гражданства. Он предполагал не только исключение страсти из общественной жизни, но и сохранение и выражение ее только в рамках семьи. С этой точки зрения, если женщины вступят в политическую жизнь, они не только разрушат ее, но и уничтожат ее домашние основы (Coole, 1988; Canovan, 1987). Также предполагается, что подчеркивание универсальных рациональных принципов исключает возможность существования других форм познания, традиционно ассоциируемых с женщинами, таких, как интуиция, воображение, эмоции и личный опыт, и что такой подход «выдает маскулинную тенденциозность за универсальный способ формирования теории» (Braidotti, 1986, p. 48).

Убеждение Уоллстоункрафт в том, что разум является основой гражданства и что необходим контроль над любовью и страстью, создавало для нее проблемы и в личной жизни. Хотя она и признавала существование женской сексуальности, но одновременно настаивала на том, что, так же как и любовь, страсть должна подчиняться разуму, а брак и материнство следует основывать на разумном выборе и долге: «В выборе мужа женщины не должны отвлекаться на качества возлюбленного» (Vindication..., p. 224). Поэтому в публикациях она нередко выглядела как «суровая моралистка» (Brody, 1983) с очень циничными взглядами на брак. На собственном опыте, однако, она поняла, что такие наставления не реализуемы, и многие современные феминистки, чье сердце отказывается подчиняться диктату логики и политической корректности, будут сопереживать ее неудачным любовным связям и конфликтам между любовью и разумом, отраженных в ее частной переписке (Walters, 1979). Ирония судьбы состоит в том, что именно публикация этой переписки ее мужем Годвином вскоре после ее смерти при родах дискреди-

слова «женщин надо превратить в разумных, свободных граждан. Пусть женщину, подобно мужчине, приобщат ко всем благам воспитания и к управлению страной, тогда будет видно, насколько женщины станут умнее и лучше по мере своего освобождения» (Первая публикация в приложении «Избирательное право женщин» к журналу «Равенство» (ред. Цеткин К.), 1913, пер. с нем.). — *От изд-ва.*

тировала ее идеи для последующих поколений женщин: ассоциация феминизма с «аморальностью» позволила успешно вычеркнуть ее наследие из обсуждения в «респектабельном» обществе.

Таким образом, задачи, стоящие перед либеральными феминистками, гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. К этим проблемам мы еще вернемся в последующих главах, но уже в первых феминистских трудах можно видеть, что постоянное применение предположительно универсальных принципов может проблематизировать сами эти принципы и что идеи индивидуализма, общественного и частного, а также главенство разума могут рассматриваться по-другому с женских позиций.

Другое направление современной критики состоит в том, что либеральные феминистки не смогли увидеть иные формы угнетения, кроме как по признаку пола, а также увязать положение женщин с социальной ситуацией в целом. В особенности их упрекают в классовой слепоте и в том, что их интересовало только положение женщин среднего класса. Так, о Мэри Уоллстоункрафт было сказано, что, по сути, «ее феминизм представлял требование равенства с мужчиной-буржуа» (Walters, 1979, p. 320), и, разумеется, ее работа «Защита прав женщины» адресована женщинам среднего класса. Она предполагала, что наличие прислуги необходимо для того, чтобы домашний труд не являлся бездумной рутиной. Впрочем, ее наиболее известной работе предшествовала работа «Защита прав человека», в которой она отстаивала равноправие как свободу от иерархий и привилегий и критиковала наследование и собственность в качестве причин бедности и унижений для трудящихся людей. Ее последний роман «Заблуждения женщины: или Мария» («The Wrongs of Woman: or Maria»), опубликованный посмертно в 1798 г., описывает не только трудное положение героини из среднего класса, но и служанки, вынужденной заняться проституцией. Таким образом, мы можем найти в ее работах понимание социальных проблем, если заглянем дальше, чем на страницах «Защиты прав женщины». Было бы преувеличением называть Уоллстоункрафт социалисткой, ее идеи об экономике скорее скрыты, нежели систематически изложены, хотя в ее трудах постоянно утверждается, что разумное общественное устройство несовместимо с высоким уровнем неравенства. «Из почтения к собственности проистекает, как из отравленного источника, большая часть зла и пороков, которые делают этот мир безотрадным местом для созерцательного ума» (Vindication..., p. 252), и «чем больше равенства среди людей, тем больше добродетели и счастья воцарится в обществе» (Vindication..., p. 96). Таким образом, она пошла дальше идеи равных прав собственности, обычно ассоциируемой с либерализмом. На ее при-

мере мы видим интересную связь с идеями социалистов-утопистов, к которым мы сейчас и обратимся, — именно о ней один из них Роберт Оуэн сказал, что он «никогда не встречал человека, который думал бы точно так же, как он сам» (Цит. по: Rauschenbusch-Clough, 1898, p. 188).

Социалисты-утописты и феминизм

Термин «социалист-утопист» был использован Марксом и Энгельсом для характеристики тех, кто верил в то, что конкурентное капиталистическое общество следует заменить более равноправно организованным обществом сотрудничества и разума и что этого можно достичь, продемонстрировав обоснованность и привлекательность реформ: убеждение силой примера, а не классовый конфликт и революция были для них средством социальных перемен. Наиболее известными из этих ранних социалистов были французы Сен-Симон (1760—1825) и Фурье (1772—1837) и британец Роберт Оуэн (1772—1837). Они не представляли объединенную группу, и некоторые из их идей были эксцентричны до крайности. Однако социалисты-утописты оказали значительное влияние на более поздних мыслителей и в отличие от многих последователей-социалистов рассматривали отношения между полами и в семье как ключевые проблемы — изменения в этой области не считались просто побочными продуктами социальных изменений или классовой борьбы, но сами по себе выступали предпосылками для трансформации общества. Феминистские аспекты их теории были развиты их последователями и привлекли широкое внимание как в Англии, так и в Америке. В прессе и в общественных кругах велись активные обсуждения, организовывались лекционные турне с участием выдающихся феминисток (См.: Eckhardt, 1984; Taylor, 1983). В многочисленных, но недолговечных социалистических коммунах, возникших в результате движения, роль женщин была одной из главных обсуждаемых тем (Muncy, 1973). А появившаяся на свет в 1825 г. работа Уильяма Томпсона (William Thompson) «Призыв к защите интересов женщин» («Appeal on Behalf of Women») (идеи которой он приписывал своей подруге Анне Уилер (Anna Wheeler) остается по-прежнему выдающимся вкладом в феминистскую теорию.

В этом контексте идеи Уоллстоункрафт и других либеральных феминисток являлись всего лишь стартовой позицией. Хотя социалистический феминизм никогда не был последовательным движением, в его рамках возникло несколько ключевых тем. В первую очередь, предполагалось, что равноправия полов нельзя достичь в существующей общественной системе, а только в радикально измененном обществе, в котором частная собственность должна

быть уничтожена или существенно изменена и в котором женщины обретут экономическую и правовую независимость. Во-вторых, активной критике подвергалось традиционное разделение труда между полами: не только женщинам должна быть предоставлена возможность участия в общественном производстве, но и мужчины должны разделять обязанности по дому. В-третьих, широко обсуждались проблемы семьи как института, она рассматривалась как источник мужской власти, бастион эгоистического индивидуализма, несовместимого с социалистической кооперацией, и как принудительное ограничение свободы выбора. Из этого следовала, как подчеркивали некоторые, в-четвертых, важность свободы выражения сексуальности, и они же утверждали, что «свободная любовь» является необходимой основой свободного общества. Все это означало, что либеральные требования равноправия были помещены в социально-экономический контекст, который Уоллстоункрафт упоминала лишь мимоходом. Было показано, что отношения власти в семье существуют точно так же, как и в общественной сфере. Кроме того, современные авторы увидели в новом взгляде на сексуальность символический вызов дуализму западной политической мысли — развитие разума и добродетелей уже не связывалось с отказом от страсти, но скорее, наоборот, с ее наиболее полным выражением (Coole, 1988).

Однако попытки реализовать эти идеи на практике имели мало успеха. Веря в разум и человеческое совершенство, лидеры этого движения во многом оставались детьми Просвещения. Они предполагали, что с помощью образования и на личном примере можно доказать моральное и практическое превосходство их системы. Считалось также, что можно выявить такие черты капитализма, которые станут очевидной причиной для последующей трансформации общества. Однако не удивительно, что такие причины не так уж часто появлялись. Хотя Оуэн считал, что продемонстрировал на примере своей показательной фабрики в Ланарке в Шотландии (где улучшенные условия труда, медицинское обслуживание и жилищные условия обеспечивали не только здоровую рабочую силу, но и высокие доходы), что добрая воля может быть совместима с капиталистическими интересами, ему, однако, не удалось убедить других капиталистов в том, что такая система надежна для инвестиций, их также отпугивали радикальные взгляды Оуэна на религию и семью. Сам Оуэн стал свидетелем создания социалистических коммун как ускоренного способа возрождения общества. Смысл их, как и коммун, вдохновленных Фурье, заключался не в «изоляции» от существующего общества, но в его изменении на основании примера. На практике, однако, коммуны вызвали больше опасений, нежели энтузиазма.

Америка XIX в., похоже, предоставляла идеальную возможность для подобных экспериментов, и Эмерсон писал в 1840 г., что «даже не читающий человек носит в кармане план новой коммуны» (Цит. по: Muncy, 1973, p. 5). Из примерно пятисот светских и религиозных коммун, созданных в то время, около 50 были вдохновлены Фурье и 16 — Оуэном (из которых самой знаменитой была коммуна «Новая Гармония», основанная самим Оуэном в 1825 г.). В Англии между 1821 и 1845 гг. было организовано, по меньшей мере, 7 коммун по принципу Оуэна (Lockwood, 1971; Harrison, 1969; Hardy, 1979; Garnett, 1972). Однако ни одна из социалистических коммун не просуществовала более нескольких лет. Оптимизм и идеализм не компенсировали недостаток практических навыков и финансовых ресурсов, кроме того, они привлекали к себе всякого рода оппортунистов и неудачников и были раздираемы личными противоречиями и политическими разногласиями. Отношение к женщинам и семье, вероятно, также сыграло решающую роль.

Для Оуэна частная собственность, религия и брак представляли собой нечто вроде порочной и неразделимой троицы, каждая часть которой была злом сама по себе, каждая поддерживала две остальные составляющие, и, следовательно, ни одна из них не могла быть уничтожена по отдельности. Таким образом, для того, чтобы замужняя женщина не считалась собственностью мужа, было необходимо отказаться не только от брака, но и от частной собственности [12]. Для уничтожения частной собственности было необходимо устранить источник индивидуализма и эгоистического удовольствия — семью. Чтобы достичь этого, необходимо было разрушить цементирующую силу, которая держала и скрепляла их вместе, — религию. Тем не менее, несмотря на то, что все три института логически сочетались в теории, Оуэн обнаружил, что не в силах упразднить семью на практике: большинство из тех, кто присоединялись к коммунам предпочитали жить парами, общественное воспитание детей и отделение их от семьи было весьма непопулярно, и боязнь скандала заставила его отказаться от критики семьи (хотя, в сущности, Оуэн никогда не выступал за промискуитет; он ратовал за стабильные взаимоотношения, основанные на взаимном согласии, но не на юридических ограничениях). Необходимость в подобной осторожности была продемонстрирована высоким уровнем общественной неприязни к организованной Фрэнсис Райт (Frances Wright) в 1852 г. коммуне Оуэна в Нашобе, главной

[12] См.: *Миловидова Э.* Женский вопрос..., с. 260 (цитата из Р. Оуэна): «Как будто целомудрие женщины можно обеспечить лишь законным крепостничеством ее в браке! С гораздо большим правом можно утверждать, что ее целомудрие нельзя обеспечить без устранения этого крепостничества». — *От изд-ва.*

целью которой была реабилитация бывших черных рабов (Eckhardt, 1984). Неортодоксальные взгляды Райт на брак («она отстаивала право на сексуальный опыт до такой степени, какую не позволял себе никто в Америке XIX в.» (Eckhardt, 1984, с. 156) спровоцировали широкое осуждение и, как следствие, лишили коммуну всяких шансов на привлечение финансовой поддержки из «респектабельных источников». Идеи Фурье об освобождающем влиянии чувственности не были приняты по тем же причинам. Он пропагандировал крайнюю сексуальную терпимость и как средство разрушения этики индивидуализма и собственничества, и потому, что считал подавление сексуалльности вредным и несовместимым с идеей гармоничного общества. Очевидно, что его идеи легко могли быть использованы как повод для сексуальной эксплуатации, но на практике члены коммун Фурье широко игнорировали этот аспект его теории и демонстрировали весьма консервативное отношение к институту семьи (Muncy, 1973, с. 70). Отсюда следует, что, несмотря на то, что несостоятельность коммун часто приводится как доказательство неадекватности теорий утопических социалистов, их концепция семьи никогда не была проверена на практике.

Точно так же как в вопросах семьи и сексуальности, проблема разделения труда в социалистической теории так и не нашла выражения в опыте существования коммунн. Здесь взгляды Фурье также характеризовались особой радикальностью, поскольку он агитировал за полный отказ от специализации и разделения труда. Он считал, что труд может быть творческим и приносить удовлетворение только при условии свободного выбора и что идеальное сообщество должно быть организовано так, что каждый индивид может свободно менять одно занятие на другое. Он, по всей видимости, считал, что некоторые сферы занятости будут, естественно, более привлекательными для женщин, и утверждал, что они должны заботиться о детях, но также настаивал, что в любом роде занятий должны участвовать люди того пола, кому этот труд был обычно несвойствен (Robertson, 1982). Это значило, что ни мужчины, ни женщины не должны выполнять одну и ту же работу в течение всей своей жизни и что домашние обязанности, как и любая другая работа, станут свободно выраженным творчеством, а не отупляющей рутиной. На практике, однако, детально разработанные теории Фурье никогда не находили систематического применения, и, несмотря на заявления мужчин об обратном, оказалось, что ответственность за домашние обязанности осталась полностью на плечах женщин во всех существовавших коммунах. В этом смысле, возможно, не удивительно, что женщины демонстрировали значительно меньший энтузиазм в поддержке утопических идей, чем мужчины, что обычно трактовалось как их политическая отсталость. Однако, как возражала Барбара Тейлор, это

«не столько относилось к потребности иметь собственную мойку, сколько ко вполне оправданному опасению погрязнуть в тяготах жизни, контроль над которой для них был весьма ограничен, и одновременно нести на своих плечах основную тяжесть утопической непрактичности» (Taylor, 1983, с. 250).

Тем не менее, как указано в начале этой главы, влияние утопического социализма и его значение для феминистской теории не ограничивается опытом коммун, но непосредственно связано с возрождением интереса к феминистским проблемам в 30-х и 40-х гг. XIX в., которое, хотя и было кратковременным, носило международный характер. Так, например, Фрэнсис Райт имела контакты в Англии, Франции и Америке, в то же время существовало немало прямых связей с последователями Оуэна в Англии и французскими феминистками, вдохновленными идеями Сен-Симона и Фурье. Плюс ко всему, после того как предшествующее поколение феминисток совершило прорыв в области печатного слова, такие женщины, как Фрэнсис Райт, Анна Уилер и Фрэнсис Моррисон (Frances Morrison), начали отстаивать свои позиции в публичных выступлениях и привлекали немало слушателей на своих лекциях и митингах (Taylor, 1983).

Однако энтузиазм в поддержку феминистских идей отнюдь не носил универсальный характер в среде социалистов, особенно в Англии, где теория Оуэна к 30-м гг. XIX в. получила значительную поддержку в рядах рабочего класса, тесно связанного с кооперативным и профсоюзным движениями. Движение последователей Оуэна так и не стало массовым явлением такого уровня, как, например, чартистская кампания за избирательное право, достигшая своего пика примерно в то же время. Феминистская направленность его последователей становилась проблематичной для сторонников из рабочей среды, где как раз в это время набирала популярность идея о семье, в которой муж является добытчиком, а жена — домохозяйкой. В начале века женщины были широко вовлечены в демонстрации голодающих и забастовки, но с возрастанием конкуренции между полами на рынке труда их постепенно стали вытеснять из профсоюзной деятельности, и, хотя они играли активную роль как в чартистских, так и оуэновских организациях, особенно у истоков этих движений, чаще всего эта деятельность была направлена в поддержку мужской инициативы и, как правило, не имела феминистской направленности. К 50-м гг. XIX в. политическое участие женщин рабочего класса резко снизилось и усилилось активное неприятие феминизма (Florent, 1988).

Тем не менее в течение короткого периода социализм и феминизм были объединены не только друг с другом, но и общей идеей о том, что только через изменение личности можно достичь более общих политических и социо-экономических изменений, и что подобный личностный рост будет ус-

пешным только в контексте более широких социальных изменений, а, следовательно, личное, политическое и социо-экономическое неразрывно связаны друг с другом. Будучи неявно выраженными во всех социалистических утопических теориях, особенно у Оуэна, эти взаимосвязи получили наиболее четкое выражение в работах Уильяма Томпсона (1775—1844), главного последователя Оуэна, экономиста, придававшего феминизму особое значение, отсутствующее в работах других теоретиков, чей наиболее конкретный анализ положения женщин можно обнаружить в великолепно озаглавленной работе «Appeal of One Half of the Human Race, Women, Against the Pretensions of the other Half, Men, to Retain Them in Political and Thence Civil and Domestic Slavery» («Воззвание одной половины человечества, женщин, против претензий другой половины, мужчин, на удержание их в политическом, а следовательно, гражданском и домашнем рабстве»), написанной им в тесном сотрудничестве с Анной Уилер, ведущей социалисткой-феминисткой.

«Воззвание в защиту женщин» Уильяма Томпсона

Формально эта работа явилась ответом на «Article on Government» («Статью об управлении») Джеймса Милля (опубликована в 1824 г.), в которой Милль заявлял, что, поскольку интересы женщин неразделимы с интересами их мужей или отцов, они не нуждаются в самостоятельном политическом представительстве. В работе высмеивалась логика Милля и горячо утверждалась либеральную идею равноправия. В этом Томпсон пошел дальше скромных идей Уоллстоункрафт о представительстве, настаивая на том, что женщины заслуживают полноценных политических прав, включая парламентское представительство и участие в делах государства. Их интеллектуальные способности, утверждал он, по меньшей мере, равны мужским, а биологические различия никогда не могут служить аргументом против политических прав. В настоящее время «закон возвел физическое устройство в преступление» (*Thompson*. Appeal.., p. 171), но проявления особенностей женской биологии создают значительно меньше проблем, чем те, которые вызваны крайностью взглядов законодателей-мужчин:

> «можно ли вообразить, что законодательная власть, переданная только в женские руки, произвела бы на свет безобразия и несчастья, подобные тем, которые разорили нашу планету посредством исключительно мужского законодательства» (*Thompson*. Appeal.., p. 131).

Томпсон, однако, не был просто либеральным феминистом. Требуя равных прав, он одновременно утверждал, что они могут иметь значение только тогда, когда общественная собственность и кооперация сменят частную соб-

ственность и конкуренцию в качестве базиса общественного устройства. До тех пор, заявлял он, женщины могут по-прежнему оставаться в невыгодном положении, поскольку формальное равенство не учитывает различия жизненных условий (таких, например, как ответственность за воспитание детей), поэтому мужчины будут на практике более успешны, чем женщины, и «превосходство в производстве и накоплении личного богатства всегда будет нашептывать в мужское ухо нелепые идеи о большей его важности по отношению к женщине» (*Thompson*. Appeal.., p. 198). Таким образом, экономическая независимость означала для Томпсона гораздо больше, чем требование Уоллстоункрафт обеспечить женщинам право на профессиональную деятельность, так как включала в себя еще и требование независимости жены от мужа. Этого, как он считал, можно было бы достигнуть в обществе сотрудничества, в котором женский вклад получит признание в полной мере и где у мужчин не будет оснований прибегать к несправедливости, а у женщин — подчиняться ей, ибо именно без извращающего влияния собственности и собственничества мужчины и женщины могут относиться друг к другу как равные.

Однако, несмотря на то, что угнетение женщин рассматривалось им как продукт капитализма, усиленное неравноправными законами, он также видел основу его в мужском эгоизме:

«Какой бы ни была система производства ... или система правления ... в любых превратностях МУЖСКОГО положения, он всегда предпочитал иметь женщину своей рабыней» (*Thompson*. Appeal.., p. 196).

Таким образом, он пришел к анализу тех способов, к которым прибегали мужчины для закабаления женщин, весьма близкому к радикальному феминистскому осмыслению патриархата и угнетения в личных взаимоотношениях. Так, например, он утверждал, что муж (мужчина, «который предоставил женщине высокую честь быть его безвольной машиной для размножения и домашней рабой») не только использует легальное и физическое принуждение для порабощения своей жены, но и настаивает на контролировании ее сознания, требуя ее любви, как и покорности, «востребуя от ее заученного раболепия имитации *добровольного* подчинения». Он считал семью средством мужского доминирования, где женщины «изолированы и лишены осмысленного существования вместе со своими детьми, очагом и процессом приготовления пищи» и низведены своими деспотичными мужьями «до состояния тупости и апатии, не дающего им возможности испытать большее счастье, чем у дикаря» (*Thompson*. Appeal.., pp. 63, 66, 180 и 70).

Эти рассуждения — сильная позиция, и они предлагают нам анализ власти в личных и семейных отношениях, совершенно отсутствующий в идеале

«домашнего гражданина» Уоллстоункрафт. Тем не менее они не сподвигли Томпсона на осуждение собственного пола в далеко идущей перспективе или на отстаивание тех видов сепаратизма, которые предлагают некоторые современные радикальные феминистки (как и Мэри Эстелл, см. выше). Скорее, он верил в то, что истинные интересы обоих полов могут совпасть, поскольку, когда женщины станут свободными, тогда мужчины осознают радость равноправного партнерства, превосходящую радость деспотизма. В более широком масштабе, прекращение отношений зависимости и подчинения в личной жизни сделает возможным существование нового, более высокого общественного порядка, и

«Как несвобода женщины привязала мужчину к невежеству и порокам деспотизма, так ее освобождение вознаградит его знанием, свободой и счастьем» (*Thompson*. Appeal.., p. 213).

Это заключение совмещает в себе либеральный, социалистический и радикальный анализ, поскольку демонстрирует взаимосвязанность политической, экономической и личной власти, и в этом смысле оно имеет много общего с современным социалистическим феминистским анализом. Оно также нередко имеет поразительное сходство с идеями, высказанными Джоном Стюартом Миллем (сыном Джеймса Милля) в его знаменитой работе «Подчиненность женщины» [13], написанной 24 года спустя. Томпсон базируется на философии утилитаризма, которая обычно ассоциируется с либеральной теорией, которой Томпсон пользуется постоянно в процессе своих рассуждений. Влияние этой теории будет рассматриваться в следующей главе, но здесь нам важно подчеркнуть, что использование Томпсоном утилитаристской теории позволяет считать, что либеральные концепции могут быть более гибкими, чем считали некоторые феминистки, и вполне совместимыми с другими подходами.

Утопические социалисты не смогли достичь своих целей, и их, как правило, принято считать эксцентричным дополнением к исторической науке. Однако их идеи представляют важную, хотя и мимолетную взаимосвязь либеральных, социалистических и феминистских идеалов, которые бросили вызов разделению частного и общественного и увидели взаимосвязь между правовым, экономическим и личным подчинением. В последующие 150 лет либеральные кампании за политические и юридические права в основном отмежевались от социалистической программы классовой борьбы, так же как

[13] Цитаты даны по изд.: *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины. СПб. Издание книгопродавца С. В. Звонарева, 1869 г. Пер. Ник. Михайловского. — *От изд-ва.*

идея личного подчинения нередко исчезала с повестки дня. Только в работах некоторых современных феминисток эти отдельные течения сближаются заново.

Глава 2. ЛИБЕРАЛИЗМ: ВЕДУЩЕЕ ФЕМИНИСТСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ XIX ВЕКА

В течение XIX в. ранние феминистские требования все больше трансформировались в политические акции, вдохновляя движение за образовательную, правовую и политическую реформу и дойдя до кульминации в массовых кампаниях за право голоса. Тем не менее политический феминизм того времени не являлся простым перенесением либеральных принципов на проблемы женщин. Поскольку он был также подвержен серьезному влиянию евангелического христианского движения за реформу общественной морали. Это движение не только вовлекало женщин в прямую политическую деятельность, но и оправдывало феминистские требования, базирующиеся на весьма нелиберальной идее *различия* между полами. Смысл этой идеи заключался в том, что основой данного различия являлось исходное моральное превосходство женщин, и что специфические качества женщин должны влиять на общественную мораль. Это означало, что очевидные либеральные требования юридического и политического равноправия нередко базировались на весьма нелиберальных теоретических предпосылках.

Феминизм XIX столетия также во многих отношениях был значительно радикальнее, чем принято считать. Феминистские авторы того времени, рассматриваемые в данной главе, были несомненными «реформист(к)ами», поскольку не отрицали существующие законы, но, скорее, желали расширить правовую защиту женщин и обеспечить им равные права. Они также не подвергали систематической критике существовавшую социоэкономическую систему и отношения в браке и семье. Тем не менее их представление о женщинах как об отдельной группе с общим опытом и интересами нередко приводило их к выводу, что женщины представляют собой класс, чьи интересы не только отличаются, но и противоположны интересам мужчин. Этому убеждению нередко сопутствовали примеры женской солидарности и дружбы, предварявшие идеи «сестринства», возникшие в XX в., а также вера в то, что изменения в общественной сфере могут быть успешными только в случае соответствующих изменений в частной сфере, включая сексуальные взаимоотношения. Это не означает, что в тот период существовала развитая теория патриархата. Тем не менее, при более близком рассмотрении дискуссий того времени можно убедиться, что они в гораздо большей степени, чем это при-

нято считать, опережали идеи нынешних радикальных феминисток, и что отнесение писательниц (писателей) и реформисток (реформаторов) XIX в. к просто «либеральным феминисткам» базируется на традиционной политической терминологии, в данном случае не применимой, так как не позволяет увидеть их истинную природу и разнообразие (Maynard, 1989; Levine, 1987).

Само разнообразие направлений и течений невероятно затрудняет возможность ясно представить развитие феминистской мысли того периода. Мы обнаруживаем едва ли не весь спектр идей и форм активности. К; конкретный анализ различных кампаний уводит нас в самые разные теоретические области: какие-то идеи исчезают, лишь обозначившись, чтобы вновь возникнуть в новом виде спустя годы; группы и акции разрастаются, дробятся, сливаются и расчленяются почти в хаотическом порядке. Любая попытка понять столь сложное движение может закончиться вынужденным отбором отдельных тем и теорий. Этой проблемы можно избежать, если обратиться к идеям выдающихся личностей того времени, их участию и взаимодействию с движением в целом. Мною были выбраны для ближайшего рассмотрения Элизабет Кэйди Стэнтон в Америке, Джон Стюарт Милль и его жена Гарриет Тейлор в Англии. Подобный выбор оставляет за рамками таких значимых феминистских авторов, как Маргарет Фуллер (Margaret Fuller 1810—1850) и Гарриет Мартино (Harriet Martineau 1802—1876), исключает активисток вроде Сары и Ангелины Гримке (Sarah and Angelina Grimke 1792—1873 и 1805—1879), Сьюзан Энтони (Susan Anthony 1820—1906) и Люси Стоун (Lucy Stone 1818—1893) в Америке, а также Барбару Лей Смит Бодишон (Barbara Leigh Smith Bodi-chon1827—1891) и Джозефин Батлер (Josephine Butler 1828—1906) в Англии (См.: Rendall,1985; Rossi,1973; Flexner, 1959; Sabrovsky, 1979; Herstein, 1985; Levine, 1987; Wheeler, 1983; Weiner, 1983; Urbanski, 1983; Dubois, 1981).

Люси Стоун

Тем не менее Стэнтон, Тейлор и Милль вмещают практически весь теоретический контекст основополагающей феминистской мысли того времени. Стэнтон была не только весьма оригинальной писательницей, но и более полувека являлась активисткой американского женского движения. Нередко очень противоречивая, она не может рассматриваться как типичная представительница американского феминизма, однако ее внимание обращалось ко всем аспектам движения. Работа Милля «Подчиненность женщины» нередко воспринимается как классический пример либерального феминизма, но, по моему мнению, она одновременно и менее оригинальна, и более ради-

кальна, чем принято считать. И Милль и Тейлор не были одинокими голосами в Викторианской Англии, но являлись частью более общего процесса развития феминистских идей.

Элизабет Кэйди Стэнтон и феминизм в Америке

Элизабет Стэнтон

Подобно многим другим американским феминисткам, Элизабет Кэйди Стэнтон (1815—1902) первоначально черпала свои идеи в движении за моральную реформу, возникшего в рамках религиозного возрождения начала века. Возможно, феминисткам XX в. трудно сочувствовать активисткам, выступавшим в защиту воздержания, однако их деятельность довольно скоро приобрела феминистские очертания. Так же как в Англии, американские женщины после замужества теряли свой независимый правовой статус, не имели права на защиту от жестокого мужа, возможности оставить его, прав на собственность и личный доход. Довольно скоро сторонницы воздержания выступили с требованием, чтобы женщины, страдающие от пьянства супруга, получили право на юридическую защиту и возможность расторгнуть брак с жестоким, агрессивным мужем. Это требование побуждало к необходимости реформы законов о разводе и опекунстве, предоставления женщинам доступа к образованию и оплачиваемому труду для получения экономической независимости, а в 1840 г. переросло в политически организованную кампанию за право замужней женщины владеть собственностью.

Движение за отмену рабства также во многом было связано с развитием феминистских идей. Наиболее очевидная аналогия в положении женщин и рабов заключалась в том, что замужняя женщина также становилась «собственностью» мужа. Движение против рабства являло собой и поход в защиту нравственности, и либеральную республиканскую кампанию, поскольку институт рабства рассматривался не только как оскорбление Бога, но и как нарушение духа американской конституции, — в обоих случаях аргументы против порабощения негров могли использоваться и в отношении женщин. Часто приводимый аргумент, что рабство содержит в себе и сексуальную эксплуатацию женщин (как женщины-рабыни, так и обманутой жены со стороны хозяина-мужа), вносил гендерно-специфический аспект в эти дебаты. Возможно, более значимым был реальный опыт тех женщин, которые чувствовали моральную потребность в борьбе за отмену рабства, но обнаружили, что их отстраняют от активной роли по причине их пола. Даже сбор под-

писей воспринимался обществом как недостойное женщины дело, и, когда Саре и Ангелине Гримке категорически запретили выступать публично, то запрет сподвиг их на такую защиту прав женщин, которая по эмоциональности превосходила ранние высказывания Мэри Уоллстоункрафт о необходимости самостоятельной борьбы женщин для обретения политического правового и экономического равноправия (Sabrovsky, 1979; Rossi, 1973). (Здесь явно просматривается параллель с представительницами левого движения нашего века и развитием сегодняшнего радикального феминизма. См. гл. 10.) Сама Стэнтон пришла в ярость, обнаружив, что она и другие делегатки были исключены из числа участников съезда против рабства, состоявшегося в Лондоне в 1940 г., и что предложение допустить к участию женщин вызвало «такую бурю возбужденного протеста, несравнимую с тем, как если бы стало известно, что Франция собирается вторгнутся на территорию Англии» (Цит. по: Buhle, 1978, p. 79). Прямым следствием этого случая вкупе с негодованием Стэнтон по поводу загруженности домашними делами стало написание первой декларации по правам женщин — в Сенека Фоллз в 1848 г. (The Seneca Falls Convention), — которая, как она впоследствии говорила, была «началом кампании протеста, невиданного доселе во всем мире» (Цит. по: Rossi, 1973, p. 144).

Съезд в Сенека Фоллз

Прежде всего, «Декларация позиций и резолюций» («The Declaration of Sentiments and the Resolutions»), ставшая результатом съезда и подписанная 68 женщинами и 32 мужчинами, может рассматриваться как прямое требование применения к женщинам принципов республиканского либерализма. В сущности, эта Декларация восходит к «Декларации независимости» 1776 г. в той части, где утверждалось, что, «когда в ходе человеческой истории для одного народа оказывается необходимым... занять среди держав мира самостоятельное и независимое положение... мы считаем самоочевидной истину, что все мужчины *и женщины* созданы равноправными...» [1] (курсив автора), и в традиционной политической терминологии той эпохи излагались требования для женщин гражданских прав — право голоса, право на собственность, образование, оплачиваемый труд и активное участие в политической и религиозной жизни общества. В этом смысле Декларация явилась поворотным пунктом для развития либерального феминизма — рациональность женщины и ее равенство с мужчиной воспринимались как данность, и экспериментальные изыскания предыдущих мыслителей были суммированы в конкретные требования изменения

[1] Цит. по: *Фридан Б.* Загадка женственности. М., 1994, с. 130.

законов, в коллективные акции для достижения реформ; с этого момента был заложен фундамент феминизма как теории и как политического движения.

Однако критики либерального феминизма утверждают, что эти идеи содержат определенные противоречия. Во-первых, несмотря на признание коллективных интересов женщин и их подчиненного положения, либералки не осознавали, что закрепленные законом права мужчин отражают их непосредственную заинтересованность в сохранении подчинения женщин. И хотя феминистки демонстрировали свое понимание мужской власти, что не идет вразрез с современным радикальным анализом патриархата («История человечества — это история повторяющихся посягательств мужчины на женщину, выливающихся в установление его абсолютной власти над ней» (цит. по: Rossi, 1973, p. 146), оно соседствует с их верой в то, что, обратившись к принципам разума и справедливости, женщины могут действовать совместно с мужчинами для изменения законов и устранения мужской тирании. По мнению критиков, эта позиция не принимает во внимание тот факт, что ни один правящий класс не уступает свою власть только на том основании, что она противоречит разуму. Несмотря на то, что многие феминистки все-таки верили в эту возможность, сама Стэнтон относилась все более подозрительно к идее добровольного участия мужчин в эмансипации женщин, особенно после того, как женский вопрос был забыт большинством аболиционистов после Гражданской войны под тем предлогом, что сейчас настало «время негров». Это предательство, как она его воспринимала, привело Стэнтон к убеждению, что эмансипация женщин должна быть завоевана только ими самими и что все мужчины, независимо от их расы и класса, принадлежат к «аристократии пола», интересы которой направлены против женщин. Это ее убеждение явилось одной из причин, по которым Стэнтон отмежевалась от более «умеренных» активисток, и способствовало расколу организованного женского движения, которое вновь объединилось лишь в 90-х годах XIX в. Но это также означает, что в ее работах мы можем обнаружить ясный анализ положения женщин как подавляемого класса, чья свобода может быть достигнута только в результате коллективной борьбы.

Еще один критический аргумент в адрес либеральных феминисток в целом и Стэнтон в частности базируется на том, что требование равных прав для женщин как индивидов не включает в себя понимание того факта, что семейные позиции мужчин и женщин сильно ограничивают возможности последних. У Стэнтон было семеро детей, и она нередко сетовала на трудности, связанные с необходимостью сочетать материнство с политической активностью. Тем не

менее она никогда по-настоящему не ставила под вопрос обязанность женщины отвечать за домашний быт и детей, и, как указывает Эйзенштейн, в своем стремлении сделать женщину равноправной гражданкой «она полностью упустила из виду, что материнство и домашние обязанности сами по себе исключают женщину из общественной (т. е. мужской) жизни» (Eisenstein, 1981, p. 162). Другими словами, несмотря на отношение к женщинам как к классу, ее призывы к принципам либерального идеализма оставляли вне зоны внимания общие, обусловленные полом ограничения для всех женщин, и она не смогла увидеть, что дискриминация в частной жизни могла свести на нет достижения равенства в общественной сфере.

Другая проблематичная позиция заключается в убеждении, что мужской мир политики и оплачиваемого труда является источником истинной самореализации, пресловутой «республиканской добродетелью», в то время как сфера домашнего женского труда таковой не является, из чего вытекает, что, только войдя в общественную сферу, женщина может реализовать свой человеческий потенциал. Как было замечено нами ранее, эту позицию опровергала Мэри Уоллстоункрафт, которая считала, что ответственное материнство может считаться серьезным обоснованием гражданского положения, но либеральной мысли свойственно возвышение именно мыслительной деятельности над телесными функциями, из чего вытекает, что любая физическая работа изначально ниже деяний интеллекта, и, следовательно, только деятельность мужчин среднего класса рассматривается как истинно «человеческая». Сама Стэнтон двойственно относилась к этому положению и воспринимала материнство одновременно как источник истинного удовлетворения и глубокой фрустрации. Временами она утверждала, что способность женщины вынашивать детей ставит ее заведомо выше мужчины и, подобно Мэри Уоллстоункрафт, считала, что настоящее материнство является общественным долгом и должно основываться на образовании и развитии умственных способностей. В этом смысле ее аргументы в борьбе против мужчин-«экспертов» по вскармливанию и воспитанию детей дают нам образцы увлекательного чтения: она отвергала тогдашнюю практику пеленания младенцев (объяснявшуюся тем, что неспеленутые конечности ребенка могут подломиться под его собственным весом), а также утверждение медиков о том, что желудок малыша может принять только одну столовую ложку молока (эту практику она считала причиной многих детских смертей от недоедания). Когда ее собственные методы ухода за детьми доказали свою успешность, она заслужила похвалу за «женский инстинкт», но она сама предпочитала считать, что ее действия обусловлены разумом и опытом (цит. по: Rossi, 1973,

pp. 396—401). С другой стороны, она утверждала, что материнство требует только негативных добродетелей, свойственных апатичным классам, — таких, как терпение, выносливость и самопожертвование (*Stanton*. History of Woman Suffrage, vol. 1, p. 22). В целом в ее работах просматривается позиция, что общественная деятельность приносит гораздо больше удовлетворения и гораздо более значима, чем семья и домашние обязанности. Некоторые современные феминистки считают, что подобные взгляды присущи либеральному мышлению, которому свойственно некритичное усвоение мужских ценностей и недооценка традиционной женской деятельности.

Тем не менее большинство критиков упускают из виду то, что и делегаты Конвенции в Сенека Фоллз, и многие активистки на протяжении всего столетия требовали социального равноправия не ради самих прав, а как реального средства для улучшения повседневной жизни женщин. По мнению Эйзенштейна (Eisenstein, 1981), феминистки не считали, что угнетение женщины в частной сфере можно уничтожить только принятием новых законов, и они верили, что ситуация любой женщины, живущей в браке с мужем-тираном, несомненно, улучшится, если закон даст ей право покинуть его и получить экономическую независимость; право на образование и получение работы давало очевидное практическое преимущество незамужней женщине, у которой не было до того ни социального статуса, ни реальных источников дохода.

Право голоса само по себе не являлось основным требованием феминисток до того, как по окончании Гражданской войны черные мужчины были уравнены в правах с белыми, и только к концу столетия, когда другие основные права считались полученными, организованное женское движение вылилось в суфражистские кампании. Стэнтон горячо выступала против сведения движения к одной лишь задаче, постоянно напоминая, что угнетенное положение женщины включает в себя не только отсутствие гражданских и юридических прав, но и ее сексуальную эксплуатацию. Она также подчеркивала, что такая эксплуатация является следствием экономического положения женщины и всей системы общественных и религиозных догм:

«Борьба не окончена до тех пор, пока мы не встанем на равных с мужчиной в церкви, на рабочем месте и не начнем пользоваться единым кодексом морали для обоих полов» (Цит. по: Eisenstein, 1981, p. 112).

Анализ сексуального угнетения

Утверждение, что проблемы женщин заключаются не только в лишении их политических и юридических прав, но и в сексуальной морали, выходит далеко за рамки традиционного либерализма. Этот вопрос был поднят еще в

Сенека Фоллз, где делегатки потребовали отказа от двойного стандарта, «с помощью которого женщины подвергаются остракизму за такие проступки, которые вполне допустимы и даже не заслуживают внимания, если их совершает мужчина» (Rossi, 1973, p. 147). В сущности, для большинства феминисток XIX в. это не означало, что женщины должны освободиться от репрессивной сексуальности морали. Предполагалось, что мужчины также должны подчиниться тем же нормам. В отличие от ранних социалисток целью большинства феминисток этого периода было воздержание обоих полов. Подобная установка соответствовала одновременно как идеям евангелического движения, делавшего упор на самодисциплине и традиционных добродетелях, так и либералистской настороженности в отношении тела — умственная активность ставились выше физической, а радости секса сравнивались с животной распущенностью. Сама Стэнтон не отрицала, что секс может доставлять удовольствие и мужчинам и женщинам, и в конце 60-х гг. XIX в. сотрудничала некоторое время с Викторией Вудхалл (Victoria Woodhull), активной поборницей свободной любви. Однако она также считала, что сексуальное влечение есть источник человеческой слабости и эксплуатации и поэтому должно жестко контролироваться, оно представляет собой низменную форму человеческого поведения, и имеет отрицательные последствия для здоровья женщины. В этом она разделяла распространенное убеждение о большей способности женщины контролировать свои сексуальные потребности и считала, что неумеренная сексуальность мужчин влечет за собой деградацию и унижение женского пола. Так, в браке женщина не имела права отказать сексуальным предложениям мужа и тем самым подвергалась как риску нежелательной беременности, так и заражения венерическими болезнями. Именно мужская похоть заставляла многих женщин делать аборты, против которых Стэнтон выступала из-за их вредности для здоровья, но не осуждала при этом самих женщин. Проституция также была явным следствием как мужской сексуальности, так и несправедливой экономической системы, которая толкала женщин на этот опасный путь. Но более всего женщин объединял общий страх быть изнасилованными. Подобно многим современным радикальным феминисткам, Стэнтон пошла настолько далеко, что рассматривала изнасилование как синоним положения своего пола:

«Общество, как оно сегодня организовано властью мужчин, представляет собой одно великое изнасилование всего женского — на дорогах, в тюрьмах и застенках, в психиатрических лечебницах, в собственных домах, а также в мире моды и на рабочих местах» (Dubois, 1981, p. 123).

Все вышесказанное означает, что проблемы власти и доминирования

относились не только к общественно-политической сфере, но и к интимным отношениям, и Стэнтон публично выступала за изменение условий жизни женщины в семье и браке. В этом она пошла гораздо дальше требования права собственности для замужних женщин, выступая против самого института брака, рассматривая его скорее как вид неоплачиваемой проституции и домашнего труда, нежели как освященный религией союз, основанный на любви и взаимных обязательствах. Ее идеи получили подтверждение в процессе бесед в небольших женских группах в конце 60-х гг. XIX в. Эти группы во многом схожи с «группами пробуждения сознания» в современном феминистском движении (см. гл. 10). Здесь женщины вместе обсуждали свои личные проблемы и нередко обнаруживали их схожесть с проблемами других. Главной темой была утрата женщинами сексуальной автономии в браке, где жена не имела права отказать мужу в доступе к собственному телу. Стэнтон видела в этом основополагающую причину угнетения женщин: «Деградация женщины заключена в мужской уверенности в его сексуальных правах. На одной этой идее строится система брака. Она лежит в основе всего прогресса» (Цит. по: Rossi, 1973; pp. 392—393). С одной стороны, это утверждение можно рассматривать как естественное развитие основной предпосылки либерального индивидуализма, согласно которому личность любого пола должна обладать неотъемлемыми правами, что приобретает специфическое толкование в применении к женщине. Эта проблема также была изложена на языке либеральной традиции. Так, Люси Стоун, считавшаяся более «умеренной» и «уважаемой» феминисткой, нежели Стэнтон, писала: «Как мало значит для меня право голоса, право собственности и т. п., если мне не позволено владеть своим телом и распоряжаться им по своему усмотрению» (Цит. по: Wheeler, 1983). Одновременно, однако, такая позиция предполагала пересмотр понятий власти и политики, что предваряло лозунг современных радикальных феминисток — «личное есть политическое». Частная сфера рассматривалась как арена, на которой власть проявляется и где она одновременно может быть поставлена под сомнение. Это означало, что свобода женщин должна быть завоевана не только посредством вхождения в общественную жизнь, но и через изменение их положения в семье.

Современные авторы отмечают, что Стэнтон не довела свой анализ до логического конца: показав всеобъемлющую природу угнетения женщин мужчинами, она, однако, считала, что формальные юридические и политические меры изменят ситуацию — решение, которое ошибочно «предполагает, что все отношения в браке подчинены закону» (Eisenstein, 1981, p. 159). Однако такое толкование взглядов Стэнтон является слишком упрощенным. Она, бе-

зусловно, желала обеспечить женщинам полные юридические и политические права и придавала большое значение изменению законов. Тем не менее Стэнтон не рассматривала изменение права изолированно и не считала, что этого достаточно для достижения необходимых изменений. Она понимала, что потребуется серьезный переворот в сознании как женщин, так и мужчин, а также изменение социально-экономических условий. В определенном смысле само требование перемен было радикальным, поскольку бросало вызов устоявшимся представлениям, ставя под сомнение законность мужской власти и вынося на публичное обсуждение замалчиваемые проблемы. Критика формальной коллективной власти мужчин проблематизировала и нравственную позицию каждого отдельного угнетателя. Вызов власти также состоял в отказе следовать традиционным нормам и юридическим правилам. В этом контексте мы можем понять требование некоторых феминисток оставить за собой в браке хотя бы часть собственного имени и их эксперименты с «блумерским костюмом» в начале 50-х гг. XIX в. Отказываясь от рабского положения, обусловленного утратой собственного имени, Стэнтон запрещала называть себя «Миссис Генри Стэнтон», а также утверждала свое право одеваться в соответствии со своими представлениями об удобстве, а не для мужского одобрения. Однако «блумерский костюм» (широкая юбка до щиколотки поверх просторных брюк) вызвал столько неприязни и насмешек, что суть требований осталась в стороне, и она вскоре отказалась носить его на людях. Отношения между мужем и женой, по мнению Стэнтон, также могли быть изменены с помощью образования, и в этом она, как всегда, превосходила требования «умеренных» феминисток, настаивая на *совместном* обучении мальчиков и девочек. Она аргументировала это не только тем, что женщины вправе получать знания и квалификацию, но и тем, что это могло бы изменить отношения между полами. Работая и обучаясь совместно, мальчики и девочки воспринимали бы друг друга как равных, и тогда их взрослые отношения, включая брак, могли бы основываться на уважении, равноправии и партнерстве.

Религия и «Женская Библия»

К концу жизни уверенность в необходимости изменения взглядов, подчеркивающих подчинение женщин, привела Стэнтон к критике института, который она считала главным агентом господствующей идеологии, — религии. *Все* формы организованной религии, утверждала она, были враждебны к женщине: индийские вдовы, сжигаемые на костре вместе с телом мужа, турчанки в гареме, американские матери, которым отказывают в хлороформе во время родов, чтобы наказать за первородный грех Евы, — все они — жертвы доми-

нирующей мужской религии. И хотя отдельные священники оказывали поддержку и женщинам, она все больше убеждалась, что американская церковь представляла собой огромную силу, выступающую против ее феминистских идей. По мере перехода из раннего евангелизма в агностицизм (но не в атеизм) Стэнтон занимала все более антиклерикальную позицию. Кульминацией явилась ее попытка в 90-х гг. XIX в. сделать критику религии основной задачей организованного женского движения. В 1895 г., в сотрудничестве с другими женщинами, она опубликовала «Женскую Библию» («Woman"s Bible») — критический феминистский комментарий, отрицавший «божественное» происхождение подчинения женщины и утверждавший, что мужчины манипулируют религией для того, чтобы узаконить свою власть (Dubois, 1981). Тем не менее этот «монумент феминистской религиозной полемической мысли» (Banner, 1980 p. 164) не оправдал ее надежд: лидеры церкви отказывались принимать всерьез ее аргументы, а новое поколение феминистских активисток неохотно вовлекалось в обсуждение каких-либо проблем, кроме суфражистской кампании.

Класс, раса и феминизм

Несмотря на то, что в течение столетия более «уважаемые» феминистки старались отмежеваться от «несдержанных» выступлений Стэнтон против церкви и ее попыток публичного обсуждения вопросов секса, она была далеко не единственной, кто видел эмансипацию женщин как задачу более сложную, чем только политические и правовые реформы. Обычно ее манера выступлений, а не их содержание отталкивали возможных сторонниц. Однако в экономических вопросах она действительно часто опережала взгляды большинства современниц, особенно в период с 1868 по 1870 г., когда вместе с Сюзан Энтони (Susan Anthony) редактировала феминистский журнал «Революшн» («The Revolution»). Это издание определенно стояло на лейбористских, антикапиталистических позициях, и в нем предпринимались серьезные, хотя и безуспешные попытки организации женщин-рабочих. Поэтому неверны заявления о том, что Стэнтон была обеспокоена только проблемами женщин среднего класса. Как и Мэри Уоллстоункрафт, она последовательно критиковала экономическое неравенство и демонстрировала большой интерес к идеям социалистов-утопистов. Впрочем, ей все же не удалось выработать обоснованный экономический анализ капиталистической системы, и, несмотря на то, что она работала в начале 70-х гг. XIX в. с Викторией Вудхалл (Victoria Woodhull), опубликовавшей первое американское издание «Коммунистического Манифеста» и являвшейся президентом маленького американ-

ского отделения Первого Интернационала (См.: Banner, 1980, pp. 125—130), Стэнтон не продемонстрировала знакомства с марксистской экономической теорией. Более того, она не только не ставила акцента на проблемах рабочего класса как целого, но, как и у других феминисток XIX в., ее внимание к положению женщин-работниц сочеталось с резкой враждебностью к рабочим-мужчинам. Отчасти причиной этого было возмущение тем фактом, что наиболее невежественные мужчины обладали политическими правами, в которых было отказано женщинам среднего класса, включая и ее.

Для Мэри Уоллстоункрафт, писавшей во времена, когда большинство мужчин были лишены права голоса, эта проблема была малозначимой (*Wollstonecraft*. Vindication..., p. 259). Но для американской женщины XIX в. «предоставление полноправного статуса пьяницам, идиотам, игрокам на бегах и торговцам ромом, невежественным иностранцам и глупым юнцам — в высшей мере оскорбительный факт» (Обращение Стэнтон к съезду в Сенека Фоллз, цит. по: Dubois, 1981, p. 32). К концу столетия феминистское движение все больше следовало предубеждениям женщин среднего класса, и первоначальное требование Стэнтон предоставить избирательные права всем трансформировалось в «голосование образованных» (ценз грамотности для обоих полов). Она также придерживалась мнения, что изнасилование — это преступление, совершаемое только мужчинами-рабочими, и в конце жизни выступала за контроль над рождаемостью среди рабочих как способ сокращения рабочего населения.

Классовой неприязни сопутствовала немалая доля расизма. С первого взгляда это вызывает удивление, если вспомнить, что американский феминизм берет истоки в аболиционистском движении, а в ранних выступлениях Стэнтон и других феминисток положение черных мужчин сравнивалось с положением бесправных женщин. «Черный мужчина и женщины рождены для гонений. Знаком их унижения является цвет кожи и пол, подобно «алой букве», горестно носимой на груди» (Цит. по: Dubois, 1981, p. 83). Некоторые современные феминистки, однако, считают, что подобное сравнение ситуации женщин и черных мужчин является само по себе расистским, так как включает в число всех женщин только белых, а черные женщины выпадают из рассмотрения. Свидетельством тому является тот факт, что сразу после Гражданской войны Стэнтон отказалась поддерживать предоставление избирательных прав неграм, если права голоса не будут также даны женщинам. Она утверждала, что белые женщины в *большей мере* заслуживают избирательное право, нежели прежние рабы, и, разгневанная предательством соратниц, интересы которых она защищала, Стэнтон сделала попытку «пост-

роить феминизм на основе расизма белых женщин» (Dubois, 1981, p. 92).

До недавнего времени политическая борьба черных женщин была практически вычеркнута из истории стараниями белых толковательниц. Но сейчас ее заново открывают черные феминистки, пересматривая концепцию политической активности с «черных» позиций и извлекая из забвения идеи таких выдающихся предшественниц, как Мария Стюарт (Maria Stewart) и Соджурнер Трут (Sojourner Truth) (См.: Collins, 1990, гл. 1). Трут (1797?—1883) была освобожденной рабыней, которая путешествовала по стране с выступлениями о проблемах женщин и рабства. Ее наиболее известная речь была произнесена на съезде по правам женщин в Экроне в 1851 г., в которой она изливала презрение по поводу заявлений мужчин, будто женщины слишком слабые и хрупкие существа, чтобы иметь право голоса. Напомнив о силе, проявленной в испытаниях женщинами, подобными ей самой, она аргументировала: «А я разве не женщина?» (Цит. по: Shneier, 1972, pp. 94—95). В целом же, политическая активность черных женщин оставалась маргинальной в суфражистской кампании, к концу столетия их участию активно препятствовали белые лидеры, опасаясь, что их присутствие в движении вызовет неприятие со стороны белых женщин на юге страны (См.: Davis, 1981; Spender, 1983a, pp. 357—374).

Дискуссия о равенстве и различиях

Дискриминация по расовому признаку совершенно очевидно противоречила отношению к правам личности, декларированному в Сенека Фоллз полвека назад. Тем не менее американские феминистки постепенно отказывались от аргументов за равноправие, заменяя их доказательствами морального превосходства женщин. Эта идея о природном различии могла также быть применена к расовому неравенству. В соответствии с культом «истинной женственности», который становился все популярнее к концу века, уже не рациональность женщин, а именно их специфические женские качества должны были обеспечить им право голоса. Аргументы, которые приводились раньше, чтобы отказывать женщинам в праве на общественную роль, использовались теперь, чтобы требовать предоставления им этой роли. Предполагалось, что «женские ценности» вроде чистоты, терпимости и миролюбия должны найти отражение в делах государства. Хотя Стэнтон нередко апеллировала к качествам женского превосходства и использовала этот аргумент в своих рассуждениях, ее феминизм отличался от взглядов поздних суфражисток, поскольку она четко придерживалась либеральных идей о том, что именно рациональность женщин, равная мужской, обеспечивает им равные права. Несмотря на понимание

ею взаимосвязи проблем пола, класса и многосторонней природы угнетения женщин, в конечном итоге она анализировала права каждой женщины *как индивида* (На эту тему см. известную ст.: *Stanton*. The Solitude of Self // Dubois, 1981).

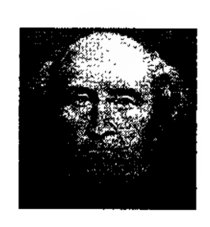
Активная политическая деятельность Стэнтон длилась более полувека. Количество ее лекций, статей и писем огромно и включает в себя попытку описания всего процесса феминистской борьбы в многостраничной «Истории женского суфражизма» («History of Woman Suffrage») [2]. Первые два тома отредактированы ею вместе с Сюзан Энтони и Матильдой Гейдж (Matilda Gage). Остальные четыре тома продолжили эту историю до 1920 г., когда была принята поправка к американской конституции, гарантирующая женщинам избирательное право. К моменту смерти Стэнтон в 1902 г. было достигнуто уже немало успехов. И даже те женщины, которые оппонировали суфражистскому движению, могли участвовать в общественной жизни, что невозможно было даже представить во времена ее молодости. Как сказала ее лучшая подруга Сюзан Энтони, к 1902 г. все юридические права, потребованные в Сенека Фоллз, были получены, кроме права голоса (History of Woman Suffrage, vol.4, p. xiii), и с 1890 г. радикальное и умеренное крыло организованного феминистского движения объединились и сконцентрировались на достижении этого требования. Стэнтон тем не менее упорно отказывалась ограничивать свои интересы одной целью. И хотя ее часто относили к либеральным феминисткам, она не сводила проблемы женщин только к их политическому и правовому неравенству, и на протяжении всей жизни ее интересы и сферы деятельности охватывали невероятно широкий спектр вопросов. Право голоса и Библия, права собственности и воспитание детей, профсоюзы и удобный стиль одежды, образование и изнасилование, оплачиваемый труд и брак — все эти проблемы становились пищей для ума. Она понимала всеобъемлющую сущность мужской власти и взаимосвязанность частной и общественной сфер. Хотя она никогда не выступала за сепаратизм, радикальность Стэнтон заключалась в убеждении, что женщины должны сами завоевать свое освобождение, осознать общность своих интересов и противостояние им коллективных интересов мужчин. Высокий накал ее полемики и обвинений не соответствовал нормам поведения «уважаемых леди» того времени, но это не смущало ее. Более того, Стэнтон писала:

> «Когда я думаю обо всех несправедливостях, претерпеваемых женщинами, мне становится стыдно, что мной не овладел непрекращающийся гнев, что всей кожей, костями я не ощущаю это безумие, а глаза мои не наполнены слезами и из губ не вырываются страшные проклятия... » (Цит. по: Griffith, 1984, p. 164).

[2] «История права женщин на голос». — *От изд-ва.*

Тем не менее, как мы видели, некоторые критики утверждают, что позиция Стэнтон была неизбежно ограничена ее либеральным происхождением. Но это было общей чертой американского феминизма, который на глазах у Стэнтон становился значительным, хотя порой и раздробленным, массовым движением. Точно такое же сочетание радикализма и консерватизма можно обнаружить в развитии британской феминистской политики и теории, к которым мы теперь обратимся.

Джон Стюарт Милль и феминизм в Британии

Джон Стюарт Милль

Организованное феминистское движение возникло в Британии позже, чем в Америке, и все дискуссии феминистского толка в середине XIX в. ориентировались на труды Джона Стюарта Милля (сына Джеймса Милля, инициировавшего написание Томпсоном книги «Призыв к защите интересов женщин», см. гл. 1 выше). Его оценивали как «единственного ведущего либерального политического философа, пытавшегося открыто применять принципы либерализма к женскому вопросу» (Okin, 1980, p.197). Милль заявлял, что прочтение философских трудов всегда вызывало в нем желание предоставить женщинам равные права. Однако только его близкая дружба с Гарриет Тейлор (Harriet Taylor), на которой он женился в 1851 г. после смерти ее мужа, подтолкнула и вдохновила Милля на создание его наиболее известного феминистского труда «Подчиненность женщины» (написанного в 1861 г. и впервые опубликованного на русском в 1869 г.). Хотя книга спровоцировала немало злопыхательств и насмешек в Англии и была его единственной публикацией, на которой издатели потеряли деньги, она имела невероятный успех в мире и была переведена в более чем десяти странах в первые же годы после публикации. «Трудно переоценить тот уровень влияния, которое она произвела на умы образованных женщин во всем мире» (Evans, 1977, p.188). В Америке эта книга была воспринята с огромным энтузиазмом: Сара Гримке в возрасте 79 лет «преодолевала немыслимые расстояния по сельским районам Массачусетса, чтобы распродать сто пятьдесят экземпляров книги» (Rossi, 1973, p. 296), а Стэнтон писала:

> «Я отложила прочитанную книгу с ощущением умиротворения и радости, неведомыми доселе, это был первый в моей жизни случай, когда мужчина продемонстрировал, что он способен увидеть и почувствовать все тонкости и пределы, до которых доходит унижение женщины, а также понять корни ее слабости и деградации» (Rossi, 1970, p. 62).

Современные феминистки, однако, реагируют с гораздо меньшим энтузиазмом на эту работу и часто рассматривают ее скорее как пример неизбежной *неудачи* в применении либерального подхода к феминизму, нежели успех. Заслуженная слава способствовала и преувеличению ее оригинальности как современными, так и более поздними комментаторами. Если бы Стэнтон прочла более ранний труд Вильяма Томпсона «Призыв к защите интересов женщин», она также обнаружила бы не менее восприимчивое и сочувственное описание положения женщин. Современные дискуссии о находках и просчетах Милля приобретают новые трактовки, когда его идеи анализируются в историческом контексте.

Распространение феминистских идей

Хотя и не видимые на фоне популярности Милля и более поздней активности суфражисток, женщины в Британии 60-х гг. XIX в. также не безмолвствовали. Работа Гарриет Тейлор (Harriet Taylor) «Enfranchisement of Women» («Избирательные права для женщин», 1851) является наиболее известной феминистской публикацией, написанной женщиной. Однако многие ее положения предвосхитила уже Марион Рейд (Marion Reid) в книге «A Plea for Woman» («Мольба за женщину», 1845). Несколькими годами позже женщины в Британии стали не только писать на тему своих прав, но и организовывать публичные кампании за изменение законов, которые практически не претерпели реформирования со времен Мэри Уоллстоункрафт. Замужняя женщина все так же оставалась собственностью мужа, а ее юридический статус не отличался от статуса ребенка. Как писал Джон Стюарт Милль, «брак — единственный вид рабства в полном смысле этого слова, признаваемый новейшими законами. По закону нет более рабов — кроме хозяйки каждого дома» [3]. Для немногих «фабричных девушек», которые могли, получив работу, обрести некоторую экономическую независимость, с вступлением в брак эта возможность утрачивалась (муж по закону получал право на ее заработок), а для женщин среднего класса не существовало путей для профессиональной карьеры, и единственным шансом обрести экономическую стабильность оставался брак. Постепенно увеличивающееся разделение между домашней жизнью и оплачиваемым трудом и закрепление идеи о «мужчине-добытчике» способствовали формированию идеологии «раздельных сфер». В соответствии с этим убеждением роль женщины была по *природе* и *естеству* домашней и сконцентрированной на семье [4], тогда как мужская роль

[3] *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины. СПб., 1869, с. 200.

[4] *Там же*, с. 66: "Предполагается, что мужчины вообще такого мнения, что при

приписывалась к сфере общественно полезного труда и политики — позиция, отраженная в стихотворении Теннисона «Принцесса»:

Мужчина — в поле, женщина — у очага.
Мужчина держит меч, а женщина — иголку,
Мужчина — голова, женщина — сердце,
Мужчина — командует, женщина — повинуется;
Все остальное — хаос.

На практике, однако, этот «идеал» часто не соответствовал реальности. Немало рабочих семей зависело от заработка жены, и разделительная черта между домом и работой была не столь очевидна, поскольку существовало еще домашнее производство, и многие домашние обязанности, например стирка, выполнялись совместно. Также не принималось во внимание то, что большое количество женщин были вынуждены оставаться незамужними, потому что попросту не хватало мужей: перепись 1851 г. показала, что женщин в Англии на одну треть было больше, чем мужчин. Тем не менее реальность была не столь важна по сравнению с распространенным *мифом* о подходящих гендерных ролях [5]. С позиции этой доминирующей идеологии незамужние или работающие вне дома женщины были в лучшем случае невидимы, в худшем — считались неудачницами и отклонением от нормы.

Это означает, что давление на женщин было даже больше, чем во времена Мэри Уоллстоункрафт, но к середине XIX в. сами женщины все в большей мере стали осознавать свои проблемы и объединяться для их решения. В основном требования перемен касались опекунства над детьми, закона о разводе и правах собственности, а также доступа к образованию и оплачиваемому труду. К 60-м гг. XIX в. право голоса также стало темой феминистских требований. Как указывает Левин (Levine, 1987), первоначальное феминистское движение в Британии не воспринималось как таковое, поскольку представляло собой скорее разобщенную сеть различных групп, нежели централизованную организацию, имеющую лидера. С 1856 г. активистская деятельность была сконцентрирована вокруг группы под названием «Лангэм Плейс» («Langham Place Group») и журнала «Инглиш вумен» («The Englishwomans Journal»), основанного в 1858 г. Барбарой Лей Смит Бодишон и Бесси Рейнер Паркс (Bessie Rayner Parkes). Одновременно по всей стране распространялись дискуссионные сообщества и социальные клубы, в которых обсуждались феминистские проблемы.

родное призвание женщины — быть женою и матерью". — *От изд-ва.*

[5] *Миллет К.* Сексуальная политика (главы из книги) // *Вопросы философии*, 1994, № 9, с. 152: "... гендер, т. е. структура личности в категориях пола". — *От изд-ва.*

Для некоторых женщин требование гражданских прав означало распространение среди бедных слоев населения идей среднего класса о «домашней добродетели» и строгой сексуальной морали; в частности, это относилось к тем, кто активно поддерживал Закон о бедности 1834 г. «Для многих женщин среднего класса требования, которые могли бы выражать интересы их пола, часто были требованиями классового доминирования» (Rendall, 1987, p. 27). Членами первых феминистских групп были в основном женщины среднего и высшего классов, они придавали большое значение «респектабельности» своих действий. В отличие от социалисток-утопистов у этих дам не возникало желания оскорбить приличное общество выступлениями против семейных ценностей или сложившейся морали. Сама Бодишон была незаконнорожденной, и, хотя отец вполне обеспечивал ее материально, это означало, что она должна была вести себя скромно. Точно так же не афишировалась поддержка феминистских кампаний со стороны Мэри Энн Эванс (Mary Ann Evans), настоящее имя — Джордж Элиот (George Eliot), поскольку та «жила в грехе». В то же время, феминистки середины столетия часто обращали внимание не только на проблемы своего класса, но и подчеркивали общность интересов всех женщин, и их деятельность не ограничивалась борьбой за формальные гражданские права. Например, первая организованная группа «Комитет в защиту женской собственности» («Womans Property Committee», основана в 1855 г.) признавала важность для женщин из рабочего класса право на собственный заработок. Позже кампании вокруг проституции рассматривали ее как результат бедности, правовой беспомощности и мужской сексуальности, а не как вину самих проституток. Таким образом, либеральная идея прав личности сосуществовала с идеей о том, что женщины, как социальная группа, имеют общие интересы, противоположные интересам мужчин. Этому сопутствовало осознанное стремление объединяться с другими женщинами и утверждение женского превосходства, что предваряло некоторые течения современного радикального феминизма. Более того, требование политических и юридических прав не всегда означало некритичное принятие мужских ценностей, как считают некоторые современные интерпретаторы. Для некоторых женщин эти права являлись средством вхождения в мужской мир, но для большинства они представлялись способом улучшить домашнюю жизнь, что в целом не противоречило доктрине «раздельных сфер». В целом все требуемые права отражали скорее реакцию на те проблемы, с которыми женщины сталкивались в повседневной жизни, а не принцип абстрактной справедливости. Эти идеи и формы деятельности не могут быть определены просто как «либерально-феминистские», поскольку такая оценка не раскрывает все многообразие целей, проблем

и мнений, имевших место в этом движении. Как и в Америке, это отчасти объясняется смешанным происхождением феминизма, в котором религиозные идеи о «женских добродетелях» оказывались в странной смеси с либеральными положениями о правах личности и равенстве и порождали широкое, но не всегда последовательное стремление к переменам.

Определенная двусмысленность лежала в корне викторианского феминизма, от которой не был свободен и Джон Стюарт Милль. Здесь необходимо подчеркнуть, что непоследовательности и противоречия, которые критики обнаруживают в его работе, не являются исключением, но отражают весьма распространенную путаницу в сознании того общества. Как и в Америке, требование равных прав порой основывалось на либеральной идее о женской рациональности, а порой на том основании, что женщина, в сущности, «отлична» от мужчины и что женских пол обладает качествами, которые должны быть представлены в общественной жизни. Это означало, что прав можно добиваться либо для того, чтобы женщины «были подобны мужчинам», либо для того, чтобы они смогли реализовать свои женские добродетели (либо в домашней сфере, либо в политической и интеллектуальной жизни). Поэтому было неясно, нужно ли женщинам копировать, дополнять или подавлять в себе мужские качества и должны ли требуемые ими права рассматриваться как индивидуальное приобретение, как средство для всеобщего социального усовершенствования или же как необходимое орудие «женского класса», чьи интересы противоположны интересам мужчин. Как отмечалось выше, проблемы, которые обсуждались в публикациях и публичных выступлениях американских авторов, и по сей день занимают феминистскую мысль. В этом контексте становятся понятными противоречия, обнаруживаемые в работах Джона Стюарта Милля.

Работа Д. С. Милля «Подчиненность женщины»

В определенном смысле работа Милля «Подчиненность женщины» является всего лишь применением к женщинам идеи эпохи Просвещения о том, что общество должно быть построено на основе разума. В этой книге он утверждает, что подчиненное положение женщин является варварским реликтом исторического прошлого, а не результатом естественного развития. Такое положение первоначально основывалось на силе, а впоследствии по традиции стало рассматриваться как «естественная норма». Он соглашался, что женщины во многих отношениях «выглядели» хуже в сравнении с мужчинами, но это, по его мнению, было следствием социального давления и плохого образования — «то, что теперь называется природою женщины, вообще в высшей степени искусственный результат принудительного стесне-

ния в некоторых направлениях, неестественного подстрекательства в других» [6]. Следовательно, женщинам должны быть предоставлены те же возможности, что и мужчинам; только тогда мы увидим их истинные способности, и только тогда общество получит полную отдачу от всех его членов. Это означало, что правовая дискриминация женщин была ошибкой и что «принцип, которым управляются отношения между обоими полами, т. е. легальная подчиненность одного пола другому, по самой сущности своей ложен и составляет ныне одно из главных препятствий к прогрессу человечества и что его следует заменить принципом полного равенства, не допускающим ни власти, ни преимуществ с одной стороны, ни воспрещений с другой» [7]. В особенности должно быть устранено рабское положение женщин в браке, они должны получить свободный доступ к образованию и оплачиваемому труду, им также должно быть дано право голоса и участия в политике.

Это утверждение — пример ясной и действенной либеральной феминистской позиции, но оно уже не звучит оригинально к 1860 г., хотя и сохраняет важность во многих отношениях. Изначальная позиция Милля в отношении природы и способностей женщин может быть отнесена к агностицизму, но вскоре становится очевидным, что его либеральная идея о том, что женщины, возможно, «так же хороши, как и мужчины», сосуществует с наблюдением, что в некоторых важных моментах женщины, по сути, «другие». Прежде всего он считает, что, хотя женщины, как и мужчины, обладают разумом, их мышление в большей мере интуитивно, практично и «конкретно», так что «женское мышление потому чрезвычайно полезно, что придает действительность бредням мыслящих мужчин, а мужское мышление полезно тем, что расширяет и придает крупность женскому» [8]. Некоторые современные феминистки весьма гневно реагировали на это утверждение. Так, Аннас считает, что, определяя женское мышление как в основе своей интуитивное, Милль следует «избитому книжному штампу» (Annas, p. 184) и что из этого строится интеллектуальная иерархия, в которой мужчина-гений использует менее значимые способности женщины-ассистентки. Одновременно другие современные критики отрицают, что выделение подобных половых различий непременно базируется на идее превосходства и подчинения, и обвиняют саму Аннас в некритичном принятии мужских ценностей (Thornton, 1986; Mendus, 1989). Как можно увидеть в других работах Милля, он вовсе не считал, что рациональное мышление является единственно возможным или наилучшим,

[6] *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины. Спб., 1869, с. 52.

[7] *Там же*, сс. 1—2.

[8] *Там же*, с. 148.

так же как он нигде не соотносил напрямую разные способы мышления с различиями между полами. Также он нередко утверждал, что поэты и артисты способны к откровениям, которые не даны «простому мыслителю», а в 1832 г. писал в письме историку Карлейлю: «Мое призвание находится в более скромной области; в отличие от художника, я скорее могу быть логическим рассказчиком... только в руках художника Истина становится впечатляющим и живым принципом действия» (цит. по: Schneewind, 1965, p. 84). В целом он считал логическое и интуитивное мышление скорее взаимодополняющими, нежели противоречащими друг другу. Из этого следовало, что идеальное партнерство мужчины и женщины является «обоюдным превосходством», «... так что каждый пользуется высоким наслаждением смотреть с уважением на другого и иметь удовольствие попеременно вести и быть ведому по пути развития» [9]. Из всего вышесказанного следует, что женщины должны быть допущены к умственной деятельности не потому, что они во всех значимых аспектах равны мужчинам, а потому, что они отличаются от них. Эта позиция не является, как принято считать, либеральной, но, как утверждалось выше, она соответствует распространенному убеждению викторианских феминисток, а также соотносится с некоторыми современными радикальными феминистскими идеями о превосходстве женского способа мышления.

Также очевидно, что, хотя Милль соглашался с необходимостью предоставления мужчинам и женщинам равных политических прав и настаивал на том, что не должно быть препятствий к женскому образованию и труду, на практике он считал, что оба пола играют разные роли в обществе — роли, которые вполне соответствовали идеологии «раздельных сфер». Женщины, считал он, должны быть свободны в выборе рода занятий и их нельзя принуждать к браку из-за экономической необходимости:

«Женщина, выходя замуж, собственно говоря, уже выбирает себе род занятий, точно так же как мужчина, выбирающий профессию: о ней можно сказать, что она посвящает себя ведению хозяйства, воспитанию детей как специальности на столько лет своей жизни, сколько потребуется на это дело, и потому отказывается на это время не от всяких других занятий вообще, но от занятий, помешавших бы ей в исполнении избранных ею обязанностей. Постоянные, систематические занятия вне дома при таком взгляде сами собой, без постороннего вмешательства, не входили бы в программу большинства замужних женщин» [10].

Это означает:

[9] *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины. Спб., 1869, с. 240.

[10] *Там же*, сс. 120—121.

«Обыкновенный порядок, при котором муж зарабатывает деньги, а жена ведет домашний расход, кажется мне самым подходящим разделением труда между супругами» [11].

«При порядке, основанном на полной справедливости, я поэтому не считаю желательным, как общее правило, чтобы жена увеличивала своими доходами семейный доход» [12].

Современные критики не замедлили выступить против таких выводов, обвиняя его в предательстве принципов, на которых был построен его феминизм: «Ограничения, которые Милль налагает на замужнюю женщину, противоречат его аргументам в пользу равенства и личной свободы для обоих полов — противоречие настолько явное, что грозит уничтожить всю его аргументацию» (Goldstein, 1980, p. 328). Его выводы, похоже, опираются на веру в то, что только женщины могут и должны исполнять домашнюю работу, поэтому, если жена ходит на работу, то «она отнимает у себя возможность заботиться о детях и хозяйстве, а никто другой так о них заботиться не станет» [13]. При этом нигде не встречается предположения, что мужчина мог бы разделить эти обязанности со своей женой. Это особенно удивительно в свете его настойчивых утверждений, что человеческие отношения должны регулироваться разумом, а не традиционным укладом. Более того, он не только был знаком, но и весьма сочувствовал идеям социалистов-утопистов, которые, как мы видели раньше, выступали против традиционного разделения домашнего труда.

Выводы Милля означают, что возможности женщин ограничиваются с вступлением в брак, а значит, они не могут быть представлены на равных в сфере оплачиваемого труда и в политике и что замужней женщине необходимо быть экономически зависимой от мужа. Похоже, Милль считал, что *потенциальная* способность жены зарабатывать собственные деньги является достаточной, чтобы заслужить уважение мужа и обеспечить ее положение равноправного партнера в браке. Это мнение активно опровергалось современными феминистками, но также отличается и от мнения жены Милля, Гарриет Тейлор, что можно обнаружить в ее более ранней работе «Enfranchisement of Women». Существовали сомнения по поводу авторства этой статьи, которая первоначально была опубликована под именем Милля. Однако сам он говорил, что был «немногим большеее чем редактором и личным секретарем» (*Taylor*. Enfranchisement of Women, p. 1), а приведенные в этой работе доводы, серьезно отличающиеся от доводов Милля в книге «Подчиненность женщи-

[11] *Там же*, с. 118.

[12] *Там же*, с. 119.

[13] *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины. Спб., 1869, с. 119.

ны», подтверждают авторство Тейлор. В этой работе Тейлор утверждает, что замужняя женщине *следует* приносить доход в семью, «даже если общая сумма увеличится незначительно». Благодаря этому «она поднимется из положения прислуги до положения партнера» (*Taylor*. Enfranchisement of Women, p. 20). Эта позиция, очевидно, в большей мере соответствует современному либеральному феминизму, чем вера Милля в то, что свобода женщины совместима с экономической зависимостью и полной ответственностью за домашнее хозяйство. Однако идеи Милля нельзя рассматривать как бездумную или эгоистическую реакцию благожелательного, но внутренне шовинистически настроенного мужчины, так как они были разделяемы многими феминистками его времени, включая некоторых членов группы «Лангэм Плейс» (см.: Rendall, 1987, ch. 4). Мэрион Рейд в 1845 г. писала почти теми же словами, что и Милль: женщинам необходимо предоставить гражданские и политические права, но при этом замужние женщины должны оставаться дома, и «наилучшие и благороднейшие женщины всегда будут находить высшее удовольствие в культивировании домашних добродетелей» (*Reid*. A Plea for Women, p. 16). Сам Милль, настаивая на полной ответственности замужней женщины за домашнее хозяйство, абсолютно упустил из виду стоимость домашнего труда. Рейд утверждала, что домашняя сфера отнюдь «не жалкое и низкое» дело (*Reid*. A Plea for Women, p. 21) и требует не меньше умственных усилий, чем большинство мужских занятий. Как и Уоллстоункрафт, она отстаивала ценность и значимость традиционных женских обязанностей и необходимость предоставления женщинам образования. Милль же не продемонстрировал уважительного отношения к домашнему труду, и в одной из ранних работ он даже позволил себе отрицать, что домашний труд можно рассматривать как серьезное занятие. Он утверждал, что в идеальном браке «не будет нужды для жены принимать участие в обеспечении того, что называется *поддержанием* жизни; для обоюдного счастья ее основное занятие, скорее, украшать ее и делать прекраснее» (Rossi, 1970, p. 75). Если не подходить строго к этому высказыванию, его можно интерпретировать как результат страстного увлечения молодого Милля Гарриет Тейлор, с которой он недавно познакомился. В то время когда он писал книгу «Подчиненность женщины», домашняя работа рассматривалась им как важная и утомительная деятельность. В любом случае остается загадкой, почему Милль считал, что разумная женщина свободно предпочтет либо «украшение жизни», либо утомительные обязанности по ведению домашнего хозяйства. Такой выбор имеет смысл только в том случае, если истинная реализация женщины заключается в обслуживании мужа — мысль, противоречащая всем доводам книги.

Критика либерализма Милля

Итак, критика в отношении работы Милля заключается в том, что он не смог логически следовать своим либеральным принципам. Другие критики, однако, считают, что его анализ несовершенен не столько из-за непоследовательного применения либеральных принципов, сколько из-за ограниченности самих принципов. Некоторые из них связывают эту ограниченность с использованием им утилитаристской теории. Как первоначально рассуждал Джереми Бентам, близкий друг отца Милля, Джеймса Милля, эта теория предлагает рассматривать законы и мораль не с позиций некоей абстрактной идеи, но в соответствии с тем, насколько они увеличивают общую сумму человеческого счастья [14]. При подсчете этой суммы (Бентам предлагал для этого свою сложную систему расчетов) предполагалось, что все люди стремятся максимально увеличить собственное благо и что счастье каждого индивида равноценно. Здесь просматриваются очевидные эгалитаристские позиции, позволившие Боралеви (Boralevi) утверждать, что утилитаризм имеет тесную связь с феминизмом, невзирая на то, что и Джеймс Милль, и временами Бентам, приходили к антифеминистским выводам (Boralevi, 1987; см. также: Ball, 1980). Некоторые феминистки, однако, считают, что предположение, будто все люди являются расчетливыми, соревнующимися, гедонистическими и автономными индивидами, весьма проблематично, эта парадигма свойственна мужскому мышлению и стилю поведения и упускает из виду взаимозависимость людей и женскую способность к заботе о других (См.: Jagger, 1983, ch. 3). Поэтому классический утилитаризм исключает женские свойства и не может быть основой адекватной феминистской теории.

Милль, однако, не поддерживал эту парадигму. Он всегда отрицал существование неизменной, навечно закрепленной человеческой сущности, утверждая, что человеческий характер есть видоизменяющийся продукт общественного влияния, а не постоянный факт природы [15]. Он также подчер-

[14] *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998, 415 с.

[15] См.: *Милль Дж.* Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. Текст русского перевода не дает напрямую подтверждения этой цитаты. В издании 1914 г., М.: Леман, на с. 785 читаем: «Иными словами, человечество не имеет одного всеобщего характера; но существуют всеобщие законы для образования характеров. А так как именно эти законы, в связи с обстоятельствами каждого отдельного случая, производят все явления человеческой деятельности и чувствований, то на них и должна основываться всякая рациональная попытка конкретного и отвечающего практическим целям построения наука о человеческой природе». — *От изд-ва.*

кивал взаимозависимость блага разных людей, считая, что в правильно организованном обществе «утилитаристский принцип требует, чтобы ... стремление к общему счастию сделалось обычным мотивом поступков каждого индивидуума и этот мотив имел широкое и преобладающее значение в человеческой жизни» [16]. По мнению Кул (Coole, 1988, p. 160), сходные рассуждения встречаются и у Томпсона, и оба писателя использовали эту модифицированную теорию утилитаризма в своих требованиях политических и юридических прав для женщин. Отсюда следует, что Милль не открыл ничего оригинального в философском смысле, и мы обнаруживаем поразительное сходство его аргументов с высказываниями Томпсона, которого он описывал как «очень почтенного человека, с которым я был хорошо знаком» [17]. Оба утверждали, что женщины должны быть включены в утилитаристские расчеты счастья и что они заслуживают всех юридических и политических прав, чтобы защищать свои интересы и иметь возможность самовыражения в любой выбранной ими сфере. Они считали, что мужчины также выиграют от женского равноправия, поскольку удовольствия интеллектуального партнерства гораздо выше радостей деспотизма, следовательно, мужчины только выгадают, если перестанут «жертвовать прелестями равенства... ради вульгарных удовольствий господства» (*Thompson*. Appeal..., p. 70). И, наконец, и это наиболее четко представлено в работе Милля, все общество выиграет, если отношения между полами будут основываться на справедливости и равенстве. Доводы Милля здесь сложны и затрагивают многие области. Наиболее важным из них является, во-первых, то, что сумма способностей и талантов в обществе удвоится с очевидной пользой для общественного процветания и прогресса. Во-вторых, политическая жизнь могла бы улучшиться, и «семейство, устроенное на справедливых основаниях, было бы настоящей школой всех добродетелей, порождаемых свободой» [18], где граждане познавали бы демократические добродетели самостоятельности и взаимной помощи и уважения. В-третьих, характеры мужчин и женщин станут более совершенными, поскольку «все эгоистические склонности — самообожание, несправедливое самопредпочтение, — существующие между людьми, имеют источник и корень свой в существующем ныне устройстве отношений между женщинами и мужчинами, и из этого устройства почерпают свою главную пищу» [19]. Милль также пишет в других работах, что если бы у

[16] *Милль Дж.* Утилитаризм. О свободе. СПб., 1900, с. 115.
[17] Автобиография Дж. С. Милля. СПб., 1874, с. 129.
[18] *Милль Дж. С.* Подчиненность женщины, с. 110.
[19] *Там же*, с. 202.

женщин была альтернатива замужеству, то это привело бы к сокращению угрозы перенаселения (*Mill.* Principles of Political Economy, p. 459) — а контроль над ростом населения для Милля и многих других либеральных экономистов являлся необходимым условием для экономического процветания.

По мнению Кул, подчеркивая выгоды для мужчин и общества, Милль отчасти отошел от строгой аргументации в пользу равных прав. Она считает, что его утилитаристская позиция открывает возможность для компромисса, поскольку из нее следует, что если бы равенство полов *не было* способом достижения большего счастья, по логике им можно было бы пренебречь, поскольку «права являются сейчас скорее средством для общественного благосостояния, нежели абсолютной целью каждого индивида» (Coole, 1988, p. 150) [20]. Здесь можно предположить, что заявление Милля было предназначено, скорее, для убеждения непосвященных, а не являлось основной частью его аргументации. Тем не менее, как было сказано выше, он просто не считал, что цели и средства находятся в противоречии. А если такое противоречие все-таки просматривается, то, согласно логике его рассуждений, это всего лишь результат неудачного социального устройства и недостатка образования. Истинное дитя Просвещения, он верил, что справедливое общество может быть построено в результате прогресса разума. Ему не приходило в голову, что возможна ситуация, когда интересы одной группы или класса могут непримиримо противоречить интересам других групп и классов. По его мнению, гармоничное общество отвечало бы интересам всех.

Другой аспект теории Милля, интересующий многих современных феминисток, касается тех поправок к утилитаристской теории Бентама, в которых он утверждал, что удовольствия *не равны* между собой и некоторые из них, очевидно, стоят выше других. К «высшим» удовольствиям он относил удовольствия ума, но не тела. Критики считают, что такая позиция снижает ценность женской репродуктивной деятельности и отрицает законность сексуального удовольствия, а также отрицает все, что традиционно приписывалось женскому полу. Из этого следует, что «истинно равноправная женщина — это та, которая преодолеет в себе все признаки женского» (Coole, 1988, p. 153). Действительно, как мы видели раньше, Милль недооценивал женский домашний труд и никогда не думал, что воспитательная роль женщин могла бы стать

[20] См.: *Милль Дж.* Утилитаризм. О свободе. СПб., 1900. Текст русского перевода не дает напрямую подтверждения этой цитаты, но на с. 190, например, читаем: "Все люди признаются имеющими право на равное с ними обхождение, за исключением тех случаев, когда общественная польза требует противного". — *От изд-ва.*

основанием для их возвеличивания. Наоборот, он разделял мнение Тейлор, что «нет неизбежной причины и потребности в том, чтобы все женщины добровольно выбирали посвящение своей жизни исполнению одной животной функции и связанным с этим последствиям» (*Taylor*. Enfranchisement of Women, p. 18). Секс тоже не может принести освобождение или удовлетворение и должен строго контролироваться. Милль писал, что невозможно реальное улучшение человеческой жизни до тех пор, пока «животный инстинкт занимает в ней непропорционально большое место» (Цит. по: Mendus, 1989, pp. 178—179). Его личная дружба с Гарриет Тейлор вызвала определенный скандал в обществе, но почти наверняка не была связана с сексом. Друг Милля Томас Карлейль писал: «Его «Платоника» и он сам, как всегда, последовательны: невинны, я верю, как целующиеся голуби, и страдают, однако, угрызениями совести от прикосновения языков» (Hayek, (ed.), 1951, p. 86). Сам Милль писал: «Мы категорически не согласны с мнением о том, что сильнейшая и нежнейшая дружба между мужчиной и женщиной не может существовать без чувственности» (*Mill*. Autobiography, p. 173) [21].

Мендус утверждала, что такая позиция демонстрировала обедненные представления Милля о человеческой природе, она находит его идеал брака — брака умов, но не тел — и сопутствующее ему видение женщин «глубоко искаженными и безрадостными» (Mendus, 1989, p. 172). Однако, как и в других случаях, взгляды Милля не столь оригинальны. Рассматривая секс в негативном свете, он демонстрировал представления, доминирующие в Викторианской Британии. Ранее мы видели, что таковы были и взгляды многих американских феминисток. Левин отмечала, что викторианское отношение к сексу базировалось преимущественно на *страхе* (Levine, 1987), в основе которого лежала возрастающая обеспокоенность общества мужским насилием, проституцией (особенно детской) и сопутствующей боязнью венерических заболеваний. Как и в Америке, решение проблемы виделось в контролировании мужской сексуальности. Начиная с 50-х гг. XIX в., проходили кампании против того, как «двойная мораль» была вписана в брачный кодекс, а к 60-м гг. XIX в. эти темы начали обсуждаться в ключе изменения законов о проституции, что вызвало огромное сопротивление. Целью известного «Акта о заразных заболеваниях» (который имел несколько версий, первая — в 1864 г.) было снижение высокого уровня венерических заболеваний в войсках. Этот Акт требовал, чтобы каждая женщина, живущая в городе, где располо-

[21] *Милль Дж.* Автобиография. История моей жизни и убеждений. М.: Книжное дело, 1896. Текст русского перевода не дает напрямую подтверждения этой цитаты. — *От изд-ва.*

жены военные гарнизоны, и которую полиция подозревала в проституции, проходила принудительное медицинское обследование на предмет инфицирования, именуемое в те времена «медицинским изнасилованием». Этот осмотр нередко представлял собой жестокое и отчасти публичное действие. Противники Акта, самой известной из которых была Джозефин Батлер, были возмущены «двойной моралью», когда на аморальные мужские поступки смотрели сквозь пальцы, в то время как «падшая женщина» не имела никаких прав. Некоторые из активисток сочувствовали проституткам, обвиняя мужскую греховность и общественную систему, не предоставлявшую женщинам альтернативного заработка. Эта кампания имела далеко идущие последствия. Во-первых, в ее основе лежало предположение, что у женщин есть общие интересы (поскольку и проститутка, и «невинная» жена, зараженная мужем, являлись жертвами мужской похоти), которые можно сформулировать в терминах мужской власти над женщинами. Во-вторых, возникала резкая неприязнь к мужской сексуальности, которая периодически проявлялась в истории феминизма и имеет место в резких критических высказываниях представительниц современного движения. В-третьих, сексуальная эксплуатация женщин увязывалась с вопросами оплачиваемого труда и образования. И, наконец, считалось, что возможность свободно распоряжаться собственным телом не может быть обеспечена без юридических и политических прав. Все эти идеи формировались в атмосфере отрицательного отношения к сексу, такого же, как у Милля (который поддерживал кампании Батлер), что позже вылились в более широкое движение за реформу морали, тесно связанное с суфражистским движением. Таким образом, взгляды Милля на сексуальность не были просто проявлением предрассудков пуританского, старомодного викторианского мыслителя, они вполне соответствовали радикальным феминистским акциям. Подобные представления сходны и с некоторыми высказываниями в современной феминистской литературе.

Милль также был обеспокоен проблемой мужского насилия в браке и потерей женой ее сексуальной автономии:

«К какому скоту-мужу ни была бы она прикована, хотя бы она знала, что он ее ненавидит, хотя бы он каждый день доставлял себе наслаждение истязать ее, хотя бы она чувствовала, что ей невозможно отнестись к нему иначе как с отвращением, — этот скот-муж имеет право требовать от нее того, что всего более унизительно для человеческого существа — чтобы она сделалась орудием животного отправления, противного ее склонности» [22].

[22] *Милль Дж.* Подчиненность женщины, сс. 77—78.

Отсюда следует, что, подобно многим американским феминисткам, Милль не считал, что подчинение женщины связано только с исключением ее из общественной жизни. Оно укоренилось в системе отношений в семье, именно там мужчина свободен был вести себя как истинный деспот:

> [мужья] «каждый день колотят до увечья свою бедную жену, потому что она одна из взрослых людей не может ни защищаться, ни уйти от них... Закон до весьма недавнего времени оставлял даже подобные крайние домашние тиранства ненаказанными» [23].

Так же как и американские феминистки, Милль понимал важность законодательных изменений для уничтожения этого угнетения в частной жизни. Чтобы женщины могли освободиться от домашней тирании, им необходимо образование и работа, тогда экономическая нужда не будет толкать их замуж; им также нужна полная защита со стороны закона, что подразумевало предоставление политических прав.

Хотя Милль был не первым, кто высказывался на эту тему, он был первым политиком, который попытался реализовать свои идеи на практике. Какое-то время он сам был членом парламента и внес поправку к Закону о реформе 1867 г. (предоставлявшую право голоса большинству представителей городского рабочего класса) с целью предоставления на том же основании прав женщинам наравне с мужчинами. Петицию в поддержку женского права голоса подписало около 1500 женщин. Поправка не прошла при 123 голосах «против», но 73 голоса «за» — не менее значимая цифра, и сходные реформы предлагались другими парламентариями на последующих заседаниях. Аргументы Милля в поддержку поправки демонстрируют со всей очевидностью, что он требовал политических прав не просто исходя из соображений абстрактной справедливости. Скорее он рассматривал право голоса как способ улучшения условий частной жизни женщин. Он отрицал, что интересы женщины могут быть увязаны с интересами ее мужа, и требовал разоблачения мифа о мужской защите — в этой связи он настаивал на том, чтобы «в этой палате прозвучал отчет о женщинах, ежегодно избиваемых до смерти, избиваемых ногами до смерти, растоптанных до смерти их собственными защитниками» (Kamm, 1977, p. 160).

Его вера в то, что с домашней тиранией можно покончить, гарантировав женщинам юридические и политические права, очень близка к позиции Стэнтон и подвергалась такой же критике. Несмотря на то, что ни Милль, ни Стэнтон не разобрались по-настоящему ни с проблемой экономической зависи-

[23] *Там же*, с. 86.

мости женщины в браке, ни с вопросом о разделении труда по признаку пола, оба настаивали, что юридических и политических реформ *самих по себе* недостаточно для преодоления подчинения женщин. Для этого, как считали они оба, необходимо изменение в сознании мужчин и женщин и их представлений друг о друге. Мужское господство, считал Милль, поддерживается не только посредством очевидных методов принуждения и лишения прав, но также посредством более тонкого и скрытого контроля над женским *сознанием*. Таким образом, весь женский опыт и воспитание внушают им исподволь идеи зависимости и добровольного подчинения. Их учат не только подчиняться, но и любить своего хозяина, потому что «мужчины требуют от женщины не только, чтобы она ему повиновалась, но еще чтобы она отдала ему всю свою душу... Поэтому они и сделали все возможное, чтобы поработить в женщине ум» [24]. Не замеченные многими критиками разделы, в которых Милль развивает эти идеи, вероятно, наиболее интересны в его книге, и вполне может быть, что именно они так восхитили Стэнтон. Однако эти взгляды не отличаются оригинальностью, очень похожая позиция встречается еще раньше у Томпсона.

Таким образом, образование становится неотъемлемой частью процесса эмансипации не только потому, что дает женщине возможность найти работу, но и потому, что может изменить ее самовосприятие, а необходимость быть привлекательной для мужчины перестанет быть главной целью ее жизни. В философии Милля образование, в его самом широком толковании, является средством улучшения общества, и, как мы видели ранее, положение женщины в семье непосредственно связывается с прогрессом в других сферах. Если гражданские права улучшают положение и статус женщины в доме, в семье уроки деспотизма и подчинения сменяются принципами партнерства и равноправия. Демократическая семья, таким образом, становится школой для демократических граждан.

Еще одно критическое суждение в адрес либеральных феминисток заключается в том, что их размышления были ограничены интересами только женщин среднего класса. Разумеется, Милль глубоко сочувствовал интеллектуальной фрустрации, испытываемой женщинами вроде Гарриет Тейлор, но он также поддерживал кампании Батлер против «Акта о заразных заболеваниях» и, как мы видели, был весьма обеспокоен положением жертв из рабочего класса, страдающих от мужского насилия. Более того, он отнюдь не поддерживал существующий социально-экономический порядок, при котором самые богатые погрязли в безделье, тогда как те, кто работал в поте лица,

[24] *Милль Дж.* Подчиненность женщины, сс. 35—36.

влачили почти рабское существование. Демонстрировал он и сочувствие идеям социалистов-утопистов и, сравнивая существовавший порядок с их предложениями по переустройству общества, пришел к выводу, что «налагаемые коммунизмом ограничения были бы свободой по сравнению с нынешним положением большинства людей» [25]. Однако он сам предпочитал решение вопроса через реформу системы частной собственности, в соответствии с которой права наследования могли бы строго контролироваться, а рабочие кооперативы и другие экономические модели совместной прибыли поощряться: «Нельзя ожидать, что делéние человечества на два неизменных класса — работодателей и работников — может существовать вечно» (*Mill*. Principles, p. 60). Однако верно и то, что Милль в отличие от Томпсона так и не проанализировал, каким образом капиталистическая система непрерывно и последовательно ставила женщин в невыгодную позицию. В его трудах отсутствует и теоретическое предположение о возможности конфликта интересов между классами или между полами. Однако его целью являлось установление равноправия между мужчинами и женщинами не в существовавшем неравноправном обществе, а в том, где и политическая и экономическая жизнь станут значительно демократичнее.

В определенном смысле феминизм Милля важен не потому, что он писал, но потому, кем он был. В целом, практически все его положения, описанные в книге «Подчиненность женщины», были раньше рассмотрены Томпсоном, об этом также писали Мэрион Рейд, Гарриет Тейлор и американские феминистки. Но благодаря своей славе он привлек к себе внимание слишком многих критиков и обвинялся и как за непоследовательность в своих принципах либерального индивидуализма, так и за непонимание ограниченности самих этих принципов. Подобно американским феминисткам, он не смог проанализировать основополагающие вопросы об экономической зависимости и разделении труда и не рассмотрел вопросы взаимозависимости классового угнетения и угнетения по признаку пола, как не увидел и того, что общественные институты не могут быть нейтральными, но действуют для выгоды одного класса или пола. Его отрицательное отношение к сексу также не вызывает симпатии современных авторов. Тем не менее, подобно многим феминисткам XIX в., он ограничился узким подходом законника, что подразумевает ярлык «либеральный феминист». Иногда его идеи на удивление весьма близки некоторым положениям современного радикального феминизма. И в силу интересных находок, и ввиду ограниченности взглядов Милля можно охарактеризо-

[25] *Милль Дж.* Основы политической экономии. М., 1980, с. 352.

вать как типичного викторианского сторонника феминизма. Несмотря на то внимание, которое привлекла его работа, он не предпринял никаких новых теоретических разработок данной проблемы.

Британия и Америка были не единственными странами, в которых феминизм получил развитие в XIX в. Однако и время и природа феминистских идей и движений различны. Эванс утверждала, что существовала общая схема развития, когда изначальные требования прав собственности, образования и оплачиваемого труда объединялись с кампаниями за реформу морали и в конце концов приводили к требованиям права голоса. Были важны и либеральные доводы за равноправие, что во многом было обусловлено становлением независимого среднего класса.

Итак, схожие аргументы возникали во многих странах индустриального мира, что позволяло придать международный характер развитию феминистских идей. Работа Милля «Подчиненность женщины» была опубликована в более чем 10 странах и способствовала становлению феминистского движения в Финляндии, Франции и Германии (Evans, 1977, p. 19). Точно так же пьеса Ибсена «Кукольный дом» (1879), в которой утверждалось, что женщина имеет права и как личность, и как жена и мать, имела международный резонанс (Цит. по: Schneir, 1972). Тем не менее XIX в. не может просто рассматриваться как время, когда была постепенно признана справедливость феминистских требований. Как будет показано в следующих главах, успех феминистского движения был не везде одинаков, и, хотя многие мужчины и женщины начали верить, что женщины должны иметь равные юридические права, когда дело касалось прав политических, многие соглашались с королевой Викторией, писавшей:

«Королева в нетерпении жаждет заручиться поддержкой каждого, кто может высказаться или написать свое мнение об этой безумной, дикой глупости «женские права»... Эта тема настолько разгневала королеву, что она не может сдерживать себя. Бог сотворил мужчин и женщин разными — и позвольте каждому из них оставаться на своем месте» (Цит. по: Kamm, 1977, p. 179).

Глава 3. ВКЛАД МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

С первого взгляда может показаться странным включение раздела по классическому марксизму в работу по феминистской политической теории, поскольку Карл Маркс не был феминистом. Это, однако, не значит, что он отрицательно относился к вопросу эмансипации женщин. Просто в отличие от Милля или Томпсона он не рассматривал тему угнетения по признаку пола как важную или интересную и никогда не делал ее предметом детального

эмпирического или теоретического исследования. Верно, что он не раз утверждал, что положение женщины может рассматриваться как показатель общественного прогресса, хотя к середине XIX в. эта мысль стала общим местом [1] и определенно не может считаться доказательством феминистского мышления. Современные авторы утверждают, что марксизм не только не предлагал феминистского подхода к истории, но и отводил женщинам изначально *пассивную* роль, рассматривая их в качестве страдалиц или тех, кто получает некоторые выгоды от истории, сделанной мужчинами (man-made history) (Coole, 1988; Barrett, 1987). Циники могут воспользоваться гораздо реже цитируемой формулировкой Маркса по этому поводу: «Общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола (дурнушек в том числе)» [2]. Тем не менее, хотя сам Маркс немного размышлял непосредственно о женщинах, его теория может претендовать на всеобъемлющий анализ истории человечества и общества, и впоследствии многие авторы пытались применить ее и к феминизму. Поэтому для понимания большинства современных феминистских идей необходимо хотя бы некоторое знание основных положений Маркса. Поскольку его теория предлагает нам перспективу, совершенно отличную от феминистских идей, рассмотренных выше, необходим хотя бы краткий ее анализ.

Классическая марксистская теория

Карл Маркс

Идеи, разработанные Марксом и Энгельсом, безусловно, являлись достаточно сложными и подвергались различным интерпретациям. В основе их лежал взгляд на историю и общество, в соответствии с которым мир постоянно меняется и движется к прогрессу. Утверждалось также, что либеральные идеи индивидуальных прав и свобод, справедливости и человеческой природы не являются универсальными принципами и обусловлены конкретными историческими обстоятельствами. Ключ к пониманию процессов исторического развития, по их мнению, лежит не в идеях, которым могут следовать люди, а в их производительной деятельности. Именно первое совместное действие по производству сформировало основу для раннего примитивного общества и послужило началом человеческой истории, так как

[1] См.: Милль. Подчиненность женщины. СПб., 1869, с. 40.

[2] *Маркс К.* — Л. Кугельману. В Ганновер. Лондон. 12 декабря 1868 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 32, с. 486.

«для жизни нужна прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первый исторический акт — это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» [3].

Поскольку средства производства постепенно усложнялись, изменялось и разделение труда и, соответственно, базирующиеся на них формы социальной организации. С производством излишков появился институт частной собственности и разделение общества на классы, а в соответствии с ними и для их поддержания стали развиваться законы, государства и системы верований, поскольку «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [4]. Процесс исторического развития не был ни случайным, ни гладким, а проходил через классовые конфликты и революции. Несмотря на то, что история человечества сопровождается постепенным покорением природы, она происходит также в условиях растущего отчуждения и эксплуатации. Капитализм XIX в. не рассматривался, однако, как конечная стадия человеческого общества, поскольку внутри него развивались условия, которые могли породить окончательную пролетарскую революцию. Только через нее человек мог достигнуть полного контроля над процессом производства, и только тогда могло возникнуть бесклассовое коммунистическое общество, в котором человечество обретет полную свободу, и «... лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [5]. В какой степени эти положения соотносятся с теорией технологического или экономического детерминизма, остается темой интенсивных политических и научных дискуссий. Ясно лишь, что для понимания социальной, политической и правовой систем, а также человеческих представлений о них Маркс предложил обратиться к экономическому устройству общества, на котором все они базируются. Из этого также следовало, что возможности реформирования общества весьма жестко ограничены социально-экономическими условиями и не являются лишь продуктом человеческих устремлений. Поскольку «люди сами делают свою историю, но они не делают ее так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые сами они

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Там же,* т. 3, с. 26.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* К критике политической экономии. Предисловие // *Там же,* т. 3, с. 7.

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Критика Готской программы // *Там же,* т. 19, с. 20.

выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [6].

Такой подход имеет очень важное значение для феминистской теории. Прежде всего потому, что семья и отношения полов, так же как и другие формы общественной организации, помещены в исторический контекст. Не являясь ни природной данностью, ни результатом человеческого сознания, они есть продукт конкретной исторической ситуации, а следовательно, могут быть изменены в будущем. Во-вторых, эти изменения не могут произойти благодаря призывам к разуму или принципам справедливости, а только вместе с прогрессом условий производства. В отличие от социалистов-утопистов Маркс и Энгельс считали, что «хорошее общество» не может быть создано по желанию, оно является результатом определенной стадии исторического развития.

«Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса

Фридрих Энгельс

Именно на этих идеях основывалась работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он использовал труд антрополога XIX в. Льюиса Моргана для того, чтобы проследить предполагаемую эволюцию семьи от самого раннего примитивного общества до настоящих дней. Он полностью отвергал идею о том, что современная семья является «естественной» и, наоборот, настаивал на том, что сексуальные отношения в ранних обществах были промискуитетными и не регулируемыми и что они постепенно эволюционировали, приняв форму «парной семьи», которая характерна для поздних форм примитивного общества. Поначалу такое развитие обусловливалось естественным отбором (который обеспечивал большую силу тем племенам, где запрет на инцест был сильнее), а затем желаниями женщин, которым «унаследованные издревле отношения между полами... все более должны были казаться... унизительными и тягостными; тем настойчивее должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или постоянный брак лишь с одним мужчиной» [7]. Примитивные общества также отличались от современного общества тем, что отношения между полами основыва-

[6] *Маркс К.* Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // *Там же*, т. 8, с. 119.

[7] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Там же*, т. 21, с. 56.

лись на *равноправии*. Хотя между ними и существовало разделение труда — женщины отвечали за домашний труд, а мужчины за сельское хозяйство и земледелие, — но в парных семьях (которые отличались от строгой моногамии) отсутствовало подчинение — женщины полностью царили в доме, и происхождение определялось по материнской линии (Энгельс называл это «материнским правом»).

Эта равноправная ситуация изменилась с появлением новых источников богатства в мужской сфере деятельности одомашнивания и разведения животных. Как только некоторые мужчины обзаводились собственностью и их власть в семье укреплялась, они желали передавать эту собственность своим детям. Для этого им надо было отменить установившийся порядок наследования и обеспечить строгую моногамию со стороны каждой женщины, которая становилась просто собственностью мужа и средством для рождения наследников. Как выразительно сказал Энгельс, «ниспровержение материнского права было *всемирно-историческим поражением женского пола*. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [8]. То есть подчинение женщин совпало с возникновением частной собственности и классового общества, так как именно тогда женщины утратили власть в доме и стали экономически зависимыми от мужчин. Это также означает, что угнетение женщин не имеет других материальных причин — оно является частью классового общества, а отнюдь не обязательной или неизменной характеристикой человеческих отношений. Отсюда следует, что ликвидация частной собственности положит конец угнетению по признаку пола, так как у мужчин больше не будет причин для эксплуатации женщин:

«... разделение труда вне семьи стало другим. Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме — ограничение ее труда домашней работой, — эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком. Уже здесь обнаруживается, что освобождение женщины, ее уравнивание в правах с мужчиной невозможно ни сейчас, ни в будущем, пока женщина отстранена от общественного производительного труда и вынуждена ограничиваться домашним частным трудом. Освобождение женщины... сделалось возможным только благодаря современной крупной промышленности, которая не только допускает женский труд в больших размерах, но и прямо требует его и все более и более стремится растворить частный домашний труд в общественном производстве» [9].

[8] *Там же*, с. 60.

[9] *Там же*, сс. 167—168.

Базис для новых равноправных отношений между полами, считал Энгельс, уже начал развиваться в капиталистическом обществе, поскольку индустрия все больше обращалась к женскому и детскому труду в фабричном производстве, и это имело серьезное влияние на распределение власти в семье. Почти сорок лет до того в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845) он был серьезно обеспокоен такими условиями занятости, отмечая опасное влияние их на семейную жизнь и описывая как «нелепое, бессмысленное положение» нередко встречающуюся ситуацию, когда «жена зарабатывает на всю семью, а муж сидит дома, смотрит за детьми, убирает, стряпает. Таких случаев очень и очень много, в одном Манчестере можно насчитать сотни таких мужей, обреченных на выполнение домашних работ». В таком положении, по его мнению, «мужчина перестает быть мужчиной, а женщина лишается своей женственности». Он также отмечал, что «нетрудно себе представить, какое справедливое возмущение вызывает у рабочих эта настоящая кастрация и к какому радикальному изменению всех семейных отношений она приводит в то время, когда все остальные общественные отношения остаются без перемен» [10]. Однако его беспокойство по поводу того, что работающие женщины пренебрегают своими обязанностями по хозяйству и уходу за детьми, приобретает совсем другое измерение, если вспомнить условия и характер ранней фабричной занятости и конкретные проблемы, с которыми сталкивались женщины, вынужденные работать в течение всей беременности (иногда даже рожавшие среди фабричных станков) и часто вынужденные вернуться к работе менее чем через неделю после родов. Они также сталкивались с проблемами сексуальных домогательств и сексуальной эксплуатации со стороны мужчин-хозяев. Описания Энгельса опираются в основном на анализ правительственных отчетов и официальную статистику и по-прежнему звучат как гневный приговор условиям труда середины XIX в.:

> «Женщины, неспособные рожать, дети-калеки, слабосильные мужчины, изуродованные члены, целые поколения, обреченные на гибель, изнуренные и хилые, — и все это только для того, чтобы набивать карманы буржуазии» [11].

И хотя, конечно, он по-прежнему выступал против капиталистической эксплуатации, к 1884 г. Энгельс уже рассматривал женскую занятость как прогрессивный фактор. Жена буржуа, доказывал он, превращается в машину для воспроизводства и объект для обеспечения сексуальных услуг, «отли-

---

[10] *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Там же*, т. 2, сс. 375—376. См. также следующее: «Во многих случаях работа женщины на фабрике не разрушает семью полностью, но ставит ее на голову» (с. 375).

[11] *Там же*, сс. 394—395.

чаясь от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница отдает свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство»[12], а ее экономическая зависимость от мужа означала, что «он в семье — буржуа, жена представляет пролетариат»[13]. Однако брак пролетариев не основывался на собственности, и, поскольку жена нередко имела собственный заработок, «... в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой, укоренившейся со времени введения моногамии»[14]. Это значило, что, как ни парадоксально, жена пролетария была менее угнетена как женщина, чем жена буржуа (хотя она оставалась угнетенной как работница), и что «первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству»[15].

Вторым условием, необходимым для освобождения, была социальная революция, которая, как считал Энгельс, могла скоро произойти и которая заменила бы капиталистическую экономическую систему на другую, основанную на обобществленной собственности. Как только исчезнет частная собственность, исчезнет и необходимость для мужчин производить наследников, а также возможность «покупать» женщин и как жен, и как проституток. В то же время производительный труд женщин не будет вынуждать их на отказ от домашних обязанностей, поскольку «частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными»[16]. Брак («эта смесь сентиментальности и домашних неурядиц») и отношения между полами также изменятся, поскольку не будут больше основываться на материальных потребностях. Энгельс утверждал, что существующая система отношений была, прежде всего, основана на ханжестве: моногамия, навязываемая женщинам, сопровождалась сексуальной свободой для мужчин, адюльтер и проституция, а не верность и любовь были основой буржуазного брака. Он считал, что на

[12] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи... // *Там же*, т. 21, с. 74. [Полностью цитата выглядит следующим образом: «... Этот брак по расчету в обоих случаях довольно часто обращается в самую грубую проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдает свое тело не так, как наемная работница отдает свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продает его в рабство». — *От изд-ва.*]

[13] *Там же*, с. 76.

[14] *Там же*, с. 74.

[15] *Там же*, с. 77.

[16] *Там же*, с. 78.

смену этим отношениям придет не промискуитет, а «индивидуальная половая любовь», которая, как он считал, уже была свойственна взаимоотношениям в среде пролетариата. Тем не менее он отказывался вдаваться в детали по поводу отношений полов в будущем, утверждая, что это будет известно только тогда,

> «когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий» [17].

Перед нами теория, которая рассматривает изменения в положении женщин как результат экономических процессов. Предполагалось, что подчинение женщин началось с возникновения частной собственности и классового общества, в среде неимущих классов оно уже утратило свои экономические корни, а с надвигающейся социалистической революцией исчезнет полностью как таковое. Для немарксистов такое явное низведение всех социальных проблем к экономическим обоснованиям делает подход Энгельса неприемлемым, так же как и его веру в неизбежную смену капитализма социализмом. Однако и современные марксисты также весьма критичны к концепции Энгельса, и его идеи пересматривались по разным направлениям.

Современная критика Энгельса

Одна из очевидных проблем — антропологические источники, на которые он опирался — в лучшем случае — они сомнительны (на эту тему см., например, Lane , 1976; Maconachie, 1987). Гипотеза о том, что существовала универсальная схема развития семьи начиная с самых древних человеческих сообществ, весьма спорна, так же как и положение о том, что существовало изначальное равноправие полов. Уверенность Энгельса в том, что у доисторического мужчины возникла потребность оставлять собственность наследникам, и в том, что именно мужчины стали обладателями первой собственности, также подвергается сомнению. Вполне возможно, что женщины были первыми, кто возделывал землю и не только обеспечивал пропитание, но и производил излишек. Поэтому многие авторы считают, что для установления контроля над своими материальными ценностями мужчина должен был прибегнуть к угнетению *до того*, как возникло классовое общество (Humphries, 1987). Одно из наиболее серьезных предположений, имеющее значение для дальнейшего осмысления теории Энгельса, состоит в том, что

[17] *Там же*, с. 85.

существовало изначальное и естественное разделение труда между полами, положение, которое можно также найти и в ранних работах Маркса [18]. Несмотря на его утверждение, что в социалистическом обществе домашнее хозяйство и уход за детьми будут коллективными, он не счел необходимым разобраться, кто именно будет выполнять эту работу. Учитывая другие его высказывания, можно предположить, что ее могли бы выполнять женщины, по крайней мере так и считали многие поздние марксисты.

Допущение, что женщины естественным образом ответственны за дом и семью, мешало Энгельсу понять современное ему общество и привело к игнорированию труда женщин в докапиталистической экономике. Он видел проблемы, с которыми сталкивалась женщина, пытавшаяся совмещать оплаченный труд и домашнее хозяйство, но никогда по-настоящему не анализировал последствия этого «двойного угнетения» и не предлагал облегчить его с помощью мужского участия. В долгосрочной перспективе решение виделось в коллективизации домашнего труда. Он также не задумывался над тем, что муж-пролетарий может эксплуатировать жену, отказываясь от участия в домашней работе. Подобным образом, в его подходе уделено мало места особому угнетению женщин как *работниц*. В частности, ему не удалось объяснить, почему женщинам платили намного меньше, чем мужчинам. Он также не углубился в смысл мужского неприятия женского труда. Его вера в то, что с развитием капитализма будет расти потребность в женской рабочей силе, не позволила ему увидеть, что в некоторых сферах занятости успешно работала система «семейного заработка» (то есть заработка достаточно высокого, чтобы содержать зависимую жену и детей).

Энгельс также подвергался критике за его взгляды на человеческую сексуальность (см. Evans, 1987; Jaggar, 1983; Millett, 1985). Подобно умеренным феминисткам, упоминавшимся ранее, он отрицал ханжество двойного стандарта, в соответствии с которым восхвалялось целомудрие женщин и в то же время оправдывалась широко распространенная проституция. И его предположение о том, что нравственность находится в зависимости от экономических потребностей, прогрессивно по отношению к предшествующим теориям. Однако он был твердо убежден, что сексуальные устремления мужчин *от природы* сильнее, чем у женщин, не задаваясь вопросом о возможном влиянии социальных и экономических условий. Поэтому он предположил, что именно женщины, а не мужчины изначально сочли групповой брак «унизительным». Он постоянно употреблял такие выражения в отношении женщин, как «отдавала себя» или «уступала» мужчине, — фразеология, ко-

[18] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Там же*, т. 3, сс. 20 и 30.

торая, похоже, исключает идею о том, что сексуальные отношения могут быть равноправными и доставлять взаимное удовлетворение. Также он считал естественными только гетеросексуальные отношения, определяя гомосексуализм как «отвратительное занятие», которого, совершенно очевидно, не могло бы существовать в социалистическом обществе. В то же время акцент Энгельса на экономической мотивации нередко приводил к упрощению сексуального поведения и морали. Например, он считал, что при социализме, в котором за детей будет отвечать все сообщество, не будет места опасениям за «последствия», которые заставляют молодую девушку «отказываться от близости с любимым мужчиной» [19]. Мысль о том, что эффективная контрацепция может также избавить ее от таких опасений или что девушка просто не захочет беременности, похоже, не приходила ему в голову. Точно так же семья может выполнять важную экономическую функцию, но *сводить* ее только к этой функции — весьма сомнительно, поскольку игнорируются психологические взаимоотношения, а также, как мы видели, возможность угнетения в пролетарской семье. Такой экономический редукционизм упускает из виду и последствия, вытекающие из различия в сексуальных потребностях, которые Энгельс рассматривает как «естественные». Он описывает, как похищали и «сексуально использовали» девушек на поздних стадиях примитивного общества [20], но он не увидел, что это противоречит его утверждению, что эти общества основывались на социальном равенстве полов, и не задумался также о подобных проявлениях в будущем. В его теории никогда не рассматривалась возможность того, что мужская сексуальность может попрежнему быть опасной для женщин в социалистическом обществе. В отличие от многих современных феминисток ни Энгельс, ни Маркс никогда не рассматривали изнасилование как инструмент мужской власти над женщиной.

Таким образом, Энгельса был не способен признать, что пролетарская семья может быть источником угнетения и сексуальной эксплуатации, а не равноправия. Он на удивление мало уделил внимания проблеме домашнего насилия, которая широко обсуждалась в XIX в. и которая, как мы видели, была центральным вопросом для многих феминисток и в Британии и в Америке. Единственным его комментарием на эту тему была половина фразы, в которой упоминалось о «некоторой грубости в обращении с женой, укоренившейся со времени введения моногамии» [21]. В целом у него были очень ро-

[19] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Там же*, т. 21, с. 85.

[20] *Там же*, сс. 49—52.

[21] *Там же*, с. 74.

мантические представления о пролетарском браке, который он считал результатом свободного выбора по любви и сексуального влечения и в котором, по его мнению, мужская жестокость не могла продолжаться, поскольку для этого не было экономических оснований, а жена всегда имела возможность уйти. Эта наивная позиция не принимала во внимание реальную жизнь многих женщин и тот факт, что нередко они *не могли* свободно уйти от жестокого мужа. Помимо страха мщения, женщины не желали оставлять своих детей, лишь немногие имели возможность зарабатывать достаточно, чтобы прокормить себя, не говоря уже о детях. Как мы видели, Энгельс не задумывался о причинах и последствиях низкой оплаты женского труда, а также не учитывал преимуществ, получаемых супругом от сексуальных и бытовых услуг жены независимо от того, продолжал ли брак основываться на любви.

Адекватность марксистских понятий

В некоторой степени обозначенные проблемы можно считать поверхностными и обусловленными личными взглядами и предрассудками Энгельса, а не его методологией. Тем не менее остается вопрос, насколько марксизм действительно способен увидеть и воспринять любые внеэкономические источники угнетения, для чего необходимо обратиться к марксисткой теории истории. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс рассматривали производство и воспроизводство как базис общества:

«... производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения — появляется сразу в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» [22].

Энгельс развил это положение в часто цитируемом отрывке из Предисловия к книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства»:

«Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи» [23].

[22] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Там же*, т. 3, с. 28.

[23] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Там же*, т. 21, сс. 25—26.

Несмотря на эти формулировки, ни Маркс, ни Энгельс не отводили производству и воспроизводству равной роли. Как мы уже видели, Энгельс говорил, что в ранних человеческих сообществах семья развивалась автономно, но доказывал, что это независимое развитие прекратилось, когда достигло стадии «парной семьи», и что «... если бы, следовательно, не начали действовать новые, *общественные* движущие силы, то не было бы никакого основания для возникновения из парного сожительства новой формы семьи. [Но такие движущие силы вступили в действие]» [24]. Дальше он утверждал, что такие социальные факторы появились в Европе вместе с появлением частной собственности, но в Америке их не было, и поэтому туземная американская семья сохранила свою доисторическую форму. Из этого следует, что семья и отношения полов развивались по своей собственной схеме только в доклассовом обществе. А на протяжении почти всего известного исторического периода форма семьи зависела от развития производства. Маркс не высказывался настолько конкретно по этому поводу, но совершенно очевидно, что, хотя он и рассматривал воспроизводство как часть материальной базы общества, оно не мыслилось им как независимое. В принципе, он не считал угнетение женщин теоретически интересной темой, скорее просто производным классового общества, а не чем-то, что нуждается в осмыслении само по себе.

По существу, Маркс и Энгельс никогда подробно не анализировали и вопрос о том, какими путями развивались во времени отношения между полами и структура семьи. А в контексте практической политики вся тема угнетения женщины, скорее, отсутствовала. Маркс говорил, что конечно женщины могли присоединиться к «Первой международной ассоциации рабочих» (First International Workingmen's Association), и даже предлагал создать в ней женские отделения (см. Vogel, 1983, p. 71). Тем не менее мысль о том, что женщины как социальная группа могут иметь общие цели и их интересы могут быть противоположны интересам мужчин, у него не возникала. Многие более поздние марксисты интерпретировали позицию Маркса и Энгельса так, что проблемы отношений между полами должны быть отложены «до свершения революции» и что любые попытки улучшать положение женщин в отдельности в лучшем случае есть проявление буржуазной отсталости, а в худшем — попытка разобщить рабочий класс и отвлечь его от классовой борьбы. Как мы увидим в последующих главах, установка на то, что если мы «будем заниматься классовой борьбой, то феминизм сам позаботится о себе», критиковалась некоторыми современными феминистками. Они не согласны с тем, что марксистская теория грешит грубым редукционизмом, и утвержда-

[24] *Там же*, с. 57.

ют, что существует непосредственная связь между экономическим устройством и положением женщин. По мнению марксистских феминисток, воспроизводство является основополагающей частью материальной базы и должно учитываться при правильном толковании общественных процессов. То есть между производством и воспроизводством происходит постоянное взаимодействие, что, в свою очередь, предполагает взаимосвязь классовой борьбы и борьбы между полами. В практическом смысле это означает, что мужскому сексизму в организациях левого толка и в среде рабочего класса вызов может быть брошен на законных основаниях.

Несмотря на такие попытки «спасти» марксизм для феминизма, некоторые критики тем не менее полагают, что ключевые положения марксистской теории не являются гендерно нейтральными. Хотя Маркс и не применил их к женщинам, но в любом случае они отражают мужской взгляд на мир (подобно либеральным идеям о разуме, автономии и конкуренции), который не принимает во внимание женские потребности и женский опыт. Так, например, отмечается, что концепция «производительного труда» опирается на мужскую парадигму деятельности, которая игнорирует домашнюю работу женщин. Одновременно акцент на приоритете экономических классовых интересов и противоречий не позволяет учесть возможность объединения всех женщин независимо от их экономического положения (а также игнорирует расовое разделение в обществе). Другие критики утверждают, что вся концепция исторического развития как процесса покорения природы человеком отражает истинно мужской подход, из-за которого сегодня происходит экологический кризис, и стремлению покорить или победить природу противостоит женский подход, основанный на взаимодействии с ней и понимании ее. Защитники марксизма, однако, возражают, что, несмотря на очевидные ограничения, его идеи являются истинными открытиями. Так, Вогел утверждала, что, хотя сам Маркс и не развивал феминистские аспекты своих экономических категорий, они тем не менее *содержат* необходимые посылки для понимания домашнего труда и роли женщин в капиталистической экономике. Она считает, что при их правильном применении положения Маркса позволяют нам понять, как пролетарская семья и распределение половых ролей внутри нее служат капиталистическим потребностям через «воспроизводство рабочей силы». Это означает, что, хотя и Энгельс мог ошибаться, считая передачу собственности основной экономической функцией семьи и не замечая угнетения женщин в среде рабочего класса, тем не менее причины угнетения по признаку пола в семье и обществе действительно происходят из экономических условий (Vogel, 1983; дальнейшее обсуждение этих идей см. в гл. 13).

Баррет обнаружила сходные предпосылки феминистской теории в марксистской концепции идеологии и отчуждения и в положениях, изложенных в ранней работе «К еврейскому вопросу» (1843). Для Маркса и Энгельса идеи не были неизменными или неисторичными, а являлись продуктом реальных человеческих жизней и опытов. Любая идеология, по их мнению, это комплекс таких утверждений, в которых содержится попытка понять устройство мира, но которые, будучи увязаны с конкретными классовыми отношениями, могут лишь частично объяснить реальность. Основанная на конкретном опыте, идеология может содержать в себе элементы истины, но в то же время она искажена узкими классовыми интересами и убеждениями. Обычно правящий экономический класс способен навязать свое понимание реальности всему обществу. Поэтому идеология становится важным средством, с помощью которого правящий класс удерживает свою власть, и «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» [25]. Как отмечает Баррет, применение этой идеи к пониманию того, как мужчины могли сохранять контроль над женщинами через контроль над их мышлением, очень плодотворно. Однако она предупреждает об опасности прямого перенесения этой концепции в сферу политик пола, которые могут не основываться на экономических отношениях того же плана. Как она пишет, Маркс предлагает нам скорее «догадку, метафору для дальнейших размышлений, но едва ли готовую проработку или теоретическое изложение гендерной идеологии» (Barrett, 1987, p. 53).

Концепция отчуждения, имеющая особое значение в ранних трудах Маркса, также содержит потенциальные феминистские открытия, но отнюдь не готовую феминистскую теорию. Восходя к философии Гегеля, это понятие фокусируется на идее *утраты человеком контроля* над тем, что он сам создал. Как мы видели, Маркс считал производительную деятельность человека движущей силой развития истории. Однако по мере усиления производительных сил утратилась способность человека контролировать или понимать процесс этой деятельности. То, что прежде являлось выражением человеческого творческого потенциала, стало просто средством для достижения цели — денег. Из этого следует, что производство стало отчужденным, навязанным действием, а рабочий полностью утратил контроль над продуктами своего труда, более того, чем больше он производил, тем выше становился уровень его бедности. Этот процесс окончательно оформился в условиях капиталистического производства, при котором максимальное разделение труда уничтожило остатки творчества или удовлетворенности трудом, а бед-

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Там же*, т. 3, с. 45.

ность стала абсолютной при огромном увеличении богатства. Однако в то же время процесс отчуждения создает условия для возникновения новой, более развитой формы общества, в которой человек сможет пользоваться всеми преимуществами технологического прогресса и производственной кооперации. Таким образом,

> «*коммунизм* как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как подлинное *присвоение человеческой* сущности человеком и для человека, а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития возвращение человека к самому себе как к человеку *общественному*, т. е. человечному»[26].

Хотя эта концепция определенно основывается на идее производительной деятельности и, как мы уже видели, на мужской парадигме, некоторые современные авторы утверждают, что в ней содержатся важные основы для феминистского толкования (см. Jaggar, 1983; Foreman, 1978) и в принципе она может предложить подход к пониманию аналогичной утраты женщинами контроля над *репродуктивным* процессом. Достижения в области контрацепции и репродуктивных технологий стали скорее средствами контроля, чем средствами освобождения женщин. Некоторые также утверждают, что женщина превратилась в упакованный, феминизированный рыночный товар и, таким образом, стала отчуждена от собственного «я» и собственной сексуальности. Вероятно, более важно то, что понятие отчуждения было увязано с разделением труда в обществе. Оно достигло своей крайней формы при капитализме, но Маркс считал, что с ним будет покончено или же оно будет сведено до минимума в будущем коммунистическом обществе, в котором труд станет свободным и сможет приносить удовлетворение. Хотя он специально не анализировал разделение труда по признаку пола, многие современные феминистки рассматривают эту тему как главную и утверждают, что мужчины и женщины смогут полностью реализовать свои возможности только тогда, когда домашние обязанности, как и производительный труд, будут выполняться совместно. Однако, несмотря на то, что концепция отчуждения представляется значимой, никто из современных авторов не применял ее систематически. Барретт сформулировала скорее другой тезис, утверждая, что эта концепция помогает нам понять, как люди сами могут создавать условия для собственного угнетения, рассматриваемого «не как неизбежное принуждение, но как процесс, в котором участвует сам угнетаемый» (Barrett, 1987, p. 51). Опять же, применение этого положения к роли женщин в поддержа-

[26] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Там же*, т. 42, с. 116.

нии их собственного угнетения, особенно в семье и через социализацию детей, весьма интересно, но до сих пор по-настоящему не исследовано.

Как дальше отмечает Барретт, некоторые идеи, изложенные в раннем эссе Маркса «К еврейскому вопросу», могут оказаться полезными для феминистской теории; эта работа также помогает определить, каким образом марксистский феминистский анализ может отличаться от либерального феминистского подхода. Маркс проводит четкое различие между политической эмансипацией и эмансипацией человека. Первая подразумевала, что все люди равны как граждане, но при этом не затрагивались истинные отношения неравноправия в обществе. Так, государство «провозглашает, что происхождение, сословие, образование, профессия не являются политическими», но, «весьма далекое от того, чтобы *упразднить* все эти *фактические* различия, государство, напротив, существует лишь при условии, что эти различия существуют» [27]. Таким образом, идея формального равенства всех людей как граждан только прикрывает реальное неравенство, на котором основано государство. Реальная эмансипация человека подразумевает такую трансформацию общества, в котором эти различия будут лишены их материальной базы, и искусственное разделение между государством и обществом, гражданином и отдельной личностью исчезнет. Маркс применил эти идеи непосредственно по отношению к евреям, которые, как он считал, не могут стать свободными, просто отказавшись от собственной религии для получения политических прав. Сходным путем, применение этих идей к женщинам означает, что подчинение женщин не прекратится, если пол перестанут различать в политике и законодательстве, и, следовательно, важны не столько равные права, сколько экономические и социальные условия, на которых основывается субординация. Здесь мы видим основополагающее отличие между марксистским и либеральным феминизмом и предпосылку «зрелой» марксистской теории, которая рассматривала политическую власть как продукт экономических условий, а не независимую причину социальных изменений. В этих положениях прослеживается также связь с радикальным феминизмом в отношении повсеместности власти и искусственности разделения между частным и общественным. Однако то, в какой степени государство может быть автономным или само выступать «ареной конфликта», широко обсуждалось поздними теоретиками марксизма, особенно в отношении того, что данная теория не обязательно исключает необходимость борьбы за политические и юридические права. То есть, несмотря на то, что права могут быть реализованы только в конкретный исторический период и не являются конечной це-

[27] *Маркс К.* К еврейскому вопросу // *Там же*, т. 1, с. 390.

лью борьбы, они представляют собой важные ступени в достижении конечной цели, а также значимые победы в определенные периоды. Немногие женщины согласились бы сегодня оказаться в условиях узаконенного рабства Викторианской эпохи, как бы далеко при этом ни было современное общество от фактического равноправия полов.

Еще одно различие марксистской и либеральной феминистской теориями коренится в разном понимании человеческой природы. Либеральная идея о том, что рациональность людей как определяющая характеристика человечества и, следовательно, основа политических прав не подразумевает взгляд на человека как на *творца*, чья целенаправленная и спланированная деятельность отличает его от животных, в отличие от которых «человек производит, даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее» [28]. Верно, что в своих поздних работах (1846) Маркс отвергал идею о существовании исходной «человеческой сущности», поскольку человек, как он утверждал, есть просто продукт общества и «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [29]. Однако, как мы уже видели, именно производительная деятельность человека создает, в свою очередь, общество, так что, человек в результате творит себя сам. Следовательно, хотя люди и отличаются друг от друга в разные исторические периоды, их производительная деятельность остается основополагающим фактором. Эта идея сознательного творчества не согласуется с дуализмом многих либеральных постулатов, утверждающих, что умственная деятельность выше физической. Маркс считал, что это разделение искусственно и что оно будет преодолено в коммунистическом обществе [30]. Это означало, что рождение и воспитание детей, домашняя работа женщин не могут считаться изначально ниже мужской интеллектуальной деятельности, как считали многие либералы. И, хотя Маркс и Энгельс были склонны недооценивать женский труд, это происходило потому, что он был организован как индивидуальное обслуживание, а не из-за того, что они считали его природным атрибутом. То есть марксизм как теория потенциально способен положительно анализировать труд, традиционно выполняемый женщинами. Из этого также следует, что сексуальность может признаваться в качестве человеческой активности, что, как мы убедились

[28] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Там же*, т. 42, с. 93.

[29] *Энгельс Ф.* Тезисы о Фейербахе. Тезис 6. // *Там же*, т. 42, с. 265.

[30] *Маркс К.* Критика Готской программы // *Там же*, т. 19, с. 20.

выше, отрицали Джон Стюарт Милль и другие либеральные феминистские авторы. Маркс в 1844 г. писал, что хотя для отчужденного рабочего секс сводился к животной функции, «еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции» [31]. Энгельс, несмотря на сомнительные представления о половых различиях, считал «индивидуальную половую любовь», а не «брак умов» Милля высшей формой взаимоотношений между мужчиной и женщиной. В отличие от либерализма марксизм не предоставляет теоретических обоснований для неприятия сексуальности и чувственного удовольствия.

Марксизм, несомненно, комплексная теория, хотя, открывая для феминизма возможности новых открытий, он не является чем-то типа «клада», из которого по желанию могут быть извлечены готовые ответы. Разработанные Марксом идеи в отношении классов и экономических процессов *могут* быть применены для анализа отношений полов, но их невозможно переносить автоматически. В любом случае марксизм претендует на статус всеобъемлющей теории и содержит значительное число ключевых положений, которые должны сформировать основу для марксистского феминистского подхода. Прежде всего, совершенно очевидно, что для марксистов вопрос о социальном равенстве полов не может анализироваться в абстрактных терминах, но только в историческом контексте. Во-вторых, сопротивление освобождению женщин видится не просто как результат несправедливости, а как отражение материальных интересов и экономических потребностей общества. В-третьих, эмансипация женщин, как и любой другой угнетенной социальной группы, не означает лишь наличие политических и юридических прав, но она может быть достигнута только через полную реструктуризацию общества для достижения реального экономического равенства. В-четвертых, материальные условия для этих изменений развиваются в существующем обществе; успешная трансформация возможна только при наличии этих объективных условий и осознанной революционной воли и организации. В-пятых, борьба за равноправие полов неразрывно связана с экономической классовой борьбой; полная свобода для женщин, как и для мужчин, требует смены капиталистического строя коммунистическим. И, наконец, если женщины хотят обретения равенства с мужчинами, они должны добиться полной экономической независимости, но, чтобы этот фактор стал источником освобождения, домашнее хозяйство и уход за детьми должны быть реорганизованы на коллективной основе.

[31] *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Там же*, т. 42, с. 91.

В этом заключаются «позитивные» аспекты, применимые к феминистской теории. На «негативном» полюсе марксизм исключает возможность внеэкономического угнетения, что означает, что любые возможности конфликта интересов между полами без экономической подоплеки исключаются, равно как и вероятность существования патриархата в бесклассовом обществе. Современные феминистки, желающие воспользоваться марксистской теорией в менее редукционистском направлении, вынуждены решать проблему взаимозависимости отношений между полом и классом, патриархатом и капитализмом, и, как мы увидим в последующих главах, это проблемное поле породило множество дискуссий.

Глава 4. ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ФЕМИНИЗМА: ЗАВОЕВАНИЕ ПРАВА ГОЛОСА И ПОСЛЕ, 1880—1939 ГОДЫ

Положение женщин в конце XIX века

К концу XIX в. и в Британии, и в Америке многие требования феминисток раннего периода были достигнуты. Хотя до равенства возможностей было еще далеко, постепенно реализовывалось право на образование для девочек и женщин. Это, в свою очередь, вызвало потребность в учителях, что явилось источником новых рабочих мест для женщин среднего класса, так же как «машинописная революция», произошедшая в 90-х гг. XIX в., значительно способствовала распространению конторской работы. Само по себе улучшение образования для женщин, однако, не изменило их традиционной роли в обществе, так как начальное образование, которое получало большинство девочек, скорее акцентировалось на домашних навыках, нежели способствовало расширению кругозора. В колледжах для девушек также готовили образованных жен и матерей, а не независимых личностей. Появившиеся новые виды занятостидля женщин тоже не обязательно означали женское освобождение, а становились часто новыми формами эксплуатации. Немногие женщины преуспели в профессиональном плане, и для большинства тех, кто получил оплачиваемую работу, экономическая независимость обеспечивала лишь выживание, а не самореализацию. В общем, новые возможности возникли «... в меньшей степени из-за требований феминисток ... но скорее как ответ на потребности предпринимательства, рынка труда и правительства в послушной, образованной и дешевой рабочей силе» (Rubinstein, 1986, p. x).

Важно к тому же помнить, что в это время в обеих странах основным занятием женщин было обслуживание на дому, а в Америке большинство черных женщин все еще работали на полях. Несмотря на это, можно было считать, что

ключевые требования Мэри Уоллстоункрафт и других феминисток раннего периода были достигнуты. Мир знаний перестал быть исключительно мужской монополией, образование стало рассматриваться как необходимый атрибут ответственного материнства, женщины среднего класса, которые не могли (или не хотели) выходить замуж, наконец могли найти достойные альтернативы. Более того, поскольку в принципе были признаны женская рациональность и способность к обучению, потерял силу важный довод против того, чтобы дать им полные юридические и политические права. Улучшение образования давало женщинам всё больше навыков и уверенности для проведения кампаний за получение этих прав.

Многие феминистские требования были успешно воплощены и в правовой сфере. К концу века женщины Британии и Америки добились значительной юридической самостоятельности: замужняя женщина могла владеть собственностью и оставлять себе заработанные деньги; у нее появились новые права относительно опеки и обеспечения своих детей; в какой-то мере она была защищена против физического насилия со стороны мужа. Законы о разводе все еще свято сохраняли двойной моральный стандарт (так, обычная измена была основанием для того, чтобы развестись с женой, но не с мужем), но у женщины теперь было юридическое право уйти от мужа. И хотя муж все еще имел по отношению к жене сексуальное право, в том смысле, что изнасилование в браке не считалось преступлением, он утратил юридические механизмы для навязывания этого права. Сексуальному главенству мужчин над женщинами был брошен вызов отменой «Акта о заразных заболеваниях» (см. гл. 2) и повышением возраста совершеннолетия для девушек (до 16 лет в Англии и до 18 лет в некоторых американских штатах). Следовательно, хотя к 1900 г., женщины, несомненно, не были полностью равноправны с мужчинами, самые вопиющие юридические нарушения их личностных прав в общем были устранены. Как и в сфере образования, в принципе было признано, что к женщинам можно относиться как к рациональным и самостоятельным личностям, хотя и как к личностям, которые иногда нуждаются в мужской защите.

Эти официальные изменения сопровождались переменами в общественном поведении и ожиданиях, особенно со стороны женщин среднего класса, и «новая женщина» 90-х гг. XIX в. изображалась в прессе и романах того времени как свободомыслящая, экономически независимая образованная личность. Часто ее представляли и жалким созданием, теряющим присущую ей женственность в смешных попытках копировать достижения мужчин. Но те, кто стремился найти для себя в обществе чего-то большего, нежели мужа,

кто верил в себя, как Мэри Эстелл двумя веками раньше, были «способны на большее, чем унизительное завоевание каких-то жалких сердец» (см. гл. 1), видели в этом образе героиню. Вместе с зарождением образа «новой женщины» возник широко обсуждаемый «бунт дочерей»: все больше молодых женщин отказывались подчиняться косным социальным ограничениям, налагаемым обычаями и родителями. Этот протест символически проявился в «велосипедном помешательстве» 90-х гг. XIX в., давшем беспрецедентную свободу молодым женщинам. Однако новые веяния не сопровождались сколько-нибудь заметным движением к сексуальной дозволенности, «свободная любовь» и контроль над рождаемостью рассматривались скорее как источники сексуальной эксплуатации, а не раскрепощения женщин. Тем не менее сексуальные темы обсуждались теперь с большей открытостью, и, хотя многие молодые женщины все еще не знали об этих «фактах жизни», неведение уже не было тотальным, как прежде. Выступления Жозефины Батлер против «Акта о заразных заболеваниях» и пьеса Ибсена «Привидения» (1881), в которой говорилось о последствиях врожденного сифилиса, свидетельствовали о постепенном переходе к обществу, в котором «приличным» женщинам дозволялось знать о том, что проституция, венерические болезни, да и секс существуют как таковые (Kent, 1990).

В это же время женщины стали с беспримерным размахом включаться в общественную жизнь. Для некоторых представительниц среднего класса эта общественная деятельность стала продолжением традиционной благотворительной работы: и в Британии, и в Америке росло движение «поселенок», когда женщины среднего класса стремились преобразовать и улучшить условия жизни рабочего класса, поселяясь вместе с ними. С 70-х гг. XIX в. женщины в Англии активно участвовали в школьных советах и проводили в жизнь «Закон о бедности». В целом возросло число движений за социальные реформы, возглавляемых женщинами или осуществляемых при их активном участии. Представительницы рабочего класса сами начали создавать как независимые, так и смешанные организации. Например, в Англии к началу XX в. «Women's Cooperative Guild» («Кооперативная женская гильдия») насчитывала более 14 тыс. членов. В профсоюзах все еще состояло очень немного женщин. Такие объединения сталкивались с враждебностью не только работодателей, но и мужчин-рабочих, кроме того, активному участию женщин в этой сфере весьма мешали и их домашние обязанности. Несмотря на это, вместе с постепенным ростом организованного труда некоторые женщины начали участвовать в забастовках и профсоюзной деятельности, а потребности женщин-работниц стали вноситься в политическую повестку дня.

Таким образом, к концу века женщины уже не были полностью исключены из общественной жизни и политических дискуссий, и многие из них не только отстаивали право на участие в социальной жизни вне дома, но и реально это делали. Большинство возникших клубов и организаций не были осознанно феминистскими, но они создали поколение женщин, опытных в проведении кампаний, в создании организаций, в публичных выступлениях и сборе средств. Для таких женщин право голоса, на которое только намекала Мэри Уоллстоункрафт и которое казалось столь революционным требованием в Сенека Фоллз в 1848 г., теперь рассматривалось и как то, чего они явно заслуживают, и как одно из ключевых прав, которого они лишены. В этом контексте суфражистские кампании стали преобладать в женском движении Британии и Америки «не для того, чтобы только пробудить интерес, но выразить требование того, чего мужчины не желали уступать» (Levin, 1987, p. 57).

Суфражистская кампания

В начале XX в. феминистские усилия сосредоточились на кампании за право голоса, что часто рассматривается как сужение интересов феминисток, отвлечение от более серьезных проблем, ошибочная подмена реальности формальными атрибутами политической власти и игнорирование экономического, идеологического и сексуального господства мужчин над женщинами. В этой главе будет показано, что не будучи чисто либеральным феминистским требованием, как подразумевает такой комментарий, суфражистская кампания для разных людей имела разное значение и часто основывалась на противоречивых предположениях. Для некоторых женщин достижение избирательного права действительно было само по себе конечной целью. Для других оно выступало всего лишь частью более широкой цели или средством для ее достижения, так что «в борьбе за право голоса суфражистки хотели ни больше ни меньше, но полного преобразования жизни женщин» (Kent, 1990, p. 3). Следовательно, лозунг «право голоса для женщин» был обманчиво простым, скрывающим весьма различные политические точки зрения. Именно к их анализу мы сейчас и приступим.

Равенство или различие?

Очевидно, что требования права голоса, как показано в предыдущих главах, могли вытекать из либеральных принципов. Так, Мэри Уоллстоункрафт, Элизабет Кейди Стэнтон и Джон Стюарт Милль утверждали, что женщины, как и мужчины, — рациональные и самостоятельные личности, поэтому им должны быть предоставлены полные и равные политические права. В то же вре-

мя эти авторы предполагали возможность природных различий между полами, и утверждение о том, что мужчины и женщины морально и интеллектуально равны, сосуществовало с мнением, что женщины являются хранительницами сексуальной непорочности, сдержанности и традиционных ценностей. К концу века особенно в Америке в некоторых течениях суфражистского движения стала преобладать идея о том, что женщины — потенциальные спасительницы нации и им следует дать политические права для реформирования и оздоровления общественной сферы. В этом направлении акцент ставился не на рациональности женщин, а на их специфических добродетелях. Утверждалось, что одно из важных различий между полами состоит во врожденном женском пацифизме, контрастирующем с предрасположенностью мужчин к войне, анализировалась связь между феминистской и пацифистской теориями, милитаризм стал рассматривался одновременно и как источник, и как следствие угнетения женщин. Образу женщины, дающей жизнь, противопоставлялся мужчина-разрушитель, и эта идея остается влиятельной и в наши дни (См.: Bussey and Tims, 1980; Cambridge Women's Peace Collective, 1984; Evans, 1987; Florence et al., 1987; Strange, 1983; Ruddick, 1990; Thompson, 1983; Wiltsher, 1985). В основе такого анализа лежало представление о женщине как о матери и воспитательнице, подчеркивающее ценность ее традиционной роли. С этой точки зрения женщинам не следует пытаться «быть подобными мужчинам», они должны хранить присущие им ценности и добродетели. На деле многие суфражистки старались сочетать эту позицию с либеральными идеями о естественных правах и социальном равенстве полов. Однако, как только было завоевано право голоса, несовместимость позиции, настаивающей на равной ценности мужчин и женщин, с одной стороны, и подчеркивающей их естественные различия — с другой, стала очевидной на практике, что и разделило феминистское движение надвое.

Отступление от либерального подхода подразумевало также отказ от идеи того, что право голоса является правом личности, и поворот к утилитаристским доводам о его благотворных социальных последствиях. Сам Милль ранее утверждал, что мужчины и общество, равно как и женщины, явно выиграют от приобретения женщинами избирательного права; весьма похожую позицию занимала позже Миллисент Гаррет Фосетт (Millicent Garrett Fawcett (1847—1929), лидер главной конституционной суфражистской организации в Англии (до 1919 г.). Как и Милль, она сочетала аргументы равных прав и утилитаристские доводы и называла свою суфражистскую газету «Коммон Коуз» («Общее дело»), потому что «это было дело мужчин, женщин и детей. Мы убеждены, что мужчины не могут быть действительно свободны до тех

пор, пока женщины находятся в политическом подчинении» (Цит. по: Oakley, 1983, p. 191). Однако в Америке аргументация естественности прав, которая была столь популярна полвека назад в Сенека Фоллз, к 1900 г. была практически полностью заменена тезисом о желательных последствиях избирательного права для женщин. Такой новый подход значил, что все больше «в феминистском словаре целесообразность и выгода заменяли право и справедливость» (Evans, 1977, p. 204; см. также Kraditor, 1965). Из этого также следовало, что утилитаристские аргументы могут быть использованы не только для борьбы за политические права женщин, но и для того, чтобы отказывать в этих правах другим социальным группам.

Антидемократические течения в суфражистских кампаниях

Отход от либеральной аргументации «равных прав» был связан с глубоко антидемократическим направлением мысли в суфражистском движении. Наиболее явно это проявилось в Америке, но также и в Англии. На первый взгляд кажется удивительным, что движение за расширение политических прав можно рассматривать как антидемократическое. В действительности же именно строгое и последовательное применение аргументации равных прав предполагало неразрывную связь с идеями политического равенства, тогда как утилитаристские доводы могли быть использованы для оправдания исключения «неподходящих» групп из политической власти и в то же время предоставления избирательного права женщинам. Так, лидер американского суфражистского движения Кэрри Чэпмэн Кэтт (Carrie Chapman Catt (1858—1947) требовала: «Отберите право голоса у нищих и отдайте его женщинам» (Цит. по: Evans, 1977, p. 204). Предпосылки такой позиции уже были представлены в работах предшествующих авторов. Так, Милль выражал страх перед тиранией невежественного большинства и разделял мнение Стэнтон о том, что право голоса должно принадлежать лишь тем, кто умеет читать и писать. К концу века внутри суфражистского движения проявилась гораздо более открытая элитарность.

В Англии кампания за избирательное право для женщин началась в то время, когда права голоса все еще не было у большинства мужчин. Многие, конечно, отвергали право женщин участвовать в выборах, основанное на имущественном цензе, как неприемлемое предательство рабочего класса. Другие принимали его только как промежуточную веху на пути ко всеобщему избирательному праву. Но некоторые женщины среднего класса считали такое ограничение желательным именно из-за его классовой основы. Оно рассматривалось как способ защитить собственность и консервативные ценно-

сти от невежественных масс. К концу века гораздо больше мужчин-рабочих получили право голоса, так что предоставление права голоса женщинам на тех же основаниях в действительности усиливало избирательный потенциал рабочего класса. Несмотря на это, требование полного всеобщего избирательного права оценивалось и противниками, и сторонниками как классовое требование «права голоса для дам». Такое мнение усиливалось из-за сходства происхождения конституционных сторонниц равноправия женщин и воинствующих суфражисток из «Women's Social and Political Union» (WSPU — «Женский социально-политический союз»), которые в основном представляли средний класс [1]. WSPU, руководимый Эммелин Пэнкхерст (Emmeline Pankhurst (1858—1929) и ее дочерью Кристабель (1880—1958), формировался в 1903 г. на северо-западе Англии как демократическая и про-лейбористская организация. Но очень скоро члены союза отказались от попыток получить поддержку женщин-работниц и переориентировались на привлечение состоятельных и влиятельных покровителей. Постепенно этот союз стал в высшей мере автократической и недемократичной организацией. Для некоторых суфражисток враждебность по отношению к мужчинам часто сочеталась с еще большим презрением к рабочему классу. Мнение многих членов лейбористского движения, согласно которому кампания суфражисток — это просто движение дам среднего класса, безразличных к другим социальным нуждам, было не совсем лишено основания.

В Америке антидемократическое течение было распространено еще в большей мере, и здесь вместо имущественной проблемы ключевой стала расовая. Как мы видели в предыдущей главе, хотя американское женское движение зародилось в рамках кампаний против рабства, основатели борьбы за равноправие не стеснялись использовать расовые предрассудки в собственных целях. «По сути, от начала до конца суфражистское движение было борьбой белых женщин среднего класса за право более полно участвовать в делах общества, основные структуры которого для них были вполне приемлемы» (Kraditor, 1965, p. x). По мере того как кампания за женское право голоса становилась массовой и популярной и перестала восприниматься как радикальная, она неизбежно получила поддержку многих женщин, которые в других отношениях, однако, были очень консервативны. К концу века положение многих бывших рабов резко ухудшилось, расовое насилие против

[1] Термины *suffragist* — сторонница равноправия женщин и *suffragette* — «суфражистка» — часто путают или употребляют их как взаимозаменяемые, но только второе понятие предполагает использование воинственных и незаконных методов проведения кампаний. — *Прим. ред.*

них достигло новых высот. Однако лидеры суфражистского движения не только «покинули всех чернокожих людей в пору их наиболее тяжелых страданий со времени освобождения» (Davis, 1982, p. 118), но и все чаще использовали свою кампанию для *поддержания* превосходства белых, особенно в южных штатах. С 1903 г. преобладающим стало требование «образованного голосования», которое предполагало избирательное право для большинства женщин и одновременно лишение такого права «неподходящих» мужчин — рабочих и негров. Тем самым делалась попытка перераспределить баланс избирательной власти, отняв ее у чернокожих и иммигрантов в пользу респектабельного среднего класса. По сути, это означало, что «право голоса для женщин, первоначально подразумевавшее равноправие, стало проблемой социальных привилегий» (Banks, 1986, p. 1410).

Социалисты и суфражистская кампания

Конечно, не все участницы суфражистской кампании стояли на такой консервативной и расистской позиции, не все рассматривали право голоса как самоцель, как средство включения женщин в систему, остающуюся без изменений. В Америке некоторые группы суфражистского движения пытались вовлечь женщин-представительниц рабочего класса, чернокожих и иммигранток. Хотя основные лидеры не принимали такой линии и отказывались от более широких задач, ранее выдвинутых Стэнтон, другие продолжали настаивать, что феминизм может быть источником глобальных общественных перемен, и утверждали, что для достижения успеха необходима связь с социалистическими целями (См.: Cott, 1987). В Англии большая известность лондонских организаций не позволяла увидеть масштабы участия рабочего класса в суфражистских кампаниях, особенно на северо-западе, где женщины не выдвигали на первый план право голоса именно для своего пола, а были больше озадачены тем, чтобы добиться всеобщего избирательного права, рассматривая его как средство для достижения социальных и экономических реформ (Liddington и Norris, 1978; Mitchell, 1977). Сильвия Пэнкхерст (1882—1960) также отказывалась равняться по «партийной линейке», прочерченной ее матерью и сестрой, и сосредоточила свои усилия на проведении кампаний с рабочими-мужчинами и женщинами восточной части Лондона. Она тесно сотрудничала с лейбористским движением, возглавляемым мужчинами, и считала феминизм частью более широкого движения за социалистические перемены. В других странах Европы передовым отрядом борьбы за право голоса стали новые массовые социалистические партии, а не феминистские организации представительниц среднего класса. В Германии, в част-

ности, распространялась марксистская феминистская теория, согласно которой политические права женщин являются важным орудием в революционной борьбе и в противовес позиции «буржуазного феминизма» в ней подчеркивалось, что с угнетением женщин может быть покончено лишь вместе со свержением капитализма. Вся проблема отношений между социализмом и феминизмом, конечно, чрезвычайно сложна, и мы рассмотрим ее подробнее в последующих главах. Здесь же достаточно отметить, что любая социалистическая феминистская позиция в рамках движения за избирательное право стремилась рассматривать право голоса с утилитаристской точки зрения, то есть как средство достижения скорее социальной цели, чем права личности. Они не признавали приоритета задачи предоставления избирательных прав и не считали, что классовыми либо расовыми различиями можно пренебрегать как пустячными спорами мужчин. Эта позиция была диаметрально противоположна радикальным феминистским взглядам, которые развивались в некоторых течениях движения и наиболее явно выражены в подходе Кристабель Пэнкхерст. К рассмотрению ее идей мы сейчас и переходим.

Кристабель Пэнкхерст

Все Пэнкхерст начинали свою политическую деятельность в рамках левого крыла британской политики, и Сильвия Пэнкхерст описывала дом своего детства как «центр для собраний социалистов, фабианцев, анархистов, суфражисток, свободомыслящих (free thinkers), радикалов и гуманистов разного толка» (Pankhurst, 1977, р. 90). Наблюдения представительниц семьи Пэнкхерст за положением женщин-работниц, а также шовинизм и эгоизм многих мужчин в политических группах привели их к тому, что они стали считать угнетение женщин ключевой проблемой общества. Кристабель сформулировала концепцию, в которой угнетение женщины рассматривалось как основа всего общества. Подобно современным радикальным феминисткам, она полагала, что «подчинение женщин как группы мужчинам как группе было фундаментальным определяющим фактором всех других аспектов общественной жизни» (Sarah, 1983, р. 270). Так же как и они, она считала это подчинение всеобъемлющим, включающим не только политическую власть, но и идеологический, и экономический, и сексуальный контроль. Это означало, что борьба за право голоса была частью борьбы против всех форм мужского контроля, а избранные ею *методы* могут рассматриваться скорее как освободительные сами по себе, а не с точки зрения возможного успеха. Сторонницы равноправия (suffragists) соблюдали правила игры, следуя усвоенным понятиям о респектабельной женственности и поведении леди. Когда же суфражистки

(suffragettes) начали устраивать марши, демонстрации, беспорядки, стали атаковать палаты парламента, когда их стали судить и заключать в тюрьмы, они действительно бросали вызов устоявшимся представлениям о гендерных ролях. По словам Маркуса, они «предприняли один из наиболее важных шагов в женской истории», который «расколол патриархатную культурную гегемонию, прервав исключительно маскулинистские рассуждения» (Marcus, 1987, p. 9). Отвага суфражисток перед лицом опасностей голодовок и насильственного кормления (которое испытали на себе более тысячи женщин (См.: Marcus, 1987, и Morrell, 1980) означала, что, конечно, их не следует считать хрупкими и робкими созданиями, нуждающимися в мужской защите. Более того, выбранная их противниками тактика, в частности сексуальное насилие, иногда используемое полицией, на практике выявила суть этой «защиты» (См. Rosen, 1974, pp. 158—160). Вызов общепринятым взглядам был дополнен кратким, но примечательным периодом воинственной активности в годы перед Первой мировой войной, когда был выражен открытый протест против собственности (но не жизни). Поджоги и разбивание окон вряд ли могли считаться традиционной деятельностью «дам», так что «образ женщины как пассивного, зависимого создания суфражистки разнесли вдребезги так же эффективно, как и зеркальные окна на Риджент стрит» (Rover, 1967, p. 20). Хотя подобная воинственная тактика не была слишком популярна в других странах, она привлекла широкое внимание публики, и предпринимались попытки превзойти такие методы суфражисток в Германии, Венгрии и Франции. В Америке основная организация сторонниц женских прав выше всего ставила респектабельность, но даже здесь большие публичные демонстрации и марши стали широко принятой формой политического протеста. Небольшая Женская партия (Women's Party) приняла линию намеренного противостояния, приводящего к арестам и голодовкам, хотя и не в таком масштабе, как в Британии (См.: Evans, 1977, pp. 192—197). И опять, как считала Кристабель Пэнкхерст, понимание того, что женщины могут действовать подобным образом, было столь важно не только из-за непосредственного эффекта для кампании за избирательные права, но и из-за воздействия таких акций на господствующую идеологию.

Для Кристабель Пэнкхерст, как и для ранних феминисток, другим важным аспектом подчиненного положения женщин была их экономическая зависимость от мужчин. Поэтому она настаивала, чтобы все женщины могли свободно и на равных конкурировать на рынке труда, а лозунгом Женской партии, в создании которой в 1917 г. Кристабель принимала участие, стало требование равного вознаграждения за труд равной ценности. Выступая за более активное участие отцов в воспитании детей, она все-таки всерьез не подвергала

сомнению убеждение, что домашняя работа является обязанностью женщин. Однако, не в пример многим предшественницам, она не игнорировала влияния этой работы на экономическое положение женщин. Ведение домашнего хозяйства в том виде, как оно существует, утверждала она, является невыносимой ношей для замужних женщин, потерей их времени и энергии, кроме того, работа эта не оплачивается и обычно не замечается. Если бы работа по дому была организована более эффективно на коллективной основе, то женщины освободились бы от лишнего труда. Поэтому Кристабель Пэнкхерст выступала в защиту «кооперативного ведения домашнего хозяйства» как более рационального и справедливого использования ресурсов, что могло бы способствовать осознанию ценности домашней работы. Это, в частности, подразумевало централизованное производство и распределение продуктов питания специалистами — поварами и диетологами, предоставление услуг общественных прачечных. В этом подходе просматривается некоторое сходство с идеями Энгельса о коллективизации домашней работы, которые обсуждались в предыдущей главе. Но в отличие от Энгельса она не рассматривала необходимость выполнения домашней работы в зависимости от более широких социально-экономических перемен, никогда в действительности не исследовала экономических основ предлагаемых ею реформ и не объясняла подробно, как они могли бы финансироваться. Несмотря на свое прежнее участие в Независимой лейбористской партии (Independent Labour Party), Кристабель Пэнкхерст отказывалась считать социализм решением женских проблем. Она утверждала, что интересы пола стоят выше классовых интересов: «Почему от женщин ждут такого доверия к лейбористской партии? Мужчины-рабочие так же несправедливы к женщинам, как и мужчины других классов» (Цит. по: Rosen, 1974, p. 29). В целом ее политические убеждения неуклонно двигались в консервативном направлении.

Для Кристабель Пэнкхерст отсутствие у женщин политических и экономических прав не было просто проявлением женского подчинения, но было взаимосвязано с тем, что она все больше считала центральным аспектом угнетения, — с сексуальной эксплуатацией со стороны мужчин. Она утверждала, что если женщина не в состоянии продавать свой труд и зарабатывать на жизнь, то она вынуждена продавать свое тело (временно как проститутка или постоянно как жена), и что мужчины используют лишение женщин права голоса в первую очередь как средство скрыть свои сексуальные пороки. Как можно было видеть в предыдущей главе, боязнь мужской сексуальности была одной из основных тем в феминизме XIX в. и в Британии, и в Америке. Эта тревога нашла наиболее явное выражение в брошюре Пэнкхерст «The Great Scourge

and How to End It» («Великое бедствие и как с ним покончить»; впервые опубликована в 1913 г.). В ней она заявляла, что 75—80 % мужчин были заражены гонореей, множество других — сифилисом, что брак, следовательно, являлся «отвратительной опасностью для женщин»; венерические заболевания распространились настолько, что нависла угроза «самоубийства расы» (Marcus, 1987, p. 210ff). Мужчины *могут* быть так же непорочны, утверждала она, как и женщины, но они не станут стремиться к этому добровольно; значит, лекарством является «право голоса для женщин и целомудрие для мужчин», так как первое даст женщинам силу для осуществления второго. Многие последующие комментаторы отвергли такие высказывания как нелогичную и истерическую выходку фригидной мегеры-мужененавистницы и делали акцент на преувеличенной статистике Пэнкхерст, а не на доводах, стоящих за цифрами. Проблема, которая так занимала ее, была, однако, весьма реальной, пусть и менее острой, чем она предполагала, и некоторые современные радикальные феминистки приветствовали ее брошюру как важный шаг вперед в феминистской теории. В частности, утверждалось, что, рассматривая сексуальность как арену борьбы, где подчинение может не только проявляться, но и проблематизироваться, Пэнкхерст расширила наше восприятие политик пола вплоть до частной и личной сфер жизни, так что книга «The Great Scourge» представляет собой «вызов организованной в интересах мужчин сексуальности и убедительный анализ связи между мужским контролем сексуальности и подчинением женщин вообще» (Sarah, 1983, p. 260; см. также Jeffries, 1982, и Kent, 1990).

В действительности теория Пэнкхерст была менее оригинальной, чем предполагают подобные комментарии. Последствия мужского сексуального поведения уже были предметом обсуждения феминисток XIX в., которые тоже видели решение проблемы в целомудрии обоих полов, оно также широко обсуждалось в популярных романах того времени (Bland, 1987). Тем не менее это значит, что кампания за право голоса могла иметь гораздо более широкий подтекст, чем подразумевает ярлык «либеральная феминистка». Для некоторых это требование было более радикальным, и они не считали подчинение женщин только результатом отсутствия у них политических прав. Анализ Пэнкхерст, однако, остается явно неполным для тех, кто сомневается, что политические преобразования могут привести к переменам в частных, сексуальных отношениях (подобные критические высказывания Эйзенштейн по отношению к Стэнтон см. в гл. 2). Многие современные радикальные феминистки сочли бы акцент Пэнкхерст на политических правах скорее отвлечением от более фундаментального неравенства, чем средством для его искоренения.

Другой посылкой теории Пэнкхерст, с которой соглашаются некоторые современные радикальные феминистки, является утверждение, что борьба за права женщин суть часть войны между полами, в которой все мужчины, если они не предлагают полной и безусловной поддержки, должны считаться врагами. Поэтому союз с существующими партиями ею отвергался. И, хотя Пэнкхерст приостановила суфражистскую деятельность в 1914 г. для работы с мужчинами во время войны, в манифесте 1917 г. ее недолговечной Женской партии заявлялось, что «есть ощущение, что женщины лучше всего могут служить народу, не присоединяясь к мужским партийным нормам и традициям, которые, по всеобщему согласию, оставляют желать много лучшего» (The Britannia, 2 November, 1917). В отличие от многих современных радикальных феминисток Пэнкхерст, однако, не распространяла свою враждебность к мужским сексуальности, политическим убеждениям и институтам до выступлений в защиту крайнего сепаратизма или лесбиянства в качестве выхода из ситуации. Комментаторы рассуждали о ее собственной сексуальной ориентации, но, вероятно, она придерживалась широко распространенного мнения, что любая форма сексуальной активности является низшей формой поведения человека и женщины и мужчины должны по возможности избегать ее проявлений в интересах как умственного, так и физического здоровья.

Предлагаемый анализ угнетения женщин и роли избирательного права в его искоренении, включая не только формальные права, но и весь спектр политической, экономической и личной жизни, явно отличается от традиционной точки зрения сторонниц женского равноправия. Этот подход отвергает либеральную предпосылку, будто реформы могут быть достигнуты посредством логики и увещеваний. Для Кристабель Пэнкхерст и воинственных суфражисток победу в большей степени могла бы гарантировать наглядная сила женщин, чем правота их дела. Такая позиция, пусть и менее ясно сформулированная, чем в современных теориях, схожа со взглядами тех авторов, которые недавно поставили под сомнение саму концепцию «рациональности» как часть мужской идеологии, отвергающей или критикующей другие формы знания, например интуицию или сопереживание (Lloyd, 1984; Braidotti, 1986; см. также Gilligan, 1982). Некоторые исследователи выдвинули предположение, что воинственная кампания суфражисток становилась все более иррациональным движением, сходным с «тактикой апокалипсиса» (Rosen, 1974), и что, поскольку оно приняло авторитарный, антисоциалистический и истерический характер и не отрицало насилия, по сути, это было приближение к фашизму (Evans, 1977). Такой анализ, несомненно, звучит как упрек многим современным феминисткам. Но в то время группы, считавшие себя фемини-

стскими, действительно поддерживали и Гитлера, и Муссолини, идеи которых о женской роли и добродетелях были близки некоторым феминистским положениям, в частности основанным на естественной разнице полов. Как мы уже видели, некоторые феминистки также придерживались глубоко антидемократичных и расистских точек зрения. Сходные идеи получили некоторую поддержку и Кристабель Пэнкхерст в ее более поздней деятельности (что игнорируется некоторыми ее поклонницами (См.: Sarah, 1983; Spender, 1983a). Вначале она осуждала войну как бессмысленную демонстрацию мужской агрессии, «трагический результат неестественной системы управления государством одними мужчинами» (Цит. по: Sarah, 1983, с. 279), но в конце 1914 г. этот пацифизм в одночасье трансформировался в националистический милитаризм. Отвергая всякую мысль о мирных переговорах, она вместе с матерью сменила название своей газеты с «Суфражет» («Суфражистка») на «Британия», и суфражистки стали первыми вручать белые перышки (символ трусости) мужчинам в штатском. В 1919 г. (первые выборы, в которых женщины могли баллотироваться или голосовать) она безуспешно противостояла лейбористам с националистических и антибольшевистских позиций. После обращения в религию она вскоре оставила политику и с 1921 г. посвятила свою жизнь проповедям о близящемся втором пришествии Христа. Эти факты, конечно, не значат, что радикальный феминизм или суфражистская кампания могут быть отвергнуты как нелогичные или фашистские по природе. Однако они хорошо иллюстрируют различные направления, к которым могут привести феминистские убеждения, и выводы, которые могут сделать отдельные представительницы. То есть эти факты показывают опасность предположения, что любое движение, личность или идея, называемые «феминистскими», можно автоматически считать прогрессивными. Исторически феминизм наиболее часто ассоциировался с гуманистическими, либеральными или социалистическими убеждениями, но некоторые его течения имели тенденцию развития в правом направлении.

Сегодня должно быть ясно, что вопреки распространенному мнению требование права голоса не являлось исключительно «либерально-феминистским». Видимое единство цели затмевало несходство посылок и ценностей, присущих разным направлениям движения. В действительности существовали и разногласия по методам и тактикам, а во многих европейских странах уже проявились столкновения между марксистской и «буржуазной» теориями. Когда право голоса было завоевано, практическая непримиримость различных позиций стала очевидной, и ведущее направление феминизма разделилось.

После завоевания избирательного права: возрождение противоречий

Первой страной, предоставившей в 1894 г. женщинам право голоса, была Новая Зеландия, за ней вскоре последовала Австралия. В Европе — в Финляндии и Норвегии — женщины получили избирательное право накануне 1914 г., а вскоре после войны это произошло и в других европейских странах (здесь Франция стала заметным исключением). В Британии суфражистская кампания к 1918 г. добилась ограниченных успехов: право голоса было предоставлено женщинам старше 30 лет, являющихся к тому же налогоплательщицами в местной администрации, женам налогоплательщиков или выпускницам университетов. В результате избирательное право получили чуть более 50 процентов взрослого женского населения, тогда как в этом же году практически всем мужчинам было дано право голоса. Только в 1928 г. в Британии женщины уравнялись в этом праве с мужчинами. В Америке женщины штатов Вайоминг и Юта добились права голосовать в 1869 и 1870 гг.; в 1920 г. наконец была принята девятнадцатая поправка к американской конституции, дающая избирательное право всем взрослым американским женщинам.

Причины, из-за которых женщины получали избирательное право, были чрезвычайно сложны и различны в разных странах. Часто оно предоставлялось скорее из-за политической выгоды, нежели из-за внимания к феминистским требованиям. Так, в Британии эта проблема переплелась в причудливой логике и маневрах политиков с определением позиции по вопросу о независимости Ирландии. Правящие группы стали относиться к женщинам как к стабилизирующей силе, которую можно использовать против угрозы беспорядков и волнений. В этом смысле предоставление женщинам избирательного права было не радикальным, а скорее консервативным шагом, призванным противодействовать возможной власти новых групп иммигрантов в Австралазии (Австралия и примыкающие острова), иммигрантов и чернокожих в Америке, рабочего класса в Европе (См.: Evans, 1977). Немаловажным обстоятельством была угроза возрождения воинственного суфражизма (отложенного на время), равно как и перемены в общественных отношениях, поведении и ожиданиях, порожденные войной.

Каковы бы ни были эти причины, во многих странах была выиграна важная феминистская битва. Однако за этой победой в межвоенные годы последовало не уверенное продвижение вперед, а напряженные споры среди феминисток. Конечно, всякие надежды или опасения по поводу того, что женщины будут голосовать единой группой, оказались безосновательными. Как

и мужчины, женщины голосовали скорее в соответствии с их классовой, религиозной принадлежностью и семейными традициями, а не из-за приверженности к феминизму. Поэтому не оправдались надежды на то, что политика могла бы морально перемениться из-за предоставления права голоса женщинам. Вопреки опасениям производителей спиртных напитков (они яростно противостояли суфражистскому движению в Америке), многие женщины активно выражали протест против сухого закона (См.: Cott, 1987, pp. 263—264), и, похоже, женское избирательное право не повлияло на принятие решения о запрете алкоголя. На международном уровне некоторые феминистки выступали против милитаризма в 1914 г., а в 1915 г. при поддержке женщин обеих воюющих сторон была создана пацифистская организация «Women's International League for Peace and Freedom» («Женская международная лига за мир и свободу»), существующая и по сей день (См.: Bussey и Tims,1980; Evans, 1987; Florence и др., 1987; Wiltsher, 1985). Большинство лидеров-суфражисток, однако, как и большинство женщин, поддерживали военные действия. И хотя некоторые продолжали деятельность в пацифистских организациях после войны, они не оказывали заметного влияния на политику правительств. Более того, немногие женщины стремились занять посты в государственных учреждениях, небольшое их число было избрано в местные и национальные правительства, но и они не действовали как сплоченная группа. Верно, что сразу после завоевания права голоса женщины добились дальнейших юридических побед (в основном касающихся брака, опеки над детьми и профессиональной карьеры), некоторые уступки были сделаны и в целях улучшения их материального благополучия. Вскоре, однако, всплеск активности, заставивший политиков пойти на такие изменения, стал угасать, и в общем, казалось, что «в Британии и Америке брошенный суфражистками факел просто никем не был поднят» (Bouchier, 1983, p. 16).

Сторонницы равноправия *versus* особых прав женщин (welfare feminism) [2] в Америке

В действительности проблема была не столько в отсутствии желания действовать, сколько в глубоких идеологических разногласиях среди феминисток, ранее объединенных лишь требованием права голоса. Период между войнами, следовательно, был вовсе не «годами молчания» феминизма, но временем весьма серьезных дискуссий, в которых проявился противоречивый характер предпосылок, стоящих за суфражистской кампанией. Либеральные

[2] Welfare feminism (*англ.*) — На русском языке пока не существует общепринятого эквивалента перевода этого понятия, поэтому по аналогии с общепринятым

посылки о том, что женщин следует считать в первую очередь личностями, а не членами группы по признаку пола, что они должны иметь право свободно конкурировать с мужчинами в любой выбранной ими сфере и что участия государства следует избегать настолько, насколько возможно, столкнулись с утверждениями, характерными для представительниц феминизма специальных государственных гарантий для женщин, которые подчеркивали специфические женские потребности и качества, их главенствующие роли в качестве матерей и жен, а также делали акцент на государственном вмешательстве в решении проблем женского благосостояния.

Ключевой темой в то время был вопрос о протекционистском законодательстве, ориентированном на защиту женщин от занятости в сфере опасных и вредных для здоровья производств и слишком продолжительного рабочего дня (См. отчет того времени об этих дискуссиях: Crystal Eastman // Cook (ed.), 1978; современный анализ этих дебатов см.: Cott, 1987). Некоторые считали такую защиту скорее желательным первым шагом в направлении улучшения условий труда как для мужчин, так и для женщин, чем специфически женской проблемой. Феминистские мнения, однако, в общем, разделились на большинство, которое выступало за протекционистское законодательство как за реальное и необходимое улучшение жизни работающих женщин, и меньшинство, которое утверждало, что это только закрепит подчиненное положение женщин и увековечит традиционное разделение труда.

В Америке эту позицию меньшинства отстаивала немногочисленная Женская партия, которой с 1923 г. удавалось ежегодно контролировать введение поправки о равных правах. Подход этой группы основывался на яростном отрицании традиционных представлений о половых различиях и женской роли. Утверждая права замужней женщины на свободу выбора рода занятий и экономическую независимость, эта группа стимулировала либеральный феминизм прийти к логическому выводу, которого Милль и большинство американских феминисток XIX в. избегали. Однако, рассматривая свободу выбора как источник самореализации, Женская партия упускала из виду

переводом «welfare state» — «государство всеобщего благосостояния», предлагаются понятия «феминизм всеобщего благосостояния женщин», «феминизм специальных государственных гарантий для женщин» или «особых прав женщин». Речь идет о теории, которая отталкивается от идей перераспределения в рамках теории государственного благосостояния, и рассматривает такие вопросы: насколько справедливо существующее распределение в отношении женщин; каким образом государство учитывает особые потребности женщин и их социальное положение, в том числе и в семье. — *Прим. ред.*

тот факт, что для огромного большинства женщин оплачиваемая работа была скорее дополнительной нагрузкой, чем источником освобождения. По выражению Котт, такого рода феминизм обращался прежде всего к тем, «кто принадлежал к господствующей культуре и использовал ее привилегии, но не к женщинам» (Cott, 1987, р. 76). Эта партия внесла вклад в широко распространенное восприятие американского феминизма как движения белых женщин среднего класса в интересах белых женщин среднего класса.

Другая проблема такого направления возникла вследствие попытки сочетать либеральные принципы с гораздо более радикальным анализом угнетения женщин. Утверждалась, что искусственно созданное разделение по признаку пола является «первичным антагонизмом», который возвышается над «мелкими ссорами религиозных вероучений, соперничеством классов, над истреблением народов, над зловещей враждой рас» (Цит. по: Cott, 1987, р. 76). Неадекватными были не только предлагаемые законодательные решения. По мнению Эйзенштейна, восприятие женщин как полового класса (sex-class), объединенного в борьбе против мужчин, шло вразрез с либеральной посылкой, согласно которой с получением равных политических и юридических прав уже от каждой *личности* зависит изменение ее положения (Eisenstein, 1981). По мнению Котт, те немногие женщины, которые в Америке в период между войнами достигли успеха в мужском мире, были неспособны бороться за интересы своего пола, так как, чтобы преуспеть, они должны были принять существующие правила игры. И если бы им пришлось обратить внимание на невыгодное положение других женщин, тем самым они привлекли бы внимание к собственной неполноценности:

> «Обращение к индивидуализму совмещалось с феминистской позицией, согласно которой женские свободы и возможности должны быть такими же, как у мужчин, но индивидуализм не предлагал путей достижения этой цели, за исключением возможности действовать так, как если бы цель уже была достигнута. Хотя индивидуализм и дал исключительные примеры личных достижений, он не мог выдвинуть программу для изменения положения женщин как группы» (Cott, 1987, р. 281).

В целом термин «феминистка» в Америке в годы между войнами стал применяться лишь к тем участницам кампании за равные права, позиция которых все больше считалась и старомодной, и узкоэлитарной. Если в 1913 г. вдохновенная сторонница описывала феминизм как «нечто столь новое, что даже слова этого нет в словаре», то к 1919 г. некоторые «прогрессивные» женщины называли свою позицию «пост-феминистской» (Cott, 1987, pp. 13, 282). Несмотря на это, многие группы продолжали отстаивать женские интересы, так как они их понимали. Это включало и благотворительную деятель-

ность для женщин, и политические кампании за улучшение условий их жизни. Основная организация, отстаивающая право голоса для женщин, была переименована в «League for Women Voters» («Лига женщин-избирательниц»), и хотя, как мы видели, женщины не стремились голосовать по признаку пола, Лига действовала как группа давления, в частности, обеспокоенная благосостоянием детей и их матерей. В этой сфере она добилась некоторых успехов, пока политики были все еще встревожены предполагаемой возможностью получения женщинами политической власти. Однако красный террор, последовавший за большевистской революцией в 1917 г., показал, что коллективистская стратегия и вмешательство государства вряд ли эффективны. Кроме того, беспочвенные обвинения в принадлежности многих ведущих женских групп к международному большевистскому заговору еще больше дискредитировали их дело (См. подробности в кн.: Cott, 1987, p. 242).

Эта разновидность феминизма специальных государственных гарантий для женщин в большой степени основывалась на идеях XIX в. о моральном превосходстве женщин в сфере заботы и воспитания, и, конечно, здесь не было и намека на изменение традиционных половых ролей. Критики такого подхода не согласны с отождествлением материнства с положением *всех* женщин и с тем, что, подчеркивая биологические различия, он отвергает свободу выбора как для мужчин, так и для женщин. Во времена Великой депрессии такая позиция заставила многих женщин согласиться с тем, что сохранение работы для мужчин-добытчиков должно быть приоритетным, а требования равной оплаты и равных возможностей сменились кампаниями, требовавшими позволить женщинам выполнять их традиционную роль в максимально хороших условиях. Несмотря на это, именно благодаря таким группам в политической повестке сохранилась сама идея об обязанности государства заботиться о благосостоянии своих граждан, в то время как такое предположение отвергалось не только бизнесменами и основными политическими партиями, но и организованным рабочим классом. Представительницам этого направления также удалось добиться некоторого признания особых социальных потребностей женщин в «Новом соглашении» (см. гл. 8).

Сторонницы равноправия *versus* особых прав женщин в Британии

Раскол между сторонницами равноправия и *особых прав женщин* в Британии проявился позже, чем в Америке, отчасти потому, что борьба за равные избирательные права не была закончена до 1928 г. Ситуация в Британии отличалась еще и тем, что сторонницы *особых прав женщин* не были политически изолированы, как в Америке, и могли сотрудничать с новой лейбористской партией.

Как мы уже видели, женщины давно занимались благотворительной деятельностью. Исследования, проведенные в первые десятилетия века, повысили осведомленность общества о конкретных проблемах, стоящих перед женщинами, обнажив ужасающую картину хронических болезней, плохих жилищных условий и недоедания (Davies, 1978; Reeves, 1979). Такие организации, как «Женская кооперативная гильдия», считали, что эти проблемы были скорее результатом бедности, чем невежества или плохого ведения хозяйства, и видели решение в государственном обеспечении, а не в индивидуальной самопомощи или благотворительности. Период между войнами ознаменовался кампаниями за улучшение обеспечения здоровья матерей и младенцев, за включение женщин в развивающуюся систему национального страхования, за экономическую помощь женщинам в виде пособий роженицам и детских пособий (Dale and Foster, 1986). Такая стратегия существенно отличалась от индивидуалистской позиции невмешательства государства предшествующих феминисток, таких, например, как Фосетт. «Представление о феминистке как об образованной женщине среднего класса, которая добивается права работать, было радикальным образом опровергнуто», так что «отождествление феминизма с профессионально ориентированными женщинами среднего класса было развеяно, и рабочая женщина-мать восстала новым символом угнетенной женственности» (Philips, 1987, pp. 98 и 102). Эта перемена соответствовала общему направлению британской политики отхода от либеральных идей невмешательства государства к большей степени его участия, что должно было привести к построению государства всеобщего благосостояния. По мнению Бэнкс, «в значительной мере государство всеобщего благосостояния в Британии мы можем считать результатом союза между феминизмом специальных государственных гарантий для женщин и лейбористской партией» (Banks, 1986, p. 174).

Так же, как и в Америке, феминизм специальных государственных гарантий для женщин имел то преимущество, что обращался к реальным нуждам большого числа женщин, и в этом он выгодно отличался от позиции сторонниц равноправия, которые, казалось, были обеспокоены в основном потребностями женщин среднего класса. Некоторые также рассматривали это как шаг вперед к улучшению условий жизни для всех. Однако, как и в Америке, представители этого направления феминизма, подчеркивая потребности женщин в качестве жен и матерей, иногда, похоже, отказывали женщинам в выборе какой-либо другой роли, и сосредоточиваясь на благополучии женщин в семье, фактически игнорировали их эксплуатацию в сфере оплачиваемого труда. В тоже время после Первой мировой войны резко увеличи-

лось число одиноких «лишних на брачном рынке женщин», примерно треть их не имела иного выбора, как зарабатывать на жизнь самостоятельно. Многие из тех, кто заменил ушедших на фронт мужчин в различных сферах производства, впоследствии были вытеснены вернувшимися солдатами. Но сторонницы «особых прав женщин» не считали такое положение несовместимым с их взглядами и даже приветствовали как возвращение к естественному порядку вещей. Хотя в действительности у многих неработающих женщин возникали серьезные трудности.

Элинор Рэтбоун и кампания за семейные пособия

Как ни парадоксально, но одним требованием, которое могло служить интересам, как одиноких женщин, так и матерей, было предоставление семейных пособий. Эта кампания связывается с именем Элинор Рэтбоун (Eleanor Rathbone), участвовавшей в движении за право голоса и избранной в 1929 г. независимым членом парламента. Она заявляла, что представляет «новый феминизм», основанный на реальных и конкретных потребностях женщин и на отличии их от мужчин, а не на абстрактных правах, провозглашаемых либеральными феминистками. Однако она не оставляла в стороне также вопросы равной оплаты и свободы выбора и в качестве цели выдвигала экономическую независимость женщин.

Рэтбоун настаивала, чтобы «семейное пособие» выплачивалось непосредственно женщинам, так как она утверждала, что труд по воспитанию детей должен материально компенсироваться для того, чтобы уменьшить бедность, дать женщинам финансовую независимость и признать важность их материнской роли, — при этом она едко критиковала тех, кто почитал материнство, отказываясь при этом облегчить столь часто сопутствующую ему бедность:

> «сентименталист, взявший материнство под свою особую защиту, потрясен неблагородным предложением, чтобы нечто столь корыстное как компенсация, нечто столь прозаичное как средства к существованию, следует ввести в священный институт семьи и применить к профессии материнства» (Rathbone, 1927, p. 66).

Это требование явно согласовалось с идеями феминизма специальных государственных гарантий для женщин, но осуждалось либеральными феминистками типа Фосетт, убежденных в том, что родители должны сами отвечать за своих детей, а не полагаться на государство. Однако, хотя первостепенной заботой Рэтбоун было благосостояние матерей и детей, она не подвергала сомнению традиционное разделение труда, но и не пыталась «заставить женщин вернуться домой», как предполагали некоторые критики. Ее

цель состояла в том, чтобы *всем* женщинам предоставить *выбор*: чтобы они не были вынуждены искать оплачиваемую работу из-за материальной необходимости, а если бы они хотели заняться карьерой, они могли бы использовать семейные пособия для найма домашних работников. Рэтбоун была убеждена также, что ее предложения могли бы обеспечить равную оплату мужчинам и женщинам. В настоящее время, утверждала она, зарплата мужчине насчитывается исходя из предположения, что его неработающая жена и дети, нуждаются в поддержке. В действительности же более половины работающих мужчин в возрасте 20 лет и старше вообще не имели детей. Поэтому, если матери и дети получат государственное обеспечение, зарплата мужчин и женщин могла бы отражать реальный объем работы, который они лично выполнили. В сложившейся же ситуации зарплата часто дополнительно покрывала несуществующие семейные обязанности мужчин. С отменой подобной «семейной зарплаты» исчезла бы и необходимость в разнице оплаты труда мужчин и женщин. На практике, когда после Второй мировой войны семейные пособия были введены (на второго и последующих детей), они оказались гораздо ниже уровня, обеспечивающего женщинам материальную независимость, и не могли поколебать образа мужчины-добытчика. В этом смысле пособия стали скорее средством снижения бедности и поощрения роста населения, чем сдвигом социальной и экономической власти в пользу женщин. Несмотря на это, необходимо отметить, что именно феминистки, такие как Рэтбоун, способствовали тому, чтобы пособия выплачивались непосредственно матерям, а потребности женщин и детей были включены в концепцию нового государства всеобщего благосостояния. Современные авторы считали защиту семейных пособий одновременно и важной практической темой, и частью идеологической борьбы за полноценное признание женского труда. Группа «Wages for Housework» («Оплата домашнего труда») впоследствии попыталась возобновить прежние споры с марксистской теорией о женском домашнем труде, и для своих целей возродила Элинор Рэтбоун как героиню (см. гл. 13).

Контроль над рождаемостью

Другая область, где переплелись взгляды сторонниц равных прав, с одной стороны, и особых прав женщин, с другой, был контроль над рождаемостью. В прошлом его рассматривали главным образом как источник сексуального порабощения, а не освобождения, и сторонницы контроля, например, Энни Бизан (Annie Besant), не получали большой поддержки лидеров суфражистского движения. Однако постепенно менялось отношение к сексуальности, которую

стали считать скорее важным источником удовольствия человека, чем грехом или чисто животной активностью. Как говорила американская активистка Кристэл Истмэн (Crystal Eastman), «феминистки — не монахини» (Цит. по: Cook, 1978, р. 47). После Первой мировой войны и в Британии, и в Америке некоторые женщины восприняли свободу выбора как сексуальную дозволенность и стали выступать в защиту «внебрачного материнства». Но, подобное намеренное пренебрежение условностями было все еще редким, хоть и широко обсуждалось. По словам Роуботам, «в 1920-х гг. вызывающая сексуальность была стилем ... освобождением для привилегированного меньшинства, но не новым образом жизни для большинства» (Rowbotham, 1973a, р. 124). Важным обстоятельством для принятия мер регулирования рождаемости было признание социальными реформаторами ужасающего влияния на здоровье женщин многократных беременностей. Была осознана необходимость распространения информации о противозачаточных средствах среди женщин, принадлежащих к рабочему классу. В Британии это включало не только создание благотворительных клиник для предоставления необходимых знаний, но и требование государственного финансирования. Хотя такие меры сторонниц особых прав женщин и получали сильную поддержку в лейбористской партии, иногда возникало небезосновательное подозрение относительно мотивов реформаторов. Например, Мэри Стоупс (Marie Stopes), автор работы «Married Love» («Любовь в браке», 1928), была движима не только состраданием к положению рабочих женщин, но и страхом, что бесконтрольный прирост нищего рабочего класса приведет к «вырождению расы». Некоторыми рабочими — мужчинами и женщинами — движение за контроль над рождаемостью, рассматривалось как злонамеренный шаг к установлению власти над рабочим классом, а не средством освобождения женщин. Считалось, что это способ возложить вину за бедность на излишнее размножение, но не на капиталистическую эксплуатацию. Несмотря на это, возможность женщины контролировать собственную способность к деторождению стала ключевым феминистским требованием, за которое выступали как сторонницы равноправия, так и те представительницы феминизма специальных государственных гарантий для женщин, которые считали планирование семьи основной предпосылкой ответственного материнства. В период между войнами феминистки большей частью сосредоточили свои усилия на пропаганде противозачаточных средств (Banks, 1986, pp. 192—194; см. также работу о Стелле Браун, выступавшей в защиту абортов: Rowbotham, 1977). Их доводы возникли снова в современных спорах об абортах и репродуктивных технологиях, которые рассматриваются многими современными феминистками в качестве ключевой проблемы (см. гл. 11).

В целом, «феминизм специальных государственных гарантий для женщин», представлял собой отход от либерального индивидуализма и политики невмешательства и поворот к государственному регулированию. Основной целью была кратковременная выгода для женщин, т. е. стремление скорее к улучшению условий выполнения ими традиционных ролей, а не к изменению привычного разделение труда и предписанности женщин к частной сфере. Такой подход преимущественно основывался на утверждении высокой ценности домашнего труда и убеждении, что, хотя мужчины и женщины могут различаться по своим природным свойствам, женщины ни в коем случае не ниже мужчин. Однако, как показали дебаты о семейных пособиях, для того, чтобы «оценить» традиционную деятельность женщин, вовсе не обязательно лишать их права выбрать иную роль. Как сказал в 1881 г. Милль, только когда у женщины есть свобода выбора, можно узнать, каковы ее «естественные» способности. В сущности, конфликт между феминизмом, выступающим за равные права, и феминизмом, выступающим за особые права женщин, не столь непримирим, как может показаться на первый взгляд, признание положений одного не обязательно влечет за собой отрицание всех принципов другого.

Для некоторых критиков проблемой феминизма равных прав и «феминизма специальных государственных гарантий для женщин» является их позиция в отношении других социальных перемен. Так, первый игнорирует угнетение внутри дома, и, хотя выступает за равные права для мужчин и женщин в общественной сфере, но не принимает во внимание, что само общество является неравноправным и иерархическим, в котором большинство должно проигрывать. «Феминизм специальных государственных гарантий для женщин» исходит из посылки, что государственный механизм можно использовать для перераспределения средств и улучшения положения женщин, тогда как критики, отмечают, что государство является не неким нейтральным институтом, но отражением или инструментом господствующих патриархатных либо капиталистических классовых интересов. С точки зрения такой критики со стороны радикального, социалистического или марксистского направлений для реальных перемен необходимы более фундаментальные социальные преобразования.

В период между войнами радикальная феминистская теория развивалась мало, исходная идея о всеобъемлющем характере мужской власти, казалось, была забыта, о ней вспомнили не раньше 60-х гг. Но «средние годы» стали временем, когда развивались и, по убеждению некоторых, претворялись на практике социалистические и марксистские феминистские идеи. Именно об этом и пойдет речь в следующих главах.

Глава 5. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕМИНИЗМ В БРИТАНИИ И АМЕРИКЕ

К концу XIX в., на первый взгляд, во многих странах Европы произошел раскол между «ведущим (mainstream) феминизмом» с его требованиями равных политических и юридических прав и марксистским социализмом, ориентированным на классовую борьбу и революцию. Но и в Британии, и в Америке существовал континуум взглядов. Социальная обеспокоенность, свойственная различным течениям прежнего женского движения, соединилась с более радикальной критикой существующего общества, что привело некоторых как к социализму, так и к феминизму. Для большинства этот вид социализма основывался на идеалах гуманизма или на прагматическом подходе к проблемам бедности и улучшения условий жизни рабочего класса и практически не был связан с марксистской идеологией. Этот вид социализм был ориентирован скорее на постепенные и поэтапные реформы, а не на революцию и мог казаться вполне совместимым с феминизмом, основанным на идеях социальной справедливости, а не на анализе патриархата. С этой точки зрения социализм и феминизм можно было считать взаимно дополняющими, обещающими социальное равенство и конец эксплуатации для всех.

Женщины и феминизм в социалистических организациях

Хотя многие мужчины-социалисты могли разделять теоретически эту точку зрения, в действительности социалистические организации в обеих странах скорее сочетали в какой-то мере формальную приверженность равенству полов с маргинализацией женских проблем, дискриминационной практикой, а часто и неосознанным сексизмом, пронизывающим все уровни политической и личной жизни. Так, в Англии Ханна Митчелл (Han-nah Mitchell), социалистка, представляющая рабочий класс, и участница кампании суфражисток на севере страны, сетовала:

«Скоро я обнаружила, что бесконечные разговоры социалистов о свободе — это только разговоры и что эти молодые мужчины-социалисты точно так же ожидают воскресных обедов и обильных чаепитий с домашними пирожными, мясом в горшочках и пирогами, как и их реакционные собратья».

И еще:

«Большинство из нас, вышедших замуж, поняли, что «право голоса для женщин» представляет гораздо меньший интерес для наших мужей, чем их собственные обеды» (Mitchell, 1977, pp. 96 и 149).

Иногда эти разные приоритеты приводили к явному столкновению ме-

тодов и устремлений социалистов и феминисток. Самым известным примером является отказ британской Лейбористской партии поддержать суфражистскую кампанию за предоставление права голоса женщинам на тех же условиях, что и мужчинам. Основанием для отказа послужило то, что это лишь усилило бы избирательный потенциал среднего класса. Ответом некоторых женщин на подобное «предательство» был выход из партии вслед за Эммелин и Кристабель Пэнкхерст и создание собственной воинственной и независимой организации (см. гл. 4). Однако такая поляризация на уровне центральной организации скрывала широко распространенную преемственность на уровне низовых групп. Женщины продолжали борьбу и в женских подразделениях, и в ведущих профсоюзных организациях, а также в Лейбористской партии, Фабианском обществе и Кооперативной гильдии (Rowbotham, 1977; см. также Walker, 1984, гл. 3; и Rowan, 1982). Такие активистки не отвергали социализм как изначально патриархатный и враждебный интересам женщин, но в их рядах преобладало мнение, что недостатки социалистических организаций были всего-навсего случайными. То есть в ведущем массовом социалистическом движении Британии не существовало теоретической конфронтации «разных пристрастий», «дилеммы пола и класса» (Phillips, 1987a. Dilemmas of sex and class), с которой могли столкнуться социалистические феминистки. Как мы видели в предыдущей главе, программа Лейбористской партии в общем хорошо согласовывалась с требованиями социального феминизма, предпочитающего реформирование столкновению полов либо классов.

Возможно, это удивительно, но в первой марксистской партии Британии, немногочисленной Социал-демократической федерации (Social Democratic Federation), также отсутствовал теоретический анализ взаимосвязи между социализмом и феминизмом. По мнению Хант, официальная партийная линия, утверждающая, что только экономические проблемы напрямую связаны с социалистическими принципами, а другие вопросы являются уделом личной совести, позволила федерации избежать противостояния за счет позиции «никакой политики» в отношении женских проблем. На практике это означало, что, хотя в партийной прессе высказывалась феминистская точка зрения, антифеминистские и женоненавистнические взгляды считались имеющими равное право на существование и в действительности задавали тон дебатам. Поэтому, хотя многие женщины считали, что сталкиваются со специфическими проблемами своего пола, и разногласия в вопросах о праве голоса и женской работе стали достаточно острыми, в принципе, феминизм «оставался для социалистов необязательным довеском», который

мужское руководство могло игнорировать (Hunt, 1988, p. 475).

В Америке существовало сложное и часто противоречивое смешение «ортодоксального марксизма», импортированного беженцами из Германии, столкнувшимися в 80-х гг. XIX в. с антисоциалистическими законами Бисмарка, и доморощенного социализма (См.: Buhle, 1981). Этот последний вариант социализма был, по сути, движением за моральные принципы, своими посылками во многом обязанным работе Эдварда Беллами (Edward Bellamy) «Looking Backward» («Оглядываясь назад», 1888), и привел к созданию социалистического феминизма, традиции которого были заложены предыдущими кампаниями за отмену рабства, за трезвость и против проституции. Лидер кампании за трезвость Фрэнсис Уиллард (Frances Willard) стала олицетворением этого подхода, так как считала пьянство результатом, а не причиной бедности, а решение проблемы она видела скорее в христианском социализме, нежели в личностных ограничениях или классовой борьбе. Сходным образом, кампания против проституции к началу XX в. приняла отчетливое социалистическое направление: «Если массовое женское движение в XIX в. считало потенциальным развратником мужчину, то социалисты представили как проклятие девической добродетели капитализм и его хозяев» (Buhle, 1981, p. 253). Социалистические феминистки, так же как и представительницы основных массовых кампаний Америки, обосновывали свои доводы в понятиях нравственного превосходства женщины и ее потенциальной роли в качестве возрождающей и преобразующей прогнившее общество. Для многих это сопровождалось возвеличиванием традиционной семейной жизни и приверженностью идеалу женщины как хранительницы домашнего очага, а не производственницы в общественной сфере.

Шарлотта Перкинс Гилман

Представление о женском превосходстве было важным и для Шарлотты Перкинс Гилман (Charlotte Perkins Gilman, 1860—1935), которую называли «ведущей мыслительницей» женского движения в Соединенных Штатах в начале века (См.: Rossi, 1973, p. 568). В ее теории это приобрело, однако, новое значение и привело к другим выводам. Хотя и не участвуя по-настоящему в организованном феминистском движении, Гилман пользовалась широкой (пусть и недолгой) известностью перед Первой мировой войной, а свои суждения она излагала в беллетристических произведениях, в прессе, в чрезвычайно популярных публичных выступлениях, а также в теоретических работах. И везде она развивала женское видение мира, связывая женские ценности с прогрессом человечества и социализмом, который она считала неиз-

Шарлотта Перкинс Гилман

бежным результатом определенной стадии человеческой истории. Хотя Гилман говорила, что не согласна «ни с теорией, ни с методами, выдвинутыми последователями Маркса» (Цит. по: Hill, 1980, p. 283), ее взгляды имели явное сходство с основной доктриной марксизма. Она утверждала, что экономические условия являются главными для развития человека, что человеческая сущность — не неизменный, но постоянно развивающийся продукт общества и что работа есть первейшая потребность человека, которая в будущем может быть освобождена от экономического принуждения и станет свободно выполняться для всеобщего блага. Подобно Марксу, она считала, что экономическое развитие выведет общество за рамки эгоистичного индивидуализма, эксплуатации и накопительства к человеческой свободе, сотрудничеству и равенству. В отличие же от Маркса она полагала, что это произойдет не путем классовых столкновений и революции, а постепенным и мирным развитием тенденций, уже присутствующих в современном обществе:

«Эти перемены ... не просто предсказаны и рекомендованы: они уже происходят под воздействием сил общественного развития; единственное, что должно быть ясно нашему сознательному мышлению, это то, что мы можем оставить тщетное и ненужное сопротивление нашей заблудшей воли» (*Gilman*. Women and Economics, p. 122).

К концу XIX в. подобного рода анализ не был оригинален. Впечатляющую новизну суждениям Гилман придавало сочетание социализма с подходом к истории и обществу сквозь призму женщин. По ее мнению, отношения полов являются главной силой, а не просто побочным продуктом экономического развития. Изначально женщина была первым производителем, утверждает она, потому что, пока мужчина «доблестно преследовал бизона ... действуя просто как животное, движимое голодом, при виде близкой добычи», женщины думали о будущем и сеяли зерна для себя и своих детей (*Gilman*. Human Work, p. 207). Кроме того, они были первыми педагогами, и «женщина-мать является первым координатором, законодателем, администратором и исполнителем» (*Gilman*. The Man Made World, p. 198). Эти, по сути, человеческие черты заботливости, любви и защиты изначально присущи материнской роли женщин. Мужчины, не имевшие подобных врожденных добродетелей, должны были *научиться* им, так как «действовать с применением силы, сражаться, топтать землю, победно вопить в дикой радости — все это

были первобытные мужские инстинкты» (*Gilman*. The Man Made World, p. 189). Только в процессе истории мужчины стали полностью людьми и развили производство и другие изначально материнские функции, например законодательство, до их высшей формы. В прошлом сила мужчин позволяла им подчинять и исключать женщин, но возросшая специализация и разделение труда давали возможность женщинам участвовать в промышленном производстве. Экономическое развитие также стимулирует взаимозависимость членов общества, так что эгоизм, конкуренция и индивидуализм («дух хищного самца» (*Gilman*. The Man Made World, p. 197) скоро устареют в новой эре, которая будет характеризоваться такими «женскими» чертами, как коллективизм и социалистическое сотрудничество в общих интересах.

Таким образом, ею был представлен анализ истории отношений полов и перспективы их преобразования в будущем. Как бы шатко ни было антропологическое обоснование таких рассуждений, они придавали женщинам ощущение силы и оптимизма, поскольку в этих положениях присутствовало осуждение существующего и все более устаревающего положения вещей. Центральное утверждение Гилман состояло в том, что женщина должна стать экономически независимой от мужчины. Ее зависимость не являлась ни в коей мере «естественной», но означала, что женщина, подобно животному, ориентирована лишь на сексуальные отношения, поскольку они были для нее одновременно и экономическими — исключение ее из производства подразумевало возможность выживания за счет ее способности привлечь супруга. Женщинам не только было отказано в выражении своей производительной природы, но они были вынуждены соревноваться друг с другом на брачном рынке, что было особенно унизительно, так как женщин принуждали выходить замуж и в то же время обязывали изображать безразличие, а не активно преследовать мужчину: «Хотя брак и является средством обеспечения жизни, это все же не честная служба, где можно без стыда предлагать свой труд» (*Gilman*. Women and Economics, p. 89). Как и прежние авторы, Гилман заявляла, что подобная продажа женщин в браке значила, по сути, то же, что и проституция: «Кратковременную торговлю мы считаем злом. Сделку на всю жизнь — благом». Отвращение, которое «приличные» женщины испытывали к проституции, добавляла она, было, следовательно, просто ненавистью членов профсоюза к штрейкбрехерам (*Gilman*. Women and Economics, pp. 64, 100). Повсеместная коммерциализация секса не только унижала женщин, но и вела к преувеличению половых различий и к поощрению в женщинах худших свойств — моральной неустойчивости и слабости. Она считала, что эти черты будут переда-

ваться детям, как мальчикам, так и девочкам, и приведут к снижению качества всей человеческой расы.

Следовательно, женщинам необходимо предоставить экономическую независимость и ради их собственного блага, и для блага человечества. Эта независимость, в свою очередь, приведет к изменению преобладающей модели семьи, создав более высокие формы отношений, которые не зиждутся на экономической потребности. Здесь Гилман расходилась с большинством феминисток своего времени и активно критиковала традиционную семью. Вопреки распространенному мнению, она считала ее вовсе не уютным мирком, но местом унизительного труда и эксплуатации, где женщины работали, как рабыни, безо всякого вознаграждения и где неестественные ограничения доводили их до разочарования, гнева и часто до безумия. Более того, она считала, что в семье чрезвычайно неэффективно выполняются функции, жизненно важные для общества: приготовление еды, уборка и воспитание детей являются сложными навыками, требующими квалифицированных, научных знаний, а существующая система, когда эти функции выполнялись всеми женщинами, неизбежно означала, что дети росли нездоровыми, недокормленными и невежественными в напряженной семейной среде. Профессионализм при выполнении таких задач для Гилман был поэтому ключевым как для освобождения женщин, так и для создания лучшего общества. В этот период такие виды работ, как стирка и приготовление еды, и большая часть заботы о детях уже начинали постепенно передаваться в руки более квалифицированных специалистов. Против тех, кто пытался сопротивляться такой тенденции, заявляя, что это разрушит семью и моногамный брак, она выступала с утверждением, что исчезнут лишь угнетающие стороны брака и семьи. Следовательно, прекратится бесконечно тяжелая работа, связанная с материнством, и отношения детей и родителей будут основаны на искренней любви, а не на ревности и чувстве собственности, а дом станет сферой любви и отдохновения как для женщин, так и для мужчин.

Эти идеи Гилман явно были навеяны собственным несчастливым опытом семейной жизни. После рождения дочери она страдала от тяжелой депрессии, а когда отдала дочь на воспитание бывшему мужу и его второй жене, которая была и осталась ее подругой, многие сурово осуждали ее. Все это значило для Гилман, что сферы частного и общественного угнетения и освобождения неразрывно связаны и что средством освобождения является движение к созданию общества, в котором женские ценности — мир, любовь, сотрудничество — не будут привязаны к дому, но создадут основу всего социального порядка. В этом контексте различия между женщинами и мужчи-

нами станут менее важными, чем их возможное человеческое сходство (поэтому она называла себя скорее гуманисткой, чем феминисткой), и мужчины тоже неизмеримо выиграют от прекращения подчинения женщин. Как и классовая эксплуатация, угнетение по признаку пола должно закончиться в интересах всех, без обязательных столкновений, революций или мести.

Хотя период популярности и влияния Гилман был краток и лишь недавно ее идеи были открыты вновь, она сформулировала важные положения о взаимосвязи политических, культурных, экономических и личных измерений жизни, предвосхищая некоторые ключевые направления современного женского движения. В отличие от современного феминизма ее анализ личной жизни, однако, оставался в относительно общепринятых рамках, и она практически не размышляла о сексуальности. И в этом она разительно отличалась от своей гораздо менее респектабельной современницы, анархистки Эммы Голдман (Emma Goldman, 1869—1940).

Анархистский феминизм Эммы Голдман

Хотя большинство анархисток не были феминистками, как указывает Марш (Marsh, 1981), влиянию анархизма на личность и свободу человека легко можно придать феминистское измерение, так как идея об обществе, основанном на доверии и сотрудничестве, а не на эксплуатации и насилии, находит отклик во многих течениях женского движения. В работах Эммы Голдман, наиболее выдающейся из американских анархисток-феминисток начала XX в., такое сочетание взглядов привело к анализу сексуальных и семейных основ угнетения женщин, что, как отмечают многие авторы, во многом удивительно близко современному радикальному феминизму. По мнению Голдман, женщину освобождает не право голоса или право выбора работы, а личная самостоятельность, выраженная посредством свободной любви и психологической независимости:

Эмма Голдман

«Настоящая эмансипация начинается не на избирательных участках и не в судах. Она начинается в душе женщины» (Цит. по: Shulman, 1983, p. 227).

«Демократия, — утверждала она, — является фасадом, который прикрывает незыблемые конструкции угнетения, а оплачиваемая работа — просто новая форма эксплуатации; для меньшинства «эмансипированных женщин» это может показаться освобождением, но теряют они больше, чем приобретают: пожертвовав всем ради карьеры, испытывая страх перед любо-

вью и рождением детей, они становятся «профессиональными автоматами», отрезанными от «сути жизни» (Цит. по: Shulman, 1979, p. 137). Государство, частная собственность и система оплаты труда были поэтому для Голдман взаимосвязанными структурами угнетения, с которыми надо не договариваться, а уничтожить их; и эта знакомая анархистская критика распространялась вплоть до выступлений против дома, материнства, семьи и общепринятой нравственности как основных «угнетателей» женщин.

Хотя социалисты-утописты и обрушивались на традиционную семейную и сексуальную мораль, почти все более поздние феминистки отреклись от свободной любви и избрали респектабельность, но для «Красной Эммы» свободное выражение сексуальности стало исключительно важным делом. Она утверждала, что женщина обречена быть «незамужней, проституткой или безрассудно и безостановочно производить на свет злополучных детей», но из всего этого безбрачие было хуже всего: «Нет ничего более жалкого, более ужасного, чем эта поседевшая жертва поседевшей Морали» (Цит. по: Shulman, 1979, pp. 129, 132). Сексуальное освобождение не является, однако, только средством личной самореализации, как бы важно оно ни было, оно связано с более широкой общественной моралью, для которой эксплуатация и частная собственность главнее всего, а женщина — лишь одна из форм собственности. Поэтому любовь и страсть должны быть свободны от понятий обладания, преданности и контроля, утверждает Голдман; однако, подобно Мэри Уоллстоункрафт, с которой она себя отождествляла (см. гл. 1), она часто обнаруживала, что ее сердце не всегда следует велениям рассудка, что ревность и собственнические чувства легче искоренить теоретически, чем на деле. Ее письма показывают, что любовные увлечения ввергали ее не только в экстаз, но и в агонию ревности, когда она поняла, что «секс это как обоюдоострый меч, он освобождает душу и оплетает ее тысячью нитей» (Цит. по: 1984, pp. 278—279).

Сексуальный радикализм Голдман и ее активное участие в революционном движении принесли ей скандальную известность, но в то же время ее влияние вне узкого круга анархистского движения было невелико. Но Марш утверждает, что она была готова разбираться с фундаментальными проблемами, которые игнорировало массовое женское движение:

> «В краткосрочной перспективе организованные суфражистки, казалось, следовали гарантированным путем к равноправию. В долгосрочной перспективе, однако, американское общество все еще боролось с нерешенными проблемами силами не всегда успешных, не прагматичных анархисток-феминисток» (Marsh, 1981, p. 64).

Спендер предполагает, однако, что анализ Голдман явно недостаточен, так как, несмотря на то, что она точно указала на элементы личностного угнетения, исследованного сегодняшними феминистками, в нем недоставало осознания сексуального угнетения и патриархата: «Для человека, выступающего против всех и вся, большое упущение не заметить угнетения женщин мужчинами». Она не смогла проанализировать или обвинить мужскую власть и увидеть потенциальную коллективную силу женщин, говорит Спендер, так что в политическом словаре Голдман отсутствует понятие «сестринство» и каждой женщине поэтому остается лично отстаивать свою волю перед силами угнетения (Spender, 1983a, p. 504). Однако, в отличие от некоторых современных радикальных феминисток, Голдман не отделяла личностные изменения от более широких социальных преобразований и не игнорировала реалий классового угнетения. Она была убеждена, что настоящая свобода женщин и мужчин будет достигнута не при капитализме, а только при социализме.

Мэри Инмэн и американский коммунизм

Ортодоксальные марксисты, несомненно, соглашались с последней частью взглядов Голдман, отвергая, однако, анархистское убеждение в том, что революция может быть результатом скорее стихийного волевого действия, чем объективных экономических обстоятельств, длительной политической организации и классовой борьбы. Для небольшой Коммунистической партии, уцелевшей в Америке после Первой мировой войны, феминизм, конечно, никогда не был главным, и она все больше следовала «официальной линии», исходящей от Москвы. Эта партия, вполне предсказуемо, характеризовалась сексизмом и дискриминацией, и женские проблемы вообще воспринимались как мелкие, отвлекающие, их можно было откладывать бесконечно. Вопреки этому в 30-е гг. небольшое число женщин добились относительно высокого положения в Компартии, и дебаты в партийной печати того времени «узаконивали женские проблемы и заботы и ставили их в центре внимания» (Shaffer, 1979, p. 96). Еще более важно то, что они дали повод для теоретического вклада Мэри Инмэн (Mary Inhman), которая предвосхитила более поздний марксистский феминистский анализ.

Несмотря на то, что Инмэн отвергала ярлык «феминистки-социа-листки» и заявляла, что пишет в марксистско-ленинских традициях, высказанные в ее книге «In Woman's Defence» («В защиту женщины», 1936) суждения выходят далеко за рамки ортодоксальности. Она расширила свой анализ за традиционные экономические и политические границы, чтобы исследовать угнетение женщин в доме, в сфере образования, в прессе, в воспроизводстве

женственности и в сексуальной морали (называя двойной стандарт «фашизмом в спальне» (Цит. по: Shaffer, 1979, p. 292). Инмэн утверждала также, что *все* женщины подвергаются угнетению в этих сферах жизни и что мужчина-рабочий сам может быть угнетателем своей жены — она называла это «мужским господством по классовым правилам» (Shaffer, 1979, p. 85). Подобно некоторым современным феминисткам марксистского толка, она также пыталась распространить экономические категории марксизма на женский домашний труд и показать функциональную необходимость домашней работы для капитализма как процесса, посредством которого воспроизводится и обеспечивается рабочая сила. Это дало ей возможность утверждать, что женщины как домохозяйки могли бы организовываться для изменения условий своего труда, а не рассматривать официальную профсоюзную деятельность как единственную форму борьбы. Но, хотя Инмэн и призывала к объединению *всех* женщин, все же она была достаточно увлечена марксизмом, чтобы утверждать, что это возможно лишь как часть классовой борьбы и что равенство полов служит также интересам рабочего класса, а единственное, что им дает капитализм, — это иллюзорное господство над женщинами. Позиция Инмэн была яростно осуждена коммунистическим руководством (См.: Landy, 1943), и она вышла из партии. До недавнего времени ее идеи были утрачены для истории, однако им присуща поразительная современность, они предвосхитили нынешние дискуссии о домашнем труде и о взаимосвязи патриархата и капитализма.

Несомненно, в этот период было много еще не воспетых героинь, которые «мыли посуду для социализма» (Walker, 1984, p. 71), думая при этом феминистские думы; много было и других известных в свое время феминисток-социалисток, таких, как Кристал Истмэн (Crystal Eastman) (Spender, 1983a, Cook, 1978), Олив Шрайнер (Olive Schreiner) (Spender, 1983a; First and Scott, 1980; Stanley,1983), Сильвия Пэнкхерст (Edmondson, 1981), Дора Рассел (Dora Russel) (Spender, 1983a), а также других, сыгравших важную роль на уровне низовых массовых организаций, но только сейчас спасенных от забвения: Селина Купер (Selina Cooper) (Liddington, 1984), Стелла Браун (Stella Browne) (Rowbotham, 1977) и Анна Митчелл (Mitchell, 1977). Догадки этих женщин часто были очень интересными, однако из-за маргинализации женских проблем в рамках социализма того времени казалось, что их открытия умрут вместе с ними, социалистическому феминизму не хватало накопления «банка идей», длительных дискуссий. Но нынешние феминистские исследования могут использовать их для того, чтобы обогатить современное понимание проблем и восстановить историческое развитие идей.

Для марксистского феминизма этот процесс был совсем иным, так как стремление официального марксизма утверждать, что по всем вопросам должна быть «правильная» позиция, значило, что не было недостатка в «классических текстах» и «партийных линиях». Однако сосредоточенность на них затеняет происходившие в то время споры и упускает из виду тот вклад, который не был официально санкционирован. В действительности женский вопрос пробился в повестку дня и стал важной теоретической и практической проблемой для европейского марксизма в конце XIX—начале XX в., когда центром дискуссий были сначала Социал-демократическая партия Германии, а затем события в России.

Глава 6. МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ В ГЕРМАНИИ

До Первой мировой войны немецкое социалистическое движение было самым распространенным и успешным во всем мире и потому имело доминирующее положение внутри Второго Интернационала (1889—1914 гг.), а дискуссии в среде Социал-демократической партии Германии (СДПГ) имели сильное влияние за ее пределами. СДПГ образовалась в 1875 г. как результат противоречивой коалиции между реформистами и марксистами-социалистами, но ко времени создания Эрфуртской программы в 1891 г. ее возглавил Август Бебель, абсолютно преданный, по крайней мере в теоретических положениях, радикальным позициям марксизма со всей сопутствующей риторикой классовой борьбы, революции и неизбежной победы социализма. Эта партия, несмотря на принятое в 80-х гг. XIX в. антисоциалистическое законодательство, стала самой многочисленной партией в парламенте Германии. Этот поворот к марксизму сопровождался также изменением отношения к роли женщин, когда споры между традиционалистами, считавшими, что предназначение женщины — домашнее хозяйство, и теми, кто приветствовал их вступление на рынок труда, разрешились в пользу последних. Однако как в сфере общей политики, так и в области женских проблем наблюдались растущие противоречия между формальной приверженностью партийной линии марксистским догмам и более прагматичной ориентацией на быстрые реформы и парламентский успех. Последующие дискуссии между «ортодоксальными марксистами», «радикалами» и «ревизионистами» отражены в аргументации позиций по отношению к так называемому «женскому вопросу», который никогда так и не был разрешен.

Вклад Бебеля

Одной из наиболее значимых работ, в которой сформулирована официальная партийная линия по этому вопросу, явилась книга Августа Бебеля

«Женщина и социализм» (также публиковавшаяся под названием «Женщина в прошлом, настоящем и будущем»)[1], которую Эванс определила как «основополагающую книгу в формировании установок социалистов в отношении женщин» (Evans, 1977, p. 156). Напечатанная впервые в 1878 г., она пережила много переизданий и сразу же была переведена на многие языки. Эта книга пользовалась наибольшим спросом в библиотеках для рабочих в Германии. Она была настолько популярна, что имела значительно более широкое и сильное влияние, нежели «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса (1884 г.), хотя именно последняя работа рассматривается в наше время как классический марксистский текст о женском вопросе.

Рассуждения Бебеля во многом совпадали со взглядами Энгельса, оба разделяли основную позицию о том, что угнетение женщины есть продукт классового общества, которое посредством пролетарской революции должно смениться социалистическим, где женщины обретут полную экономическую независимость, а домашний труд и уход за детьми будут обобществлены. Бебель, однако, в некоторых позициях пошел дальше Энгельса и придал центральное значение проблемам женщин, отсутствующее в работах самого Маркса, настаивая на том, что победа социализма невозможна без активного участия женщин и что «освобождение человечества невозможно без социальной независимости и равноправного положения полов»[2]. В отличие от Энгельса, он понимал, что работающая женщина, участвующая в оплачиваемом труде, угнетена как женщина и эксплуатируема как работница. Он утверждал, что в условиях капиталистической конкуренции женщина не может зарабатывать столько же, сколько мужчина, и что она вдобавок изнурена домашними делами: жена «между тем сидит дома, и в ней кипит злоба; она должна работать, как вьючное животное, для нее нет ни отдыха, ни передышки; муж все же пользуется, как может, свободой, которую ему, как мужчине, дал случай»[3]. Он также определил внеэкономические источники угнетения, такие, как двойной стандарт сексуальной морали и стесняющая движения традиционная женская одежда, и сделал вывод, что все женщины независимо от классовой принадлежности имеют общие интересы и могут объединяться на основе отдельных требований. Бебель, таким образом, рассматривал женский суфражизм не только как средство для содействия классовой борьбе, но и как индивидуальное право, базирующееся на женском участии

[1] *Бебель А.* Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959.

[2] *Там же*, с. 44.

[3] *Там же*, сс. 174—175.

в общественной жизни, и как оружие, необходимое женщинам *как группе* для защиты своих интересов. Но, несмотря на все это, рассуждения Бебеля не нашли большого отклика в среде современных феминисток (см.: Vogel, 1983; Coole, 1988; Hunt, 1986 and 1988; Boxer and Quataert, 1978. Более позитивное отношение см.: Draper and Lipow, 1976). В частности, существует мнение, что, несмотря на то, что он осознавал наличие внеэкономических факторов, его неукоснительное следование марксистской теории не позволило бы ему ни реально противостоять им, ни объяснить их. По мнению Хант, в работе Бебеля «женский вопрос нашел социалистический ответ, исчезнув под видом классового или социального вопроса ... В ней отсутствует теоретическое поле для развития понимания патриархата и как самостоятельной, и как взаимосвязанной системы, угнетение по признаку пола в результате оказалось неочевидным» (Hunt, 1986б p. 53). Таким образом, женщинам предлагался только один выход — присоединиться к борьбе против капитализма: пролетарии — мужчина и женщина — должны осознать, что они «тянут одну веревку» и что нет нужды бороться самостоятельно против патриархата, так как он естественно исчезнет с наступлением социализма. Как будет показано в гл. 13, вопрос о том, существует ли патриархат сам по себе и как ему противостоять внутри левых движений, по-прежнему обсуждается современными марксистскими феминистками; он стоял и перед женщинами из Второго Интернационала, которые пытались реализовать идеи Бебеля на практике, но так и не преуспели в этом.

Клара Цеткин

Клара Цеткин

Самой выдающейся из женщин-активисток Второго Интернационала была Клара Цеткин (1857—2933). Ее имя ныне часто упоминается вместе с ее современницей Розой Люксембург (1871—1919) и в меньшей степени — с Элеонорой Маркс Эвелинг, дочерью Карла Маркса. Однако в те времена она повсеместно считалась «ведущей представительницей европейского социализма» (Foner, 1984, p. 42). В отличие от Люксембург, она направляла свою энергию на женские проблемы и в качестве редактора женского журнала СДПГ «Ди Гляйхайт» («Равенство») обращалась к теоретическим и практическим задачам вовлечения женщин в дело социализма. Она добилась немалого успеха в том, чтобы «женский вопрос» оставался на повестке дня международного социализма (несмотря на то, что официальная позиция не всегда соответствовала реальному положению вещей). Во мно-

гом благодаря ее усилиям к 1900 году в Германии существовало «широкое, хорошо организованное и крайне воинственное женское движение» (Vogel, 1983, p. 107). Однако, несмотря на то, что к 90-м годам XIX в. она занимала лидирующее положение в СДПГ, ей все больше приходилось конфликтовать с другими партийными лидерами как в отношении женских проблем, так и по вопросу о том, можно ли прийти к социализму через последовательные реформы и парламентские методы. Такая сознательно радикальная позиция Цеткин повлекла за собой ее изоляцию не только от других лидеров партии, но и от нового поколения партийных женщин, которых больше волновали социальные гарантии и проблемы детей, чем критика структур власти или достижение широких социальных реформ, поскольку «превращение идеи социальной демократии в реформистскую партию поддержки государства сопровождалось параллельной метаморфозой пролетарского женского движения в воспитательную группу для социальных ангелов» (Thonnessen, 1973, p. 9). В 1917 г. она ушла из партии, в 1919 г. была избрана в немецкий парламент как член вновь созданной Коммунистической партии и провела остаток жизни по большей части в Советском Союзе. Хотя, как указывает Эванс (Evans, 1987), Цеткин являлась скорее оппозиционной фигурой, нежели ортодоксом в международном коммунистическом движении, высказывание любых позиций, противоречивших партийной линии Сталина, становилось все проблематичней и любая независимая дискуссия касательно «женского вопроса» была, в конечном итоге, закрыта.

Враждебность буржуазному феминизму

Книга Бебеля явилась откровением и источником вдохновения для Цеткин и для многих других социалисток: «Это больше чем книга, это событие, огромное свершение» (Цит. по: Foner, 1984, p. 22). Она всем сердцем приняла его основополагающий тезис о неизбежной взаимосвязи между устремлениями женщин и наступлением социализма. На самом деле она пошла дальше Бебеля в своем убеждении в главенстве классовых интересов над половыми и в отрицании того, что женщины среднего класса и пролетарки могут когда-либо иметь общие цели. Поэтому на практике она проявляла исключительную враждебность к «буржуазным феминисткам», к их требованиям улучшения образования, перспектив занятости и юридического статуса и категорически отказывалась сотрудничать с ними в их кампаниях за право голоса. Эта позиция основывалась на материалистском анализе женского движения, из которого следовало, что оно состоит из трех отдельных частей, опирающихся на три различные классовые позиции. «Высшие десять тысяч» были

нацелены на высвобождение прав собственности из остаточных феодальных ограничений и передачу их женщинам. Женщины из буржуазных слоев и интеллигенции жаждали экономической независимости в эпоху капиталистического кризиса, когда мужчины уже не могли позволить себе содержать жену. Женщины из рабочего класса боролись бок о бок со своими мужчинами, чтобы покончить с капитализмом. Как и Люксембург, чьи гневные речи против буржуазных женщин отличались еще большим сарказмом (она называла их «паразитами паразитов на теле общества»), она полагала, что с ними не может быть общих позиций и что классовая приверженность вернется на свое место, как только будут завоеваны юридические и политические права. Таким образом, пролетаркам нужны были политические и юридические права только вкупе с борьбой против капитализма, а общего фронта с «буржуазными феминистками», вовлеченными в несерьезную (легкомысленную) борьбу против мужчин, быть не может.

Из ее рассуждений также следовало, что в среде рабочего класса исчезает сама возможность угнетения по признаку пола. Как Энгельс и Бебель, она утверждала, что отсутствие собственности у рабочего класса и включение пролетарок в производство означало, что материальный базис или мотивация для продолжения равноправия полов отсутствует. Представители рабочего класса — и мужчины и женщины — должны рассматривать друг друга не как угнетатель и угнетенная, а как товарищи, борющиеся вместе за общее дело. Разумеется, на практике она отлично понимала, что в пролетарском саду цветут не только розы и что даже в СДПГ махровым цветом цветет самый допотопный шовинизм. Среди партийцев существовало мнение о том, что роль женщины при социализме должна сводиться к обеспечению домашнего уюта для своего мужа. Но даже те, кто был согласен с более активным участием женщин в общественной жизни, считали, это должно происходить не за счет их собственного горячего ужина. Более того, женские проблемы постоянно обозначались как малозначимые, опошлялись и снимались с общей повестки дня; подобно другим женщинам-лидерам, сама Цеткин нередко становилась объектом грубых сексистских шуток. До 1908 г. женщины не могли официально вступать в СДПГ, поскольку во многих германских землях закон все еще запрещал принятие их в политические организации или выступления на общественных собраниях, они могли участвовать в партийной деятельности только через полуавтономные женские секции. Хотя Цеткин не признавала сепаратизма, она смогла найти преимущества в существовании отдельных женских партийных групп, где в доброжелательной атмосфере женщины могли развивать навыки, которые давали им возможность уча-

ствовать в более широком движении и через точное понимание собственных интересов усиливать свое влияние, добиваясь того, чтобы их потребности не были проигнорированы. Однако взгляды Цеткин были неприемлемы в среде партийных лидеров, и при последующем включении женщин в общую партийную работу после 1908 г. произошло вытеснение радикально мыслящих женщин, подобных ей, и подавление независимого женского протеста.

Методологическая концепция Цеткин не позволила ей, однако, противостоять этим проблемам в теории, равно как не преуспела она и в развитии своего анализа проблем сексуальности и домашних обязанностей, о которых говорил Бебель, хотя и здесь она, безусловно, не оставалась в неведении по поводу поднятых проблем. Ее выступления легко срывали аплодисменты, когда она говорила о мужьях, рассчитывающих на обслуживание со стороны своих жен, и в разговоре с Лениным в 1920 г. (изложенном ею в 1925 г.) она подтвердила его недовольство тем, что «на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания, политического преподавания и просветительской работы» [4]. Она попыталась оправдать себя заявлением, что «видоизменения формы брака и семьи в ходе истории, в их зависимости от экономики — удобное средство для искоренения из ума работниц предрассудка о вечности буржуазного общества. Историко-критическое отношение к нему должно переходить в беспощадный анализ буржуазного строя, в разоблачение его сущности и вызываемых им последствий, включая и заклеймение лживой половой морали. Все дороги ведут в Рим. Всякий марксистский анализ касательно важной части идеологической надстройки общества, выдающегося социального явления должен приводить к анализу буржуазного строя и его базы частной собственности» [5]. Тем не менее, когда Ленин выразил сомнение: «Можете ли вы мне дать серьезное заверение, что... вопросы пола и брака рассматриваются с точки зрения выдержанного, жизненного исторического материализма?» [6] — она согласилась и сказала, что «вопросы пола и брака больше не являются центральными в кружках и на вечерах дискуссий» [7]. Проблема заключается в том, что для Цеткин эти вопросы представлялись только лишь частью идеологической надстройки, а не самостоятель-

[4] *Цеткин К.* Из записной книжки // *Цеткин К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, с. 44. См. также: *К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.* О женском вопросе. Приложение. М., 1978. — *От изд-ва.*

[5] *Там же*, с. 45.

[6] *Там же*, с. 45.

[7] *Там же*, с. 47.

ной проблемой. Это низведение самых глубинных проблем к экономическому базису вызывает наибольшее неудовольствие у современных феминисток, поскольку изъятие вопроса о мужском подавлении женщин из политической программы не приводило к его исчезновению в семье, в партии или в обществе в целом; но, с другой стороны, отсюда следовало, что с ним невозможно бороться и что, пока патриархат не обозначен марксистскими феминистками, ему невозможно успешно противостоять.

И хотя буржуазные феминистки (или, как их часто называли, «женщины-равноправки») иногда более успешно определяли ситуации угнетения по признаку пола, их либеральный индивидуалистический подход не давал возможности вычленить систематическое подавление женщин мужчинами или понять, каким путем это подавление служит интересам капитализма. Некоторые из них, разумеется, критиковали социальное неравенство, но многие были весьма консервативны, и далеко не все были готовы сотрудничать или вступить в партию, которая по-прежнему была озадачена классовой борьбой и революцией и отказывалась признавать реальность внеклассовых гендерных интересов. Таким образом, несмотря на то, что к 1900 г. марксистки и феминистки имели общие цели, женское движение было безвозвратно разобщено как в области теории, так и в практической политической деятельности. Многие аналитики предполагали, что эта разобщенность послужила причиной того, что немецкие женщины не добились тех юридических прав, которые были завоеваны гораздо раньше во многих европейских странах, но эта неудача должна рассматриваться в более общем контексте слабости идей либерализма в политической системе Германии (см.: Evans, 1980).

Лили Браун и ревизионистские дебаты

Тем не менее некоторые феминистки вступили в СДПГ. Самой известной из них была Лили Браун (1865—1916), и последующая битва между ней и Кларой Цеткин по поводу того, каково истинное социалистическое решение «женского вопроса», отражает более широкий спектр дискуссий о будущей партийной линии и о самой природе социализма. К концу века многим казалось, что успех СДПГ у электората объяснялся тем, что партия становилась частью той самой системы, которую она намеревалась свергнуть, и что ее растущее увлечение краткосрочными достижениями и желание привлечь голоса лишали ее былой революционности. Для «ревизионистов», возглавляемых Эдуардом Бернштейном, эти изменения казались правильными. В своем труде «Эволюционный социализм» («Evolutionary Socialism», 1899) он выступал против трактовки социализма, основанного на экономическом детерминизме, и требовал, что-

бы официальная партийная идеология была пересмотрена и было признано, что капитализм вовсе не достиг своего крушения и не приводил к обеднению рабочего класса. Он утверждал, что, наоборот, постепенные реформы ведут к общему улучшению уровня жизни и классовые противоречия утрачивают свое значение. С этих позиций достижимые краткосрочные успехи становились более важными, чем мифическая предопределенная цель, а социализм из неизбежного продукта экономических факторов превращался в этический идеал, к достижению которого могут стремиться все люди доброй воли. Такой подход для феминисток вроде Лили Браун был гораздо привлекательнее, чем радикальная установка на то, что политическая деятельность должна быть посвящена тотальному изменению общества и что она должна сочетаться с профсоюзной работой и массовым революционным движением. Концепция Берштейна открывала возможность сотрудничества между людьми разных классов и означала, что феминистские цели, как и другие достижения социализма, не должны откладываться на «после революции», но могут быть достигнуты в результате постепенного процесса социальных изменений. В этом контексте юридические и политические права рассматривались не как оружие в руках пролетарских женщин, позволяющее им более успешно участвовать в классовой борьбе, но как ценное приобретение само по себе. Браун утверждала, что с этих позиций организация коллективных форм быта может рассматриваться как важный шаг вперед. Она считала, что такие домашние коммуны, с одной стороны, освободят женщин от тягот домашнего хозяйства, а с другой — будут развивать чувство коллективизма, необходимое в социалистическом обществе. Люксембург всегда отрицала коллективные формы домашнего хозяйства, считая их ошибочной попыткой вернуться к докапиталистическому стилю жизни, который никогда не приведет к социализму, а Цеткин осуждала идеи Браун как «поздний расцвет утопизма в его опаснейшем оппортунистическом виде» (цит. по: Quataert, 1978, p. 130). Она считала, что подобные эксперименты явятся ложной роскошью, доступной только богатым, и, поскольку они имеют отношение только к условиям потребления, не касаясь производства, они не могут стать средством социальных изменений. Она также отвергала заинтересованность Браун в контроле над рождаемостью и предложение некоторых социалисток устроить «родильную забастовку», призванную облегчить положение работниц и лишить капитализм следующего поколения солдат. Цеткин заявляла, что это опасный уход от реальных проблем, попытка объяснить бедность высокой рождаемостью, а не капиталистической эксплуатацией. В этом, считала она, может быть польза для отдельных женщин, но уменьшение численности рабочего класса в перспективе может только навредить.

Хотя идеи ревизионистов никогда не были формально признаны в партии, «ортодоксальная» линия все больше отрывалась от политической реальности, поскольку СДПГ пыталась сочетать формальную верность марксистской догме с увеличивающейся реформистской деятельностью. Эта правая тенденция была символически обозначена, когда в 1914 г. все кроме одного члена СДПГ в парламенте проголосовали в поддержку военной инициативы Германии. Как и Люксембург, Цеткин горячо выступала против войны, и в 1915 г. она организовала Международную конференцию женщин-социалисток с целью начать антивоенную кампанию. В то время как многие умеренные феминистки тоже пытались организовать международную деятельность против войны, но они расценивали ее, скорее, как проявление мужской агрессии, которой противостоит женский пацифизм (см. выше гл. 4). Цеткин же, верная своей материалистской позиции, и войну считала продуктом капиталистического империализма. Поэтому пацифистская кампания рассматривалась ею как часть международного социалистического противостояния капитализму, в которой женщины, не призываемые в армию, должны были играть ведущую роль.

Эволюция взглядов Цеткин

Хотя Цеткин часто была в оппозиции к реформизму СДПГ и заигрыванию этой партии с электоратом, она не всегда могла противостоять давлению со стороны коллег, а ее собственные идеи претерпели со временем серьезные изменения. В частности, ее ранний анализ семьи как института подавления и убеждение в том, что женщинам необходимо участвовать в профсоюзной и политической деятельности, сменились уверенностью в том, что при социализме семья могла бы оставаться моральной ячейкой: «В социалистическом обществе женщина может быть профессиональной сотрудницей, не жертвуя своим развитием в качестве женщины и своими семейными обязанностями» [8]. «Многие жены и многие матери, развивающие классовое сознание мужа и детей, делают не меньшее дело, чем наши подруги, которых мы видим на собраниях» (Draper and Lipow, 1976, pp. 199, 120) [9]. Эта смена позиций отражалась в редакторской деятельности Цеткин в женском партий-

[8] *Цеткин К.* Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. Пг., 1918, с. 26.

[9] По этому поводу см.: *там же*, сс. 27—28: "Новая женщина хочет быть супругой и матерью, но в высшем смысле слова, не искалеченным существом, развитие которого укладывается в прокрустово ложе, а свободной, сильной, хорошо развитой личностью... Она хочет чувствовать себя своим человеком в сфере жизни мужа, хочет, чтобы он дома не встречал чуждых ему интересов". — *От изд-ва.*

ном журнале «Ди Гляйхат» («Равенство»). Поначалу она считала его важным теоретическим изданием, информирующим о профсоюзах, забастовках, заработной плате и условиях труда, адресованным самым «сознательным» работницам. В реальности же, несмотря на быстрое увеличение числа женщин в партийных рядах (достигшее 16% в 1914 г.), большинство вновь пришедших были не фабричными работницами, как ожидалось, а чаще всего неработающими женами членов партии. В связи с этим Цеткин была вынуждена адресовать свои материалы к этим новым членам, и в журнале «Ди Гляйхайт» стали появляться советы домохозяйкам наряду с рекомендациями как прививать детям социалистические ценности, а также общие утешительные рассуждения о том, что, сохраняя домашний очаг, женщины вносят свой важный вклад в дело социализма. Эванс выступила в защиту Цеткин в этом плане, считая, что «растущая тенденция Цеткин обращаться к женщинам как к женам и матерям есть не более чем постепенное осознание ею, что в собственном сознании и сознании их мужей они и были таковыми» (Evans, 1987, р. 26). Но такая стратегия позволяла поддерживать политическую популярность, а в конечном итоге означала лишь то, что женщины оказываются исключенными из процесса принятия решений и что отношения власти между мужчинами и женщинами остаются не исследованными.

В 1903 г. Цеткин писала: «[марксистская] материалистическая концепция исторического развития не предложила нам готовых формул для решения женского вопроса, но она предложила нечто более важное: дала нам правильный безошибочный метод для понимания этого вопроса» (цит. по: Foner, 1984, р. 93). Ее собственные попытки применить этот метод на практике позволили изменить собственный взгляд на женское движение, предоставив возможность проанализировать некоторые аспекты задействованных в нем классовых интересов. Одновременно ее опыт способствовал тому, что она слишком легко отказалась от идеи общих, не зависящих от класса, гендерных интересов и не смогла разобраться в реальности патриархата на уровне практик и убеждений, так же как противостоять ему на теоретическом уровне. По этой же причине она начала отстаивать вторичное положение женщин по отношению к мужчинам, доминировавшее в социалистическом движении, интересы женщин стали рассматриваться как второстепенные, разобщающие классовое единство. Несмотря на ее собственную приверженность равенству полов, похоже, ее методология не позволила ей добиваться этой цели.

Некоторые критики марксизма могут утверждать, что эти недостатки являются неизбежным результатом неадекватной теории, которая, стремясь все

свести к экономическим причинам, оказалась неспособной разобраться во всеобъемлющей природе патриархатной власти и ее проявлениях как в частной, так и в общественной жизни. Разумеется, для некоторых более поздних марксистов взгляды Цеткин и Второго Интернационала квалифицировались как грубый экономический детерминизм и кроме того враждебные феминизму как разобщающему женскому буржуазному движению. Однако современные марксистские феминистки пытаются доказать, что марксизм способен предложить более сложный анализ проблемы. Адекватность марксистского подхода к «женскому вопросу» также исследовалась и в России, где начиная с конца 1917 г. государственная власть находилась в руках марксистов. Хотя в процессе применения теории на практике возникало много трудностей и многие достижения были утрачены в годы сталинских репрессий, именно в России были предприняты первые серьезные попытки распространить марксистскую теорию на проблемы пола, нравственности и семейной жизни, что было сделано Александрой Коллонтай.

Глава 7. МАРКСИСТСКИЙ ФЕМИНИЗМ В РОССИИ

Русскую революцию часто считают испытательным полигоном для марксистской теории. Однако следует подчеркнуть, что для самого Маркса коммунизм, по сути, являлся продуктом промышленного капитализма, в котором технология могла бы освободить людей от тяжелого, монотонного труда и можно было бы покончить с трудностями нищеты. Поскольку капитализм распространялся по всему миру, Маркс верил, что коммунизм заменит его в мировом масштабе. Однако такая надежда не соответствовала положению, в которое попали русские большевики, захватив власть в конце 1917 г. Хотя в России быстро развивалась промышленность, это все еще была крестьянская страна, а разрушительное действие на экономику оказала война с Германией. Более того, вопреки ожиданиям большевистских лидеров, за событиями в России последовали безуспешные пролетарские революции в более развитых европейских государствах, а также гражданская война и иностранная интервенция в самой стране. Многие западные защитники марксизма поэтому утверждали, что в начале XX в. в России просто не существовало материальных предпосылок для успешной коммунистической революции и поражение было неизбежно. С точки зрения женского вопроса, недоставало ресурсов, необходимых для освобождения женщин: Энгельс, Бебель и Цеткин утверждали, что в коммунистическом обществе женщины будут освобождены от тяжелого домашнего труда, но в обществе, борющемся за выживание, предоставление необходимых общественных учреждений бытового об-

служивания было недоступной роскошью. Тем не менее женскую тему не отставили в стороне сразу после революции. Последовавшие затем социальные перемещения и пересмотр всех традиционных установлений и ценностей привели к тому, что горячо обсуждались и отношения между мужчинами и женщинами, и были предприняты серьезные попытки воплотить на практике марксистскую теорию. Конечно, хотя в Советском Союзе женский вопрос решен не был, идеи и опыт тех ранних лет все еще имеют значение для нынешних феминисток.

Первые русские феминистки

Ранняя история феминизма в России в чем-то схожа с западноевропейской, т. к. с середины XIX в. женщины среднего класса все больше требовали права на образование и карьеру, полного юридического равенства и права голоса. Как и в Германии, это происходило в обществе, где либерализм не был развит и только левые организации, казалось, были подготовлены к тому, чтобы серьезно относиться к женским проблемам. Поэтому, хотя многие феминистки оставались верны своему классу, другие стали связывать феминистские интересы с более широкими политическими, экономическими и социальными переменами. В отличие же от Германии, однако, парламентская дорога к социализму была надежно закрыта, и значительное число женщин стали участвовать в более радикальных и революционных политических движениях — действительно, как иронически комментирует Стайтс, «профессия революционерки была единственно открытой для женщин, где ее могли бы приветствовать как равную, позволить ее талантам полностью раскрыться и разрешить ей совершенствоваться» (Stites, 1978, с. 153).

Радикальное движение охватывало различные направления — от откровенного терроризма (в 1881 г. царя убила женщина) до массового хождения «в народ» в 70-х годах XIX в., когда тысячи молодых людей («народники») пытались донести идеи социалистической революции до крестьян. В начале XX в. участие женщин в разрушительных движениях было столь велико, что власти вынуждены были построить новую женскую тюрьму. Революционеры этого периода происходили в основном из интеллигенции, а не из крестьян или рабочих, поэтому они были способны поддерживать феминистские идеалы на абстрактном уровне, «не обремененные необходимостью идти на компромисс с политической реальностью или учитывать антифеминистские предубеждения ведомого ими рабочего класса» (Evans, 1977, p. 179). В некоторых кругах обсуждались довольно радикальные понятия о гендерной идентичности и необходимости женской автономии (см.: Engel, 1978). С 50-х го-

дов XIX в. некоторые также испытывали влияние нигилистских идей о немедленном личном освобождении через полную моральную, сексуальную и интеллектуальную свободу, что оставило России в наследство сексуальный радикализм и экспериментирование, которые проявились после революции. Таких идей явно не было в культуре левого течения в Германии. Подобные индивидуалистические решения, однако, совершенно не соответствовали ортодоксальной марксистской теории. По мере того как к концу XIX в. влияние марксизма возрастало, идея о том, что вопросы пола могут рассматриваться как самостоятельные, постепенно исчезала. Как и в Германии, женский вопрос стал считаться одним из аспектов более широких социальных изменений, и его предполагалось решить автоматически в грядущем социалистическом обществе.

Надежда Крупская

Первая серьезная попытка применить ортодоксальный марксизм к положению женщин в России была предпринята в 1900 г. Надеждой Крупской (женой Ленина). В своей брошюре «Работница» она описывала отвратительные условия труда, с которыми сталкивались русские женщины и в городе, и на селе, но она следовала линии Энгельса, Бебеля и Цеткин, утверждая, что занятость женщин в производстве, в конечном счете, прогрессивна и что освобождение их может наступить лишь через участие в классовой борьбе. Брошюра Крупской, несмотря на то, что ее теория была не нова, получила значительную популярность и помогла обеспечить включение женских требований полного юридического и политического равенства в программу партии (См.: Stites, 1978, pp. 239—243).

Владимир Ленин

Сам Ленин не выказывал равнодушия или враждебности к требованиям женщин, что, как отмечала Крупская, было свойственно другим мужчинам. Он, в частности, пошел дальше обычных банальностей о юридических правах и будущем равенстве, настаивая на том, что «настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социа-

листическое хозяйство» [1], что было «уникальным для марксистской литературы» (Vogel, 1983, p. 121). Ленин не только утверждал, что женщины будут освобождены с помощью достижений современной науки и техники и организации системы социального обеспечения, но требовал, чтобы «наша коммунистическая работа среди женских масс, наша политическая работа включала в себя значительный кусок воспитательной работы среди мужчин. Мы должны вытравить старую рабовладельческую точку зрения до последних мельчайших корней ее... Существует ли более наглядное доказательство этому [рабовладельческой точке зрения], чем то, что мужчины спокойно смотрят, как женщины изнашиваются на мелкой работе, однообразной, изнуряющей и поглощающей время и силы, работе в домашнем хозяйстве; на то, как их кругозор при этом сужается, ум тускнеет, биение сердца становится вялым, воля слабой?» [2]. Он также соглашался, что, из-за специфики потребностей и проблем женщин могут понадобиться отдельные организации и методы для привлечения их в революционную политику; поэтому он поддерживал создание в 1919 г. специального женского отдела (женотдела). Ленин «сказал, что никаких отдельных организаций женщин, конечно, создавать не надо, но надо иметь соответствующий аппарат в партии, который бы нес ответственность за работу по поднятию самосознания широких женских масс и учил бы женщин строить советское государство» [3].

Женские проблемы не были, однако, политическим приоритетом для Ленина. Несмотря на часто цитируемые рассуждения о домашнем труде, он никогда по-настоящему не задумывался, можно ли убедить мужчин изменить свою позицию, а если можно, то как это сделать. Он отказывался также от того, чтобы относиться к проблемам пола и брака как к серьезным политическим темам, считая их легкомысленным отвлечением в период революционного кризиса. Троцкий заявлял, что подобное пренебрежение социальной и личной сторонами женского угнетения ведет к слишком узкому пониманию освобождения. Он утверждал, что равноправия внутри семьи добиться бесконечно труднее, чем политического равенства или равных возможностей на рабочем месте. Наи-

Лев Троцкий

[1] *Ленин В. И.* Великий почин // Ленин В. И. ПСС, т. 39, сс. 23—25. Цит. по: *К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.* О женском вопросе. М., 1978, сс. 95—96.

[2] *Цеткин К.* Из записной книжки // *Цеткин К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, с. 57.

[3] *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 382.

более сложной проблемой он считал мужские установки, а перемены в организации семьи рассматривал как очень важные для успеха коммунизма:

«Нельзя двигаться вперед, покидая женщину в глубоком тылу. Женщина — мать нации. Из женской кабалы вырастают предрассудки и суеверия, окутывающие детство новых поколений и глубоко проникающие во все поры человеческого сознания. Лучший и наиболее глубокий путь борьбы с религиозностью — это путь всесторонней заботы о матери. Надо ее поднять и просветить. Освободить мать, значит перерезать последнюю пуповину, связывающую человечество с темным и суеверным прошлым» [4].

Однако, несмотря на то, что Троцкий определил круг важных проблем, в действительности он поддерживал выдвинутые идеи только на словах и не ставил их в центр своей политической деятельности. В целом, коммунистические лидеры, хотя и искренне сочувствовали женщинам, не могли учесть серьезных практических и теоретических проблем, возникающих при обеспечении женщинам полного социального равенства с мужчинами. С их точки зрения, это были вопросы, на которые марксизм уже дал ясные ответы, и поэтому уже не нужно подвергать каким-либо сомнениям ортодоксальную теорию или политические приоритеты. Оставалось лишь горстке женщин-активисток, из которых наиболее выдающейся была Александра Коллонтай (1873—1952), изучить практическое применение идей социального равенства и обнаружить, что решение женского вопроса, возможно, сложнее, чем предполагалось в классической теории.

Идеи Александры Коллонтай

Александра Коллонтай

Однажды Коллонтай заявила, что «женщины и их судьбы занимали всю мою жизнь. Именно их участь подвигла меня к социализму» (цит. по: Stites, 1978, с. 250). В действительности, однако, правдой является обратное — первоначальная приверженность Коллонтай социализму не демонстрирует осознания ею особых потребностей женщин. Именно то, что она считала феминизм угрозой социалистическому движению, впервые привлекло ее внимание к женским проблемам. Сначала она просто придерживалась ортодоксального марксизма, как его толковала Цеткин, и энергично выступала против того, что считала мелочным, эгоистичным буржуазным женским движением, требуя, чтобы оно было заменено классовой

[4] *Троцкий Л. Д.* Строить социализм — значит освобождать женщину и охранять мать // *Троцкий Л. Д.* Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926 г., с. 32.

пролетарской солидарностью мужчин и женщин. Однако вскоре она стала более критична к социалистической деятельности и начала понимать, каким образом потребности женщин отставляются в сторону партийной иерархией, большинство которой составляли мужчины. Поэтому она потребовала, чтобы в партии были созданы отдельные женские организации, и активно боролась за то, чтобы женские проблемы оставались на переднем крае политической повестки дня.

Практические достижения

Временное правительство, созданное после Февральской революции, предоставило женщинам гражданские и политические права, и, когда в октябре 1917 г. Коллонтай стала первой в современной истории женщиной, возглавляющей отдел министерства в качестве комиссара (министра) государственного призрения, первой ее задачей была фактическая реализация равноправия. Она добивалась предоставления женщинам полной юридической независимости и равноправия в браке, легализации абортов, устранения понятия «незаконное рождение» как юридической категории и установления принципа равного вознаграждения за труд равной ценности. Она также заложила юридический фундамент для государственного обеспечения охраны здоровья матери и ребенка и добилась того, что руководство стало ориентироваться на принципы коллективного ведения домашнего хозяйства, воспитания детей и создания учреждений питания (от этих обещаний партия отказалась в начале 20-х годов). Хотя недостаток ресурсов часто означал, что такие декреты могли быть заявлением о намерениях, они оказались достаточно нетривиальными достижениями, если учитывать существующий хаос и другие требования, предъявляемые новому правительству. Такие успехи отражали как решимость отдельных женщин, подобных Коллонтай, так и более общие перемены во взглядах, произошедшие со времен Маркса, что, в свою очередь, было результатом и влияния феминизма, и возросшей силы и организованности женщин-работниц.

Однако марксистское решение женского вопроса предполагало больше, чем юридическое равенство и права на социальное обеспечение, которые к тому времени уже были завоеваны в капиталистических странах. Специфика подхода состояла в том, что экономическая независимость женщин, основанная на полном участии в производстве и освобождении от домашнего труда, могла бы преобразовать всю их личную жизнь, если бы мораль, семья и отношения между мужчинами и женщинами были основаны на свободном выборе и равноправии, а не на зависимости и эксплуатации. Как мы

видели, Энгельс, Бебель и Цеткин относились к этим сферам скорее консервативно. Они считали свободно выбранную моногамию наиболее вероятной формой будущих сексуальных отношений, а Цеткин, в частности, подчеркивала, что семья будет продолжать существовать как социальная и нравственная ячейка, даже если отпадет необходимость выполнения ею экономической функции. Коллонтай была, однако, более радикальна, она не готова была согласиться с положением, что с экономическим прогрессом автоматически изменятся установки, на которых строятся отношения между полами. Она утверждала, что изменением сознания в этой сфере следует заняться напрямую, как отдельной проблемой, т. к. идеологическая надстройка является не только отражением экономической базы, но и сама может играть роль в общественных преобразованиях.

В практическом смысле это означало, что положение женщин нельзя было просто изменить государственным предписанием или улучшением обеспечения, необходима была работа по воспитанию их самосознания, что, в свою очередь, стало бы как причиной, так и результатом изменяющихся обстоятельств и полного участия женщин в построении социализма. Именно этот принцип Коллонтай пыталась воплотить в жизнь в короткий период своей работы в качестве заведующей женским отделом (женотдел) ЦК партии в 1920—1921 гг. Деятельность женотдела представлялась как двухсторонний процесс: женщины получали образование и информацию о своих правах, а также могли донести свои проблемы до внимания партии. В женотделе также стремились сочетать практическую помощь с теоретическими обсуждениями и критикой традиционных патриархатных взглядов. Организационно женотдел действовал как на общегосударственном уровне, так и на уровне первичных организаций, где существовали свободные дискуссионные объединения и группы самопомощи. Смысл был в том, чтобы женщины сами участвовали в собственной эмансипации и чтобы они сами при поддержке государства организовывали ясли, прачечные и проводили образовательные кампании, которые их же и должны были освободить. Предполагалось также, что опыт участия в женских группах даст им уверенность в отстаивании собственных интересов и необходимые навыки для последующей работы вместе с мужчинами в смешанных профсоюзных и партийных организациях. Несомненно, увеличилось политическое участие женщин, особенно на местном уровне, и женотделы появились даже в отдаленных мусульманских областях Советского Союза. Однако это был период «военного коммунизма», когда страна сражалась за выживание: голод, разруха в экономике, отсутствие транспорта. Производство стали, например, упало до менее чем 5 процентов от

довоенного уровня. Понятно, что в такой ситуации создание яслей и женское образование вряд ли могли считаться приоритетными задачами, и в действительности материальные условия большинства женщин, так же как и большинства мужчин, резко ухудшились. Это было также время, когда партийные лидеры все с большим подозрением относились к самой идее «революции снизу», на которую возлагала надежды Александра Коллонтай. Ее критика оппозиционной группы и того, что она считала растущей централизацией и бюрократизацией внутри партии, рассматривалась Лениным как угроза партийной дисциплине и единству. На закрытом заседании X съезда партии в 1921 г. была принята резолюция о запрете фракций, и в 1922 г. Коллонтай, по сути, была исключена из центра политических дискуссий и влияния и направлена с незначительной дипломатической миссией в Норвегию. С утерей ею власти закончилось официально санкционированное наступление на патриархат, и женотдел стал уделять основное внимание проблемам социального обеспечения. В 1929 г. он был упразднен Сталиным на том основании, что женский вопрос был решен.

Половая мораль и коммунизм

Работа Коллонтай весьма важна в теоретическом плане, несмотря на неудачи в достижении тех радикальных преобразований, на которые она надеялась. Чаще всего ее вспоминают (и обычно неверно понимают) в связи с ее взглядами на сексуальность. Эти взгляды можно оценить лишь в более широком контексте ее представлений о коммунизме как о типе общества, построенного самими людьми, в котором корыстная конкуренция и индивидуализм будут заменены «любовью-товариществом и солидарностью» [5]. Для Коллонтай коммунизм, следовательно, был не просто перераспределением экономических ресурсов или общественной собственностью на средства производства, но переменой самой природы мужчин и женщин. Такие преобразованные люди могли бы относиться друг к другу совершенно по-другому, чем прежде, и их поведение могло бы быть основано на новой, высшей форме нравственности. Но новые нормы поведения, однако, не возникнут автоматически как побочный продукт экономических перемен, сами по себе изменения в идеологической надстройке могли бы способствовать материальным переменам: «Недостаточно было создать новые формы производства, надо было соответственно этим новым формам производства перестроить свои понятия, свои правила жизни [мораль]» [6]. С этой точки зрения изменения норм во взаи-

[5] *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923, № 3, с. 121.

моотношениях полов были не просто важны сами по себе, но являлись частью процесса воспитания настоящих социалистических мужчин и женщин. Эти перемены были также важны для подрыва власти мужчин над женщинами, и здесь Коллонтай сделала важный шаг в определении политической значимости сфер жизни, традиционно определяемых как «личные», и попыталась распространить марксистскую теорию на нравственность, сексуальность и семью, не рассматривая их как простое отражение экономического базиса.

Как и предшествующие писатели-марксисты, Коллонтай соглашалась, что буржуазная мораль основана на лицемерии, неравенстве и собственнических чувствах, но она расширила этот тезис и утверждала, что никто в капиталистическом обществе не может избежать влияния этих норм, порождающих неравные властные отношения в самых интимных сферах жизни, даже когда таковые не основаны на экономической зависимости. «Настоящая любовь» в капиталистическом обществе поэтому была столь же невозможной для женщин-пролетарок, пытающихся сделать карьеру, сколь и для неработающих жен буржуа, потому что сложилось так, что секс и брак основывались не только на экономическом подчинении, но и на эмоциональном и психологическом неравенстве. То есть предложенное Энгельсом решение экономической самостоятельности для женщин не могло само по себе привести к фактическому равноправию полов. Для этого, по мнению Коллонтай, требовалось радикальное «перевоспитание психики женщины» [7], что, в свою очередь, могло произойти только вместе с общим коммунистическим преобразованием общества.

Наиболее решительно Коллонтай разошлась со взглядами предшествующих авторов по вопросам предпочтительной пролетарской морали в будущем. В то время как они были склонны считать истинную моногамию идеальной формой половых отношений, она была, напротив, обеспокоена *опасностями* исключительности в любви, что, как она полагала, может противоречить как интересам женщин, так и благосостоянию общества в целом [8]. Имен-

[6] *Коллонтай А. М.* Письма к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. М., 1922, №№ 1—2, с. 140.

[7] *Коллонтай А. М.* Новая мораль и рабочий класс. I. Новая женщина. М., 1918, с. 35. И далее по цитате: «применительно к новым условиям ее экономического и социального существования (дается не без глубокой, драматической ломки)».

[8] *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923, № 3, с. 121: «Тысячелетиями воспитывала культура, построенная на инстинкте собственности, в людях убеждения, что и чувство любви должно иметь, как база, принцип собственности. Буржуазная идеология учила... что любовь, притом взаимная, дает право на обладание сердцем любимого человека *це-*

но в этом отношении ее представляли и понимали неверно, а ее враги изображали ее и проповедницей случайных связей, и последовательницей теории «стакана воды», теории «о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды» [9]. На самом деле ее собственные сексуальные отношения остались бы незамеченными, будь она мужчиной (Коллонтай дважды была замужем и имела два других «официальных» романа), и, кроме того, она никогда не выступала в защиту неразборчивости в связях. Однако она придерживалась мнения, шокирующего для женщины того времени, что секс не грешен и не постыден и что он может быть высшей формой человеческой активности. Она также демонстрировала терпимость к сексуальному экспериментированию, которым характеризовались хаотичные послереволюционные годы, когда отвержение буржуазных ценностей приравнивалось некоторыми к пренебрежению всеми сексуальными ограничениями. Здесь она заметно отличалась от Ленина, который с презрением и отвращением говорил о тех «желторотых птенцах, едва вылупившихся из яйца буржуазных воззрений» [10], которые проповедовали случайное сексуальное удовлетворение: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, край которого захватан десятками губ?» [11]. Коллонтай, хотя и считала такую невоздержанность простительной или даже неизбежной во время общественного переворота, когда более серьезные отношения вряд ли могли уцелеть, все же не расценивала ее как предпочтительную. Она видела, что для женщин сексуальное «освобождение» слишком часто означало «свободу, равенство и материнство» (Stites, 1978, p. 360), и тоже возражала против низведения человеческой сексуальности до животной деятельности, рассматривая промискуитет как антиобщественное поведение, подвергающее опасности здоровье рабочих и отвлекающее их от более серьезных задач.

ликом и *безраздельно*. Подобный идеал, такая исключительность в любви вытекала естественно из установленной формы парного брака и из буржуазного идеала "всепоглощающей любви" двух супругов». — *От изд-ва.*

[9] *Цеткин К.* Из записной книжки // *Цеткин К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, с. 48.

[10] *Там же*, с. 46.

[11] *Там же*, с. 49. Ленин продолжает: «Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу». — *От изд-ва.*

Но для Коллонтай выход не мог быть таким простым, как у Энгельса, для которого основой моногамии (парного брака) являлась «индивидуальная половая любовь». Прежде она была убеждена в возможности единственной «великой любви» (и дозволенности других отношений, пока таковая не найдена), но в 20-х гг. она уже считала, что подобная всепоглощающая страсть не должна иметь места в коммунистическом обществе: «Исключительность в любви, как и «всепоглощение» любовью — не может быть идеалом любви, определяющим отношения между полами с точки зрения пролетарской идеологии» [12]. Это было не просто опасение собственнических чувства или того, что женщина неизбежно будет вкладывать в отношения больше, чем мужчина: «Современная любовь всегда грешит тем, что, поглощая мысли и чувства «любящих сердец», вместе с тем изолирует, выделяет любящую пару из коллектива» [13] и снижает заинтересованность двоих во всеобщем благополучии. Такие отношения, считала она, фактически становятся *необязательными*, так как прежде они были реакцией на изоляцию, порожденную капиталистическим обществом, в котором любовь и близость не могли проявляться никаким иным образом. Коммунистическое же общество будет основано на товариществе и солидарности, так что интимные отношения и эмоциональный комфорт не будут привязаны к семье либо к половым отношениям. Сексуальная любовь (Эрос) станет частью возросшей человеческой способности любить: «В этом новом, коллективистическом по духу и эмоциям обществе, на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового-творческого коллектива Эрос займет почетное место, как переживание, приумножающее человеческую радость» [14].

Некоторые критики считают такие рассуждения довольно хладнокровным утверждением радостей коллективной солидарности, а не индивидуальной любви и страсти : «Буржуазная мораль требовала: все для любимого человека. Мораль пролетариата предписывает: все для коллектива» [15]. Но Коллонтай, которая к 20-м гг. прочла работы западных авторов о сексуальности, таких, как Хэвлок Эллис (Havelock Ellis) и, вероятно, Фрейд, стремилась скорее преобразовать, чем отрицать роль эротики в будущем обществе. В этом контексте она утверждала, что половая любовь будет не просто «голосом природы — биологическим инстинктом воспроизводства», «не прикрашенным

[12] *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923, № 3, с. 121.

[13] *Там же*, с. 123.

[14] *Там же*, с. 123.

[15] *Там же*, с. 124.

чарами любви» (что она называла «Эросом бескрылым») [16], но в этих отношениях будут присутствовать нежная и товарищеская любовь равных, когда партнеры сохранят свою индивидуальность («без мужского самодовления и рабского растворения своей личности в любви со стороны женщины»), и «любовь-долг к коллективу» [17]. Именно в этом случае, когда Коллонтай рассуждает о радостях «крылатого Эроса» [18], другие критики обвиняют ее в радужном романтизме и бездумном утопизме, не имеющем оснований в реальной жизни. С радикальной феминистской точки зрения ее можно критиковать за неумение рассмотреть возможность гомосексуальности как вполне законной формы отношений или стратегии для перемен. Однако важность идей Коллонтай, возможно, заключается не столько в ее конкретных взглядах на будущие отношения, сколько в ее понимании того, как такие явно частные проблемы пересекаются с более широкими вопросами общественной морали. «Правильная» форма межличностных отношений не была для нее чем-то, что можно автоматически обнаружить в будущем, но скорее представляла проблему, которую следовало решать в процессе классовой борьбы [19]. Идеология, следовательно, рассматривалась не как прямое отражение классовых интересов, а как сама по себе арена конфликтов, и здесь Коллонтай предвосхищает идеи итальянского марксиста Антонио Грамши и тех современных марксистов, кто ратует за определенную «надстроечную автономию».

Семья, уход за детьми и материнство

Изменения характера и роли семьи были для Коллонтай как результатом, так и причиной более широких социальных перемен. Как мы видели, Энгельс думал, что коллективное ведение домашнего хозяйства и уход за детьми были насущно необходимыми для освобождения женщин, Цеткин принижала последнее требование. В целом же в начале XX в. необходимость общественного предоставления таких услуг, как стирка, приготовление еды и уборка, была четко согласованным принципом марксизма, что твердо одоб-

---

[16] *Там же*, с. 112, 113.

[17] *Там же*, с. 123.

[18] Или, как его определила Коллонтай (*там же*, с. 123): "Влечение тела, перемешанное с духовно-душевными эмоциями". — *От изд-ва.*

[19] *Там же*, с. 124: "Не забывайте, мой юный друг, что любовь неизбежно видоизменяется и преображается вместе с изменением культурно-хозяйственной базы человечества". *Там же*, с. 123: "Любовь-товарищество — это идеал, который нужен пролетариату в ответственный и трудный период борьбы за диктатуру и утверждение своей диктатуры". — *От изд-ва.*

ряли и Ленин, и Коллонтай. На практике, конечно, это обеспечение было далеко от требуемого масштаба, а качество коллективных учреждений было просто отталкивающим. Как писал Троцкий, многие первые эксперименты заканчивались в грязи и хаосе, а «коммунальные дома часто были мрачными и угнетающими, общие кухни — беспорядочными, ясли — временно приспособленными» (цит. по: Rowbotham, 1972, р. 148). Коллонтай никогда не отказывалась от цели создать хорошую общественную службу быта, основанную на реальных потребностях и сотрудничестве тех, кто использует эти услуги. Троцкий предпочитал мелкомасштабные эксперименты по коллективному ведению хозяйства, пока не придет время для массового общественного бытового обслуживания. Однако по мере того, как Сталин укреплял свою власть в 20-х годов, подобные планы перестали обсуждаться.

Гораздо более сложную и волнующую проблему, чем домашний труд, представлял уход за детьми. Коллонтай была более радикальна, чем некоторые осторожные марксисты, подчеркивая антиобщественные черты традиционной семьи, которая, по ее мнению, не только неэффективна и деспотична, но и является важным средством для передачи и увековечения старых буржуазных ценностей. Поэтому она твердо выступала в защиту коллективного воспитания детей, посредством которого «маленьким людям нравы, обстановка детских домов, яслей, детских садов прививает те черты и те навыки, которые нужны будут для строителей коммунизма... В наших малышах.. крепки коллективистические навыки, они, прежде всего, люди «группового» склада мысли» [20]. Коллективное воспитание также подразумевало, что женщины больше не должны будут приносить все в жертву материнству, никогда не будут обязаны принимать мучительные решения, которое приняла сама Коллонтай, когда оставила свою маленькую дочку на попечение мужа, чтобы посвятить себя революционной деятельности [21]. Она утверждала, что ее

---

[20] *Коллонтай А. М.* Положение женщины в эволюции хозяйства, с. 175.

[21] *Коллонтай А. М.* Введение к книге "Общество и материнство" (1915 г.) // *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 171: "Необеспеченность миллионов женщин-матерей и отсутствие попечения о младенцах со стороны общества создают всю остроту современного конфликта о несовместимости профессионального труда женщины и материнства, конфликта, лежащего в основе всей материнской проблемы. Для разрешения этого конфликта существуют только два способа: 1) либо вернуть женщину в дом, запретив ей какое бы то ни было участие в народнохозяйственной жизни; 2) либо добиться проведения таких социальных мероприятий, включая сюда и широко поставленное страхование материнства и попечение о младенцах, которое дало бы возможность женщине, *не бросая своих профессиональ-*

предложения не означали, что детей будут насильно отрывать от матерей, и подчеркивала важность материнского инстинкта и радости материнства, которые можно испытывать, когда кончается тяжелая, нудная работа, бедность и плохое здоровье, обычно сопутствующие материнской роли. Общество должно «снять с матерей крест материнства и оставить лишь улыбку радости, что рождает общение женщины с ее ребенком — таков принцип Советской власти в разрешении проблемы материнства», — пишет Коллонтай [22]. В условиях коммунистического общества, однако, материнский инстинкт имел бы более широкое значение и более высокую общественную ценность, чем прежде:

> «Разумеется, инстинкт материнства силен, и ему не надо дать заглохнуть. Но почему инстинкт этот должен ограничиваться узкой любовью и заботой только о своем ребенке? Почему не дать этому ценному для трудового человечества инстинкту возможность ... дорасти до высшей своей стадии: заботы о других таких же беспомощных, но не своих младенцах, нежной ласки и любви к другим детям?» [23].

Здесь мы опять сталкиваемся с идеей взаимозависимости между экономическим базисом и надстройкой. Коммунизм обеспечивает материальные условия и чувство взаимной ответственности и заботы, что делает возможным коллективное воспитание детей. Коллективное воспитание, в свою очередь, формирует ценности, которые обеспечат эффективность коммунистических экономических отношений, оно также позволит женщинам участвовать в общественном производстве, где они научатся настоящим социалистическим ценностям, которые потом передадут своим детям. С этой точки зрения вопрос о воспитании детей был не просто женской темой, некоей

ных обязанностей, не лишаясь своей экономической самостоятельности и не отказываясь от активного участия в борьбе за идеалы своего класса, все же выполнить свое естественное предназначение". — От изд-ва.

[22] *Коллонтай А. М.* Положение женщины в эволюции хозяйства (лекции, прочитанные в Университете им. Я. М. Свердлова). М., Пг., 1923, с. 172. (См. также: *Коллонтай А. М.* Общество и материнство. Вып. 2. М., 1922, с. 499: "Обществу придется с тщательной вдумчивостью устранять все тяжелое, мучительное и неприятное, что сопряжено с материнством, оставив женщине лишь улыбку радости, какую несет с собой общение со здоровым, нормально развивающимся, нежным, беспомощным существом, ею рожденным". — *От изд-ва.*)

[23] *Там же*, с. 173. Коллонтай продолжает: "Лозунг, брошенный в широкие женские массы трудовой республикой *"Будь матерью не только для своего ребенка, но и для всех детей рабочих и крестьян"* должен научить трудящихся женщин по-новому подходить к материнству". — *От изд-ва.*

«сверхзадачей», которую можно будет решать, когда наступят лучшие времена, а составной частью процесса создания коммунистического общества.

Современные феминистки оценили эту концепцию как недостаточно удовлетворительную. Так, Диана Кул (Diana Coole) с крайним подозрением относится к идее Александры Коллонтай, что элементы личной жизни следует оценивать с точки зрения их социальных последствий, так как считает, что это дает зеленый свет сталинистскому типу манипуляций мыслями, семьей и сексуальностью. Коллонтай, однако, не говорила, что сексуальные и семейные отношения *не следует* считать чисто личными, но что они *не могут* быть таковыми, поскольку взгляды и опыты, порождаемые этими отношениями, неизбежно влияют не только на тех, кто в них вовлечен [24]. Желательность определенных форм манипулирования (или, более мягко говоря, образования), следовательно, может быть подвергнута сомнению, но само по себе это не обесценивает ее теории. Другим критикам не нравится то, что Коллонтай делает акцент на материнском инстинкте и возвеличивает потенциальные радости материнства. Такое подчеркивание половых различий неизбежно противоречит идее социального равенства либеральных феминисток. Хотя ее попытка «придать ценность» роли материнства (которая интересно перекликается с идеей Мэри Уоллстоункрафт о том, что хорошим гражданам нужно хорошее материнство, см. гл. 1) могла бы приветствоваться, Коллонтай критикуют за отсутствие анализа роли отцов и сложившегося разделения труда по признаку пола. В ее концепции женщинам предоставляется возможность быть и матерями, и работницами, а мужчины остаются только работниками. Ею никогда не рассматривалась идея о том, что мужчины могли бы через родительство повысить свою способность к сопереживанию, заботе и сотрудничеству (ценности, которые Коллонтай считала главными для коммунистического общества). Более того, если только женщины должны выполнять материнский долг, коллективно или как-то иначе, то они не смогут на равных участвовать в процессе принятия решений в общественной сфере. Отсюда следовало, что именно мужчины будут определять политические и экономические приоритеты, включая, вероятно, и уровень обеспечения детских учреждений.

[24] *Коллонтай А. М.* Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. М., 1923, № 3, с. 118: "Любовь вовсе не есть "частное дело", как это кажется с первого взгляда. Любовь — ценный психо-(душевно)-социальный фактор, которым человечество инстинктивно руководило в интересах коллектива на протяжении всей своей истории". — *От изд-ва.*

Но более всего расходятся с современным феминистским мышлением взгляды Коллонтай на социальные обязательства, связанные с материнством. Она утверждала, что при коммунизме, где о беременной матери и ребенке заботится общество, материнство перестает быть делом частным и становится социальной обязанностью: «С первых шагов советского законодательства было признано, что материнство — не частное дело, но социальный долг активной и равноправной гражданки государства» [25, 26]. Это означало, что в коммунистическом обществе не будет необходимости в абортах и что беременная женщина, как ответственный член общества, должна заботиться о зародыше, следя за своим здоровьем, так как «социальная обязанность материнства заключается в том, чтобы, прежде всего, родить здорового и жизнеспособного ребенка... Женщина... в эти месяцы [имеется в виду беременности. — *Прим. редакции*] перестает принадлежать себе — она на службе у коллектива — она «производит» из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудреспублики. Вторая обязанность женщины, с точки зрения социальной задачи материнства, самой *выкормить грудью младенца*» [27]. Коллонтай, следовательно, полностью отрицала любое абстрактное или абсолютное право женщин контролировать собственную способность к деторождению и обращаться со своим телом, как им нравится. Воспроизводство являлось таким же общественным делом, как и производство; поэтому оно могло быть сферой законной социальной обеспокоенности и коллективного планирования, а не личным выбором. Для поколения феминисток, часто считающих «женское право выбора» основополагающим принципом, подобный взгляд кажется поразительно регрессивным и опасно

[25] *Коллонтай А. М.* Советская женщина — полноправная гражданка своей страны. 22 сентября 1946 г. // *Коллонтай А. М.* Избранные статьи и речи. М., 1972, с. 378.

[26] См. также другие работы Коллонтай А. М.: Общество и материнство. Вып. 2, 1922, с. 9: "Вся политика советской республики в области охраны материнства и младенчества исходит из основного положения: *рассматривать женщину как единицу труда, необходимую для правильного развития общественного хозяйства,* облегчая в то же время женщине совмещение труда на коллектив и материнство. Этим Советская власть, с одной стороны, признает материнство (рождение ребенка и вскармливание его материнской грудью) социальной функцией, нуждающейся в особой заботе государства, с другой — устанавливается *ответственность* всего коллектива за жизнь и правильное воспитание юного поколения"; Положение женщины в эволюции хозяйства, с. 171, с. 174: "Материнство не частное дело, а социальная обязанность". — *От изд-ва.*

[27] *Коллонтай А. М.* Положение женщины в эволюции хозяйства, с. 173.

близким к сталинской политике насильственного материнства или, позже, политике Чаушеску в Румынии. Коллонтай, однако, не утверждала, что такие обязанности должны навязываться женщинам в неравноправном, тоталитарном либо эгоистическом обществе. Она полагала, что они возникнут естественным путем из благородных общественных отношений, которыми будет характеризоваться зрелое коммунистическое общество. В этом контексте мысль о том, что рождение детей — это не только права, но и обязанности, принимает совершенно иное значение. В сложившихся в России в то время условиях от женщин нельзя было ожидать, чтобы они считали материнство не личным бременем, а социальной обязанностью, и поэтому в 1917 г. Коллонтай поддерживала легализацию абортов (это право было отменено Сталиным в 1936 г.).

После 1923 г. Коллонтай не имела реального влияния на события в Советском Союзе. Остаток своей политической жизни она провела в основном вне страны на разных дипломатических постах, молчала о политике Сталина, хотя эта политика была противоположностью всего того, для чего она работала, ее представления о семье официально были объявлены ошибочными, а ее взгляды скоро забыты. Однако Элис Холт утверждала, что ее работа «представляет наиболее важный вклад в период развития отношений между женским движением и социалистической программой, и этот вклад в надолго заброшенную область марксистской теории заслуживает более широкого распространения и оценки» (Holt, 1977, p. 27). Как мы уже видели, она пыталась распространить марксистскую теорию на сферы жизни, которые прежде считались теоретически неинтересными и практически неважными. Она разработала более свободную форму марксизма, которая очень отличалась от упрощенного детерминизма, свойственного представителям Второго Интернационала, и это дало ей возможность допустить некоторую самостоятельность в трактовке взаимосвязей базиса и надстройки. Это означало, что, хотя Коллонтай не разработала теорию патриархата как особой системы подавления, она смогла выявить властные отношения в морали, сексуальности и семье и утверждать, что их, как и материальный мир, следует считать ключевыми сферами борьбы за коммунистических мужчин и женщин. Хотя в то время ее идеи не были разработаны и не стали частью каких-либо марксистских или феминистских дебатов, она подняли вопросы, которые всерьез рассматриваются только сегодня. Несмотря на некоторые теоретические недостатки и заблуждения, ее анализ поэтому представляет значительный шаг вперед по сравнению с попытками ранних марксистов осознать подчинение женщин и предложить способы для его ликвидации.

СОВРЕМЕННАЯ
ФЕМИНИСТСКАЯ
МЫСЛЬ

Глава 8. ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

Женщины после Второй мировой войны

К 1945 г. на большей части Европы и Америки женщины добились значительных успехов в отношении политического и юридического равенства с мужчинами. Они уже не были исключены из участия в политике, сферы образования и занятости, а также не лишались полностью автономии после замужества. Даже во Франции, где прежнее феминистское движение было особенно неуспешно, женщины наконец-то получили избирательное право, а Кодекс Наполеона, по которому женщины находились в жестком подчинении мужу, подвергался постепенным изменениям. В Америке традиция *welfare feminism* была продолжена группой влиятельных женщин под руководством Элеанор Рузвельт, жены президента, которая смогла внести важный вклад в разработку и реализацию «Нового соглашения». Хотя женщины и не получили государственной поддержки в той степени, что и мужчины, их интересы уже невозможно было игнорировать, и, как считает Уэр, «именно в 30-х гг. ожидания многих женщин, требующих больше, чем право голоса, наконец-то оправдались» (Ware, 1981, p. 2). В Англии, новая система социального обеспечения, основанная на «Отчете Бевериджа» («Beveridge Report») 1942 г., предполагала выплату государственных пособий матерям за второго и последующих детей. Хотя эти пособия и не были достаточными для полной экономической независимости женщин, они во многом облегчали проблемы, связанные с плохим здоровьем и бедностью. Было также достигнуто немало и в сфере занятости. Во время войны большое число женщин работали вне дома (в Британии в 1943 г. 80 процентов замужних женщин были заняты в разных сферах военной промышленности (см.: Carter, 1988). Кроме того, они получили возможность заниматься квалифицированными, профессиональными видами деятельности, которые ранее считались для них недоступными. И хотя в 1945 г. женщин стали вытеснять вернувшиеся с войны мужчины, недостаток рабочей силы и необходимость реструктуризации экономики обеспечили развитие этой тенденции. К 50-м годам как в Британии, так и в Америке, наблюдалось увеличение числа женщин в сфере оплачиваемого труда. К этому времени многие из тех, которые по-прежнему оставались домохозяйками, стали использовать преимущества растущего уровня жизни и все большую доступность товаров потребления. Сочетание все усложнявшейся бытовой техники с уменьшением размера семьи привело к тому, что домашняя работа перестала быть утомительной рутиной, и домохозяйка могла больше време-

ни уделять детям. Таким образом, у многих возникало ощущение, что началась новая эра, и что большинство женщин могли теперь найти удовлетворение в домашнем кругу, где уже не было повседневных забот, а те немногие, кто выбрал профессиональную карьеру, имели возможность ею заниматься.

В этих условиях феминизм уже не был столь привлекателен, так как ассоциировался с давно выигранными битвами или с ценностями, находившими мало поддержки в атмосфере послевоенного общества, ориентированного на семью и гедонизм. Так Шейла Роуботэм вспоминает, что феминизм воспринимался ею как «чопорный, скованный, обеспокоенный, в основном, тем, чтобы держать нас подальше от мальчиков», тогда как «эмансипированные женщины» были «страшными людьми в твидовых костюмах, роговых очках, с затянутыми в узел волосами на затылке» (Rowbotham, 1973b, p. 12). В отличие от предыдущего периода, ни одна значимая группа не была заинтересована в том, чтобы разоблачать мужскую власть в доме или подвергать сомнению идеализированный образ семейной жизни, считавшейся нормой. Те, которые настаивали на праве женщины на профессиональную карьеру, рассматривали ее скорее как альтернативу замужеству и материнству, и не считали необходимым сочетать работу и семью. Одновременно коммунисты, придерживаясь линии Сталина, утверждали, что прежние нападки на семью социалистов были ошибкой, и что истинное предназначение женщины в материнстве.

Однако, несмотря на отсутствие видимого феминистского движения, некоторые кампании продолжались, так как формальное равенство женщин служило прикрытием фактического неравенства. Женщины составляли меньшинство на всех уровнях политической жизни, они были крайне редко представлены на высоких профессиональных позициях, их дискриминировали во всех сферах занятости, им платили меньше, чем мужчинам, социальные гарантии были рассчитаны на зависимое положение от мужа, и многим женщинам определенно были недоступны преимущества нового общества изобилия. Как пишет Бэнкс, «даже в 50-е гг. ... было заметно, что феминизм равноправия не только остался жив, но и старался быть услышанным» (Banks, 1986, p. 122). Как в Британии, так и в Соединенных Штатах, возрастали требования, особенно со стороны женщин, освоивших престижные профессии, ориентированные на получение равной оплаты труда и прекращение дискриминации в сфере занятости. Были также и другие не столь широко обсуждаемые проблемы. Многие женщины-представительницы рабочего класса всегда были заняты в сфере оплачиваемого труда. Тем не менее, увеличение числа «работающих жен» сопровождалось переживанием ими чувства вины, так как

экономическая необходимость в их заработке и спрос на их труд сталкивались с культом семейного очага, убежденностью в том, что муж должен быть единственным добытчиком. Кроме того, стали пропагандироваться идеи о возможных тяжелых психологических последствиях так называемой ранней «материнской депривации» для маленьких детей. На домашнем фронте кажущееся высвобождение от домашних обязанностей было миражом, поскольку стандарты жизни возрастали вместе с распространением бытовых приборов. Более поздние события продемонстрировали, что многие домохозяйки, живущие американской мечтой в богатых пригородах, были, в сущности, не так уж и счастливы, но идеализация их положения препятствовала возможности выбрать профессиональную карьеру в качестве альтернативной самореализации.

Как считает Уилсон, гармония и согласие того времени, на самом деле, они обманчивы, недовольство и протесты скорее скрывались и замалчивались, а не исчезли, и «женское освободительное движение явилось, отчасти, реакцией на это умолчание» (Wilson, 1980, p. 187). Так же как и в период раннего феминизма, движение, которое возникло в 60-х гг., было вызвано не одной причиной и основывалось на нескольких политических традициях, а кроме того и на развивающейся новой радикальной теории. Однако, молодым женщинам послевоенного периода не было доступно богатое наследие феминистской философии и истории, поскольку большинство идей, обсуждаемых в этой книге, были заново обнаружены в последние двадцать лет. Именно в этом контексте мы должны воспринимать важность книги «Второй пол» Симоны де Бовуар, опубликованной впервые в 1949 г., ставшей единственным феминистским текстом для целого поколения женщин.

Симона де Бовуар и ее книга «Второй пол»

В середине XX в. во Франции по многим причинам было особенно маловероятно возникновение феминистской теории. Женщины здесь не торопились завоевывать юридические и политические права, как в Америке и большинстве стран Европы. В политической культуре доминировали сильные патриархатные установки и представители всего политического спектра от католиков и антиреспубликанцев справа до социалистов слева соглашались с тем, что место женщины — дом. Не было там и сильной традиции «ведущего направления феминизма», который к 1945 г. представлял собой «монополию горстки женщин из высшего класса» (McMillan, 1981,

Симона де Бовуар

p. 187). Несмотря на то, что длительное время социалистическая партия теоретически не отрицала прав женщин, она по-прежнему была под влиянием антифеминистских идей писателя-анархиста XIX в. Прудона, (который сказал, что женщины могут иметь только две возможные роли — домохозяйки или проститутки (См.: McMillan, 1981), и принимала стандартную точку зрения, согласно которой феминизм придуман представителями среднего класса, он отвлекает от более важных классовых вопросов, и что женские проблемы будут решены при социализме. Позже они практически не подвергали сомнению заявления Советов, что в Советском Союзе достигнуто полное равноправие (Sowervine, 1982). Несмотря на существование таких выдающихся женщин, как мадам Пеллетье (Pelletier), боровшейся за феминистское дело в социалистической партии и сделавшей глубокий анализ положения женщин (Mitchell, 1989), или Виола Кляйн, предпринявшая попытку научного исследования «Женского характера» (Klein, 1946), сколько-нибудь значимое женское движение отсутствовало. Не было и общественного обсуждения женских проблем. Для молодой француженки, живущей в период между войнами, феминизм не существовал ни в политическом, ни в философском аспекте.

Симона де Бовуар (1908—1986) всегда утверждала, что она сама никогда не сожалела, что она женщина: «Не только не страдая из-за моего женского пола, я, наоборот, начиная с двадцати лет пользовалась преимуществами обоих полов» (*De Beauvoir*. Force of Circumstances («Сила обстоятельств»), 1968, p. 199). Рожденная в консервативной мелкобуржуазной семье и сумевшая преодолеть границы своего происхождения с помощью образования, она настойчиво отвергала домашний уклад и традиционные женские роли. Самые близкие отношения в ее жизни были с философом Жаном-Полем Сартром, но они так и не поженились и не жили одним домом. Их отношения не основывались и на сексуальной верности, в ее жизни было несколько других связей (впрочем, значительно меньше, чем у Сартра). У де Бовуар не было детей, большую часть жизни она прожила, подобно мужчине, в гостиницах, в мужском мире французской интеллигенции. Только ближе к сорока годам она по совету Сартра задумалась о написании автобиографии и решила, что для того, чтобы понять себя, она должна разобраться в том, что такое быть женщиной. Результатом ее исследования стал объемистый труд «Второй пол», опубликованный в 1949 г. В этой книге используется весь спектр философского, психологического, антропологического, исторического, литературного и жизненного материала для того, чтобы доказать, что самым главным препятствием к женской свободе являются не биология или политические и юридические ограничения, и даже не экономическое поло-

жение женщин, но скорее весь процесс производства «женственности» в обществе. Ее знаменитая фраза «Женщиной не рождаются, ею становятся» [1], и размышления о тех способах, с помощью которых воспитывают девочек, отказывая им в полном выражении их человеческой природы, привели ее к изучению опыта девушек и женщин, включающему такие запретные для обсуждения сферы женской жизни, как менструация и сексуальность, анализируемые ею с откровенностью, беспрецедентной для академической публикации. Это означает, что, подобно радикальным феминисткам, де Бовуар увидела, каким образом явно не политические сферы жизни, такие как семья, связаны с более широкими структурами власти. Однако, как и марксистские феминистки, она не считала освобождение женщин вне историческим событием, полагая, что только в новых условиях производства женщины смогут реализовать свой потенциал свободной и автономной деятельности.

Применение философии экзистенциализма к женщинам

Для того, чтобы понять, что де Бовуар подразумевала под свободой, необходимо представлять себе ее философские позиции — экзистенциалистскую теорию, разработанную Сартром и полностью принятую ею. Основной чертой экзистенциализма является проблематизация сложившихся традиций, ценностей и верований, а также несогласие с идеей о том, что судьба человека предопределена переживаниями раннего детства или экономическими условиями. Экзистенциализм возражал как фрейдистскому психоанализу, так и вульгарному марксизму, который был присущ коммунистической партии того времени. Акцент ставился на полной свободе личности и ответственности индивида за собственную жизнь. Для Сартра единственным «аутентичным» способом бытия являлся именно тот, который признавал эту свободу, хотя, считал он, эта свобода дается нелегко, поскольку подразумевает высокий уровень ответственности и чувство одиночества. Для большинства людей признание человеческой свободы просто невыносимо, и поэтому она отрицается. Человек склонен к «глупым верованиям» и винит за последствия собственных действий обстоятельства и свой характер, вместо того, чтобы взять на себя ответственность. В то же время, индивидуальная свобода представляется неоправданно ограниченной самим существованием других людей, для которых конкретный индивид является просто объектом, и в этом, по мнению Сартра, заключается основополагающий конфликт человеческого сознания. Каждый индивид стремится доминировать, утверждая себя как субъекта, а «Другого» как объекта. Позднее он развивал идею о том, что вы-

[1] *Де Бовуар С.* Второй пол. М., 1998, с. 310.

бор индивидом свободы включает и ответственность за свободу других людей, и рассматривал индивидуальную свободу в контексте коллективного классового действия и осознанной революционной деятельности. Однако, в период написания де Бовуар книги «Второй пол», он, видимо, считал конфликт себя и Другого основой человеческого бытия, а его разрешение чисто индивидуалистическим. В этом контексте задача философии состояла в том, чтобы обосновать возможность свободы, и показать, что человек имеет свободу выбора и может творить собственное будущее.

В книге «Второй пол» де Бовуар доказывала, что эта свобода и ответственность могут быть достигнуты женщинами так же, как и мужчинами, но на протяжении всей истории женщинам было в этом отказано. В качестве стартовой точки своего анализа она воспользовалась концепцией «Другого». Для Сартра пол потенциально свободного индивида не имел значения, де Бовуар же утверждала, что именно это и было важно, поскольку на протяжении большей части истории человечества мужчина преуспел в том, что присвоил женщине статус вечного «Другого», исключил ее из категории настоящего человечества, она стала навсегда не равна ему, а значит, не представляла угрозы:

«Она самоопределяется и выделяется относительно мужчины, но не мужчина относительно нее; она — не существенное рядом с существенным. Он — Субъект, он — Абсолют, Она — Другой» [2].

Такое положение стало изначально возможным, утверждала де Бовуар, потому, что недостаток физической силы и детородная роль женщины исключили ее из процессов производства. Однако, это не означало, что биологические или материальные причины, сами по себе, объясняли подчинение женщины, для этого требовалась еще и изначальная потребность в доминировании, «империализм человеческого сознания», постулированный Сартром [3]. Однако с появлением новых технологий и контрацепции подчинение женщин перестало быть обусловленным физическими причинами. Единственное, что препятствовало восприятию женщинами себя как субъектов собственного права, была сформированная обществом искусственная идея женственности, в соответствии с которой женщина рассматривается как вторичный объект, значимый только по отношению к мужчине. И если женщины должны быть свободны, то их, следовательно, нужно освободить от этой господствующей идеи, ориентировать их на ответственность за свою судьбу, а не на принятие гарантии зависимости или «глупых убеждений», выражен-

[2] *Там же*, с. 28.

[3] *Там же*, с. 89.

ных в конформистском идеале женственности. Таким образом, цель, которую преследовала книга «Второй пол», заключалась в разоблачении искусственной природы женского, в отвержении ее, поскольку

«ни биология, ни психика, ни экономика, не способны предопределить тот облик, который принимает в обществе самка человека. Существо, называемое женщиной, нечто среднее между самцом и кастратом, могло возникнуть только под воздействием всех сторон цивилизованной жизни» [4].

Негативный образ женщины?

Однако в процессе обсуждения того, что значит быть женщиной, де Бовуар предложила подробное описание женской физиологии, которое многие критики восприняли как абсолютно негативное. Игнорируя всякую возможность того, что некоторые аспекты мужской физиологии могут также быть неприятными или проблематичными и, отрицая тот факт, что материнство может быть источником удовольствия или самореализации, она описала процессы менструации, беременности, деторождения и лактации с крайним отвращением, утверждая, что женщины, закованные в собственные тела, являются жертвами воспроизводства рода. Она не готова была принять тот факт, что биологическое устройство не должно более определять положение женщины в обществе, или, как она писала «из-за своей физиологии женщина обречена вечно жить на коленях» [5], но утверждала, что только *преодолев* свою физиологию женщины смогут стать полноценными человеческими существами. Де Бовуар настаивала на том, что достигнутый уровень механизации позволяет женщинам включиться в производственный процесс. Также, как и мужчины, женщины могут, таким образом, жить независимой, рационально организованной жизнью, как только они освободятся от искусственных ограничений, обусловленных культурной системой верований и мифов.

Хотя ее подход во многом совпадает с марксистским убеждением, что освобождение женщин становится возможным с приходом новых способов производства, а в более поздних работах она придавала еще больше значения материалистическому обоснованию положения женщин (*De Beauvoir*. Force of Circumstances («Сила обстоятельств»), p. 197; All said and Done («Все сказано и сделано»), p. 449), все же пристрастие де Бовуар к концепции разума, автономии и самоутверждения гораздо ближе к либеральной, чем к марксистской традиции. По этой причине ее осуждали за некритичное принятие мужской парадигмы, ставящей разум выше эмоций, ум выше тела и культуру

[4] *Там же,* с. 310.

[5] *Там же,* с. 803.

выше природы, что предполагает мужчину первостепенным, а женщину второстепенной. Исходя из этой парадигмы, женщина может стать человеком только *отказавшись* от своей женской сущности, и, следовательно, традиционно женские ценности заботы о ближнем и сотрудничество обесцениваются (Evans, 1985; Heath, 1989; Moi, 1987, 1990; Leighton, 1975; Walters, 1979; Lloyd, 1984). В более поздних интервью де Бовуар соглашалась с тем, что хорошо, что женщины перестают стыдиться своего тела, но продолжала отрицать, что женская биологическая природа может служить источником для реализации таких прирожденных качеств как пацифизм:

«Не стоит думать, что женское тело дает возможность нового видения мира. Это глупость и абсурд. Это означало бы превратить его в противоположность пенису» (Цит. по: Schwarzer, 1984, p. 79).

Проблема здесь заключается не столько в том, что она отвергала идею женского превосходства, а в том, что, подчеркивая общую человеческую природу мужчин и женщин, де Бовуар, похоже, не увидела, что человечность может включать в себя ценности, традиционно относимые к женщинам. Точно так же, несмотря на то, что ее описания тягот и невзгод супружества и материнства отчасти были необходимы для корректировки весьма подслащенного образа семейного рая, отрицание ею возможности того, что материнство (или отцовство) могут быть источником ценностей, выглядит как слишком легкомысленный отказ от целой сферы человеческого опыта. В обоих случаях, возможно, ее представления были ограничены собственным опытом женщины-символа, которая играла роль почетного мужчины, а также индивидуалистскими установками философии экзистенциализма, предполагавшей стремление к доминированию, но исключавшей точно такое же стремление к сотрудничеству, заботе, взаимности или щедрости.

Пол и класс

Де Бовуар также обвиняли в том, что она предлагала индивидуалистские решения коллективных проблем, игнорируя потребности и трудности женщин из рабочей и крестьянской среды, и открыто обвиняла жертв патриархата за их собственное угнетение. Разумеется, в 1949 г. ей не могла прийти в голову идея о возможности объединенных действий женщин для улучшения своего положения, и она подчеркивала, что именно каждая отдельная женщина должны взять в свои руки контроль над собственной жизнью. Тем не менее, после 1968 г., когда во Франции стало развиваться женское движение, де Бовуар стала его активной участницей и поддержала идею женской солидарности. Впервые в жизни она назвала себя феминисткой, была в

первых рядах кампании за легализацию абортов, отстаивала необходимость существования автономных женских организаций, дабы избежать угрозы мужского доминирования. На место прежнего, явного презрения к женщинам пришло новое увлечение сестринством и понимание значимости женской дружбы (см. : Schwarzer, 1984). Правда, описывая в 1949 г. процессы того, как конструируется и поддерживается идеал женственности она прибегала, в основном, к опыту французских женщин среднего класса, а предложенное ею решение бороться за независимость, свободу и самореализацию посредством карьеры, мало что значило для людей не ее класса. Однако, следует признать, что де Бовуар сама осознавала ограниченность своего подхода и понимала, что для женщин-работниц, загруженных домашними обязанностями, оплачиваемый труд мог являться лишь дополнительной нагрузкой и источником эксплуатации. Для этих женщин такая плата за независимость оказалась бы слишком высокой. В то же время подобно марксистским феминисткам, де Бовуар была уверена, что вступление женщин на рынок труда и достижение ими экономической независимости более важно, чем юридические или политические права. Похоже, что она также была убеждена в том, что реальная свобода для всех женщин невозможна без социализма (который, как она утверждала, *еще не был* достигнут в СССР, хотя какое-то время и испытывала энтузиазм по отношению к Китаю). В конце жизни де Бовуар признала, что не понимает до конца взаимосвязи капиталистического и патриархатного угнетения, но считает, что достигнуть успеха феминизм сможет, только став частью классовой борьбы (Schwarzer, 1984). Одновременно она считала, что у женщины, посвятившей себя профессиональной карьере, могут возникнуть проблемы, которых не испытывает ее коллега-мужчина. Как только ее карьера вступит в противоречие с традиционными установками семейной и сексуальной жизни, она скорее всего будет склоняться к тому, чтобы прекратить борьбу и пожертвовать своей автономией ради безопасности. Говоря это, де Бовуар не стремилась обвинить женщин в том, что они склонны к «глупым убеждениям», но просто пыталась разобраться в том, какие соблазны и проблемы могут стоять у них на пути. Более того, она видела свою задачу в анализе процессов социализации для того, чтобы выявить и поставить под сомнение ее механизмы. Поскольку женственность была определена как социальный конструкт, ее можно было демистифицировать и пересмотреть. В отличие от некоторых современных авторов, которые, похоже, описывают патриархат только для того, чтобы оплакать женскую судьбу, де Бовуар, наоборот, прилагала усилия, чтобы доказать его несостоятельность и возможность противостояния ему. В таком контексте каждая женщина могла решить-

ся на самостоятельный протест, хотя де Бовуар не считала это легким решением. Тем не менее, она была оптимисткой (позже она скажет, что недооценила проблемы, с которыми сталкивались женщины в 1949 г.) и считала, что обстоятельства меняются, а с ними меняются ожидания и мужчин и женщин. Для первопроходцев дорога может быть трудной, но этого и следовало ожидать, поскольку «свободная женщина только рождается» [6], и она верила, что изменения в образовании, культуре и морали идут на пользу женщинам. Де Бовуар пришла к выводу, который сформулировала почти в тех же выражениях, что и Джон Стюарт Милль почти сто лет назад, о том, что, хотя мы не можем быть уверены в том, что различия между мужчиной и женщиной сохранятся в будущем,

> «бесспорно одно: до сих пор способности женщины подавлялись и поэтому были потеряны для человечества. Давно пора, как в ее личных, так и в общественных интересах, предоставить ей возможности для самореализации» [7].

Многие современные радикальные феминистки возразят, что такой вывод не принимает во внимание очень значимые эмоциональные, психологические, сексуальные, семейные и экономические мотивы, побуждающие мужчин удерживать женщин в подчинении и, соответственно, сопротивляться освобождению женщин. К 70-м годам де Бовуар вынуждена была согласиться с тем, что к мужчинам следует относиться «с подозрением», но она никогда не принимала такую критику патриархата, в соответствии с которой мужчины и рассматривались в качестве «врагов» (Schwarzer, 1984).

Значение жизни и творчества Симоны де Бовуар

Несмотря на то, что сама де Бовуар часто изображалась как идеал независимой женщины, некоторые радикальные феминистки отказываются воспринимать ее как образец, потому что, и она сама и ее теория, скорее базировались на отказе от традиционно женских качеств. Ее отношения с Жаном-Полем Сартром тоже подвергались критике: она заявляла, что ее любовь к Сартру основывалась на абсолютном доверии и равенстве, хоть и не на верности. Но современные критики расценивают их отношения как неравные и основанные на женской зависимости, что она, как известно, отрицала. Из недавних публикаций ее ранней частной переписки стало известно, что она занималась самыми различными сексуальными экспериментами (иногда даже с собственными учениками), но при этом стало совершенно очевидно, что Сартр гораздо активнее, чем она, пользовался «открытостью»

[6] *Де Бовуар С.* Второй пол, с. 792.

[7] *Там же*, с. 792.

их отношений, и что она гораздо больше страдала от ревности. Также, вполне вероятно, что, несмотря на декларируемую честность их взаимоотношений, Сартр не стеснялся лгать ей о своих романах (Winegarten, 1988, p. 30). Другие критикуют не столько возможное неравноправие в их сексуальных отношениях, сколько попытки де Бовуар рационально планировать сексуальное поведение. Такой подход предполает излишнее хладнокровие, которое, как соглашалась сама де Бовуар, приносит боль другим людям. Кроме того, это свидетельствует о ее недоверии к чувствам и страстям и излишней приверженности рационализму. Она не отрицала, что позволяла Сартру подавлять ее интеллектуально (хотя она и была второй после него на выпускных экзаменах по философии, но гораздо менее известен тот факт, что Сартр вообще не сдал их годом раньше). Более того, хотя она и смогла освободиться от части домашних обязанностей, все равно ей приходилось делать по дому гораздо больше, нежели Сартру. Несмотря на все перечисленные недостатки, стиль жизни де Бовуар отличался значительно большей независимостью в сравнеии с большинством женщин ее времени. Сегодняшние изменившиеся условия открывают много перспектив молодым женщинам, поэтому привлекательность ее примера несколько утрачена. Однако для современниц де Бовуар ее образ жизни демонстрировал существование альтернатив, тот факт, что у женщин, на самом деле, *есть* выбор, *есть* возможность отказа от традиционных ролей, и, что, сделав этот выбор, они вполне могли бы добиться счастья и самореализации. Она наглядно «символизировала возможность того, что даже женщина, несмотря ни на что, может жить собственной жизнью, по собственному усмотрению, для себя самой, освободившись от условностей и предрассудков» (Schwarzer, 1984, p. 3).

Именно в контексте того времени следует понимать важность жизненного пути и трудов де Бовуар, и многие комментаторы наряду с критикой не забывают высоко оценить ее роль первооткрывательницы. Сегодня, экзистенциализм вышел из моды, а книга «Второй пол», часто, допускает непоследовательность, преувеличения, фрагментарность и даже банальности. Однако в свое время она и шокировала и вдохновляла, и сама де Бовуар поражалась тому, какую ненависть, и какую поддержку эта книга вызывала у окружающих. Кроме всего прочего, этот труд разбил лед молчания, окружавшего женский опыт, и позволил многим женщинам увидеть мир в новом свете. Таким образом, «во мраке 50-х и 60-х гг. «Второй пол» был секретным кодом, которым мы, пробуждающиеся женщины пользовались, обращаясь друг к другу», а сама «книга является частью личной истории некоторых женщин, и частью истории феминизма» (Schwarzer, 1984, p. 13; Okely, 1986, p. 70).

Глава 9. СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЕГО КРИТИКА

Как было показано выше, либеральный феминизм редко был выражен в чистом виде, чаще это теория смешивалась с другими, иногда противоречивыми воззрениями и предположениями. Однако в основе его всегда лежали ключевые идеи о том, что женщины — это личности, обладающие разумом, что им от рождения присущи все человеческие права и что, следовательно, они должны быть свободны в выборе своей роли в жизни и в развитии собственного потенциала наравне с мужчинами. В соответствии с этими принципами на первоначальном этапе феминистки либерального толка требовали права на образование, на оплачиваемую работу, на собственность и права голоса, их целью было абсолютное юридическое и политическое равенство с мужчинами, и они утверждали что это принесет пользу не только женщинам, но и мужчинам, а также обществу в целом. В период между войнами феминизм, основанный на подобной теории равноправия, находился во временном бездействии, тогда как деятельность феминисток «ведущего» (mainstream) направления была сосредоточена скорее на поддержании традиционных ролей женщин, чем на выступлениях против остающегося юридического неравенства.

Однако, как уже говорилось в предыдущей главе, после Второй мировой войны были посеяны семена недовольства, которым суждено было взрасти в 60-е гг. Эта «вторая волна» феминизма быстро развивалась в разных направлениях, но началась она в Америке как либеральный, по сути, протест против того, что это общество не смогло предоставить женщинам обещанные независимость, самовыражение и самореализацию, считавшиеся главными для воплощения американской мечты. Этот протест редко выражался как осознанная политическая теория, скорее это было здравое применение существующих ранее ценностей к женской ситуации. В прежнеие времена это приводило к явно односторонним теоретическим дискуссиям, когда критиковались те положения либерального феминизма, которые никогда не были полностью артикулированы. Здесь опасно то, что «усредненную женщину» либерального феминизма можно создавать и разрушать вне зависимости от осознания сложностей реальных политических споров. В то же время, задача исследования и понимания предпосылок современных движений и кампаний чрезвычайно важна для успеха феминизма. Тот факт, что эти предпосылки редко выдвигались и защищались сознательно, может свидетельствовать об актуальности проблемы.

Бетти Фридан и принципы Национальной женской организации [1]

Бетти Фридан

Наиболее ясное и одновременно наиболее известное проявление американского либерального феминизма можно найти в книге Бетти Фридан «Загадка женственности». Хотя это произведение не следует рассматривать как труд по политической теории, в ней содержится ряд аргументов и предпосылок либерального подхода. Последующие изменения, которые вносила Фридан в свою первоначальную концепцию, также демонстрируют противоречия либерального феминизма. В своей работе Фридан доказывает, что со времен Второй мировой войны американскими женщинами манипулировали, убеждая, что полностью реализоваться они могут исключительно в домашней сфере, мечты ранних феминисток об образовании и независимости женщин были замещены тем образом, который Бетти Фридан назвала «загадкой женственности» [2]. В основе этого образа лежало убеждение, что женщины «не могут желать себе лучшей судьбы, чем прославление собственной женственности» [3], и такая конструкция, по мнению Фридан, была более опасна и коварна, чем предыдущие традиционные ценности, потому что поддерживалась псевдонаучными теориями (в частности, вульгарной версией фрейдистского анализа и функционалистской социологией) и подкреплялась женскими журналами и всей рекламной индустрией, которые «научили, что женщинам, обладающим истинной женственностью, не нужна карьера, им не нужно высшее образование и политические права — одним словом, им не нужны независимость и возможности, за которые когда-то боролись феминистки. Все, что от них требуется, — это с раннего девичества посвятить себя поискам мужа и рождению детей» [4]. Поскольку женщине было отказано в выражении собственных человеческих интересов, она была вынуждена «жить чужой жизнью, либо фантазией, либо конкретной жизнью своих домашних» [5]. Такая жизнь, заявляла Фридан, не приносила счастья, потому что никакое количество потребительских товаров не могло избавить от «ощущения опустошенности, небытия,

[1] National Organisation of Women (далее — NOW). — *Прим. перев.*

[2] *Фридан Б.* Загадка женственности. М., 1994, с. 44. С таким названием книга вышла на русском языке. Думаю, что понятие «мистика» в большей мере согласуется с одержанием книги и концепцией Б. Фридан. — *Прим. ред.*

[3] *Там же*, с. 49.

[4] *Там же*, с. 50.

[5] *Там же*, с. 380.

ничтожности» [6]. В лучшем случае такая жизнь могла привести к пассивности, в худшем — к мрачному отчаянию. Но это отчаяние невозможно было сформулировать, так как само его существование отрицалось загадкой женственности, толкующей несчастье женщин как их собственное неумение «приспособиться к роли женщины» [7]. Домохозяйке, изолированной в своем пригородном «уютном концлагере» [8], «было настолько стыдно даже допустить появившуюся неудовлетворенность, что она и представить себе не могла, сколько других женщин испытывают то же самое» [9]. Источником «проблемы, у которой нет названия» [10], был просто-напросто тот, по словам Фридан, факт, что американским женщинам было отказано в любой возможности получения независимости или самосовершенствования. Наиболее драматическим результатом этого стал рост душевных болезней [11], алкоголизма и самоубийств среди женщин, что имело чрезвычайно вредное влияние и на следующее поколение. И действительно, говорит Бетти Фридан, продолжая производить миллионы молодых матерей, которые прекратили свой рост и образование, не достигнув индивидуальности, без крепкого стержня человеческих ценностей для передачи своим детям, мы совершаем попросту геноцид, начиная с массового погребения американских женщин и завершая прогрессирующей дегуманизацией их дочерей и сыновей [12].

Все это означало, что и с точки зрения интересов общества и потребностей женщин необходимо было освобождение их от «мистики женственности».

---

[6] *Там же*, с. 377.

[7] *Там же*, с. 55.

[8] *Там же*, с. 380.

[9] *Там же*, с. 53.

[10] *Там же*, с. 55.

[11] В частности, «синдром домохозяйки», «материнский психоз» (*там же*, сс. 364—365). — *От изд-ва*.

[12] *Fridan B.* The Feminine Mystique, pp. 38, 245, 17, 318. Текст русского перевода не дает напрямую подтверждения этой фразы. Тем не менее, на с. 352 «Загадки женственности» встречаем следующее, близкое ей по смыслу, рассуждение: «Но что могут дать своим детям эти инфантильные мамочки и незрелые папаши в призрачном раю, где охота за удовольствием и роскошью таит в себе отказ от связи с реальностью, наполненной сложностями современной жизни?.. Будущему нации угрожают серьезные проблемы, корень которых — в создании изнеживающих условий жизни для нового поколения как результат нашего упрямого нежелания расстаться с загадкой женственности. Трагедия детей, воплощающих сексуальные фантазии своих мамаш-домохозяек — только одна из вех прогрессирующей дегуманизации». — *От изд-ва*.

Они должны были «сказать «нет» образу домохозяйки». Как и Симона де Бовуар, Фридан считала, что наиважнейшая задача состояла в том, чтобы показать женщинам возможности свободы и самореализации вне домашнего круга и искусственный характер ограничений. Ключевым в расширении возможностей для женщин она считала образование, поэтому призывала к созданию «национальной образовательной программы, подобной «Льготам для демобилизованных» («G. I. Bill» введены в 1945 г. для возвращающихся солдат). В отличие же от Бовуар она безоговорочно отвергала любые нападки на общепринятую нравственность и семейную жизнь. Фридан была убеждена, что с помощью декретного отпуска и яслей, которые будут организованы там, где работают женщины, матери смогут сочетать долговременные планы профессиональной карьеры со своими домашними обязанностями. Подобно Маргарет Тэтчер, писавшей в 1954 г., что при умелой организации «и домохозяйка сможет ежедневно выделять восемь часов для работы», она говорила, что женщинам следует «воспринимать домашнюю работу, как она есть, — это не карьера, но то, что необходимо сделать как можно быстрее и эффективнее». Она, следовательно, стремилась к тому, чтобы женщинам было позволено жить как для себя, так и для других, причем будучи образованными и способными делать профессиональную карьеру вне дома. Она полагала, что это к тому же создаст новые возможности для любовных отношений с мужчиной, основой которых станут общие профессиональные интересы, а не неравенство [13].

Каковы бы ни были недостатки и преувеличения книги, «Загадка женственности» явно затронула чувства многих женщин. К 1970 г. в Америке и Британии было продано более миллиона экземпляров. Многие полагают, что эта книга дала толчок феминистской активностина американской политической сцене, возросшей после ее публикации. Однако если «Второй пол» Симоны де Бовуар в 50-е гг. был громом среди ясного неба, то в «Загадке женственности» выкристаллизовались идеи, уже носившиеся в воздухе. Постепенно росла поддержка «Поправки о равных правах», в этот период за ее внесение в конституцию стояли обе основные политические партии, а по мере того, как все больше женщин стали заниматься оплачиваемой работой, нарастало давление в плане требований улучшения оплаты и условий труда. В 1963 г., когда вышла в свет книга «Загадка женственности», Комиссия по положению женщин при администрации Кеннеди опубликовала отчет, в котором была документально показана дискриминация женщин во многих сферах жизни. В этом же году был принят «Закон о равной оплате», а в 1964 г. к «Закону о гражданских правах» была добавлена статья, запрещающая диск-

[13] См. об этом подробнее: *Фридан Б.* Загадка женственности, сс. 410—455.

риминацию по признаку пола. Внесение этой статьи в закон, касающийся расовой дискриминации, было отчаянной попыткой закрыть проблему в целом, но именно последующая неудача властей в применении положений этого закона в части, относящейся к равенству между полами, показала многим женщинам необходимость создания группы национального давления для защиты и продвижения своего дела. В результате в 1966 г. под руководством Бетти Фридан была основана Национальная организация женщин (NOW), которая быстро превратилась в крупнейшую в мире феминистскую организацию.

Согласно уставу NOW, основная цель ее деятельности состояла в том, чтобы:

> «Принять меры к тому, чтобы женщины участвовали в основных сферах жизни американского общества *сейчас*, пользуясь всеми привилегиями и выполняя все обязанности в истинном равноправном партнерстве с мужчинами».

Это стало логическим завершением требований, формировавшихся веками и полным отрицанием аргументов в защиту «раздельных сфер»: отныне, более не привязанные к дому, женщины смогут пользоваться с трудом завоеванными юридическими правами и присоединиться к мужчинам в экономической, общественной и политической жизни, и доводы Фридан о потребности женщин в самореализации вне семьи были приняты как самоочевидная точка отсчета. При этом не предполагалось никакого дальнейшего ниспровержения и критики общества, потому что демократические институты Америки рассматривались как средство обеспечения благополучия всех граждан страны, и традиционная семья все еще представлялась стержнем хорошего общества. Не допускалось даже мысли о том, что в условиях либеральной демократии могут существовать институциональные препятствия и интересы, способствующие неравенству и препятствующие социальной активности определенных групп. Было признано, что равенство между полами служит долговременным интересам и мужчин, и общества в целом, как это утверждалось в «Загадке женственности». Поэтому, хотя и предполагалось, что женщины с большей активностью будут отстаивать собственные интересы, мужская поддержка охотно принималась, и в NOW постоянно было около 10% членов-мужчин. Стратегия организации состояла в создании группы давления на всех уровнях существующей иерархии, которая использовала бы закон и существующие политические процессы для того, чтобы покончить с дискриминацией и достичь полного равенства возможностей во всех сферах жизни. Следуя утверждениям Фридан об искусственном характере традиционной женственности, NOW также бросала вызов господствующей гендерной идеологии, в частности, требуя перемен в образовании и образах женщин, представляемых средствами массовой информации.

На некоторых уровнях NOW (или Национальная организация женщин) добилась заметных успехов. Она одержала несколько юридических побед и внесла значительный вклад в произошедший поворот в осознании женских проблем, так что требования женщин в сфере образования, политики и на рабочих местах больше не исключались из повестки дня. Феминизм уже не рассматривался как выражение интересов меньшинства, он стал частью государственной политической и экономической жизни Америки. Влияние идей американских феминисток чувствовалось и во всем мире. Например, хотя часто говорят, что в Британии не наблюдалось подобного влияния либерального феминизма, именно подобные аргументы «здравого смысла» о справедливости и потребностях общества вдохновили принятие в этой стране в 70-х годах законов «О равном вознаграждении за труд равной ценности» и «Дискриминация по признаку пола» и создание Комиссии по равным возможностям. В большинстве индустриальных стран стало уже гораздо меньше официальных барьеров, препятствующих осуществлению полного равенства с мужчинами, чем в 60-х годах. Больше женщин, чем прежде, работали вне дома, некоторые из них вторглись в исключительно мужские сферы, другие получили важные посты во властных социальных структурах, росло число женщин, занимающих хорошо оплачиваемые высокие должности.

Критика либерального феминизма

Критики, однако, утверждают, что либеральный феминизм постигла неудача даже в рамках его собственных понятий. Они доказывают, что женщины потерпели явное поражение в борьбе за фактическое равенство с мужчинами в сферах работы и политики. Успехи некоторых отдельных женщин, демонстрировавших это публично, скрывали господство мужчин во власти и на государственных постах, а возможности женщин зарабатывать оставались гораздо ниже, чем у мужчин. Не было достигнуто даже полного юридического равенства, в частности, успешное прохождение «Поправки о равных правах», что в начале деятельности NOW казалось делом предрешенным, в конце концов было сорвано популистской коалицией консервативного направления, защищающей интересы бизнесменов, и «Моральным большинством» (которые заявляли, что абсолютное юридическое равенство представляет собой угрозу для выполнения семейных обязанностей и американского образа жизни, что оно освободит мужей от всякой ответственности за материальное обеспечение жены и детей, приведет к тому, что женщины будут призываться в действующую армию и лишит женщин-работниц защиты от вредных для здоровья условий труда (см.: Hewlett, 1988, Mansbridge, 1986).

Некоторые критики считают это поражение неизбежным последствием ошибочных предпосылок и приоритетов. Многие феминистки либерального направления, однако, не подвергали сомнению собственные цели и методы, но доказывали, что необходимо добиваться и воплощать их с большей настойчивостью. Отсюда требования расширения и более жесткого применения законодательства, касающегося дискриминации и равной оплаты, а также требования того, чтобы последний распространялся и на труд равной ценности. Получение образования оставалось приоритетом, но здесь произошел поворот от требования формального предоставления возможностей образования к более активным попыткам преодолеть традиционные гендерные стереотипы и социализацию. Некоторые утверждали даже, что из-за дискриминации женщин и их невыгодного социального положения, для достижения действительного равенства необходимы временные меры, «позитивные действия», когда женщин назначают или продвигают в первую очередь нежели мужчин с такой же квалификацией, и даже «обратную дискриминацию», когда женщин назначают на высокие должности прежде, чем *более* квалифицированных мужчин (краткое изложение приведенной аргументации см.: Jaggar, 1983, pp. 190—193, Young, 1989; см. также: Richards, 1982). Другие доказывали, что препятствием для женщин в конкуренции с мужчинами и достижении социального равенства являются обязанности по уходу за детьми. Поэтому они требовали, чтобы свобода выбора женщин была расширена полного контроля над собственной детородной функцией (в частности, право на аборты) так и с помощью социальных мер, позволяющих совмещать воспитание детей и профессиональную карьеру. Хотя NOW всегда включала статьи об уходе за детьми и отпуске по беременности и родам в список своих требований, они сначала не являлись главными, и Фридан сама признавала, что пренебрежение данной темой возлагало на женщин невыполнимые требования (*Friedan B.* The Second Stage, 1981). Поэтому она стала призывать к увеличению сети детских дошкольных учреждений, большему участию мужчин в воспитании детей и к основательной реорганизации рабочих мест, так, чтобы и мужчины, и женщины могли сочетать семейные обязанности с профессиональной карьерой. Она также с энтузиазмом писала о «шведской модели», когда государство способствует установлению гендерного равенства посредством активного вмешательства в образование, организацию детских учреждений и институтов социального обеспечения, положительных попыток изменить точку зрения мужчин, а также применения законодательства о родительских отпусках и гибкого графика работы (Friedan, 1970).

Государство

На первый взгляд все это может показаться простым расширением либеральных принципов, и соратницы, похоже, не думали, что здесь содержится какой-либо основательный пересмотр теоретических положений. Однако критики утверждают, что не только эти принципы сами по себе неадекватны, но что подобные феминистские требования неизбежно подрывают их, постоянно подвергая сомнениям. Эти требования включают, в частности, использование закона и государственной власти, что не предусматривалось в классической либеральной теории. От государства требовалось теперь не просто обеспечение равных юридических условий, позволявших каждому индивиду добиваться собственных целей, но и вмешательства от имени определенной группы, которая рассматривалась как имеющая особые потребности и страдающая от особых невыгодных для нее обстоятельств. Конечно, во многих либеральных теориях наблюдался долгий и постепенный отход от классической позиции невмешательства к большей степени ответственности государства за экономическое и общее социальное благосостояние. Эта тенденция в последующем, однако, встречала сопротивление со стороны неолибералов, принадлежащих к «новым правым», и в Америке государственное вмешательство никогда не достигало такой степени, которую, видимо, подразумевали некоторые требования представительниц современного либерального феминизма. С либеральной точки зрения, есть риск того, что такие требования окажутся несовместимыми с личностной автономией и саморазвитием и создадут риск усиления власти государства. Некоторые феминистки утверждают, что, в то время как расширение государственного обеспечения и вмешательство могут освободить женщин от зависимости отдельных мужчин, они же усиливают их зависимость от патриархатного государства (дискуссии по этому вопросу см.: Borchorst и Siim, 1987; Smart, 1989; Hernes, 1988; Siim, 1991 и гл. 11 данного издания). Но Фридан, похоже, не осознавала, что ее предложения содержат какую-либо угрозу свободе или либеральным принципам или что «шведский подход» не укладывается в американский тип либеральной политической системы, что он ближе социал-демократическому типу, при котором расширение государственного участия в обеспечении равенства во всех сферах жизни уже давно узаконено и общественный сектор получает больший процент валового национального продукта, чем в любом другом западном обществе.

Следовательно, может казаться, что требования «ведущего» (mainstream) направления в феминизме могут противоречить предпосылкам либерализма,

они подразумевают смещение акцентов, когда широкое государственное вмешательство рассматривается скорее как средство для достижения личной свободы, чем угроза ей. Но феминистки радикального и марксистского толка утверждают, что эта новая точка зрения тоже основана на неправильном понимании роли государства. Она содержит, говорят они, некритичное принятие плюралистского предположения, что у всех конкурирующих групп есть потенциально равный доступ к государственной власти, которая будет использоваться непредвзято для защиты справедливости и общего социального блага. На практике требования «ведущего» направления в феминизме нередко встречали серьезное сопротивление, а законодательство оказалось не в состоянии дать результатов, к которым стремились его защитники. Даже в Швеции женщин по-прежнему больше на низкооплачиваемой работе, на должностях с невысоким социальным статусом и с неполной занятостью, а «мужчины все еще занимают практически все посты, дающие власть и влияние в обществе» и «многие мужчины до сих пор ведут себя так, будто женаты на безработных домохозяйках» (Ericson и Jacobson, 1985, pp. 89, 79; см. также Scott, 1982). Либеральный феминизм, однако, не мог предвидеть или объяснить такое противостояние и поражение, потому что в нем нет концепции структурного неравенства и устоявшихся в обществе преимуществ, которые могут препятствовать продвижению женщин. Например, хотя Фридан и описала способы, которыми культ дома и семьи служит потребностям капиталистической экономики [14], она, вероятно, полагает, что коль скоро указано на несправедливость положения женщин, то капиталисты принесут необходимые жертвы и пойдут на уступки. Точно также она не допускает, что многие мужчины могут сопротивляться тому, чтобы уступить женщинам власть и превосходство в экономической сфере с целью более полноценного участия в семейной жизни.

Равенство

Феминистки обнаружили, что они идут против ключевых либеральных предпосылок не только в своем отношении к государству. Существующие представления о равенстве, человеческой природе, рациональности и самом значении «политического» были поставлены под сомнение или видоизменены феминистским опытом, хотя, опять же, не всегда использовалось полное значение этих понятий. Так, требование полного юридического равенства немедленно столкнулось с трудностями, когда оно стало распространяться на женщин, так как упускались из виду не только существующие различия в со-

[14] *Фридан Б.* Загадка женственности, сс. 267—298.

циальных ролях полов, но и допущение об основных биологических различиях. Например, по мнению Вогел, право гражданина-мужчины передавать собственность своим наследникам нельзя просто распространить на женщин в гендерно-нейтральной форме, потому что это мужское право до некоторой степени подразумевает контроль над телом женщины, и оно могло бы быть нарушено, если дать ей равные права и независимость (Vogel, 1989). Этот подход значил также, что феминистки запутались в аргументах о равных правах, которые иногда выглядят совершенно неприемлемыми: так, Севенуйсен (Sevenhuijsen, 1991) утверждает, что в случаях с содержанием детей дискурс о равных родительских правах неуместен, его следует заменить дискурсом, основанным на потребностях и благосостоянии.

Критики нападали поэтому как на теоретические предпосылки, так и на практические последствия либеральной идеи равенства и «безразличного к полу» законодательства, игнорирующего биологические различия и социальные реалии гендерно-сконструированного общества. Они утверждают, что немодифицированный либеральный феминизм не может достичь заявленных им целей, потому что не способен осознать того, что женская репродуктивная роль ставит их в невыгодное положение в обществе, где правила игры установлены мужчинами: ратуя за конкуренцию на строго равных условиях, либеральный феминизм квалифицирует любое признание различий между полами как акт неполноценности женщин либо как низведение их лишь к биологической функции. В практическом смысле, особенно в Америке, это означало, что многие феминистки неохотно выступали в защиту прав и преимуществ материнства. В результате двадцать лет феминистской деятельности привели к созданию общества с наихудшей на Западе социальной защитой материнства и детства, в котором «женщины, занятые профессиональной карьерой», сталкивались с огромными трудностями, если хотели завести детей, где разрыв между заработком и социалльным статусом мужчин и женщин заметно не изменился и в котором положение многих женщин в реальности значительно ухудшилось (См.: Hewlett, 1988). Поэтому опять в рамках либерального феминизма возникает требование изменения строгих либеральных принципов. Были разработаны замысловатые аргументы для оправдания предоставления материнских прав «беременной личности», а некоторые утверждали, что «равные права, которые надо предоставить женщинам, это права на то, чтобы учитывались их особые потребности» (Midgley, Hughes, 1983, p. 174; см. также: Wolgast, 1980). Такие проблемы являются, как отметила Кэрол Бакки, неизбежным результатом системы ценностей, которая игнорирует человеческую взаимозависимость; она заявляет, что вообще спо-

ры о равенстве/различии в рамках феминизма отвлекают от необходимости выработать более широкое понимание равенства, признающее разнообразие индивидуальных обстоятельств: «если бы общество соответствующим образом удовлетворяло потребности всех людей, включая женщин и мужчин, дискуссия о сходстве женщины с мужчиной или ее отличии от него не имела бы большого значения» (Bacchi, 1990, с. xi). Проблема, следовательно, остается в том, смогут ли либеральные представления о равноправии преодолеть свои границы и смогут ли они сочетать признание факта разных потребностей с идеалами свободной и открытой конкуренции.

Требование равенства поднимает вопрос: равенство с кем? Либеральных феминисток часто обвиняют в том, что они отражают лишь проблемы белых женщин среднего класса, пользующихся всеми привилегиями общества, за исключением принадлежности к своему полу, и упускают из виду неравенство среди мужчин и реалии классового и расового угнетения. Считается также, что либеральный подход признает неизбежность существования иерархического конкурентного общества, в котором большинство мужчин и женщин обречены быть проигравшими. Эта точка зрения решительно отвергается феминистками радикального и марксистского направлений.

Человеческая природа

Некоторые критики считают, что проблема лежит еще глубже, так как либерализм опирается на неполное понимание человеческой природы и мотиваций, что подразумевает отрицание или обесценивание женского опыта и потребностей общества в воспроизводстве. Джаггар описывала либеральное представление о натуре человека как «политический солипсизм»: каждая личность считается, по существу, рациональной, независимой, конкурирующей и самостоятельной. Это представление, по ее мнению, игнорирует заботу, сотрудничество и взаимную поддержку, т. е. основу жизни человеческого общества и исторически главное в жизни женщин. Поэтому Джаггар утверждает, что «предположение об индивидуальной самодостаточности правдоподобно, если только не принимать во внимание человеческую биологию», и что «трудно представить женщин, развивающих политическую теорию, основанную на политическом солипсизме, и не считающихся с взаимозависимостью людей и особенно с любовной заботой о младших» (Jaggar, 1983, pp. 41, 46; см. также: Pateman, 1986a, Wolgast, 1980).

Либеральная парадигма создает для феминисток много взаимосвязанных проблем. Во-первых, если она опирается на неполное представление о человеческой природе, то она не может дать адекватного понимания моти-

ваций и поведения человека; следовательно, она не будет в состоянии предсказать политические результаты или выдвинуть работающую политическую стратегию. Во-вторых, взяв за норму мужчину, эта гипотеза навязывает частные цели и стандарты под маской всеобщих, требуя от женщин быть «как мужчина», и не признавая традиционно женских свойств и способов мышления. В-третьих, даже если принимаются ценности и приоритеты либерального феминизма, становится видна его несостоятельность при обсуждении потребностей общества в репродукции и семейном образе жизни граждан, а это имеет важные практические последствия, так как эти потребности не «исчезнут» просто потому, что будет признано право женщин на самовыражение в других ролях. Обещанное либеральными феминистками освобождение от домашней рутины, таким образом, заслоняет вопрос о том, кто будет заботиться о детях и доме. Хотя, как мы видели, некоторые авторы сейчас выступают за гибкую организацию работы и большее мужское участие в домашних делах, трудно понять, почему капитализм должен принимать такие перемены или почему большинство мужчин должны охотно заняться деятельностью, которую феминистки рассматривают как неподходящую для самореализации (Фридан приводит как доказательство перемен в позиции мужчин тот факт, что «вдруг оказалось, что три из четырех изысканных обедов — от закусок до десерта — приготовлены мужчинами» (Friedan, 1981, p. 41); скептики могли бы счесть внезапный мужской энтузиазм в чистке туалетов гораздо более убедительным).

Последней проблемой, возникающей из индивидуалистских посылок либерализма, является трудность, которую они могут представлять для феминистской политики, основанной на признании общих гендерных интересов. Дело в том, что либеральное убеждение, согласно которому от каждого человека зависит, как она или он будет строить свою жизнь, вступает в конфликт с осознанием феминистками невыгодного положения женщин как класса и необходимости коллективных действий. Эйзенштейн утверждает поэтому, что в сердце либерального феминизма находится противоречие, постоянно угрожающее перейти границы самого либерализма, и что, выявляя таким образом пределы либеральной мысли, оно имеет потенциал развития в действительно радикальном направлении (Eisenstein, 1981; см. также: Cott, 1987, p. 6). В более поздних работах, однако, ее точка зрения несколько изменилась. Она заявляет, что феминизм и впрямь внес вклад в современный «кризис либерализма», но что бывшие либеральные феминистки вроде Фридан стали скорее «ревизионистками», чем «радикальными» феминистками. Поэтому, конечно, и не наблюдалось автоматического повышения полити-

ческой сознательности, как она ее понимала, либеральному феминизму не удалось эволюционировать, и она считала, что обеспечение феминизма жизнеспособной политической теорией остается задачей феминисток-социалисток, таких, как она сама (Eisenstein, 1984).

На практике, хотя либеральный феминизм все еще опирается на предположения о конкуренции, о преследовании собственных интересов и врожденной «справедливости» западных демократий, не все либеральные феминистки такие уж неистовые индивидуалистки, как подразумевается в вышеизложенных суждениях. Более того, вовсе не самоочевидно, что признание мужской или капиталистической власти либо утверждение о важности сотрудничества, заботы и любви должно устранять все представления о личной ответственности и самореализации. Не нужно списывать эти ценности как «мужские» или «буржуазные», их, вероятно, можно сохранить и сочетать с другими. Образ творческой и состоявшейся личности, потребности и желания которой связаны с потребностями и задачами всего общества, является центральным как для Маркса, так и для Милля, и только меньшинство радикальных феминисток хотят свести индивидуальность женщин к их биологической функции. Несмотря на это, для многих критиков либерального феминизма главной теоретической проблемой остается понятие человеческой природы; для других она связана с либеральным акцентом на *рассудке*, что стало центральным моментом во многих недавних феминистских спорах.

Разум

Обсуждаемые в этой связи вопросы сложны, но все аргументы можно свести к четырем главным взаимно переплетающимся областям. Считается, что либеральная концепция разума включает ложные притязания на объективность и универсальность, основанные на ограниченном опыте и восприятии мужчин, положение либеральной концепции о превосходстве разума над телом привязано к отрицанию всего женского; принято считать, что эта концепция игнорирует или обесценивает иные формы знания или виды деятельности; и, наконец, допускается, что разум используется гораздо реже, чем это предполагалось, и что есть сферы жизни, когда он крайне неуместен.

Прежде всего, говорится, что, не считаясь с опытом половины человечества, в течение веков мужчины создали лишь неполную форму знания и понимания; Брайдотти, например, считает, что это ведет к бинарной логике, которая «вследствие своих фаллоцентристских посылок порождает ошибочные и неполные понятия, образцы неистинных научных суждений, которая просто недостаточно хороша как система мышления» (Braidotti, 1986, p. 48;

см. также: Rose, 1986; McMillan, 1982) [15]. Далее утверждается, что «мужское знание» базируется на специфическом способе мышления, который многие феминистки считают основанным на биологии. Поэтому некоторые радикальные феминистки заявляют, что репродуктивная роль женщин создает у них представления о мире, выходящие за рамки «исчислений» и формальностей мужской логики, и содержащие иную мораль. Феминистки, придерживающиеся постмодернистской ориентации, утверждают также, что именно различия в сексуальности порождают разные виды мышления: мужчины испытывают простую и локализованную чувственность, говорят они, которая приводит их к выработке простых монопричинных теорий, тогда как женская рассеянная чувственность дает им более разнообразные формы знания (дальнейшее обсуждение этого см. в гл. 12 данного издания). Для других более важен женский опыт, чем любые врожденные биологические различия. Так, Гиллиган утверждала, что этот опыт привел к эмпирически фиксируемым различиям между мужчинами и женщинами в том, как они думают о мире и познают его. Здесь она заявляет, что если маскулинные этические системы основаны на идеях справедливости и права, то феминные опираются на заботу и ответственность; она утверждает, что это «два несоизмеримых вида опыта, которые в конечном итоге связаны», и что зрелая теория и этическая точка зрения должны включать оба вида (Gilligan, 1982, p. 174) [16]. Раддик также утверждала, что необходимость воспитания детей приводит женщин к развитию особого способа мышления и к нравственной точке зрения, противостоящей милитаризму (Ruddick,

Рози Брайдотти

[15] См. также: *Брайдотти Р.* Путем номадизма // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, сс. 18—45. — *От изд-ва.*

[16] *Gilligan C.* In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard UP, 1982, p. 174: «Понимать, каким образом конфликт между ответственностью и правами поддерживает диалектику человеческого развития, значит, видеть единство двух совершенно различных видов опыта, сознавать, что они в конечном итоге связаны. В то время как этика справедливости исходит из предпосылки равенства — ко всем людям следует относиться одинаково, этика заботы основана на предпосылке ненасилия — никому нельзя наносить вред. В представлении о зрелости обе перспективы сходятся в осознании того, что точно так же как неравенство губительно воздействует на обе стороны неравного отношения, насилие разрушительно для всех вовлеченных в него. Такой диалог между справедливостью и заботой не просто обеспечивает более адекватное понимание отношений между полами, но также дает более полное описание

1980, 1984, 1990; см. также замечательное обсуждение в кн.: Grimshaw, 1986). Другие авторы, однако, выражают некоторую осторожность. Дитц указывает, что «материнское мышление» изначально ограниченно и не может обеспечить адекватной основы для политической теории или гражданства (Dietz, 1985), тогда как Гримшу напоминает тем, кто желает заменить или дополнить «мужскую философию» философией, базирующейся на женском опыте, что не существует единства опыта, общего для всех мужчин или для всех женщин, так что «расхождения между жизнью женщин и феминистским мышлением означают, что нет неоспоримой или законченной парадигмы женских добродетелей или приоритетов, которые можно рассматривать как источник феминистского философского мышления» (Grimshaw, 1986, p. 259); Севенуйсен далее полагает, что определенный Гиллиган тип нравственной аргументации не есть исключительно женский и что его корни можно проследить в моральной теории Шотландского Просвещения (Sevenhuijson, 1991).

В центре второй области споров находятся аргументы, выдвинутые Ллойд в работе «The Man of Reason» («Человек Разумный», 1984). Здесь Ллойд утверждает, что понятие «разум» в западной философии не является, как обычно предполагается, нейтральным в смысле пола, потому что оно определено в терминах преодоления природы, эмоций и особенностей, которые традиционно признаются как женские по сути: «женское ассоциируется с тем, что рациональное знание превосходит, подавляет или просто оставляет позади» (Lloyd, 1984, p. 2). Поэтому женщины традиционно были исключены из сферы разума, куда им было позволено попасть, лишь если они *отказывались* от своей «женскости». Кул тоже заявляет, что притязания на равенство, основанные на утверждении индивидуальности, «часто покоились на глубинном отрицании всего женского» (Coole, 1988, p. 3), и она считает это всего лишь одним из аспектов «фундаментального дуализма» западного политического мышления, когда такие, категории как рассудок, разум, общественное и универсальное, не только отождествляется с мужским и противопоставляются женским категориям страсти, тела, личного и частного, но и рассматривается как центральное и высшее, а женские категории — как побочные и низшие. В отличие от Пэйтман, утверждавшей, что понятие «разум» не может быть нейтральным в отношении пола или «бестелесным» и что исклю-

---

взрослой работы и семейных отношений». — *Пер. Артемьевой О.* См. также: *Гиллиган Кэрол.* Иным голосом (предисловие, гл. 1) // *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения.* М., 1991, сс. 352—372; *Артемьева О.* Человек равняется мужчина плюс женщина (Предисловие к публикации К. Гиллиган) // *Там же,* сс. 345—351. — *От изд-ва.*

чение женщин было *главной* заботой западных философов (Pateman, 1986), Ллойд, похоже, действительно допускает возможность существования разновидности разума, объективной и нейтральной в отношении пола. В то же время она предостерегает, что философия неизбежно отражает скорее интересы и восприятия конкретных философов, чем вечные истины и что на протяжении многих веков эта наука страдала последовательным предубеждением против женщин.

Хотя сейчас достаточно очевидно, что терминология политических дискуссий была определена теоретиками-мужчинами, следует отметить, что низшими и не совсем «человеческими» считаются традиционные занятия не только женщин, но и мужчин-рабочих. Более того, принятие феминистками точки зрения, что женщины почему-то сильнее вовлечены в биологические процессы, чем мужчины, само по себе может опираться на некритичное принятие мужских норм; если от них отказаться, может получиться так, что менструация и беременность станут считаться «нормальными», а неконтролируемая эрекция и ночные семяизвержения послужат доказательством того, что именно *мужчины* страдают от неподконтрольных телесных проявлений (подобный поворот точки зрения представлен у Глории Стайнем в ее остроумной статье «If Men Could Menstruate» («Если бы мужчины могли менструировать»), где она утверждает, что если бы мужчины, а не женщины менструировали, то это рассматривалось бы как явный признак мужского превосходства, ежемесячного очищения, означающего, что только мужчины могут быть священниками; как признак биологической связи с циклами луны и планет, который означал бы, что только мужчины могут быть математиками или проникать в тайны мироздания; как символическое кровопускание, что делало бы только их пригодными на роль воинов (Steinem, 1984). Таким образом, дихотомия между мужчиной и женщиной, умом и телом, разумом и природой не столь явна, как предполагают и традиционная теория, и феминистская критика. Возможно также, что различия не являются прирожденно иерархическими, но в принципе просто представляют просто разные и взаимосвязанные типы знания и существования.

Аргументы о якобы высшем или низшем статусе «мужского мира» разума являются, однако, центральными для третей области дискуссий. Как мы видели, коренным постулатом либерального феминизма является то, что именно интеллектуальное равенство женщин с мужчинами, обладание разумом подтверждают их право на гражданство. Но некоторые критики утверждают, что принять этот тезис — значит, обесценить формы знания, основанные на эмоциях, интуиции и вчувствовании, традиционно приписываемые женщи-

нам и иногда рассматриваемые как стоящие выше «мужской логики», которая отвергается как форма патриархатного доминирования. На практике все же, как утверждает Ричардс, разум не должен конфликтовать с другими видами знания, а, наоборот, опираться на них, и, хотя он может неправильно использоваться для господства над женщинами, «разум — это не зачастую сомнительные мужские рассуждения» (Richards, 1982, p. 41). Многие феминистки, подобные Кул, поэтому отвергают мысль, что «разум и логика изначально чужды феминистской эпистемологии и, следовательно, их надо отбросить» (Coole, 1988, p. 274) или что у женщин есть уникальный доступ к таинственным формам понимания, недоступный мужчинам. Утверждается, что разные подходы могут дополнять друг друга, и еще раз обнаруживается, что дихотомия между разумом, с одной стороны, и интуицией и воображением, с другой, скорее всего, ложная.

Соответствующие доводы были использованы некоторыми радикальными феминистками для отрицания превосходства умственной деятельности над физической или для того, чтобы бросить вызов либеральному мнению, выраженному Ричардс, которая заявляет, что «в домашней работе не могут быть лучшим образом использованы дарования любой крайне способной женщины и немногие достижения любой домохозяйки сравнимы с теми, которых одаренная женщина могла бы добиться вне домашнего круга» (Richards, 1982, p. 204). Наоборот, часто утверждается, что домашняя работа и уход за детьми должны быть переоценены; приоритеты общества, в котором «написание книги об уходе за ребенком приносит больше уважения, чем воспитание счастливого ребенка» (Jaggar, p. 188), решительно отвергаются. Женщин призывают искать самореализацию скорее в традиционных занятиях, чем копировать достижения мужчин. Как мы уже видели, такого вида аргументация в рамках феминизма может быть встречена еще у Мэри Уоллстоункрафт (см. гл. 1 настоящего издания), но значение ее отвергается как реакционное многими авторами, которые, соглашаясь, что работа по дому и материнские обязанности важны и потенциально удовлетворительны для некоторых людей, отрицают при этом привязывание женщин к биологической или семейной роли и чрезмерную идеализацию материнства. Дальнейшей критике подверглось отрицание ранними либеральными феминистками значения сексуального удовольствия, которое считалось, по сути, опасным и «животным» переживанием. Современные представительницы либерального направления в большей мере склонны признавать роль эротики и рассматривать свободное выражение сексуальности как здоровый аспект личности. Однако, подобно другим формам чувственного удовольствия сексуальность по-прежнему

рассматривается ими как низшая форма человеческой деятельности, которую необходимо сдерживать под строгим контролем разума.

Последним критическим аргументом против либерального акцента на разуме и рациональности является то, что разум вообще *не обязательно* приложим ко всем сферам жизни. Например, его применение в сфере сексуальности может привести к непривлекательному расчетливому гедонизму, и он не может учитывать силы таких «иррациональных» эмоций, как ревность, которую легче игнорировать в теории, чем на практике (как обнаружили ранние феминистки, например Уоллстоункрафт и Голдман; см. гл. 1 и 5 настоящего издания). Может быть и так, что неспособность «отключить» мыслительные процессы ограничивает физическое наслаждение. Аналогично, некоторые авторы утверждали, что приложение рациональных принципов к воспитанию детей просто-напросто неэффективно, так как здесь задействованы совсем иные принципы, чем в сфере оплачиваемой работы. Так, многие женщины обнаружили, что опыт рождения ребенка может вызвать сложные и непредсказуемые эмоции и что потребности детей нельзя аккуратно упаковать в заранее запланированные ячейки «качественного времени». Таким образом опять утверждается, что инстинкт и интуиция могут оказаться выше логической оценки и академического знания. Другие женщины, однако, продолжают настаивать, что при рациональном выполнении материнских обязанностей можно сочетать эти на первый взгляд несовместимые принципы и, несомненно, нет необходимости исключать разум.

Разделение «общественное—частное»

Изложенная выше аргументация предполагает, что либеральная точка зрения на государство, равенство, человеческую природу и разум может, по меньшей мере, представлять проблему для феминистской теории и политики и что либеральная точка зрения не так легко применима к женщинам, как это кажется на первый взгляд. Однако для некоторых представительниц радикального феминизма именно разграничение в либерализме между «частной» и «общественной» сферами является главным недостатком, так как такое разделение обесценивает первую, не может понять, как оно влияет на вторую, и не предполагает, что такие явно «личные» сферы жизни, как семья, на самом деле могут быть ареной сексуальной политики или угнетения (см. в частности: Pateman, 1986a, 1987, и Okin, 1990).

Возможность того, что «раздельные» либеральные миры личного и общественного в действительности соотносятся и связаны патриархатной структурой» (Pateman, 1987, p. 118), до недавнего времени не рассматривалась либеральным феминизмом, не сумевшим, как мы видели, согласиться ни с тем,

как домашнее разделение труда препятствует равенству в общественной жизни, ни с тем, что мужчины могут иметь особые интересы в поддержании этого разделения. Совсем недавно Сюзан Моллер Окин (более подробно обсуждается ниже) попыталась сочетать широкую либеральную позицию с осознанием, что невозможно распространить принципы либерализма на женщин без того, чтобы не бросить вызов семье, так как «частное *есть* политическое и дихотомия «общественное—частное» является обманчивой концепцией, заслоняющей цикличную проблему неравенства между мужчинами и женщинами» (Okin, 1990, p. 124). Ее точка зрения, однако, не типична, и у либерального феминизма в общем не было способа концептуализации того факта, что семья сама по себе может быть институтом, подавляющим и эксплуатирующим женщин физически, эмоционально и сексуально, или понимания, как сексуальность и сексуальный опыт могут соотноситься с господствующей властной структурой. Насилие в семье поэтому остается невидимым, изнасилование интерпретируется как неудачный личный опыт, а сексуальная активность и ориентация считаются просто делом индивидуального выбора.

Либеральная концепция частной сферы жизни, свободной от борьбы за власть и политического вмешательства, похоже, действительно составляет основную проблему для феминисток, и она несовместима с радикальной феминистской точкой зрения (обсуждаемой в следующей главе), что все существующие общественные институты и взаимоотношения являются частью патриархатной властной структуры. Как утверждает Эйзенштейн, это не значит, будто радикальные феминистки требуют, чтобы сфера частной жизни была идеальной либо *выступают в защиту* политического вмешательства в частную и семейную жизнь; скорее они заявляют, что «отношения в семье *являются* политическими, но таковыми быть *не должны*» (Eisenstein, 1984, p. 215). Однако далеко не ясно, как эта проблема будет решаться в будущем гендерно равном обществе и каким образом искусственные границы между частным и общественным станут очевидными. Представляется более вероятным, что обсуждение того, что считать делом общественного или коллективного беспокойства, продолжится: может статься, что в будущем само понятие частного исчезнет, но может быть и так, что оно распространится до признания потребности индивида в собственной жизни *в рамках частной сферы*, включающей право на время и пространство без родителей, партнеров, детей и друзей.

Ричардс, Окин и феминистская теория справедливости

Как было упомянуто в начале главы, в основном современный либеральный феминизм выразил себя через политические акции и кампании, а по-

пытки защитить его теоретические предпосылки от разного рода критики были нечастыми. Однако Уолгаст (Wolgast, 1980) и Миджли и Хьюз (Midgley and Hughes, 1983) попытались разработать современную теорию, опирающуюся на относительно критичное приложение либеральных идей; еще более новаторский вклад сделали Жанет Рэдклифф Ричардс (Richards, 1982) и Сюзан Моллер Окин (Okin, 1980, 1987, 1989, 1990).

В книге «The Sceptical Feminist» («Феминистка-скептик») Ричардс решительно и стойко защищает либеральный феминизм как от антифеминисток, так и от радикальных «экстремистских» феминисток, внося необходимые коррективы в запутанное мышление некоторых авторов. Несмотря на философскую жесткость ее аргументации, в книге вскрываются также некоторые проблемы, присущие либеральному подходу. Первейшей ее целью, по собственному признанию, является справедливость, которую она считает связанной со свободой личности выбирать собственную судьбу и в которой, как она полагает, в настоящее время женщинам систематически отказывают. Подобно Окин, для создания модели справедливого общества, в котором женщины будут так же свободно исследовать собственный потенциал, как и мужчины, она использует идею представителя современной теории общественного договора Джона Ролза. В книге «Теория справедливости» (1971) [17] Ролз рассмотрел такое общество, которое могло бы быть запланировано индивидами, не знающими заранее, какое положение в обществе они будут занимать. Здесь он утверждает, что единственным видом неравенства, с которым согласились бы члены общества под «покровом неведения», стал бы тот, который пошел бы на пользу самым малообеспеченным членам общества. Этим «принципом дифференциации» был принцип справедливого распределения ресурсов в обществе. Он означал, что неравенство невозможно защищать, используя понятия потребностей или заслуг людей, уже имеющих преимущества. Пэйтман убедительно критиковала все теории общественного договора, включая принципы Ролза, как патриархатное приспособление, разработанное для сокрытия реалий угнетения по признаку пола, скрытого за фальшивым равенством (Pateman, 1988). Несомненно, теория Ролза в ее исходной формулировке заслуживает обвинений Пэйтман, так как он предполагал, что эти анонимные индивиды в действительности являлись мужчинами — главами семей (A Theory of Justice, p. 128) и что в самих семьях уже воцарилась справедливость. Однако Ричардс утверждает, что более последовательное применение принципов Ролза, согласно которым знание пола индивида тоже было бы надежно скрыто «покровом неведения» и строение семьи по-

[17] *Роулс Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1997.

ставлено под вопрос, привело бы к основательному подрыву гендерного разделения общества. Она заявляет, в частности, что справедливое в отношении равенства полов общество потребовало бы радикальной реорганизации работы и ухода за детьми, расширило бы женщинам выбор и гарантировало бы, что преимущества и нагрузка, связанные с рождением ребенка, будут более равномерно распределены между полами.

В книге «Justice, Gender and the Family» («Справедливость, гендер и семья») Окин тоже признает, что идеи Ролза можно распространить на семью, и заявляет, что это существенно для защиты интересов женщин и детей. В настоящее время, замечает она, женщин систематически ставят в невыгодное положение во всех сферах жизни, и «основа всех этих неравенств — неравное распределение неоплачиваемого труда в семье». Ее идеалом является, следовательно, общество, в котором участие в воспитании детей и домашняя работа делятся поровну. Это равенство внутри семьи сделало бы возможным гендерное равенство во всех других сферах жизни, так что «справедливое будущее — это будущее без гендера. В его социальных структурах и практиках пол человека имел бы не более значения, чем цвет глаз или длина пальцев ног». Для достижения такого будущего она выступала за организацию государственных детских учреждений и гораздо более гибких схем занятости, чтобы оплачиваемую работу и уход за детьми легче было бы сочетать и мужчинам, и женщинам. В соответствии с точкой зрения Ролза, что при планировании подобного общества должны учитываться интересы всех, Окин также утверждала, что должны быть защищены и те, кто решит продолжать семейную жизнь на традиционной основе. Поэтому она предлагала, чтобы оба партнера имели равное законное право на все доходы, поступающие в семью, и никто не был бы поставлен в непропорционально невыгодное положение при разводе (Justice, pp. 25, 171).

Далее Окин говорит, что справедливость внутри семьи неразрывно связана со справедливостью во всем обществе еще по двум другим направлениям. Во-первых, как и Милль столетием раньше, она отмечает, что именно в семье некоторые дети узнают о тех ценностях, на которых потом строят свою взрослую жизнь, и что добродетели демократического гражданства нельзя получить в семье, основанной на подавлении и неравенстве. Во-вторых, предлагаемое ею перераспределение всех форм работы не просто освободит женщин от домашних обязанностей, но оно также означает, что и мужчины, как женщины, разовьют в себе качества заботы и ухода за другими и что оба пола, будучи ответственными за принятие решений, выработают навыки, которые, по ее убеждению, улучшат их способность действовать справедливо:

«Опыт физической и психологической *заботы* — о ребенке либо о другом взрослом — повысил бы способность эмпатии и полностью понять точку зрения других, что важно для чувства справедливости» (Okin, 1980, p. 18).

Все это означает важный шаг в сторону от классического либерального утверждения о неполитической природе семьи, которое одновременно отвергает мысль, что семья является, по сути, подавляющей и должна быть разрушена: семью, заявляет Окин, можно и следует реорганизовать согласно рациональным принципам справедливости, потому что с женщинами будут обращаться справедливо, и справедливое общество будет создано только тогда, когда мы добьемся справедливости в семье.

Проблема с представлениями Ричардс и Окин, как и с менее теоретически обоснованными требованиями Фридан, в том, что эти авторы не пытаются объяснить, *почему* получается так, что с женщинами ныне обращаются несправедливо, или понять силы, противодействующие предлагаемым ими изменениям. В более ранней книге Окин признавала эту проблему; она ожидала, что ее предложения «встретят сильное сопротивление тех, кто обладает экономической властью и получает выгоду от сохранения существующего положения», и задавала вопрос, действительно ли эти изменения достижимы в капиталистических структурах (Okin, 1980, p. 303). Значение этого положения, однако, никогда не исследовалось. Ричардс, похоже, пребывала в блаженном неведении о таких соображениях. Ее основной задачей является демонстрация философских требований справедливости, а ее главные враги, следовательно, беспечное мышление и ошибочная логика. Сама возможность того, что ее предложениям можно противодействовать из соображений корысти, даже не рассматривалась, и она не пыталась исследовать весьма реальные мотивы властных групп, которым было выгодно увековечивать несправедливость. Логика ее аргументации привела ее также к заключениям, которые многие феминистки сочли неприемлемыми: например, она защищает проституцию и не согласна с предоставляемыми государством льготами для матерей (если они не являются частью специальных усилий увеления населения). Эти конкретные выводы, однако, остаются спорными и гораздо менее важными, чем ее основной подход, который не дает возможности увидеть, что «понятия, с помощью которых ведутся споры о нравственности существуют не в отдаленных философских небесах» (Grimshaw, 1982, p. 6), а в мире, характеризуемом разделением по полу, расе и классу, и в котором результаты определяются скорее властью, чем сладким голосом разума.

Поэтому здесь мы сталкиваемся с одной из основных проблем либерального феминизма: пытаясь открыть посредством разума универсально действу-

ющую концепцию справедливости, он не может понять реалий социального существования и властные отношения общества. Это не значит, что задача определения целей бессмысленна, но не сочетаясь с попыткой понять историю и источники угнетения женщин, а также весьма реальные силы, противостоящие освобождению, феминистские предложения останутся попросту утопическими, академическими упражнениями, непригодными для реализации.

Ясно, что либеральные принципы в их неизменном виде не могут обеспечить понимания природы и источников угнетения женщин и что вряд ли поэтому на их основе может быть разработана адекватная стратегия для его искоренения. Как показано в настоящей главе, попытка распространить либеральные принципы на женщин тоже создает проблемы и ведет к определенным теоретическим заблуждениям. Но это не значит, что феминисткам нужно отвергнуть все либеральные требования и ценности. В прошлом борьба за юридическое и политическое равенство явно была прогрессивной и была связана с достижением конкретных улучшений в жизни женщин всех классов (здесь скептического читателя/читательницу отсылаем к гл. 2, где описывается положение женщин в XIX в.). Сейчас эти равные права предоставили нам, по меньшей мере, стартовые позиции для будущей борьбы, и следует противодействовать любым попыткам нарушить или ослабить их. Возможно, реформы и «поэтапное социальное строительство» являются лучшим путем для женщин, но этот путь только тогда будет успешным, если он основывается на понимании сложности структур власти и взаимосвязанности «общественной» и «частной» сфер жизни. Феминистки радикального и марксистского толка предлагают очень разные теоретические подходы к этим проблемам. Именно к ним мы сейчас и обратимся.

Глава 10. СОВРЕМЕННЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ: ТЕОРИЯ ПАТРИАРХАТА

«Радикальным феминизмом» в последние годы стали называть весьма разнообразное смешение теорий. Отнюдь не составляя последовательное собрание политических идей, он является ареной широчайших споров на всех уровнях теории и практики. Несмотря на это, существует явная теоретическая точка отсчета, которая отделяет радикальный феминизм от других подходов и определяет объединяющие рамки, в которых развились разветвленные идеи. Во-первых, это теория по сути женская, для женщин и разработанная женщинами. Как таковая, она твердо базируется на собственном опыте женщин и их восприятии и не нуждается в компромиссах с существующими политическими точками зрения и повестками дня. Во-вторых, она считает

угнетение женщин самой фундаментальной и универсальной формой подавления, поэтому стремится понять его и покончить с ним; ключевое понятие здесь — *патриархат*. Отсюда следует, в-третьих, что женщины как группа имеют интересы, противоречащие интересам мужчин; эти интересы объединяют их в сестринство, которое выше разделения по классу или расе, и, значит, за собственное освобождение женщины должны бороться вместе. И, наконец, радикальная феминистская теория утверждает, что мужская власть не привязана к общественным сферам политики и оплачиваемой работы, но распространяется и на личную жизнь. Это значит, что традиционным понятиям власти и политики брошен вызов и они расширены до таких «личных» областей жизни, как семья и сексуальность, которые рассматриваются как инструменты патриархатного господства.

Происхождение радикального феминизма

Как мы видели ранее, подобные идеи не новы, но только с конца 60-х гг. они начали систематически развиваться в самостоятельную теорию. Толчок такому развитию дал опыт участия женщин в кампаниях за гражданские права, в антивоенных маршах, в движении «новых левых» и студенческом движении в Северной Америке, Европе и Австралии. Здесь молодые женщины обнаружили, что левые группы не защищены от «загадки женственности», которую Бетти Фридан определила в американской жизни, и что их роль сводилась преимущественно к роли секретарей, домохозяек или сексуальных объектов, обслуживающих политические, семейные и сексуальные потребности мужчин-активистов. Любые попытки поднять вопрос о том, что женщины исключены из процесса принятия решений, сталкивались с молчанием, насмешкой либо презрением. Ныне подобный сексизм хорошо документально подтвержден (см., например: Evans, 1980, Sargent, 1986); наверное, стоило бы отметить, что я впервые увидела плакат «Женское освободительное движение» на студенческой сидячей демонстрации в 1970 г. и что он появился как ответ на предложение, что «девушки» будут убирать, пока «мужчины» обсуждают стратегию. В Америке скоро стала очевидной ирония обещания свободы черным с одновременным отказом в ней женщинам, и она символизировалась часто цитируемым высказыванием чернокожего лидера Стокли Кармайкла (Stokely Carmichael), который отказывался обсуждать положение женщин в движении, заявляя, что женщинам следует находиться в «лежачем» положении. Как и в XIX в., легко проводятся параллели между положением женщин и чернокожих (см., например: *Rubin*. Woman as a Nigger («Женщина как ниггер»), 1970 [1]), и, когда после 1964 г. части черного дви-

жения отвернулись от либеральных идей о гражданских правах и обратились к более радикальным и воинственным понятиям власти черных, белого империализма, черного сепаратизма и освобождения через революцию, некоторые женщины увидели в этом явную модель для женского освобождения, выходящую за рамки идей равноправия таких активисток либерального толка, как Бетти Фридан. Исходя из этой новой точки зрения, женщины стали заниматься революционной борьбой, направленной против мужчин, в которой нельзя было победить вежливыми требованиями о равных возможностях или об изменении законов. Отнюдь не стремясь к респектабельности и принятию себя в рамках системы, феминистки теперь посвятили себя делу свержения этой системы.

Многие критики заявляют, что, несмотря на происхождение из движения чернокожих, с самого начала радикальный феминизм базировался на расистских предположениях. Между черными и белыми женщинами в движении за гражданские права всегда существовало социальное, расовое и сексуальное напряжение, и, хотя черные женщины были первыми в ранних протестах против сексизма, очень скоро они стали невидимы в движении, которое противопоставило требования *черных* и *женщин*, будто не существовало *черных женщин* (Evans, 1980, Spelman, 1988). Утверждения об общем для всех женщин угнетении также заслоняли весьма реальные различия, существовавшие среди женщин, и, казалось, отрицали возможность того, что женщины тоже могут угнетать друг друга.

Озвучивание феминистской критики со стороны черных женщин, однако, еще впереди, а в первые бурные дни нового движения подобные проблемы можно было легко игнорировать. В 1967 г. в Америке возникают первые женские радикальные группы. Под влиянием маоистских принципов, циркулирующих в левых кругах, эти группы использовали китайскую коммунистическую идею о «выговаривании горечи», чтобы выразить личный опыт и поделиться им, чтобы вынести на поверхность его политическое значение и выработать политическую стратегию перемен. Такой подход стал известен под названием «пробуждение сознания» и имел огромное значение в этот период, так как голос женщин прорвался сквозь годы молчания, и они открыли общий характер проблем, которые каждая считала только своими. Позже некоторые женщины были склонны использовать пробуждение сознания как

[1] См. также: *Рубин Г.* Обмен женщинами // *Антология гендерной теории.* М.: Пропилеи, 2000, сс. 99—113; Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // *Гендерные исследования.* Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 5—63. — *От изд-ва.*

вид терапии, когда проговариваются проблемы, для которых можно найти индивидуальное решение; изначально, однако, это была осознанная политическая стратегия, основанная на предпосылке, что женские проблемы являются общими и что их можно разрешить лишь коллективными политическими действиями (Morgan, 1970, Brooke, 1978). Новых групп становилось все больше, и основным содержанием их было «личное — это политическое» и то, что новая теория и стратегия женского освобождения могут базироваться только на общем женском опыте, а не на абстрактных рассуждениях. С этой точки зрения ни одна сторона жизни не была обделена политическим измерением, и поэтому политическая борьба могла принимать множество новых форм. Борьбу женщин нельзя было отложить на «после революции», она требовала немедленных политических действий и была направлена против универсального угнетателя — мужчины. Подобное мнение кратко выражено в манифесте «New York Redstockings» («Красных чулок Нью-Йорка») в 1969 г.:

«Женщины — угнетенный класс. Наше угнетение абсолютно, оно влияет на все стороны нашей жизни. Нас эксплуатируют как сексуальные объекты, как производителей домашних слуг, дешевую рабочую силу. Нас считают неполноценными существами, единственной целью которых является повышать качество жизни мужчин... Нам запрещают воспринимать наши личные страдания как политические условия... Конфликты между отдельными мужчиной и женщиной есть *политические* конфликты, которые можно решить только сообща... Действующей силой нашего угнетения мы называем мужчин. Мужское превосходство является старейшей, самой главной формой подавления... *Все мужчины* получают экономические, сексуальные и психологические преимущества от мужского превосходства. *Все мужчины* угнетали женщин» (Morgan, 1970, p. 598).

Кейт Миллет и теория патриархата

Кейт Миллет

К началу 70-х гг. эти новые идеи нашли отражение в многочисленных книгах, среди которых «Сексуальная политика» («Sexual Politics») Кейт Миллет, «The Dialectic of Sex» («Диалектика пола») Суламифи Файерстоун, «Female Eunuch» («Женщина-евнух») Жермен Грир (Greer) и «Patriarchal Attitudes» («Патриархатные установки») Евы Файджес (Figes) (все книги вышли в свет в 1970 г.). Были также изданы собрания некоторых новых манифестов, речей и статей в книгах Бетти и Теодора Росзак (Roszak) «Masculine/Feminine» («Мужское—женское», 1969), Робин Морган (Morgan) «Sisterhood is Powerful» («Сестрин-

ство — это сила», 1970), Лесли Таннер (Tanner) «Voices from Women's Liberation» («Голоса женского освободительного движения», 1970) и Мишель Уандор (Wandor) «The Body Politic» («Политическое тело», 1972). Все эти книги были важным проявлением нового движения, но наибольшую теоретическую важность имела вторая часть книги Кейт Миллет «Сексуальная политика» [2], так как она ввела в современную феминистскую мысль ключевое понятие *патриархата* и сделала его ключевым понятием своего анализа культуры. Хотя Миллет называла свою книгу просто «заметками к теории патриархата» [3], она обозначил точку отсчета, от которой развились многие более поздние теории, и вобрала в себя большую часть основных проблем радикальной феминистской мысли. Обсуждение ею концепции патриархата было гораздо более строгим и обдуманным, чем у более поздних писателей, ухватившихся за термин без полного исследования его значения, поэтому большая часть критики этой концепции в действительности не приложима к ее изначальному анализу.

Термин «патриархат», конечно, не нов для политической теории, но Миллет использует его, несомненно, по-новому. Производное от греческого «патриархес», что значит «глава рода», это понятие было в центре споров в XVII в. о расширении монархической власти. Сторонники абсолютного правления заявляли, что власть короля над людьми есть то же самое, что и власть отца в семье, и что обе санкционированы Богом и природой. Миллет, похоже, приняла такую власть в семье за стартовый пункт:

> «Если считать, что патриархатное правление есть такой институт, где одна половина населения (женщины) контролируется другой (мужчинами), то принципы патриархата означают [двойную власть]: мужчин — над женщинами и старших — над младшими» [4].

Однако она исследует только первый принцип и не делает различия между мужской властью в семье и в обществе в целом; несмотря на усилия некоторых авторов привязать термин только к строго семейной власти (Randall, 1987, p. 20, Cocks, 1989), использование его для общего обозначения социальной системы, основанной на мужском господстве и подчинении женщин, стало среди феминисток нормой.

Главные утверждения Миллет просты и, по сути, представляют формулировку идей, уже циркулировавших в новом женском движении. Она заявляет, что во всех известных обществах отношения между полами были основаны на

[2] *Миллет К.* Сексуальная политика (главы из книги) // *Вопросы философии*, 1994, № 9, сс. 148—172.

[3] *Там же*, с. 149.

[4] *Там же*, с. 150.

власти и что поэтому они являются политическими. Эта власть принимает вид мужского доминирования над женщинами во всех сферах жизни:

«Сексуальное господство остается, пожалуй, наиболее всепроникающей идеологией нашей культуры и воплощает ее наиболее глубинное и фундаментальное представление о власти» [5].

Патриархатная власть мужчин над женщинами, следовательно, есть основа для функционирования всех обществ, и она выходит далеко за пределы официальных институтов власти. Она сильнее классовых и расовых разграничений, так как экономическая зависимость означает, что самоопределение класса женщин — это «нечто побочное, замещаемое и временное», тогда как «сексизм может быть более эндемическим для нашего общества, чем расизм» (Sexual Politics, pp. 38, 39). Патриархат поддерживается, главным образом, с помощью процесса социализации, который начинается с воспитания детей в семье и усиливается в последующем образованием, знакомством с литературой и религией до такой степени, что его ценности усваиваются как мужчинами, так и женщинами. Некоторых женщин это приводит к ненависти, направленной на себя, к самоотрицанию и признанию собственной неполноценности. Невзирая на успехи этой «внутренней колонизации», патриархат также опирается на экономическую эксплуатацию и использование силы либо угрозы применения силы. Это значит, что история патриархата есть летопись мужской бесчеловечности по отношению к женщине и что тысячи женщин, ежегодно умирающих в Соединенных Штатах в результате нелегальных абортов, суть жертвы той же самой системы, что и индийские женщины, погибающие на погребальных кострах своих мужей, китайские женщины, искалеченные бинтованием ступней, и африканские девушки, которым удаляют клиторы. Во всех обществах патриархат опирается также на сексуальное насилие и изнасилование. В этом контексте сексуальные отношения между мужчинами и женщинами — всего лишь выражение мужской власти, и Миллет посвящает большой раздел своей книги «деконструированию» изображения секса в работах четырех крупных писателей XX в. (Д. Х. Лоуренса, Генри Миллера, Норман Майлера и Жана Жене), чтобы раскрыть грубое сексуальное подавление. Любовь тоже может быть только использованием доверия, частью патриархатной идеологии, созданной для маскировки реалий власти. До тех пор, пока не свергнут патриархат и не изменена радикально сексуальность, мужчины и женщины никоим образом не смогут взаимодействовать как равные.

---

[5] *Там же*, с. 149.

Критика теории патриархата

Подобное видение власти и политики является совершенно новым для политической теории, которая никогда не считала важной разницу во власти, которой обладают мужчины и женщины, и не понимала, что политические властные отношения могут присутствовать в семейной жизни. Эта концепция объединяет идеи, которые мы обнаруживаем порознь во многих работах ранних писателей-феминисток, и перерабатывает их из разрозненных понятий в систематическую теорию. Она также придает смысл противостоянию, с которым столкнулись ранние феминистки, и их поражению в попытках достичь тех перемен, на которые они надеялись, показывая присутствующие здесь материальные интересы и властные структуры. Однако, хотя, как мы увидим в гл. 13, концепция патриархата была также использована многими феминистками марксистского и социалистического толка, которые сочли другие теории неадекватными или неполными, применение ее феминистками радикального толка неоднократно подвергалось критике. Эта критика сконцентрирована на четырех взаимосвязанных моментах. Во-первых, радикальная феминистская теория патриархата считается скорее описательной, чем аналитической, она не способна объяснить происхождение мужской власти и, следовательно, не в состоянии выдвинуть соответствующую стратегию для ее уничтожения. Во-вторых, некоторые считают ее основанной на ложном представлении о «мужчине как о враге», которое логически приводит только к лесбийскому сепаратизму и является не очень уместным и привлекательным для большинства женщин. В-третьих, эта теория считается внеисторической и основанной на «ложном универсализме», который отражает опыт только белых женщин среднего класса и затеняет совершенно иные проблемы — те, с которыми сталкиваются женщины из среды рабочего класса, третьего мира и чернокожие. И, наконец, описывая неправедные дела, совершенные мужчинами в течение веков, она рассматривает женщин скорее лишь в роли пассивных жертв, чем соучаствующих в создании истории и агентов перемен в будущем. Поэтому сейчас нужно обосновать, оправдана ли подобная критика, и если да, то являются ли пороки теории врожденными и непреодолимыми или они, как заявила Уолби (Walby) в книге «Theorizing Patriarchy» («Теоретизируя патриархат», 1990), просто случайные.

В то время как феминистки марксистского и социалистического направлений предполагают существование и происхождение патриархата неразрывно связанными с классовым обществом (точная природа этих отношений является предметом яростных споров), радикальные феминистки считают его

либо автономным, либо источником других форм угнетения. Так или иначе, принято, что патриархат *не есть* простое производное экономической власти или классового общества и его нельзя низвести к другим видам господства, но необходимо понимать в его собственных терминах. Это, однако, оставляет открытым широкий вопрос о том, как изначально возник патриархат, или о том, всегда ли он существовал во всех человеческих обществах. Исходная теория Миллет в этом смысле решительно туманна, отказываясь вовлекаться в «маленькие радости, доставляемые игрой с истоками» [6], на основании того, что «предположения о происхождении всегда оказываются пустыми за отсутствием достоверных фактов. Спекуляции о предыстории — по необходимости относящиеся к подобным предположениям — так и остаются спекуляциями» [7]. Другие авторы были менее сдержанны, и сейчас существует довольно широко распространенное мнение, что матриархата, при котором женщины находились на властных и доминирующих позициях, никогда не существовало, но что в некоторых очень ранних обществах женщины занимали более важное положение, чем в нынешнем, и что какие-то из этих обществ основывались на наследовании по материнской линии и на определенном равенстве полов (Lerner, 1986). Для некоторых радикальных феминисток изначальный уклон к патриархату был просто последствием большей мужской (физической) силы, обусловленной ослаблением женщин во время беременности, рождения ребенка и вскармливания грудью; другие считали, что господствовать над женщинами мужчинам позволяет прежде всего их способность к изнасилованию (Brownmiller, 1977). Иные, однако, заявляют, что открытие важности роли мужчин в воспроизводстве впервые заставило их стремиться к контролю над женщинами. Поэтому Рич пишет:

«Важный момент в сознании человека наступил тогда, когда мужчина обнаружил, что женщину оплодотворяет именно он, а не луна, не весенний дождь, не души мертвых; что вынашиваемое и рождаемое ею дитя — это его дитя, делающее *его* бессмертным» (Rich, 1977, p. 60; см. также: Figes, 1970, O'Brien, 1981).

Другие полагают, что развитие патриархата коренится в развитии раннего мужского занятия — охоты, которое дало им новый источник власти и привело к выработке системы ценностей, основанной на насильственном покорении (French, 1985, Collard, 1988).

Следовательно, у радикальных феминисток не существует согласия в вопросе о причинах или предпосылках патриархата. Однако Спендер не считает это существенным:

---

[6] *Миллет К.* Сексуальная политика..., с. 150.

[7] *Там же,* с. 151.

«Мы не нуждаемся в четком доказательстве первопричины, чтобы знать, что мужчины обладают властью, что она была у них издавна, что, видимо, она принадлежала им во всех известных человеческих сообществах и что сейчас они используют ее для удержания своей власти» (Spender, 1985b, p. 42).

С этой точки зрения важно именно определить и понять структуры и институты, поддерживающие и обеспечивающие патриархат *сегодня*, чтобы иметь возможность свергнуть их. Именно это пытались сделать Миллет и последующие исследовательницы.

Хотя этот момент был разработан Миллет не так тщательно, как более поздними теоретиками, основным смыслом ее работы нужно считать то, что за угнетение женщин ответственны не несправедливые законы или экономические системы, а МУЖЧИНЫ, что мужчины как класс имеют интересы, противоположные интересам женщин, и, следовательно, борьба должна вестись против власти мужчин. Для многих критиков такая позиция несостоятельна. Многие мужчины, указывают они, не находятся в положении власти относительно женщин и могут, наоборот, быть в их подчинении, и, невзирая на общее неравновесие власти, в нашем обществе могут существовать и существуют любовные отношения между мужчинами и женщинами без взаимной эксплуатации. И мужчины, говорят они, могут страдать в сексистском обществе: например, им навязывают роль добытчика и отказывают в активном участии в воспитании собственных детей, а заставляя подавлять неприемлемые «женские» стороны своей личности, их отчуждают от полного проявления человечности. Многие мужчины, говорят они, хотели бы поэтому помочь женщинам в их борьбе, и эту поддержку не следует отвергать. Более того, мужчин нельзя просто «уничтожить» таким же образом, как предположительно можно было бы поступить с классовым врагом: не говоря уж о гуманитарном значении, это было бы биологически невозможно. В этой критике, однако, упускается из виду то, что теория патриархата не обязательно подразумевает, что все отдельные мужчины подавляют всех женщин, что любое существо мужского пола должно считаться врагом, не способным измениться, или что полное уничтожение мужского рода стало бы желательным последствием улучшения технологии банков сперматозоидов. Действительно, важным аспектом данной теории является то, что она дает нам возможность проводить различие между структурами мужского господства, с одной стороны, и отдельными мужчинами — с другой (French, 1985, Collard, 1988). Враг — это мужская *власть* во всех ее проявлениях, но эта власть считается социально сконструированной, а не воплощенной во всех биологических мужчинах.

Нужно признать, что некоторые радикальные феминистки выработали позицию, отвергающую все контакты с мужчинами, будь то общественные, сексуальные или политические, и для некоторых из них это базируется на убеждении, что существует фундаментальный, неизбежный и биологически обоснованный конфликт интересов между полами. Сепаратистские идеи, однако, следует отделять от изначальной теории патриархата, которая не предполагает, что различия между полами определены биологически или что они неразрешимы в принципе. Следовательно, в аналитическом смысле мужская власть может рассматриваться отдельно от личности конкретного мужчины, и, хотя концепция патриархата может развиваться в таком направлении, мужененавистничество и сепаратизм изначально не присущи ей.

Другая проблема теории патриархата состоит в том, что, настаивая на универсальном и общем для всех женщин угнетении, она заслоняет происходящие с течением времени перемены, различия между обществами и классовые и расовые реалии. Такая критика применительно к некоторым авторам кажется справедливой. Так, например, описывая патриархат, Адриенн Рич намеренно отделяет положение женщин от всяческого социального контекста:

«При патриархате я могу жить затворницей в специально отведенном для знатных женщин месте либо водить грузовик; я могу растить своих детей в киббуце или быть единственной кормилицей в семье без отца... Я могу рано утром за глиняными стенами берберской деревни подавать мужу кофе или участвовать в демонстрации преподавателей; к какому бы унаследованному мною экономическому классу я ни принадлежала, каковы бы ни были мой статус или мое положение или мое сексуальное предпочтение, я живу под властью отцов и имею доступ лишь к тем привилегиям или влиянию, которые патриархат захочет мне предоставить, и до тех пор, пока я захочу платить за мужское одобрение» (Rich, 1977, с. 58).

Аналогично Дворкин связывала дореволюционный китайский обычай бинтования ступней с корсетами, высокими каблуками и выщипыванием бровей, диктуемыми американской модой, утверждая, что для всех женщин «боль является неотъемлемой частью процесса ухода за собой, и это не случайно... *Принятие боли и ее романтизация начинаются именно здесь*, в детстве, в социализации, служащей подготовке женщины к родам, самоотречению и угождению супругу» [8]. Мэри Дэли также заявляет, что такие ужасы, как бинтование ступней, сжигание ведьм, генитальные увечья и современная американская гинекология, являются, по сути, схожими проявлениями универсальной системы мужской тирании, так что положение женщин в ос-

[8] *Дворкин А.* Гиноцид, или Китайское бинтование ног // *Антология гендерной теории.* М.: Пропилеи, 2000, с. 27.

новном одинаково, живут ли они в Саудовской Аравии или в Швеции и «уже колонизированы даже космос и будущее» (Daly, 1973, 1978, p. 1).

В некотором смысле, такая теория может включать интуицию и содержать некоторую правду. Не обязательно верить в то, что мужчины неизменно биологически «плохи», чтобы согласиться, что женщины в резко отличающихся обществах или ситуациях действительно часто испытывают общие сексуальную эксплуатацию, отсутствие свободы в сфере репродукции и маргинализацию либо исключение из «мужской» экономической, социальной, политической и интеллектуальной жизни. Этот опыт может отражать систематическое проявление власти мужчин над женщинами. Несмотря на это, мысль о том, что женщины поэтому объединены в общее сестринство, превосходящее все созданные мужчинами разделения, может быть опасным заблуждением. Во-первых, слишком легкое сравнение различного женского опыта через века, а также внутри и между современными обществами может сделать незначительной глубину страданий некоторых отдельных женщин. Так, угнетение, испытываемое современными американскими «жертвами моды» (даже теми, кто диетами доводит себя до смерти), качественно иное, чем страдания поколений китайских женщин, с детства преднамеренно и систематически уродуемых «в интересах эротики, *гармонии* между мужчиной и женщиной, распределения социальных ролей и красоты», способных только болезненно семенить

> «на внешней стороне подогнутых под ступню пальцев. Пятка и внутренний свод стопы напоминали подошву и пятку обуви с высоким каблуком. Образовывались окаменелые мозоли; ногти врастали в кожу; стопа кровоточила и истекала гноем; кровообращение практически останавливалось» [9].

Аналогично, попытки сравнить опыт женщин в весьма разных обществах XX в., основанные на предпосылке, что он, по сути, «одинаков», неминуемо скрывают огромные различия в этом опыте. Например, недостаток репродуктивных прав совершенно по-разному воспринимается румынкой, вынужденной родить как минимум шесть детей; китайской женщиной, которую в соответствии с политикой «один ребенок» заставляют делать аборт при второй беременности; белой работающей вне дома американкой, у которой не сработало выбранное ею контрацептивное средство; пуэрториканкой, стерилизованной против ее воли. Более того, попытка универсализации опыта женщин может скрывать другие формы угнетения, основанные на расе или классе, либо преуменьшить их важность, так как с точки зрения глобального и исторического угнетения женщин расизм, воинствующий национализм и экономическая эксплуатация могут показаться мелкими распрями мужчин.

[9] *Там же*, сс. 25, 18.

По мнению некоторых критиков, следовательно, феминистское предположение, что заботы белых западных женщин среднего класса могут быть уравнены с опытом всех женщин повсюду, является само по себе видом культурного империализма, стремящегося замаскировать особенности собственного мировоззрения использованием ложно обобщающих понятий. Это значит, что «патриархат» и «сестринство» могут быть мистифицирующими приспособлениями, скрывающими разделения в обществе почти таким же образом, как мужские точки зрения скрывали угнетение женщин, так что «существуют тревожащие параллели между тем, что беспокоит феминисток в политической мысли Запада, и тем, что многие черные женщины обнаружили как повод для тревоги во многих направлениях западного феминизма» (Spelman, 1988, p. 6; см. также: Moraga, Anzaldua, 1983, особенно ст. «Lorde»; Davis, 1982, 1990; Feminist Review, № 17, 1984; Collins, 1990; Ramazanoglu, 1986).

Как бы ни была резка эта критика, однако далеко не очевидно, что подобные проблемы, присущие концепции патриархата, являются изначальными. Миллет сама никогда не утверждала, что патриархат есть не изменяемая система угнетения, и, видимо, нет причин, по которым в принципе признание существования патриархата нуждалось бы в отрицании других форм подавления. Это может означать, что огромный вопрос о взаимосвязях и возможных причинных отношениях между гендерной, расовой и классовой системами может быть скорее открыт для исследования, чем низведен до одного простого объяснения.

Подобный ответ возможен и в отношении последнего главного момента критики радикальной феминистской концепции патриархата. Утверждается, что эта концепция по сути внеисторическая, и женщины в ней слишком часто рассматриваются единственно как пассивные жертвы мужской несправедливости, так что «женская беспомощность, виктимизация и нехватка ресурсов ... составляют безвременную женскую историю» (Segal, 1987, p. xi). И опять, однако, представление, что общество пронизано мужским господством, само по себе не должно устранять возможности перемен. Изначальная теория Миллет признавала важность борьбы женщин в прошлом и утверждала, что эта борьба принесла «необычайный прогресс» и заложила основу для будущих перемен (Sexual Politics, p. 64). Сделав патриархат видимым и определив поле сражений, которые предстоит провести, она считала свою работу частью этой борьбы. Некоторые авторы поэтому попытались выдвинуть более изощренные теории, утверждающие, что, отнюдь не являясь неизменным, патриархатное господство принимает разные формы, представляющие собой продукт определенной исторической ситуации. Так, и Фергюсон, и Уол-

би недавно заявили, что в западных обществах произошел общий поворот от частного патриархата, основанного на индивидуальном контроле в семье, к публичному патриархату, опирающемуся на структуры вне дома, — хотя Уолби и предостерегает, что это «скорее континуум, чем жесткая дихотомия» и что на разные группы это подействовало по-разному (Walby, 1990, p. 180; Ferguson, 1989; см. также: Dahlerup, 1987). Подвергая сомнению использование некоторыми радикальными феминистками термина «патриархат», Кокс сходным образом утверждает, что наблюдается упадок в традиционной патриархатной власти в семье, при этом полагая, что это сопровождалось подъемом того, что она называет *фаллической* властью, то есть сексуальным подавлением и эксплуатацией (Cocks, 1989). Такие взгляды не рассматривают патриархат как неизмененную и монолитную структуру угнетения, но допускают возможность, что патриархатной власти может быть брошен вызов и при этом одержаны феминистские победы. Это значит, что перемены в характере или степени патриархата стали видимы, как, впрочем, и женский вызов ему.

Представляется, что, следовательно, основные принципы радикального феминистского подхода и теория патриархата должны быть отделены от выводов, сделанных из этих принципов, и истинные несогласия отсеяны от неверного понимания и различия в акцентах. Исходным пунктом теории является то, что женщины находятся в центре; их потребности и опыт должны не прилагаться к существующим ранее теориям или поглощаться ими, но создать базу для понимания мира с позиции женщин. С этой точки зрения основным общим опытом является господство мужчин. Это господство ощущается не только в общественных сферах политики и занятости, но и в семье и личных отношениях. Власть и политика, следовательно, переопределены и охватывают всю жизнь. Задачами радикальной феминистской теории поэтому являются и выявление этого доминирования, и анализ того, как оно осуществляется и утверждается, чтобы успешно бороться с ним. Здесь разные авторы заостряли внимание на весьма различных аспектах и источниках мужской власти и пришли к некоторым, на первый взгляд, очень различающимся выводам. В каком-то смысле многие из этих выводов взаимодополняемы и их лучше сочетать для выработки более полной теории гендерных отношений, чем представлять как «соперничающие» объяснения. Истинные различия во взглядах, однако, действительно остаются, и они касаются спора между теми, кто, как большинство феминисток либерального толка, подчеркивает единые для мужчин и женщин общечеловеческие ценности, и теми, кто убежден, что есть существенные и непреодолимые биологические различия, определяющие природу мужчин и женщин. Эта последняя точка зрения часто вклю-

чает в себя веру в женское врожденное превосходство, что привело одних к крайней сепаратистской позиции, а других — к развитию «экофеминистской» теории. В последующих двух главах будут проанализированы основные структуры, которые считаются важными для поддержания патриархата: государство, экономическая система, семья, воспроизводство, сексуальность и насилие, а также мужской контроль над языком и знаниями. В значительной степени они переплетаются со структурами, недавно определенными Уолби (Walby, 1990), и, подобно ей, я считаю, что удовлетворительное понимание патриархата не может быть сведено к изучению какой-либо одной структуры, необходимо исследование их взаимоотношений.

Глава 11. СОВРЕМЕННЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ: ПАТРИАРХАТ ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЧАСТНЫЙ

Патриархат и государство

В отличие от большинства общепринятых политических теорий радикальный феминизм не рассматривает государственную власть в качестве центральной политической темы. С этой новой точки зрения государство является всего лишь еще одним проявлением патриархатной власти, отражая другие, более глубокие структуры угнетения, а документально подтвержденное исключение женщин из его официальных институтов — это скорее симптом, чем причина гендерного неравенства. Следовательно, хотя радикальный феминистский анализ государства скорее подразумевался, нежели был полностью самостоятельно разработан, это пренебрежение само по себе отражает позицию в отношении теории государственной власти. Эта власть не считается ни автономной, ни производной от потребностей экономики, но предполагается, что она неразрывно связана с такими сферами жизни, как семья и сексуальность, которые обычно считались частными и неполитическими, но которые теперь рассматриваются как основа для всех властных отношений в обществе.

Как показано в гл. 9, феминистки либерального толка считают государство нейтральным по сути институтом, из деятельности которого женщины были в прошлом несправедливо исключены, но который в принципе может быть использован для их выгоды. Равные юридические и политические права, следовательно, являются ключевыми требованиями, законодательство и предоставление услуг государством рассматриваются как средства улучшения положения женщин, а женщины организовались политически почти так же, как и другие обычные группы давления. Однако для радикальных феминисток отлучение женщин от власти не есть частный и легко поправимый

случай, так как структуры и институты государства созданы мужчинами и воплощают их интересы, а не интересы женщин. Это значит, что феминистские требования никогда не будут охотно признаны государством, а, напротив, столкнутся с противостоянием, для разрешения которого с либеральной точки зрения нет никаких средств. Это также означает, что законодательство само по себе мало что может сделать для улучшения реального положения женщин, более того, оно может маскировать или узаконивать их угнетение, сочетая его с формальным равенством. И действительно, вмешательство государства, которое официально будет нацелено на улучшение положения женщин, может в действительности опасно увеличить власть этого мужского государства. Например, государственное социальное обеспечение может иметь следствием скорее новые формы подчинения, чем независимость для женщин, законодательство против порнографии может быть использовано для цензуры лесбийской литературы либо для запрещения полового просвещения. Некоторые радикальные феминистки отвергают в целом идею о конкурентной борьбе за власть как олицетворение мужских ценностей, они отказываются также от общепринятой политики: избегают организационной иерархии, политическую борьбу перемещают с избирательных участков в спальни, предпочитают сепаратизм участию в существующих организациях или институтах, которые считаются просто игровой площадкой для мужчин-эгоистов. Для других, однако, определение роли патриархатной власти в рамках государства является глубинным анализом, который может способствовать делу феминизма, предоставив более реалистичную оценку политических возможностей, чем либеральный подход. С этой точки зрения государство рассматривается как арена борьбы, систематически направленной против женщин, но в рамках которой тем не менее могут быть одержаны важные победы. Необходимо понимать присутствующие властные отношения и огромные препятствия, с которыми сталкиваются женщины, но это не должно вести к пессимистичному отказу от общепринятой политики. Подобный подход позволяет в принципе признать существование разнонаправленных расовых и классовых конфликтов, которые могут влиять на политические результаты и чрезвычайно сложным образом взаимодействовать с борьбой за гендерное равенство.

Радикальный феминистский подход к государству, следовательно, может дать нам упрощенную картину монолитного института, который феминистки могут вычеркнуть как инструмент патриархатного угнетения. Он может также обеспечить основу для более комплексного подхода, признающего сложную природу властных слокновений и взаимосвязанность различных патриархатных структур. Это позволяет нам осознать как важность, так и огра-

ниченность общепринятой политики и законодательства. Например, закон, предоставляющий женщинам право уйти от мужа, который избивает жену и издевается над ней, сам по себе недостаточен для того, чтобы защитить ее от насилия в браке, так как закон этот применяется сексистскими правоохранительными органами в рамках культуры, где сексуальность и подавление неразрывно связаны, а у женщины недостаточно экономических ресурсов для содержания себя. Однако, если этот закон принят в контексте феминистской борьбы за то, чтобы сделать это насилие видимым и неприемлемым, чтобы повысить ответственность полиции, чтобы создать безопасные убежища для жен, подвергающихся избиениям, повысить образовательный уровень женщин и расширить для них перспективы занятости для женщин, тогда это может представлять значительную победу.

Государственная власть, следовательно, понимается радикальными феминистками не так, как эта власть сама истолковывает себя, но как часть всеобъемлющей системы патриархатной власти. Это значит, что государство не является нейтральным орудием, одинаково доступным и женщинам, и мужчинам, и оно не станет автоматически следовать велению разума или справедливости. Природа государственной власти не может быть изменена простым перераспределением властных позиций, так как политические результаты структурированы социальными властными отношениями, а не индивидуальными решениями. Для одних патриархатное господство мужчин над женщинами является основной и определяющей характеристикой государственной власти. Другим, однако, концепция патриархата предоставляет возможность и для обычной политической борьбы, и для анализа соответствующих структур классового и расового угнетения.

Патриархат и экономическая система

Как мы видели в предыдущих главах, классическое марксистское представление об угнетении женщин — то, что оно есть продукт классового общества, которое исчезнет вместе со свержением капитализма и основанием бесклассового коммунистического общества. Для радикальных феминисток подобное упрощение абсолютно неприемлемо, так как оно игнорирует неэкономические основы и повсеместность мужской власти и отрицает общий для всех женщин опыт и корыстные интересы мужчин в поддержании их угнетения. С этой точки зрения экономические перемены сами по себе никогда не изменят глубоко укоренившихся структур патриархатной власти, а социалистическая революция «будет *не* революцией, а еще одним государственным переворотом среди мужчин» (Morgan, 1970, p. xxxvi). Поражения про-

шлых революций в деле освобождения женщин рассматриваются как доказательство пустоты марксистских обещаний.

Женщин экономически эксплуатируют как женщин, а не как гендерно нейтральных членов пролетариата, полагают радикальные феминистки. Эксплуатация их труда как на рабочих местах, так и в семье есть лишь еще одно проявление их угнетения мужчинами, а глобальный характер этой эксплуатации подытожен в докладе ООН 1980 г.:

«Женщины составляют половину мирового населения, выполняют почти две трети всей работы, получают одну десятую мирового дохода и владеют меньше чем одной сотой мировой собственности».

В частности, подтвержденный документально более низкий уровень зарплаты и маргинализация женщин в развитых капиталистических странах рассматриваются как средства поддержания зависимости женщин от мужчин и тем самым принуждения их к обслуживанию бытовых и сексуальных потребностей мужчин. С этой зависимостью нельзя покончить только принятием законов о равной оплате или равных возможностях либо только путем экономической борьбы, так как она неразрывно связана с другими аспектами патриархатного господства: например, женщины не могут достичь полной экономической независимости и равенства на рабочих местах, если от них также ждут выполнения работы по дому и этот труд не оплачивается, и даже, если им удастся избежать наихудших результатов сексуального домогательства, женщин не воспринимают всерьез как работниц в рамках культуры, где они считаются в первую очередь сексуальными объектами либо хранительницами очага. Поэтому экономику как таковую нельзя рассматривать в качестве автономной арены борьбы или первопричины женского угнетения. Борьба за экономическую независимость может быть важной, но сама по себе она не положит конец патриархату.

Проблема здесь видится в том, что при слишком простом приложении теории, отрицающем разнообразие положения женщин, конкретные виды экономической эксплуатации, которым подвергаются женщины третьего мира и чернокожие, и классовые связи, можно попасть в ловушку «ложного универсализма», обсуждавшуюся нами выше. Такой подход упускает из виду также повсеместную эксплуатацию мужского труда. Тем не менее появилось такое осознание природы экономического положения женщин, которое, как мы увидим в гл. 13, вынудило современных феминисток марксистского толка пересмотреть собственные посылки. В частности, оно дало импульс обсуждению связей между патриархатом и капитализмом и «сделало видимым» домашний труд, выполняемый женщинами в семье. Соглашаясь, что угнетение женщин не

может рассматриваться как простой продукт классового капиталистического общества, следует также сознавать и понимать, что экономика и классовые отношения не могут быть просто сведены к потребностям мужчин. Экономика может быть важной структурой патриархата, в которой и посредством которой мужчины господствуют над женщинами, и даже гораздо больше.

Патриархат и семья

Согласно Миллет, «основным институтом патриархата является семья» [1], и феминистки радикального толка недавно пришли к соглашению, что, вопреки предположениям общепринятой политической теории, семья действительно есть основная часть властной структуры общества; будучи таковой, она поддерживает патриархатную власть в «общественном» мире и сама является источником угнетения женщин. Отнюдь не представляя «естественное» устройство, опирающееся на взаимную любовь и уважение, когда удовлетворяются эмоциональные, сексуальные и семейные потребности взрослых партнеров, а дети окружены заботой, семья — это общественный институт, в котором эксплуатируется женский труд, где сексуальная мужская власть может выражаться в виде насилия и где усваиваются деспотические модели поведения и гендерные образцы для подражания.

Домашний труд

Как и феминистки либерального толка, многие ранние феминистки радикального направления считали всю домашнюю работу, включая уход за детьми, по существу, не приносящей удовлетворения и унизительной. В отличие от либералок, однако, они не воспринимали ответственность женщин за дом как несчастный случай, который может исправить добросовестный муж или приходящая домработница. Используя открытия концепции патриархата, они утверждали, что мужчины получали выгоду от существующего устройства как в смысле домашнего удобства, так и от того, что ставили в невыгодное положение женщин, которые пытались конкурировать с ними в политике и на рынке труда. С этой точки зрения вполне можно было ожидать сопротивления мужчин переменам и отказа их помогать в домашних делах, что либеральные феминистки считали удивительным или «несправедливым»,

[1] *Миллет К.* Сексуальная политика (главы из книги) // *Вопросы философии*, 1994, № 9, с. 155. Согласно Миллет, существует три института патриарха-та: семья, общество и государство (с. 155): «Будучи орудием общества, семья не только побуждает своих членов к приспособлению и подчинению, но действует в качестве подразделения правительства патриархатного государства, которое управляет своими гражданами через глав семей». — *От изд-ва.*

а ссоры по поводу того, кто будет стирать, были не отдельными размолвками, но частью более широкой борьбы за власть. Для одних решение лежало попросту в отказе продолжать выполнять домашнее обслуживание мужчин, а это подразумевало создание сепаратистских домохозяйств, где живут только женщины. Другие были уверены, что мужчин можно заставить или убедить взять на себя домашние обязанности, но понимали, что это не произойдет автоматически в результате того, что будет указано на несправедливость существующего уклада, а придется за это сознательно и последовательно бороться. Многие видели решение не просто в упразднении разделения труда в семье, но в отмене самой семьи. Это было связано с более широко распространенным в контркультуре отвержением традиционных ценностей и экспериментами с альтернативным образом жизни. Однако опыт показал, что разделение труда по признаку пола может прекрасно процветать и в коммунах, равно как и в маленьких семьях, состоящих из двух родителей и одного-двух детей. «Передовые» мужчины могли на словах поддерживать феминистские принципы, но на практике они тоже получали выгоду от патриархата и отмахивались от женских жалоб как от мелких и незначительных. Многие феминистки также обнаружили, что бывает трудно отбросить годы тренировки домашних навыков и традиционные ожидания.

Наиболее представительный радикальный феминистский анализ домашней работы женщин как источника угнетения предоставлен французской феминисткой Кристин Делфи, которая утверждает, что из-за выполняемой неоплачиваемой домашней работы экономическое положение всех женщин одинаково: «Как группа, фактически (в любое время) подчиненная этим производственным отношениям, они составляют *класс;* как категория людей, *рождением определенная* стать членом этого класса, они составляют *касту»* (Delphy, 1980, p. 35). Она доказывает, что брак — это трудовой контракт, посредством которого мужчина эксплуатирует женский труд и экономически становится ее хозяином, и из-за того, что большинство женщин выполняют этот неоплачиваемый труд, положение всех женщин на рынке занятости находится в упадке, а брак продолжает оставаться их самой жизнеспособной экономической возможностью. Эта домашняя эксплуатация имеет место вне капиталистической модели производства, и поэтому Делфи утверждает, что по-настоящему материалистическая теория угнетения женщин показывает, что оно не просто произошло из классовой борьбы и капитализма, но что у него есть независимая материальная основа в женском неоплачиваемом труде. Теория Делфи подверглась жесткой критике со стороны феминисток-социалисток, которые обвинили ее в необдуманном и неверном использова-

нии марксистских понятий и в неумении исследовать изменения в браке в течении времени и в разных классах. Им также не понравилось ее предположение о том, что феминистки должны бороться скорее на уровне домашней эксплуатации, чем в сфере оплачиваемой работы или идеологии (Barrett и McIntosh, 1979). Очевидно, возникают проблемы, если делать обобщения, исходя из определенного исторического момента, и рассматривать домашний труд как единственный или даже первичный источник женского угнетения, и, как будет показано в гл. 13, недавние попытки распространить ортодоксальные марксистские экономические категории на работу женщин в доме тоже столкнулись с трудностями. Эксплуатация женского труда в семье переплетена с другими аспектами патриархатной власти, которую она может и отражать, и утверждать. Эта эксплуатация также связана с другими измерениями экономической и общественной жизни. Женский домашний труд не является неизменным источником угнетения, и, хотя домашние обязанности до сих пор не делятся поровну, некоторое увеличение мужского участия в сочетании с уменьшением размеров семьи и повышением доступности бытовой техники может означать, что эксплуатация эта в современных индустриальных обществах не столь важна, как раньше. Анализ Делфи акцентирует наше внимание на важной области, которой пренебрегли более ранние феминистские теоретики. Однако сам по себе он не обеспечивает полного понимания многогранной природы угнетения женщин.

Сексуальная эксплуатация

Для других радикальных феминисток более важной является сексуальная эксплуатация в семье. Как мы увидим в последующих разделах, некоторые авторы утверждают, что патриархат в основном базируется на мужском насилии и контроле над женской сексуальностью. Здесь следует просто отметить, что возросшее осознание домашнего насилия и сексуального надругательства (abuse) над женщинами и детьми в семьях помогает понять, почему многие феминистки считают семью орудием патриархатного угнетения, где многие женщины сталкиваются с мужской властью в ее наиболее грубом и агрессивном виде. Связь между отдельными проявлениями насилия и более широкой патриархатной властью доказывается нежеланием официальных лиц вмешиваться в «личные» семейные дела и тем фактом, что в некоторых американских штатах изнасилование в браке не считается преступлением, а в Британии оно признано таковым совсем недавно. Следовательно, требование сексуальной автономии в браке, выдвинутое в XIX в. Стэнтон и другими феминистками, все еще не удовлетворено полностью ни в законах, ни

на практике. Утверждается, что даже для тех женщин, которым удалось избежать наихудших проявлений патриархатной агрессии, замужество не обеспечивает сексуальной либо эмоциональной свободы, но увековечивает подавление, маскирующееся под видом любви. Так, Файерстоун заявляет, что «любовь, возможно, даже больше, чем рождение детей, сегодня является стержнем угнетения женщин» (Firestone, 1979, p. 121) и что любовь в патриархатном обществе не может опираться на равенство, но отражает экономическую и социальную зависимость женщин и гарантирует, что они не станут возражать против своего подчиненного положения. Это заявление, пусть и выраженное совершенно иначе, поразительно сходно с анализом Томпсона, а также высказывания Дж. С. Милля, который веком раньше утверждал, что «мужчина требует от женщины не только, чтобы она ему повиновалась, но еще чтобы она отдала ему всю свою душу... (см. гл. 1 и 2 настоящего издания) [2].

Родительство и обретение взрослой сексуальной идентификации

Для Миллет главное значение семьи состоит в том, что она является фактором социализации, первым общественным институтом, в котором маленькие дети познают ценности и ожидания своего общества. Поэтому именно в семье мальчики и девочки впервые сталкиваются с патриархатной властью и разделением труда по половому признаку, именно по примеру своих родителей и по их наставлениям они впервые изучают свои роли, характер и статус, подходящие их полу. Эти уроки усиливаются в группах сверстников, в школе и через средства массовой информации, а будучи усвоены в столь раннем возрасте, они особенно устойчивы к последующим изменениям.

Для некоторых авторов, однако, вопрос половой идентичности уходит еще глубже и может быть понят с использованием открытий психоаналитической теории. Фрейд получил чрезвычайно враждебные отклики в феминистской прессе; и правда, его теория в целом высмеивалась и рассматривалась как орудие патриархата, созданное для того, чтобы примирить женщин с гнетущей действительностью (de Beauvoir, 1972; Figes, 1970; Friedan, 1986; Greer, 1979; Millett, 1985). Некоторые последующие писательницы-феминистки пытались, однако, реабилитировать его и заявляли, что его концепция бессознательного и инфантильной сексуальности может быть применена для анализа поведения взрослых. Для этих авторов важно понять, как из опыты младенческого возраста влияют на поведение и установки взрослых для того, чтобы подвергнуть эти опыты сомнению и изменить их (доступное обсуждение подобных работ см.: Sayers, 1986). Это означает, что установленный порядок воспитания детей

[2] *Милль Дж.* Подчиненность женщины, сс. 35—36.

рассматривается как имеющий политическое измерение; здесь особенно влиятельны работы Нэнси Чодоров и Дороти Диннерстейн (Chodorow N. The Reproduction of Mothering («Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера»), 1978 [3]; Dinnerstein, The Rocking of the Cradle and the Ruling of the World («Качая колыбель и управляя миром»), 1987, впервые опубликована под названием «The Mermaid and the Minotaur» («Русалка и Минотавр»), 1976).

Хотя теоретические точки отсчета этих авторов различаются, обе делают вывод, что в основе наших нынешних проблем лежит женская монополия на уход за ребенком. И действительно, Диннерстейн заявляет, что психологический вред этого привел род людской на грань исчезновения. Как выход из ситуации предлагается привлечение к выполнению родительских обязанностей мужчин. Это, по их мнению, сделает возможным формирование новых моделей гендерной идентичности, освобожденных от элементов подавления и подчинения и будет способствовать развитию абсолютно цельной и ответственной взрослой личности обоих полов. Вследствие такого участия прекратится и исключение женщин из общественной власти, и видоизменится все гендерное устройство общества.

Эта теория, даже если в ней содержится какая-то правда, оставляет нерешенными многие проблемы. Ни одна из этих исследовательниц не анализирует то, каким образом экономика воспрепятствует изменению рабочих схем, которых потребует совместное родительство, или как она будет принимать их; и совершенно неясно, как воспитанные исключительно матерью мужчины и женщины в качестве родителей разорвут порочный круг, частью которого являются. Некоторые критики сетуют, что, как и многие радикальные феминистки, они опираются на предположительно универсальную теорию опыта белых американских женщин среднего класса. Их предположения также оспариваются другими школами психоаналитической мысли. В частности, французские авторы связали обретение гендерной идентичности с освоением ребенком речи. Дискуссии в этой сфере включают сложную аргументацию о том, приобретаются ли различия по признаку пола через эдипову стадию осознания этих различий или они на самом деле предопределяют эту стадию и, по сути, коренятся в биологии, в то время как другие подвергают сомнению само понятие устойчивой взрослой идентичности. Согласно этой аргументации, для формирования (возможно, постоянно меняющейся) психики взрослого важны не просто модели ухода за младенцем. Они утверждают, что в основу личности могут быть положены доступные ребенку структу-

[3] См. также: *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства (главы из книги) // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 29—76. — *От изд-ва.*

ры языка и мыслительные процессы. Другие авторы считают, что формирование личности необходимым образом связано с биологическими различиями (см. гл. 12 настоящего издания).

Доводы в пользу семьи

В то время как ранние феминистки радикального направления проявляли чрезвычайную враждебность к семье, Чодоров и Диннерстейн критиковали скорее существующее разделение труда по признаку пола, чем семью, как таковую. Другие феминистки позже решительно защищали традиционные ценности и роли (См.: Stacey, 1986. В этой книге дается критическая оценка подобных теорий). Так, Жермен Грир, ранняя работа которой «The Female Eunuch» (1970) много сделала для популяризации радикальных феминистских идей, в 1984 г. выступала в защиту большой семьи, существующей на юге Италии и в Индии: «Такая семья предлагает парадигму женского коллективизма; она показывает нам женщин, сотрудничающих, чтобы сделать жизнь достойной, повысить ценность труда друг друга ... растущих в настоящей любви и сестринстве» (Greer, 1984, p. 241). Подобным образом Элштайн защищает традиционные «женские ценности», которые можно найти в семье, и утверждает, что устойчивая семейная жизнь является существенной предпосылкой цивилизованного общества: «Не всякий ребенок, страдающий от пренебрежения (neglect) и издевательств (abuse), становится Чарльзом Мэнсоном [известный серийный убийца], но каждый Чарльз Мэнсон, будучи ребенком, страдал от пренебрежения и издевательств» (Elshtain, 1981, p. 332). Поэтому она возражает как против коллективного ухода за детьми, который считает одной из форм пренебрежения, так и против попыток политизировать семейную жизнь или обесценить воспитательные и семейные навыки заботы и домашнего труда. Другие авторы полагали, что традиционные структуры семьи предоставляли женщинам определенную степень контроля и автономии, что впоследствии было разрушено государством (Stacey, Price, 1981); а иные считают семью важной опорой против классового или расового угнетения, частью жизни, в которой сохраняются некапиталистические отношения и удовлетворяются эмоциональные потребности (Hamphries, 1982).

Проблема такой аргументации в том, что здесь игнорируются властные отношения, которые существуют как в семье, так и в обществе, частью которого является семья. Такая точка зрения подразумевает ограничение женщин «личным» миром и, следовательно, их экономическую зависимость и исключение из общественного процесса принятия решений. Она отрицает, что насилие, эмоциональная манипуляция и сексуальная эксплуатация могут быть

столь же типичны для семейной жизни, как любовь и взаимная поддержка, и даже не рассматривает возможные отрицательные результаты традиционной женской монополии родительства. Такая точка зрения, действительно, обладает некоторыми преимуществами, в частности отказа от некритичного принятия мужских ценностей и обесценивания умений и качеств, обычно приписываемых женщинам. Однако остается опасность, что эти традиционные ассоциации закрепятся как «естественные», неизбежные и желательные, и что это будет использовано антифеминистами в качестве оправдания жесткого гендерного разделения труда, сочетающего почитание якобы женских качеств с отказом позволить «опорочить» их присутствием в общественной власти, свободным выбором либо материальным вознаграждением.

Несмотря на эти проблемы, аргументы в защиту семьи могут предостеречь нас от того, чтобы рассматривать семью как неизменно деспотическое установление, которое все феминистки должны автоматически отвергать. Ясно, что семья имеет разные значения для разных групп, ее нельзя вырвать из более широкого социального контекста, она может помочь в анализе других социальных институтов, но частично определяется ими сама.

Патриархат и воспроизводство

Технология воспроизводства

Самой известной радикальной феминистской теорией воспроизводства остается работа Суламифь Файерстоун «The Dialectic of Sex» («Диалектика пола», 1970; ссылки даны по изд. 1979 г.), несмотря на то, что многие из ее выводов не совпадают с современной феминистской мыслью. Файерстоун утверждает, что именно роль женщин как продолжательниц рода веками ставила их в невыгодное положение и сделала возможным установление мужской патриархатной власти: «Сердцевиной угнетения женщин является их способность вынашивать и выращивать детей». Материальную основу самого фундаментального разделения общества, разделения между мужчинами и женщинами, формирует именно эта биологическая реальность, а не экономические структуры, говорит она. Поэтому она пытается переписать марксистскую историческую теорию, соединив ее с тем, что считает положительными сторонами фрейдовской теории, и заменив «производство» «воспроизводством», а «экономический класс» — «классом по половому признаку», так что «половоспроизводящая организация общества всегда предоставляет реальную основу, начиная с которой мы можем выработать окончательное объяснение всей надстройки экономических, юридических и политических институтов, равно как и религиозных, философских и других идей определенной эпохи.

Эта биологическая основа, хоть и коренится в природе, не является неизменной. С развитием эффективной контрацепции и новых репродуктивных технологий впервые появилась возможность разорвать связь биологии и освобождения женщин от их репродуктивной роли, и Файерстоун считает будущее искусственное внематочное воспроизводство основой женского освобождения. Однако такое освобождение не будет автоматическим последствием новых технологий, так как не исчезнут интересы мужчин в утверждении патриархата, а новая технология, особенно контроль над рождаемостью, может быть использована против женщин для укрепления устоявшейся системы эксплуатации. Женщины, следовательно, представляют собой угнетенный класс, который должен восстать и захватить контроль над средствами воспроизводства (куда входят социальные институты вынашивания и выращивания детей, а также новые технологии), с конечной целью уничтожения не только мужских привилегий, но самого разделения по признаку пола, чтобы «генитальные различия между людьми больше ничего не значили в культурном смысле». Она предполагает, что это будет сопровождаться пролетарской революцией, которая ликвидирует классовое общество и, используя кибернетику, сделает возможным уничтожение труда, как такового; однако именно женскую революцию Файерстоун считает окончательной человеческой революцией, так как она покончит не только с частной формой власти, но и с самой психологией власти (The Dialectic of Sex, 1979, pp. 73, 21, 19).

Такие размашистые и грандиозные предположения явно неадекватны как политическая программа, и Файерстоун не выдвигает гипотез, как или когда ее революции должны произойти, как они взаимодействуют одна с другой и как феминистки должны начать организовываться. Ей также не удается распутать биологические и социальные аспекты рождения и воспитания детей, и все ее теоретические построения вызвали обвинения в туманности и упрощенности (см., в частности, O'Brien, 1981). Несмотря на это, многие авторы разделяют главную мысль, что феминистская теория женской истории и угнетения должна начаться с воспроизводства человека и что современная технология может стать основой освобождения. Например, Мэри О'Брайен (O'Brien) в книге «The Politics of Reproduction» («Политика воспроизводства», 1981) утверждает, что воспроизводство это не неизменный биологический факт, но процесс, относящийся к человеческому сознанию и являющийся основой человеческого общества. С этой точки зрения двумя ключевыми моментами в истории человека представляются первое открытие отцовства и современная технология контрацепции, которая впервые сделала возможным рациональный контроль над воспроизводством. Они являют-

ся «всемирными историческими событиями», которые «произвели переворот в человеческом сознании о связях человека с миром природы» и изменили всю структуру общества. Большая часть человеческой истории произошла между этими двумя событиями и характеризовалась мужским превосходством, которое в действительности основано на *поражении* мужчин в установлении абсолютного контроля над воспроизводством: «Общественные отношения воспроизводства есть отношения подавления именно потому, что в центре доктрины силы лежит непреклонное бессилие неуверенности...» Теперь, однако, «институты патриархата стали уязвимы, потому что эра контрацепции изменила *процесс* воспроизводства, и общественные воспроизводственные отношения должны, следовательно, претерпеть изменения» (O'Brien, 1981, pp. 189, 22, 121, 62). Бадинтер тоже считает противозачаточную технологию чрезвычайно важной. Хотя она утверждает, что в течение последних двух веков патриархат постепенно приходил в упадок, в последние двадцать лет, говорит она, женщины завоевали право контролировать собственную фертильность, и это нанесло «удар милосердию» мужской власти, сделав возможным создание нового мирового порядка, при котором мужчины и женщины все больше станут напоминать друг друга, при котором впервые во всей человеческой истории будет забыто извечное разделение труда по признаку пола (Badinter, 1989).

Ясно, что современная контрацепция и репродуктивная технология уже значительно повлияли на жизнь многих женщин. Способность планировать и контролировать деторождение имеет потенциальный освободительный эффект, и она сделала возможной такую свободу, о которой и не мечтали прежние поколения. Тем не менее реальный выбор, доступный женщинам, также ограничен экономическими, социальными и политическими обстоятельствами и господствующей идеологией и моралью, а в патриархатном обществе новые разработки с большей вероятностью будут использовать для контроля, чем для освобождения женщин. Также, особенно вероятно, ими будут злоупотреблять по отношению к бедным и черным женщинам или выходцам из третьего мира, которые могут подвергнуться насильственной стерилизации или, не зная того, стать подопытными кроликами в экспериментах с контрацептивами. Поэтому, хотя феминистки все больше стали считать свободный доступ к противозачаточным средствам и аборты ключевыми феминистскими требованиями, некоторые также стали понимать их потенциальную опасность, заявляя, что это может нанести вред здоровью женщин и привести к усилению сексуальной эксплуатации и что их можно использовать для ограничения репродуктивной способности женщин, которых сочли «непод-

ходящими» для материнства (черных, бедных, одиноких, лесбиянок, умственно отсталых...). Аналогичным образом, хотя современная медицина может существенно снизить риск, связанный с беременностью и рождением детей, она также может быть без необходимости вмешательством и включать передачу полномочий от подруг, родственниц и акушерок врачам-мужчинам, в то время как сама мать будет не в состоянии активно участвовать в рождении собственного ребенка. Утверждается, что недавние разработки в сфере репродуктивной технологии тоже были использованы против женщин — для укрепления мужской власти — и впервые сделали патриархат абсолютным: «Здесь находится контроль мужчины над устрашающей властью женщины; последний оплот природы, над которым он наконец может установить господство» (Arditti, 1984, p. 265). Так, программы искусственного донорского осеменения или внематочного (*in vitro*) оплодотворения могут быть доступны лишь тем, кого власти сочтут «респектабельными», а все формы суррогатного материнства, вполне вероятно, будут эксплуатировать женщин третьего мира или бедных, тогда как социальные условия, которые могут заставить женщину считать беременность своим единственным источником самореализации или признания ее ценности, останутся неисследованными. А еще более зловещее новшество — определение пола ребенка до рождения — привело в некоторых обстоятельствах к выборочным абортам женских зародышей, и некоторые авторы боятся, что эти и другие разработки означают, что женщины в конце концов станут «расходным материалом» или что «это будет новый вид Холокоста, невообразимый сейчас, как когда-то нацистский, пока он не произошел... у мужчин наконец появятся средства создавать и управлять женщинами тех типов, которые они хотят... Будут домашние работницы, проститутки для секса, проститутки для воспроизводства» (Dworkin, 1983, p. 151; см. также: Corea, 1985, Stanworth, 1987; исследование возможных результатов репродуктивной технологии см.: Fairbairns, 1979, Piercy, 1979) [4].

Все это сильно отличается от веры Файерстоун в освободительные возможности искусственной матки и предполагает, что в патриархатном обществе «захват средств воспроизводства» может быть аккуратным перефразированием Маркса, но мало что значить на практике. И опять же, эта проблема должна соотноситься с другими сферами патриархатного контроля, и репродуктивные права должны анализироваться в этом контексте, а не изолированно в качестве простого источника угнетения либо ключа к освобожде-

[4] См., например: *Рингельхайм Дж.* Женщины и Холокост: переосмысление исследований // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 254—279. — *От изд-ва.*

нию. Это значит, что вся сфера контрацепции, рождения детей и новых репродуктивных технологий может рассматриваться как еще одно поле борьбы, где власть проявляется, но где ей также можно сопротивляться. Результат такой борьбы чрезвычайно важен, но его нельзя просто предсказать, так как он связан с властными отношениями в других сферах.

Материнство, половые различия и экофеминизм

Для некоторых феминисток главной проблемой в теории Файерстоун является не просто ее наивное предположение, что женщины станут охотно использовать репродуктивную технологию, но лежащее в основе ее анализа убеждение, что беременность, рождение и выращивание детей по сути своей унизительные и угнетающие виды деятельности, от которых женщин следует освободить. Здесь формулировки Файерстоун (находящейся под сильным влиянием де Бовуар) совершенно определенны. Беременность, настаивает она, *не является* удовлетворяющим и творческим опытом, это «временная деформация тела индивида ради сохранения вида», рождение ребенка попросту болезненно («как тыкву выкакивать», сказала ей подруга), а с сопутствующими собственничеством и эмоциональным манипулированием оно психологически вредит как матери, так и ребенку (Firestone. The Dialectic of Sex, p. 189). Проблема этой теории, конечно, в том, что она противоречат восприятию и опыту многих женщин, находящих радость и самореализацию в материнстве, а также тому, что, подобно либеральному феминизму, она опирается на некритичное принятие шкалы ценностей, в которой традиционные мужские занятия считаются в целом выше женских видов деятельности. Этой теории также не удалось провести разграничения между ныне существующими условиями материнства и теми, которые могли бы быть. Этот момент тщательно проработан Адриенн Рич в книге «Of Woman Born» («Рожденная женщиной», 1977), где она утверждает, что женщину угнетает не биологический факт рождения ребенка, но то, что это происходит в патриархатном обществе, в котором материнство редко выбирается свободно и контролируется мужчинами. Это значит, что в отличие от многих ранних феминисток написание ею этой книги «является критикой не семьи или материнства, *а только того обстоятельства, что они определены и ограничены патриархатом*» (Rich, 1977, p. 14). Хотя она соглашается с отрицанием Файерстоун существующих ныне институтов материнства, в то же время она подчеркивает по-

Адриенн Рич

ложительные ценности, связанные с опытом материнства, и считает их потенциальным источником власти женщин.

Идеи Рич привели к более общей переоценке материнства, которое Сегал назвала «возрождением материнства» (Segal, 1987, p. 145) и которое особенно влиятельно в Америке. Это направление мысли давно присутствовало в женском движении, и оно считает материнство и заботу о детях положительным опытом, достойными прославления и дающими подъем «женским ценностям», связанным с воспитанием, сотрудничеством и миром. Эти ценности находятся в контрасте с мужскими качествами корысти, конкуренции и агрессии, они и послужили основой теории «экофеминизма». Такие авторы, как Сьюзан Гриффин, Андре Коллар и Колдекотт и Леланд (Griffin S. Woman and Nature, 1984; Collard A. Rape of the Wild, 1988; Caldecott, Leland (eds), Reclaim the Earth, 1983), сравнивают обращение мужчин с женщинами с их обращением с природой, и делают вывод, что в результате мужского подавления и женщины, и природа изнасилованы, ненавидимы, подвергаются эксплуатации и надругательству. Только женские ценности могут спасти планету от экологической катастрофы, настаивают они и говорят, что «сущность и судьба женщин и природы слиты воедино. Соответственно, феминистские ценности и принципы, направленные на уничтожение угнетения женщин, неразрывно связаны с экологическими ценностями и принципами, направленными на прекращение эксплуатации природы» (Collard, 1988, p. 168). Подобные идеи также были чрезвычайно влиятельны в движении за мир, когда в самом известном женском пацифистском лагере Гринэм-Коммон (Greenham Common) в Британии изучались новые формы противостояния милитаризму.

Представления о том, что женщины и мужчины олицетворяют соответственно ценности мира и войны, созидания и разрушения, вовсе не новы и вписываются в предпосылки западной культуры. Они использовались как феминистками, требующими, чтобы голоса женщин были услышаны, так и антифеминистами, утверждающими, что женская естественная чистота не должна быть запятнана мрачными реалиями общественной жизни. Многие современные феминистки поэтому с чрезвычайной осторожностью допускают какие-либо природные различия в способностях или моральных взглядах полов, опасаясь, что в патриархатном обществе это всегда будет использовано в ущерб женщинам. Другие утверждают, что различия *действительно* существуют, но они скорее приобретенные, чем врожденные и необходимо сделать так, чтобы имеющиеся у женщин качества были оценены по достоинству, а также приобретены и мужчинами. Как видно из предыдущих разделов, Чодоров и Диннерстейн утверждают, что участие мужчин в воспитании

детей могло бы изменить психику взрослого мужчины, а по мнению Гиллиган, к развитию разных нравственных понятий у мальчиков и девочек приводит именно их различный опыт (Gilligan, 1982; см. гл. 9 настоящего издания). Раддик также предполагает, что различные способы мышления обусловлены выполняемой матерями работой. Она утверждает, в частности, что ценности, необходимые для хорошей «материнской деятельности», существенно отличаются от ценностей воинственного мышления. Вопреки обвинениям некоторых ее критиков, она не утверждает, что женщины обладают неким естественным нравственным превосходством или пацифизмом, обусловленным их ролью биологических воспроизводителей. Не отрицает она и того, что многие женщины пренебрегают своими детьми или издеваются над ними и большинство весьма далеки от какого-либо идеала матери. Она считает, что материнские практики скорее предполагают некоторые ценности как желательные, так что, «хотя матери не являются мирными по своей внутренней сути, материнские обязанности представляют собой «естественный источник» для мирной политики» (Ruddick, 1990, p. 157). Эти ценности могут быть реализованы при сочетании их с осознанием феминистской стратегии. Следовательно, в принципе, подобные ценности могут быть приобретены и мужчинами, так как она не считает, что только женщины способны на «материнство».

Для некоторых авторов, однако, приписываемые гендерные различия являются врожденными. Так, Рич утверждает, что женщины воспринимают мир иначе, чем мужчины, потому что они переживают его в связи с собственной телесностью (идея, разработанная авторами, взгляды которых излагаются в следующей главе). Гриффин сходным образом полагает, что женщины ближе к природе, чем мужчины, и поэтому в большей мере способны к самовыражению, пониманию потребностей мужчин, тогда как Коллар заявляет:

> «Ничто так глубоко не связывает человеческое существо и природу, как женская репродуктивная система, которая позволяет ей участвовать в рождении и поддержании жизни вместе со всем остальным живым миром. Испытывает ли она лично или нет биологическое материнство, именно в этом женщина самое истинное дитя природы, и в этой природной цельности заложен источник ее силы» (Collard, 1988, p. 106).

Одной из многих проблем подобного биологического детерминизма является то, что он противоречит научным данным, подвергающим сомнению идею простой половой дихотомии, показывая, что существует континуум хромосомных, гормональных, генитальных и общих анатомических различий (обсуждение этого см.: Oakley, 1972). Это также идет вразрез со многими историческими свидетельствами, поскольку женщины также часто поддержива-

ли войны и грабили природу, в то время как мужчины противостояли им. Какой бы вдохновляющей ни была подобная точка зрения, она содержит «внеисторические абстракции и бездумные прославления» (Elshtain, 1987, p. 240), и существует опасность, что это может привести не к действиям по спасению планеты, но к фатализму либо к отступлению в сепаратизм, который оставляет в целости и сохранности структуры патриархатной власти. Как заявила Бакки, принятие или отрицание значимых половых различий может основываться на ложной дихотомии, что отвлекает наше внимание от постановки вопроса о доминирующих ценностях женщин *и* мужчин (Bacchi, 1990). Следовательно, говорить, что традиционная женская роль предполагает принятие ценностей, улучшающих жизнь и требовать по этому поводу публичных слушаний, — это одно. Говорить же, что биологические свойства женщин дают им монополию на такие ценности, — совершенно другое, так как это способствует лишь подтверждению традиционного разделения ролей, позволяя мужчинам продолжать разрушать планету, одновременно восхваляя альтернативные ценности в кругу семьи.

Воспроизводство — это та тема, по поводу которой существуют глубокие расхождения среди радикальных феминисток, и похоже, что существует мало точек соприкосновения между теми, кто считает его варварским пережитком низшей ступени человеческого развития, от которого женщина ныне может быть освобождена, и теми, кто настаивает, что оно воплощает высшее творчество и добродетели женщин. Это разделение, однако, скрывает более широкое согласие в том, что репродуктивная деятельность женщин политически важна и попытки мужчин контролировать ее привели к потере женской свободы, чему и следует сопротивляться. Усилия женщин по восстановлению контроля в этой сфере их жизни, следовательно, являются общей целью феминисток радикального толка. Те, кто рассматривает материнство в негативном свете, могут подчеркивать важность свободного доступа к противозачаточным средствам и абортам, тогда как другие сконцентрируются на праве всех женщин иметь детей, если они этого хотят, но обе группы объединены убеждением, что рождение детей не является чисто личным делом, но отражает властные взаимоотношения между полами. Это, в свою очередь, значит, что борьба за контроль над воспроизводством не может быть отделена от борьбы в других областях. Как показывают законодательные баталии по поводу абортов и использования новых репродуктивных технологий, проблема рождаемости находится в сфере государственного регулирования, а экономические реалии и структура семьи (например: полная, материнская, расширенная. — *Прим. ред.*) очевидным образом либо ограничивают либо

расширяют репродуктивные свободы женщин на практике. Проблема воспроизводства неразрывно связана с проблемами сексуальности и контроля над знаниями и ценностями. Эти темы будут рассмотрены в следующем разделе и в гл. 12.

Патриархат, сексуальность и насилие

Как мы видели в предыдущих главах, идея о том, что сексуальность не просто личное дело, но связана с властными структурами общества, не нова для феминистской теории, хотя и идет вразрез с предположениями ведущего направления политической мысли. Некоторые из ранних авторов подчеркивали освобождающий эффект свободного выражения сексуальности, но большинство феминисток придерживались иных взглядов, приравнивая сексуальность к мужскому насилию, болезням, потере самостоятельности и «животным инстинктам», и отстаивали целомудрие для обоих полов. Многие современные феминистки радикального толка разделяют эту враждебность к гетеросексуальным половым отношениям и считают, что, по сути, они угнетают женщин. Наиболее предпочтительным выходом сегодня видится скорее лесбиянство, нежели целомудрие.

Для некоторых авторов сексуальность в том виде, в котором она существует сегодня, является отражением патриархатного общества, производным мира, в котором мужчины обладают властью, женщины экономически зависимы, а мужские потребности и желания приоритетны во всех сферах. жизни Сексуальное поведение, отнюдь не являясь «естественным», становится связанным с идеей собственности, подавления и подчинения, оно подготовлено культурой, созданной мужчинами (man-made culture), в которой легко допустима порнография, терпимо относятся к насилию, с женщинами обращаются как с сексуальными объектами, и для женщин и мужчин существуют разные моральные кодексы. Символом мужской власти поэтому стала проституция, являющаяся продуктом патриархатных сексуальных отношений и средством узаконивания их, так как посредством проституции «мужское сексуальное право публично закреплено, и мужчины получают общественное признание как сексуальные хозяева женщин» (Patemson, 1988, р. 208). В этом контексте секс и любовь между мужчинами и женщинами не могут существовать на основе равенства, но скорее, в худшем случае, включают изнасилование и жестокое унижение, а в лучшем — эмоциональную зависимость и отрицание сексуальных потребностей женщины. Следовательно, к гетеросексуальным отношениям необходимо подходить с чрезвычайной осторожностью, и феминистки должны утверждать собственные сексуальные

потребности, а также бросать вызов порнографической культуре, в которой они живут. Сексуальные отношения между женщинами также должны стать более видимыми и позволительными как законный или действительно предпочтительный сексуальный выбор. Требование сексуальной автономии и самореализации рассматривается как часть общей политической борьбы против патриархата, который подкрепляется существующими представлениями и практиками и одновременно находит в них отражение.

Для других авторов сексуальность в том виде, в котором она существует сегодня, не просто один из элементов патриархатного господства, но главная политическая проблема, стоящая перед феминистками. Эта «проблема» сама по себе рассматривалась в трех основных направлениях. Для одних отрицание сексуальной свободы включает «вынужденную гетеросексуальность», которая, по сути, деспотична и угнетает женщин. Для других важен насильственный характер сексуального угнетения, особенно как он представлен в порнографии и в опытах изнасилования. Авторы третьего направления утверждают, что при патриархате все формы подавления стали эротизированы, так что мужская власть неразрывно переплетена с сексуальностью.

Критика гетеросексуальности

В начале современного женского движения лесбиянство не было очевидным выбором для многих феминисток, которые часто разделяли господствующие в обществе чувства настороженности, страха и враждебности по отношению к гомосексуализму. С тех пор многое изменилось. Издание книги Анны Коедт (*Koedt*. The Myth of the Vaginal Orgasm («Миф о вагинальном оргазме»), 1970), в которой утверждалось, что источником женского сексуального удовольствия является клитор, и поэтому для удовлетворения не требуется проникновения пениса, вызвало большое волнение в некоторых феминистских кругах. В результате требование «права на оргазм» привело одних женщин к попытке перестроить сексуальное взаимодействие с партнерами-мужчинами, но другие решили, что можно вообще обойтись без мужчин и таким образом отказаться от гетеросексуальных отношений. Третьи же полагали, что в данном случае речь идет не только о сексуальном удовольствии, поскольку сама гетеросексуальность провозглашалась скорее *политическим* установлением, чем естественным выражением сексуального желания (Rich, 1980): она навязывалась женщинам для выгоды мужчин, была средством разделения и контролирования женщин, гарантией того, что они будут обслуживать мужчин и удовлетворять как их эмоциональные, так и сексуальные потребности. С этой точки зрения

«стандарты красоты ... *ограничивают физическую свободу* [женщины]. Первым шагом в процессе освобождения (женщин от угнетения, мужчин — от несвободы фетишизма) является радикальное переосмысление отношения женщины к своему телу... Женщины должны перестать калечить свои тела и начать жить так, как им удобно» [5].

Отвержение гетеросексуальности, следовательно, не просто дело личной сексуальной ориентации, но политический акт, наносящий удар патриархату в самое его сердце, и «идентификация женщины является источником энергии, потенциальным трамплином женской власти, насильственно урезанной и растрачиваемой в рамках института гетеросексуальности» (Rich, 1980, p. 657). Национальная Британская конференция за освобождение женщин, состоявшаяся в 1978 г. в Бирмингеме, приняла резолюцию, в которой «право определять свою сексуальность» стало *самым* главным вопросом женского движения (враждебность, возникшая во время этих дискуссий, означала, что это была фактически последняя подобная конференция).

Такой анализ привел некоторых радикальных феминисток к идее о «политически корректной» сексуальной активности, что подразумевало прекращение сексуальных отношений с мужчинами, так как гетеросексуальный половой акт считался видом изнасилования, неизменно связанный с системой подавления и угнетения, являясь в ней центральным. Это мнение хорошо проиллюстрировано в брошюре, выпущенной Революционной феминистской группой Лидс:

«Только в системе угнетения, являющегося мужским главенством, угнетатель фактически внедряется в тело угнетенной и колонизирует его... Проникновение есть акт огромного символического значения, посредством которого угнетатель входит в тело угнетаемой... функцией и результатом его является наказание и контроль женщины... каждый акт пенетрации для женщины представляет вторжение, подрывающее ее уверенность и истощающее ее силы».

Согласно этому подходу, единственным феминистским решением будет, следовательно, отказ от сексуальных отношений с мужчинами: «Мужчины — враги. Гетеросексуальные женщины — пособницы врагов» (Evans, 1982, pp. 64—65; см. там цитату из кн.: Johnson J. Lesbian Nation, 1974; Jeffries, 1990). В этом контексте «политическое лесбиянство» становится решением для женщин, которые эмоционально и политически идентифицируют себя с другими женщинами, которых не устраивают мужчины, но одновременно и реальные сексуальные отношения с женщинами (См. также: Rich, 1980. В этой книге

[5] *Дворкин А.* Гиноцид, или Китайское бинтование ног // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 26, 28.

важна мысль о «лесбийском континууме», которая распространяет концепцию лесбиянства за рамки идеи о генитальной сексуальной деятельности).

Представление о том, что сексуальность является наиболее важной проблемой для женщин и что решением этой проблемы является отрицание всей гетеросексуальной активности, подвергалось резкой критике со стороны других феминисток, например Линн Сегал, вопрошающей: «Как мог такой явный редукционизм, такая фаллическая одержимость настолько захватить феминизм?» (Segal, 1987, p. 97) Эта «одержимость» часто считается свидетельством узких буржуазных горизонтов радикального феминизма и его слепоты по отношению к другим видам угнетения. В частности, марксистки и социалистки утверждают, что стиль сексуальной жизни и достижение оргазма могут показаться главными политическими темами только с точки зрения белой женщины среднего класса. Для женщин, борющихся за экономическое или физическое выживание, подобные вопросы будут лишь легкомысленной роскошью, отвлекающей усилия от более важных проблем экономической эксплуатации и классовой борьбы. Сепаратизм требует определенной финансовой независимости, попросту недоступной большинству женщин из среды рабочего класса.

Утверждалось также, что концепция «политически корректного» сексуального поведения содержит оценки гетеросексуального полового акта, отрицающего опыт многих женщин, которые считают, что он приносит и физическое, и эмоциональное удовольствие. Приравнивание всех половых актов к изнасилованию особенно сомнительно, так как отвергает все возможности взаимной нежности, любви и желания между мужчинами и женщинами, а одинаковая оценка всех гетеросексуальных актов скрывает ужас действительного изнасилования. Представление о том, что женщины могут быть только пассивными жертвами мужской похоти, также сомнительно. Так, Сегал отмечает, что, безусловно, это не было так для нее в 60-х гг., «когда я редко спала в одиночестве и проводила много свободного времени в постели с любимым в настоящий момент мужчиной» (хотя она признает, что эти ее занятия больше дали ей в смысле статуса, чем физического удовольствия, и предостерегает, что «соблазнение преподавателя было обычно самым скучным, и повторять это не хотелось» (Segal, 1987, pp. 77—78). Возможно, что существующие сексуальные ориентации определены социально и искусственно исключают целый набор возможностей и что при патриархате гетеросексуальность действительно опасное установление. Однако представление о том, что она по своей сути неизбежно и вечно служит целям подавления женщин, разделяют лишь немногие феминистки.

Для некоторых радикальных феминисток отстаивание политического лесбиянства и сепаратизма связано с идеями о женском превосходстве, равно как и с убеждением, что женские отношения будут свободны от эксплуатации и манипулирования, которыми, как они полагают, характеризуются гетеросексуальные связи. Однако властные отношения не могут быть устранены так легко. И, хотя одни женщины и впрямь, без сомнения, нашли удовлетворение и эмоциональный покой в партнерстве с женщинами или в совместном ведении хозяйства, другие обнаружили, что в отношениях исключительно с женщинами тоже присутствуют и ревность, и боль, и подавление. Также не прекращаются дебаты среди феминисток-лесбиянок о политической корректности лесбийской порнографии и садомазохистской практики. Подобная практика является анафемой для тех, кто считает ее подражанием худшим сторонам мужской сексуальности. Защищают же ее те, кто полагает, что это дело чисто личных предпочтений, но такая позиция имеет мало смысла в контексте радикальных феминистских утверждений, что личное есть политическое. Радикальная феминистская теория, следовательно, свидетельствует о согласии с заявлением черной писательницы-лесбиянки Одре Лорде (Lorde), что

> «что бы мы ни совершали, это происходит в социальном контексте и влияет на других людей. Унизить кого-либо, даже при выраженном согласии этой личности, это значит одобрять унижение личности. Это значит подтвердить, что надругательство над личностью приемлемо» (Цит. по: Tong, 1989, p. 122; обсуждение данной темы см.: Eisenstein, 1984, p. 12).

Сам факт, что подобные споры могли состояться, тем не менее должен служить доказательством опасности чересчур упрощенного прославления радостей сестринства, уже этот факт предполагает, что проблем власти не удастся избежать, попросту отказавшись от мужчин.

Радикальная сепаратистская позиция также содержит немало практических проблем. Наиболее очевидны чрезвычайные трудности для лесбиянок, желающих стать матерями. Здесь вопрос об опеке над детьми и о доступе к программам искусственного осеменения и внематочного (*in vitro*) оплодотворения является предметом обеспокоенности политиков. Это пример того, как возможности «альтернативных» образов жизни могут ограничиваться по воле существующих властей и попытке абсолютного ухода из общества, вполне вероятно, станет не смену необходимость борьбы с ним. Убеждение, что в обозримом будущем произойдет окончательный и неразрешимый конфликт между всеми мужчинами и всеми женщинами, является крайне пессимистическим, оно мало что предлагает в смысле долговременной

надежды или осуществимой программы перемен. Тем не менее эта теория предостерегает нас относительно рисков, которые могут присутствовать в гетеросексуальных отношениях, и способов, которые могут применяться для унижения женщин и манипулирования ими. Представляется привлекательной идея, что женщины могут быть свободны от необходимости ублажать мужчин и их перестанут воспринимать в зависимости от способности привлечь мужчину, а разрушение традиционных образцов брака в современных индустриальных обществах означает, что для многих женщин реальностью стала жизнь без постоянного партнера-мужчины, хотя этому часто сопутствует бедность. Некоторые представления о женской автономии и независимости поэтому могут оказаться менее утопичными или свойственными определенному классу, в отличие от предположений критиков-социалистов. Более того, подобные идеи не новы, они повторяют мысли Мэри Эстелл (XVII в.), рассмотренные в гл. 1. Здесь нужно отметить ее комментарий по поводу собственного совета отказаться от брака и создать женское сообщество: если бы все женщины поступили так, как она предлагала, то это «было бы концом человеческого рода».

Сексуальное насилие, порнография и патриархатный контроль

Рассмотренные выше идеи предполагают, что секс с мужчиной угнетает, потому что он неудовлетворителен, не является свободным выбором и используется как средство разделять и контролировать женщин. Для других феминистских авторов он более явно связан с мужским *насилием* и представлением, что патриархат, как все системы власти, опирается в конечном счете на силу [6]. Как говорит Кейт Миллет,

> «мы не привыкли связывать патриархат с силой. Его система социализации так совершенна, общее согласие с его ценностями так полно, он так долго и повсеместно господствовал в человеческом обществе, что его существование на первый взгляд не нуждается в силе» [7].

Несмотря на это, она утверждает: «... точно так же как при господстве других тотальных идеологий, контроль в патриархатном обществе был бы несовершенным и даже недейственным, если бы не опирался на силу, применяемую и в чрезвычайных ситуациях, и как неизменный инструмент устрашения» [8]. Такое насилие может быть установлено законом, но оно также и вы-

[6] *Миллетт К.* Сексуальная политика (главы из книги) // *Вопросы философии*, 1994, № 9, с. 156. — *От изд-ва.*

[7] *Там же*, с. 162.

[8] *Там же*,.

ражено прямо и часто принимает вид сексуального насилия, в частности изнасилования.

Господствующий в обществе взгляд на изнасилование таков, что это чрезвычайно редкое явление, совершаемое крошечным меньшинством ненормальных мужчин, это неудачный личный опыт, переживаемый небольшим числом женщин. Однако недавно феминистки подвергли сомнению это общепринятое мнение, отметив, что клинические тесты показывают, что насильники (за редким исключением) умственно «здоровы» и нормальны, а сексуальное насилие в общем и изнасилование в частности гораздо более распространены, чем считалось ранее. Они указали, что, вопреки популярной мифологии, большинство насильников были знакомы со своими жертвами. Феминистки помогли обратить внимание публики на масштабы сексуального надругательства над детьми и переопределили сексуальное насилие, включив сюда такие «мягкие» виды, как непристойные телефонные звонки и сексуальные домогательства на рабочих местах. Это значит, что изнасилование рассматривается не как абстрактный и изолированный случай, но как часть целой культуры, в которой угроза сексуального насилия довлеет над жизнью женщин. Недавно Кэтрин МакКиннон заявила, что 90% американских женщин в какой-то момент своей жизни претерпели сексуальное надругательство или приставания и что это является «действительно необузданной и систематической сексуальной агрессией одной половины населения против другой» (MacKinnon, 1989a, p. 332; см. также: Lederer, 1980).

Подобная агрессия, утверждают многие феминистки, связана скорее с властью, чем с сексом. Это проявление мужской ненависти и презрения к женщинам, а не неуправляемая похоть, а страх, который это вызывает у женщин, заставляет их подчиняться мужчинам, и тем самым создает контроль над ними. Это значит, что изнасилование есть *политический* акт и что, хотя, безусловно, не все мужчины в действительности насилуют, все мужчины получают выгоду от сексуального насилия, которое ограничивает жизнь женщин и заставляет их искать защиты у одного мужчины против всех остальных. Самое крайнее выражение этой точки зрения мы находим у Сьюзан Браунмиллер и Ялны Ханмер. Первая заявила, что изнасилование — это «ни больше ни меньше, чем сознательный процесс запугивания, посредством которого *все мужчины* удерживают *всех женщин* в состоянии страха» (Brownmiller, 1977, p. 15), а вторая говорит, что

Сьюзан Браунмиллер

«то, что многие мужья не избивают своих жен и многие мужчины не нападают на женщин на улицах ... доказывает не то, что избиение жен и другие виды насилия являются нерегулярной, несистематической практикой ... но просто то, что необязательно делать это, чтобы обеспечить привилегии вышестоящей группы» (Hanmer, 1978, p. 229).

Такой взгляд означает, что на самом деле можно ожидать только той политики, того отношения к изнасилованию, которые существуют и которые приводят в ярость феминисток. Потворство или равнодушие государства, миф о том, что жертвы «сами напрашиваются», и склонность относиться к этому как к шутке — все это рассматривается как свидетельство мужской заинтересованности в увековечении системы подавления, основанной на страхе.

Для многих краеугольным камнем этой системы является порнография. Утверждается, что существование и доступность порнографии с элементами насилия вызывают сексуальное насилие женщин, значит, «порнография — это теория, изнасилование — практика» (см.: Pornography and Sexual Violence: Evidence of the Links, 1983). Однако дело не в том, что мужчин просто подталкивают на повторение того, что они видят изображенным, а в том, что они становятся бесчувственными к актам насилия, а также в том, что ложь порнографии, будто женщины получают удовольствие от боли, унижения и подавления, демонстрируется, в то время как действительные реакции женщин замалчиваются. Таким образом, женщины также усваивают ложное представление о собственной сексуальности (Griffin, 1981; Dworkin, 1981, 1988). Аргументы феминисток в целом не направлены против открытого выражения сексуальности, как такового, но они против ассоциации этого выражения с насилием и подавлением (о различиях между эротикой и порнографией см.: Steinem, 1984; она утверждает, что эротика, содержащая взаимное удовольствие, приемлема, но порнография, основанная на силе, насилии и власти, недопустима). Доводы эти были распространены до возражений против любого изображения женщин как пассивных и сексуально доступных, когда заявлялось, что различие между «жесткой» и «мягкой» порнографией является ложным и скрывает тот факт, что наша [западная] культура насквозь пропитана порнографией.

Андреа Дворкин — одна из самых известных и наиболее решительных радикальных феминисток, выступающих против порнографии. Она считает порнографию и симптомом, и причиной мужской ненависти и презрения к женщинам, что приводило к систематическому надругательству над ними в течение веков, и что она влияет на поведение мужчин и их обращение с женщинами во всех сферах жизни, так что «в самой сердцевине процесса ста-

новления женственности находится порнография; это идеология, которая является источником всего остального» (Dworkin, 1983, p. 223)[9]. Андреа Дворкин и Кэтрин МакКиннон добились принятия местных муниципальных постановлений против порнографии в двух американских городах — Миннеаполисе и Индианаполисе. Эти постановления дают возможность каждой женщине начать юридические действия против тех, кто производит или распространяет порнографические материалы на различных основаниях, куда входят: нарушение их гражданских прав посредством унижения женщин как группы, вызывающее отношение к ним как к гражданам второго сорта. Однако другие феминистки возражали против таких попыток цензуры, заявляя, что эти меры приведут к нездоровой связи с «моральным большинством» правого направления, что их станут использовать против феминистских материалов, содержащих сексуальные темы, что они опасно увеличат власть государства и что из-за проблем с определениями и доказательствами эти документы просто не будут работать. Отчасти из-за давления со стороны феминистских групп, выступающих против цензуры, постановления Дворкин—МакКиннон были провозглашены Верховным судом антиконституционными (обсуждение привлекавшихся доводов см.: Tong, 1989, pp. 111—121; см. также: Chester, Dickey (eds), 1988).

Андреа Дворкин

Кэтрин МакКиннон

Радикальная феминистская теория сексуального насилия и порнографии является важным преимуществом по сравнению с более ранними подходами, так как она вскрывает как распространенность этих явлений, так и властные структуры, на которые они опираются и с которыми они связаны. Большинство феминисток, однако, не приняли бы идею, что все мужчины *сознательно* сговариваются или участвуют в сексуальном насилии, что подобное насилие биологически определено мужскими гормонами или что у мужчин нет мотивов для того, чтобы покончить с ним. Следовательно, перемен можно добиться непосредственными акциями, через законодательство, либо подрывая господствующую сексуальную ортодоксальность, что в результате может поставить вне закона многие существующие порядки. Такие попытки

[9] См. также: *Дворкин А.* Порнография: мужчины обладают женщинами // Гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, сс.6—17. — *От изд-ва.*

должны быть основаны на реалистичной оценке интересов и влияний, но не обязательно всегда вычеркивать возможность искренней поддержки со стороны мужчин или достижения перемен в мужском поведении.

Более пессимистичную и несколько иную теорию выдвинула Кэтрин МакКиннон (MacKinnon, 1983, 1989a). Она отрицает общепринятое феминистское мнение, что изнасилование есть скорее выражение насилия, чем сексуального желания, утверждая, что в патриархатном обществе невозможно отделить одно от другого. Гендерная идентичность и сексуальность как мужчин, так и женщин, говорит она, формируется в контексте господства и подчинения, и они становятся неразделимы. Поэтому сексуальное удовольствие женщин мазохистское, а мужская власть эротизирована. Она предполагает, что изначальным мужским мотивом для угнетения женщин может быть сексуальное удовлетворение, происходящее из желания подавления: «Отчасти мужской интерес в удержании женщин внизу состоит в том, что это поднимает мужчин» (MacKinnon, 1989, p. 335). В этом контексте порнография не просто формирует деспотические сексуальные потребности, она отражает их. Она приносит мужчинам то, что они хотят, а именно:

> «Женщины связанные, женщины избитые, женщины истязаемые, женщины униженные, женщины растоптанные и оскверненные, женщины убитые или — если быть справедливыми к «мягкой» порнографии — женщины сексуально доступные, отдающиеся, готовенькие, желающие, чтобы их взяли и использовали, в крайнем случае, на некрепкой, легкой привязи» (MacKinnon, 1989, pp. 326—327).

Хотя, говорит она, что нет «неделимой сущности» секса, который является социальным конструктом, трудно понять, как подобное всепроницающее угнетение может быть подорвано или как можно разорвать порочный круг подавления и мазохизма, раз уж они укоренились в самих душах каждого мужчины и каждой женщины. Это значит, что собственные выступления МакКиннон против порнографии трудно объяснить (отчего же она сама не подчиняется с удовольствием своему унижению?) и кажутся скорее деянием веры, чем реальной основой для значительных перемен, так как ее позиция оставляет мало места оптимизму.

Не обязательно принимать наиболее крайние радикальные феминистские заявления, чтобы понять, что сексуальное насилие и порнография могут быть важными аспектами патриархатной власти, и поверить, что женская сексуальность извращена либо ограничена. Однако считать это единственным или главным источником патриархата значит быть повинными в грубом упрощении, игнорирующем взаимодействия сексуальности с дру-

гими патриархатными структурами и системами подавления. Так, например, экономическая зависимость женщин от мужчин может быть как причиной, так и следствием их сексуального подчинения, а превращение порнографии в индустрию стоимостью в миллиарды долларов могло стать возможным лишь в патриархатном экономическом контексте. Эта теория также содержит чрезмерно обобщенную и внеисторическую точку зрения, которая затмевает перемены в природе патриархата и разницу в опыте женщин различных групп. Так, современная студентка, вынужденная заниматься «дозволенным» сексом, испытывает совершенно иное сексуальное угнетение, чем «респектабельная» женщина XIX в., сексуальность которой полностью отрицается, или чем рабыня, постоянно насилуемая своим владельцем. Аналогично, значимость всей сферы сексуальности и насилия может повышаться или снижаться по мере изменения патриархата: здесь Фергюссон утверждает, что недавний рост порнографии отражает «поворот от личного патриархата к общественному, который требует более коллективного, безличного мужского контроля над женским телом» (Ferguson, 1989, p. 115), а Уолби подобным образом полагает, что в современной сексуальной дозволенности присутствует повышение сексуальной зависимости от мужчин вообще, хотя снижается привязанность к какому-то одному мужчине (Walby, 1990, p. 124). Многим феминисткам, несомненно, также не нравится абсолютная враждебность к мужской сексуальности, сформулированная некоторыми радикальными феминистками, и отрицание того, что она может иногда выражаться в формах, благоприятных для женщин, в то время как лесбийский сепаратизм, очевидно, не предлагает политической программы либо долговременного решения для большинства женщин. В общем, сексуальность и мужское насилие, похоже, являются средствами патриархатного контроля, с которыми можно бороться непосредственно, но нельзя их изолировать от других областей женского опыта. Так, борьба в сфере законодательства, за экономическую независимость, организацию семейной жизни и репродуктивные права явно связаны с требованиями сексуальной самостоятельности и контроля над сексуальным насилием. Утверждение, что женщинам отказано в знании их собственной сексуальности и они не выработали необходимого языка для ее выражения, связано с доводами, обсуждаемыми в следующей главе, где анализируется утверждение, что знания и язык тоже являются сферами патриархатного контроля и подавления.

Глава 12. СОВРЕМЕННЫЙ РАДИКАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ: ЗНАНИЕ, ЯЗЫК И ПАТРИАРХАТ

«Язык, созданный мужчинами», и феминистские возражения

Для многих феминисток радикального толка основа угнетения женщин находится не в социальном устройстве или физическом подавлении, а в контролировании мужчинами культуры, религии, языка и знаний, что ограничивает способы мышления и становится причиной того, что патриархатные постулаты усваиваются не только мужчинами, но и женщинами. Как было показано в гл. 9, феминистки поставили под сомнение претензии философии и политической теории на полноту разума и универсальность, утверждая, что они базируются на мужской парадигме, которая игнорирует или обесценивает опыт и способы мышления женщин, так что «объективность» в действительности означает субъективное восприятие мужчин. Вся культурная и научная жизнь, следовательно, рассматривается некоторыми феминистками как политическая арена, где следует выявить мужские предубеждения и утвердить женское знание. Например, феминистская литературная критика вскрывает патриархатные допущения и властные установления, заложенные в литературных текстах, а феминистки-историки восстанавливают женскую историю и провозглашают право женщин на знание своего прошлого.

В одном случае такой подход наиболее ясно выражен Дэйл Спендер, которая утверждает, что женское знание и понимание собственного положения веками подавлялись, так что «каждые 50 лет женщины вынуждены были заново изобретать колесо» (Spender, 1983a, p. 13). В книге «Women of Ideas (and what men have done to them)» («Женщины идей (и что мужчины должны для них сделать)») она воспроизводит часть забытого исторического наследия феминистской мысли, утверждая, что открытия наших феминистских праматерей не только увлекательны, но и воодушевляют на новые поиски. В книге «For the Record» («Для записей») она представляет описание феминистских теорий, которые, считает она, должны быть спасены от «исчезновения». В другой книге — «Man-Made Language» («Язык, созданный мужчинами») — она заявляет, что мужской контроль осуществляется также на уровне используемого нами языка , потому что язык — это не нейтральное средство общения, он выстраивает наше мышление в соответствии с восприятиями мужчин и не включает женский опыт. Так, например, не существует слова для описания того, что делают «неработающие» матери, чьи обязанности, отнимающие время и энергию, исчезают, следовательно, из общественного сознания. Дальнейшие проблемы возникают из грамматических правил неко-

торых языков: «мужское иногда включает женское» и тогда такие слова, как «он» (he), «его» (his) и «человек» (man), могут подразумевать их женские эквиваленты. Такая языковая практика укрепляет мнение, что нормой является мужчина, а женщина — «необязательным дополнением». Эмпирическим доказательством того, что люди действительно «думают по-мужски», являются, например, такие выражения, как «economic man», хотя это, в принципе, может значить «economic people» [1].

В соответствии с этой теорией вовсе не удивительно, что Фридан смогла описать недовольство американских домохозяек как «проблему, у которой нет названия» (см. гл. 9 настоящего издания) [2], *обозначение* их положения становится первым жизненно важным шагом для феминисток, пытающихся понять и изменить это положение. Такие выражения, как «сексизм» или «сексуальные домогательства», не являются, следовательно, просто «феминистским сленгом», но содержат переопределение реальности с женской точки зрения. Например, многие женщины сегодня скажут, что им не нравится порнография, потому что она оскорбляет женщин. Двадцать лет назад такого языка не было, и казалось, что против порнографии можно было возражать только с позиции сексуального пуританства, поэтому большая часть реакций, которые вызывала порнография, оставалась непроговоренными.

Другие авторы далее развили идею о мужском знании и языке, создав альтернативные методологии и лингвистические структуры, которые, по их мнению, не привязаны к мужской логике и предоставлять женщинам возможность достичь более высокого и полного понимания мира. Андреа Дворкин в послесловии к своей первой книге «Woman Hating» («Женская ненависть») говорит, что она хотела, чтобы ее книга была напечатана только маленькими буквами, без заглавных, веря, что

> «для чтения текста, который нарушает стандартные нормы, приходится изменять умственные установки... разрешение писателям использовать форму для нарушения общепринятого могло бы способствовать развитию ими таких форм изложения, которые научили бы людей думать иначе: думать не о другом, но думать по-другому» (Dworkin, 1974, p. 202).

Ее издатель, однако, не был в этом убежден, и ей не разрешили поставить этот феминистский эксперимент. Робин Морган (Morgan) тоже пыталась экспериментировать с новыми формами: в книге «The Anatomy of

[1] Так вкратце обозначается модель человеческого поведения у экономистов, которые сводят все действия и устремления к материальной выгоде и расчету. — *Прим. перев.*

[2] *Фридан Б.* Загадка женственности. М., 1994, с. 55.

Freedom» («Анатомия свободы») она сочетает общепринятые академические доводы и грамматические формы с поэзией, личной перепиской, вымышленными диалогами и дискурсивными отступлениями. Избегая ловушек формальной логики и временами убегая на дикие берега фантазии, она претендует на создание открытого подхода, в котором несопоставимые элементы являются взаимно дополняющими частями многомерного целого.

Однако самой известной из таких феминисток-испытательниц новых форм является Мэри Дэли. В книгах «Beyond God the Father» («По ту сторону Бога Отца»), «Gyn/Ecology» («Гин/Экология») и «Pure Lust» («Чистая похоть») она разрабатывает новый язык и стиль письма и мышления, который, по ее мнению, способствует развитию нового женского сознания и культуры, которые далеки от мужчин и недоступным им: «Необходимо осознать тот фундаментальный факт, что мы, женщины, имели власть обозначать, но эта власть была у нас украдена» [3]. Поэтому женщины должны бороться против обманов языка и логики, «группового изнасилования не только тел, но и умов» (Daly, 1973, p. 9), а изобретая новые слова и формы, необходимо открывать новые способы бытия. Сюда входит перевертывание с ног на голову господствующих ценностей и драматическое утверждение власти Мегер, Гарпий, Фурий, Амазонок и Старых Дев, сопротивляющихся власти мужчин, летая выше и вне их понимания. Эйзенштейн назвала книгу «Gyn/Ecology» «необыкновенным синтезом поэзии, истории, философии, литературной критики и резкой обличительной речи (диатрибы)» (Eisenstein, 1984, p. 107), а сила, остроумие и творческая фантазия работ Дэли неопровержимы. Она опирается, однако, на сомнительные утверждения: что женщины абсолютно хороши, а мужчины абсолютно плохи; что энергию женщин необходимо направить на их работу над собой, а не на взаимодействие со структурами власти; что большинство женщин (особенно включая «успешных» феминисток) сотрудничают с существующим порядком и что только немногочисленная элита может позволить себе быть свободной либо заслуживает этого. Дэли поэтому обвиняли в отстаивании ухода от всякой политической борьбы в культуру «только для женщин», доступ в которую могли надеяться получить только немногие представительницы среднего класса. Утверждалось, что она, подобно другим рассмотренным ранее авторам, но в большей степени, желает чисто идеалистического решения, оставляющего без изменений материальные условия и основы власти, и принимает ложную дихотомию между мужской и женской культурами, дихотомию, игнорирующую ценности, разделяемые обоими полами, исторические изменения и различия между женщинами. Эти недо-

[3] Цит. по: *Гендерные исследования.* Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, с. 10.

статки нужно отделить от акцента на анализе языка и знания в качестве сферы политической борьбы. Это не значит, что данная сфера является наиболее важной исторической основой и источником патриархата, это просто признание того факта, что новые способы мышления должны стать важным оружием против угнетения женщин.

Постмодернизм и феминистская мысль

Доводы рассмотренных выше авторов опираются на относительно простую теорию, которую можно легко понять, даже если не соглашаться с ней. Критика феминистками философии и «языка, созданного мужчинами» совпали также с кризисом в «мужского (ведущего)» течения в философии. Предполагается, что параллельно с новыми разработками в лингвистике и в теории психоанализа, этот кризис стимулировал развитие радикально новых способов понимания, полезные феминисткам. Эти новые теории содержат множество взаимно пересекающихся направлений мысли, которые иногда крайне туманны для непосвященных и которые носят разнообразные названия: пост-структуралистская, дискурсивная, деконструкционистская, психоаналитическая, лингвистическая или «французская» теории. Все они, хотя и не составляют единого собрания идей, иногда обобщаются одним именем «постмодернизм» (обсуждение этого с феминистской точки зрения см.: Alcoff, 1988; Cameron, 1990; Duchen, 1986; Flax, 1986, 1990; Grosz, 1990; Lovibond, 1989; Nicholson, 1990; Ragland-Sullivan, 1991; Sawicki, 1991; Tong, 1989; Tress, 1988; Weedon, 1987.).

На первый взгляд кажется, что у постмодернизма много общего с некоторыми аспектами радикальной феминистской мысли. Он рассматривает «модернизм» как движение, начавшееся с прославления разума в эпоху Просвещения, и отвергает господствующую с тех пор в западной культуре идею о том, что в принципе все познаваемо посредством человеческого разума и что общество может быть устроено в соответствии с разумом, знанием и справедливостью. Как мы видели в данной книге, эти идеи Просвещения вдохновляли многие поколения феминисток и по сей день остаются главными для либерального феминизма. Однако концепция разума в целом подверглась критике со стороны современных радикальных феминисток (см. гл. 9 настоящего издания). Постмодернистки считают поиск определенности заблуждением, так как истина, по их мнению, может быть лишь условной, временной. Поэтому поиск единственной всеобъемлющей теории отвергается в принципе, как и сама возможность объективности. Стремление западной философии найти истину и определенность (квалифицируемые как логоцент-

ризм), не принимается и считается продуктом конкретной исторической эпохи, неуместным в постмодернистском обществе, все больше приобретающего фрагментарность, разнообразие и расплывчатость во всех сферах жизни. Существующие теории, в частности марксизм, претендующие на определенность и объективность, отвергаются как тоталитарные. Причем не принимаются не просто выводы этих теорий, но поиск ими истины как таковой.

Эта критическая позиция берет начало в новом развитии психоаналитической и лингвистической теориях, связанных, в частности, с именами Деррида, Фуко и Лакана. Эти мыслители (мужчины) утверждают, что реальность для каждого и каждой из нас различна, так как она опосредована языком и опытом. Не может быть безличного, объективного «взгляда Божественного ока», есть только конкретные индивидуальные субъективности. Язык здесь чрезвычайно важен, потому что он не только определяет, как мы видим мир, но и как мы существуем, кто мы есть. Однако значения слов не жестко закреплены, но постоянно меняются, и, следовательно, меняются также наша субъективность, или ощущение себя, и наше восприятие мира. В этом контексте, считает Фуко, дискуссии о значениях слов являются решающими в определении общественного сознания и связаны с фактически существующими властными структурами, так что «дискурсы» господствующих групп пользуются преимуществом, хотя маргинальные группы могут поставить их под сомнение и даже разрушить их. Эта точка зрения казалось бы хорошо вписывается в феминистскую концепцию, рассмотренную выше в этом разделе, и для части французского женского движения ключевой темой стала борьба за язык и за способы определения и артикуляции женского, что не могло быть сформулировано мужчинами. В соответствии с этой точкой зрения, мы не сможем избавиться от патриархата, если не станем думать как женщины. Таким образом, освобождение от угнетающего мышления становится наиважнейшей целью, а эксперименты с языком, речью и письмом — основной феминистской деятельностью.

Однако для таких мыслительниц, среди которых наиболее известны, вероятно, Юлия Кристева [4], Люси Иригарэ [5] и Хелен Сиксу [6], мужской контроль

---

[4] Из опубликованных на русском работ этих авторов нам известны: *Кристева Ю*. Силы ужаса. Эссе об отвращении // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 79—87. — *От изд-ва.*

[5] См. также: *Иригарэй Л*. Пол, который не единичен // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 64—70. — *От изд-ва.*

[6] См. также: *Сиксу Э*. Хохот Медузы // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 71—88. — *От изд-ва.*

над языком — это не просто вопрос значения слов, но центральный для всех его структур. Лакан заимствует теорию психоанализа об обретении гендерной идентичность, чтобы утверждать, что эта стадия наступает тогда, когда ребенок разрешает Эдипов комплекс и входит в «Символический порядок» языка, законов и социальных воздействий. Из-за того, что значение языка постоянно меняется, обретение субъективности и половой идентичности никогда не завершается и по-разному переживается каждой женщиной. Половая идентичность, следовательно, изначально неустойчива, изменчива, и сам термин «женщина» не является постоянной и единой категорией, а обозначает совокупность разных женщин. Несмотря на это, обретение гендерной идентичности для девочек и мальчиков своей различно, так как на основном уровне, за пределами человеческого сознания, Символический порядок вовлекает маскулинные структуры, которые никогда не смогут представить женственность, поскольку она находится вне «фаллического дискурса» и постоянно из него исключена, и поэтому не может быть артикулирована. Некоторые из французских феминисток приняли точку отсчета Лакана, но утверждают, что женственность *может* существовать сама по себе, бросая тем самым вызов мужскому порядку и стилю мышления (в этом контексте «женственность» не имеет отрицательного значения, обычно придаваемого этому слову в феминистской теории). Утверждается, в частности, что женское тело может выступать основой специфически женственных способов мышления, исключающих логические формы и бинарные оппозиции «фаллоцентрической» мысли. Эти способы мышления, основанным на женском опыте сексуального удовольствия (*jouissance*), поскольку считается, что, в отличие от мужчин, сексуальное удовольствие женщин рассеяно по всему телу и служит источником чистоты опыта и ощущений, которые не могут быть постигнуты в пределах мужского дискурса.

Юлия Кристева

Люси Иригарэ

Хелен Сиксу

«Французский феминизм», несомненно, не является единой концепцией и не ограничивается анализом, который его оппонентами был назван элитным, нетерпи-

мым и намеренно недоступным. Особенный гнев других феминистских групп вызвало решение группы «Псих э По» («Psych et Po — Psychoanalyse et Politique» («Психоанализ и Политика»), которая в одно время объединяла Кристеву, Иригарэ и Сиксу, зарегистрировать исключительно для своего пользования логотип MLF (Mouvement de Liberation des Femmes — Женское освободительное движение; см.: Duchen, 1986). Между этими авторами также существуют сложные и глубокие разногласия по поводу того, существуют ли условия и источник энергии до стадии Эдипа, к которым мы можем вернуться через *jouissance*, есть ли истинная женственность, основанная на биологии, и только ли.женщины могут в принципе выражать себя «женственными» способами. Несмотря на это, их объединяет убеждение в необходимости исследовать отношения между языком, сексуальностью и властью и выработать «нефаллогоцентрические» способы мышления, объединяясь в «том, что кажется общим желанием думать не бинарно, не оппозиционно, а так, как это могло быть до того, как Адаму была дана власть давать имена животным» (Tong, p. 233).

Возникает немало проблем в связи с работами этих исследовательниц. Прежде всего, иногда их выводы основаны не только на биологическом, но и на сексуальном редукционизме. Они игнорируют социальный контекст и игнорируют тот факт, что мы ощущаем свое тело и несексуальным путем. Сомнительны их утверждения о неизбежно ограниченном характере мужской сексуальности. Их позиция также не учитывает причин, по которым другие социальные группы также могут находиться в невыгодном положении из-за неиспользования собственного языка. Существуют трудности при интерпретации их выводов с целью осуществить какие-либо последовательные политические действия. Подразумевается, что феминистская активность должна быть критической или литературной, но не непосредственно политической; более того, ими часто отвергается и любой другой вид взаимодействия с существующими мужскими структурами в пользу развития сепаратистского женственного дискурса. Возможно, более серьезен делаемый ими постмодернистский акцент на субъективности, который может свести все рассуждения на уровень индивида, так что потеряется любая возможность коллективных политических действий либо понимания того, что есть общего у женщин. И действительно, некоторые авторы отказались от терминов «женщина», «мужчина» и «феминистка» как от вводящих в заблуждение ярлыков, закрепляющих и скрывающих непостоянные, разнообразные реальности, на анализ которых эти авторы и претендуют. Другие критики заявляют, что отказ постмодернизма задавать «большие» вопросы о характере или целесообразности общественного устройства (на той основе, что не существует объективных ответов) политически удобен тем, кто уже получил преимущества в период «модернистского проекта» («project of modernity»), а теперь исключает из

обсуждения все дальнейшие вопросы «прав» и «справедливости». Так, Ловибонд спрашивает:

«Если не может быть систематического политического подхода к вопросам богатства, власти и труда, как может существовать сколько-нибудь действенная угроза общественному порядку, систематически неравномерно распределяющему выгоды и нагрузки между полами?» (Lovibond, 1989, p. 22).

Для этих критиков постмодернизм является, по сути, консервативной теорией, превращающей феминизм из разрушительного общественного движения в самосозерцательную элитную деятельность, которая, отвергая возможность массовых преобразований, дискредитирует все движения за социальные перемены. Это значит, что постмодернизм, используя его собственные термины, сам по себе может быть дискурсом власти, навязывая конкретное мировоззрение под маской отрицания всего (подобно критянину, говорившему: «Все критяне — лжецы», он, похоже, настаивает на истинности утверждения, что «истины не существует»).

Постмодернизм в лучшем своем проявлении может показать, как язык и субъективность социально сконструированы, тем самым не открывая возможность перемен, а подчеркивая конкретность и пристрастность любого опыта, он может предостеречь феминисток против выводов обо всех женщинах, в действительности сформулированных на основе опыта белых западных женщин среднего класса (Nicholson, 1990). Постмодернизм также дает возможность бросить вызов законности мужской точки зрения и вскрыть ложность их претензий на объективность и всеобщность; он также может показать, как посредством дискурса выстроена власть, как работает угнетение и где возможно сопротивление. Подобный подход Крис Уидон отстаивает в своей замечательной книге «Feminist Practice and Poststructuralist Theory» («Феминистская практика и постструктуралистская теория»), где она утверждает:

«Понимание того, как в конкретном обществе в определенный момент мобилизуются дискурсы биологического полового различия, представляет собой первую стадию вмешательства, которое положит начало переменам»,

и заключает:

«Это — концептуальная схема, которую можно приложить ко всем видам общественной и политической деятельности. Пытаясь сделать подобную концептуальную схему доступной для других, я надеюсь, что они возьмут ее и используют в борьбе за перемены» (Weedon, 1987, pp. 87, 175).

Однако, в худшем случае, постмодернизм представляет собой уснащенную жаргонными выражениями риторику угнетения, которая, отрицая обоснованность таких понятий, как «права», «справедливость» и «разум», при-

ходит к абсолютному релятивизму, неспособному провести различие между свободой и рабством и, следовательно, отрицающему законность попыток феминисток изменить общество.

Поэтому представляется, что, несмотря на важность осознания анализа языка и знания как формы борьбы, феминистки должны подходить к этому с величайшей осторожностью. Они должны избегать соблазна идеалистического знания, доступного лишь «посвященным», оторванного от повседневной жизни и недоступного большинству женщин, а также быть осторожны, полностью отвергая концепции рассудка и справедливости. Важно выработать новые феминистские теории, которые бы рассматривали женщин в качестве отправного пункта и не оставались бы в ловушке структур мужского дискурса. Тем не менее, предостерегает Уидон, «мы не можем позволить себе совсем отбросить разум в интересах патриархата. Разум, как и опыт, требует и деконструкции, и реконструкции в интересах феминизма» (Weedon, 1987, p. 10).

Ясно, что радикальный феминизм представляет фундаментальную угрозу традиционной политической теории в целом. Ее не только переписывают заново, поставив во главу угла женщин и их угнетение, но переопределяют саму природу политики, так как разграничение общественное/частное объявляется недействительным и утверждается, что власть присутствует в самых интимных личных отношениях. Хотя эта основная точка зрения объединяет идеи, содержащиеся в работах более ранних феминисток, радикальный феминизм — новая теория, и многие ее открытия скорее находятся в зачаточном состоянии, чем разработаны до конца. Следовательно, хотя эта теория предлагает новые захватывающие возможности, к ее предложениям следует относиться с осторожностью. В частности, очень важно избегать упрощенных объяснений, которые объясняют угнетение женщин одной причиной либо слишком охотно обобщают условия всех женщин во всех обществах во все исторические эпохи. Необходимо осознавать взаимозависимость всех патриархатных структур. В терминах феминистской политики это значит, что различные виды действий можно рассматривать как взаимно дополняющие, а не альтернативные, так как изменения в одной структуре могут как определять изменения в другой, так и сами ими определяться. Для того чтобы эти действия были эффективными, они должны опираться на реалистичную оценку власти, что позволяет анализировать структуры патриархата не как повсеместно угнетающие, а как множество арен борьбы, на которых могут существовать разные возможности и могут быть завоеваны разные преимущества. Также необходимо исследо-

вать отношения патриархата с другими формами неравенства. В борьбе женщин есть, безусловно, собственная динамика: женщин с мужчинами разделяют гендерные интересы, но одновременно их могут объединять расовые или классовые связи.

Если развитие радикального феминизма пойдет таким путем, вероятно, он может быть синтезирован с некоторыми другими подходами для выработки более сложной,чем прежде, теории. Подобная теория могла бы, по-прежнему, ставить женщин в центр анализа, но при этом исследовала бы взаимоотношения между классовым, расовым угнетением и угнетением по признаку пола, и не отвергала бы полностью либеральные и гуманистические ценности. Она осознала бы повсеместность мужской власти и заинтересованность мужчин в сохранении существующего устройства, но, отличая структуры угнетения от его носителей, она рассматривала бы мужчин не только как противников, но и как потенциальных союзников. Для этого нужно было бы посмотреть на мужчин как на личностей, движимых иными, чем власть, ценностями, на таких, существование которых в XIX в. подтвердили Томпсон и Милль. Такие мужчины могли найти удовольствие в равном партнерстве, а не в подавлении и при случае даже могли бы согласиться порассуждать о «правах» и «справедливости». Для радикальных сепаратисток подобные предположения — анафема. Различия и конфликты между женщинами и мужчинами для них не социальные конструкции, но биологически обусловленные. А в качестве таковых, по их мнению, они являются постоянными характеристиками человеческого общества, и самое большее, на что могут надеяться женщины, это создать собственное пространство внутри патриархатного общества. Такая позиция представляет тупик для политической теории и действий, однако, хотя она явно происходит из основных принципов радикального феминизма, это не единственный путь, по которому может пойти развитие феминизма. Идеи, которые обсуждались в предыдущих главах, охватывают чрезвычайно широкую область и не указывают на легкие решения. Однако они могут предоставить точку отсчета для теории, которая была бы более полной, чем прежде, и рефлексировала бы собственные неизбежные ограничения.

Глава 13. СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИСТСКИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФЕМИНИЗМ

Основным тезисом всех течений марксистского и социалистического феминизма является убеждение, что положение женщин нельзя рассматривать в отрыве от социально-экономического контекста и что любое значимое улучшение в жизни женщин требует изменения этого контекста. Как было показано в предыдущих главах, этот подход был сформулирован, по крайней мере, уже в начале XIX в., а идеи социалистического феминизма могут прослеживаться во все периоды. Однако идеи прежних авторов были утрачены историей и обнаруживаются вновь только в наше время. К этому основному положению марксизм добавляет мысль о том, что общество не может измениться лишь в результате призывов к разуму и справедливости и что необходима коллективная классовая борьба, которая может быть успешной только на определенной стадии экономического и общественного развития. Из этого следует, что угнетение женщин обусловлено исторически и что оно может прекратиться только в результате социалистической революции, которая сама по себе есть продукт конкретной исторической ситуации. В интерпретации более поздних марксистов, таких, как Энгельс, Бебель и Цеткин, эта идея практически была сведена к вульгарному экономическому детерминизму; и, хотя Александра Коллонтай пыталась проделать более радикальный и сложный анализ, ее взгляды также вскоре были забыты.

После 20-х годов так называемые коммунистические общества не внесли значимый вклад в дискуссию, но, скорее, предпочитали следовать официальной советской доктрине о том, что «женский вопрос» является продуктом капиталистического общества и, следовательно, уже разрешен. И хотя начиная с 60-х годов было признано, что еще остались проблемы, касающиеся женщин, а советские социологи приводили документальные доказательства о высоких нагрузках, переносимых женщинами, сочетавшими оплаченный труд и домашние обязанности, эти проблемы толковались как «неантагонистические противоречия», разрешаемые в рамках существующей социально-экономической системы и не требующие коренных структурных изменений. Позже, в эпоху «гласности» и «перестройки» женские проблемы вновь были включены в политическую повестку дня в Советском Союзе. Однако классический марксистский постулат о том, что для освобождения женщин необходимы материальная независимость и полное участие в экономике, все более отвергался в пользу возрожденной идеи о значимости традиционной роли женщины в семье (здесь циники могут отметить, что такое подчеркива-

ние роли семейного очага, с одной стороны, обеспечивало потенциальный стабилизирующий фактор в быстро меняющемся обществе, а с другой — позволяло частично разделаться с безработицей, неизбежно возникающей в результате экономической реструктуризации). В отличие от позиции классического марксизма утверждалось, что двойная нагрузка женщин не может быть снята посредством коллективного ведения хозяйства и ухода за детьми, нужно действовать через расширение возможностей частичной занятости и гибкий рабочий график. Разделение труда между полами не подвергалось критике, и официальная советская пропаганда теперь сосредоточилась на естественных различиях, а не на социальном равенстве мужчин и женщин, и утверждала, что для пользы всего общества и самих женщин надо предоставить возможность реализовать себя в традиционных ролях матери, жены и домохозяйки (Buckley, 1989; Rosenberg, 1989; Waters, 1989). Хотя некоторые советские социологи говорили, что феминистки должны пересмотреть марксистские концепции и использовать их в своих подходах (Воронина, 1988) [1], большая часть теоретиков Восточного блока демонстрировали отказ не только от радикальных идей Александры Коллонтай, но и от любых вариаций марксистского или социалистического подхода к положению женщин. Этот отход от марксизма был завершен крушением коммунизма во всей Восточной Европе и распадом Советского Союза. Поэтому попытки развития в области социалистической феминистской теории после Второй мировой войны следует искать именно на Западе.

Явная непроработанность феминистских идей социалистического и марксистского толка объясняется тем, что левые активисты конца 60-х годов были совершенно не готовы к критике со стороны радикальных феминисток, обвинявших политические действия феминисток социалистического и марксистского толка в сексизме и заявлявших, что их теории — это патриархатная идеология, служащая для того, чтобы скрывать реальность угнетения женщин. Некоторые поначалу высмеивали феминизм или утверждали, что он является всего лишь буржуазным отклонением, разобщающим рабочих и отвлекающим их от классовой борьбы. Другие пытались настойчиво игнорировать феминизм, очевидно, считая, что он каким-то образом «рассосется». Тем не менее в последние двадцать—двадцать пять лет наблюдалось немало серьезных попыток реагировать на феминистские идеи и разработать социалистические и марксистские подходы, в которых положение женщин ставится во главу угла.

[1] *Воронина О. А.* Женщина в «мужском обществе» // *Социологические исследования,* 1988, № 2. — *Прим. ред.*

При обсуждении этих теорий нередко возникает путаница из-за целого ряда различных определений, относящихся к терминам «феминистка-марксистка» и «феминистка-социалистка». Некоторые авторы используют оба термина как взаимозаменяемые и относят к ним всех, кто считает, что социалистические и феминистские цели взаимосвязаны. Другие используют эти термины более корректно для того, чтобы определить разницу между марксистками и теми левыми феминистками, которые *не используют* марксистскую теорию в своих подходах (например, социалистка утопического направления Шарлотта Перкинс Гилман (Gilman) или некоторые феминистки Лейбористской партии Великобритании). Термин «феминистка-социалистка», однако, используется и для того, чтобы охарактеризовать современные попытки синтезировать идеи феминисток марксистского и радикального толка с целью создания новой теории, сочетающей в себе лучшее из обоих направлений (Jaggar, 1983). В этой работе я использую понятие «феминистка-марксистка» весьма вольно, относя его ко всем феминистским теориям, использующим марксистский анализ, даже если они были переработаны радикальными феминистками. Термин «феминистка-социалистка» я использую как расширенное понятие, включающее всех феминисток, которые считают, что освобождение женщин требует социалистической трансформации социально-экономической системы, как таковой, он включает в себя марксистский феминизм, но не ограничивается им. На практике граница между марксистскими и немарксистскими социалистическими феминистками нередко бывает размытой, и среди представительниц, которые занимались теоретическими вопросами, наблюдалась тенденция отхода от строгих марксистских позиций, поскольку стали более очевидными трудности в формировании «счастливого брака» между марксизмом и феминизмом. Соответственно, в этой главе я не основываюсь на какой-либо жесткой классификации. Основная задача состоит в том, чтобы проследить развитие теории от самых «ортодоксальных» марксистских подходов до тех, которые отстаивают большую гибкость как в теории, так и на практике и которые рассматривают гендер и — в последнее время все чаще, — расу как ключевые категории, которые невозможно с легкостью объяснить в рамках классового анализа.

Марксистская теория и феминизм

Такое развитие идей не просто отражает влияние феминизма на марксистские догмы, но также связано с изменениями в самой теории марксизма. В течение XX в. марксизм в основном рассматривался как ригидная теория экономического детерминизма, но начиная с 60-х годов идеи «новых левых»,

заново открытые труды молодого Маркса и его концепции отчуждения дали возможность более свободной интерпретации, которая порой более близка к либеральному гуманитаризму, нежели к сталинистской догме. Идеи итальянского марксиста Грамши, писавшего в период между двумя войнами, были разработаны такими авторами, как Альтюссер и Пулантзас, отстаивавшими важность идеологической и политической борьбы и ее относительной автономии от экономических факторов. В то же время наблюдался постепенный отход от концепции, ставящей во главу угла классовую теорию, к более плюралистичному подходу, который может служить ориентиром для других форм борьбы (критику подобной «ревизии» марксизма см.: Wood, 1986). Эти тенденции были усилены, с одной стороны, крушением марксистской ортодоксальной идеологии в Восточной Европе, а с другой — при помощи все более модной постмодернистской критики марксистской теории как таковой, критики, которая отрицает любую идею определенности или простой причинности и, наоборот, акцентирует комплексность, многообразие и фрагментарность (см. гл. 12 настоящего издания). Имели место также и попытки синтеза марксизма с положениями психоанализа (самые известные у Вильгельма Райха — в 30-х гг. и у Герберта Маркузе — в 60-х гг.), которые распространили марксистские идеи за пределы экономики и подчеркивали значение сексуальности и функции бессознательного в понимании общества и социальных изменений. Таким образом, на сегодняшний день мы имеем простор для разнообразных подходов в рамках марксистской традиции, причем новые возможности во многом более, чем прежде, открыты для анализа феминистских проблем. Однако опасность заключается в том, что некритичное принятие теоретических ревизий марксизма может привести к утрате интеллектуальной четкости и ясности первоначальной теории или к излишнему упрощению и непониманию сложных марксистских понятий. Поэтому необходимо осознавать важность исходных методологических посылок марксистской теории, и выделять те из них, которые могут внести вклад в концепцию феминизма, и те, которые, наоборот, могут лишь ее ограничивать.

Кэтрин МакКиннон в своей часто цитируемой статье утверждала, что, хотя и феминизм, и марксизм посвящены анализу властных отношений, первый базируется на понимании сексуальности и ее эксплуатации, тогда как второй делает акцент на сфере труда:

«Сексуальность для феминизма то же самое, что труд для марксизма, то есть то, что пока чаще всего является собственностью, и именно то, что чаще всего отнимают». Таким образом, она считает, что эти две теории настолько различны в изначальных посылках, что их совмещение кажется проблематичным, а попытки синте-

зировать их «не принимают во внимание глубину их антагонизма или же самостоятельную цельность каждой из теорий» (MacKinnon, 1983, pp. 227, 228, 236).

Однако ее убежденность в том, что женская идентичность и угнетение могут быть сведены к сексуальности, вызывает большие сомнения и определенно не принимается всеми радикальными феминистками. Более того, далеко не ясно, почему она считает, что выделение и анализ двух видов властных структур в результате должны привести к возникновению двух противоречащих, а не взаимодополняющих теорий. Далее она заявляет, что эти теории несовместимы, поскольку феминистская методология и знание основаны на женском жизненном опыте и отсюда возникают новые, иные взаимоотношения между мышлением и реальной жизнью, когда посредством «пробуждения сознания» (см. гл. 10 настоящего издания) отрицается различие между субъектом знающим и познающим, и «женщины усваивают совместную реальность условий, в которых находятся женщины, — изнутри, а не извне» (MacKinnon, 1983, p. 268). Однако Маркс также утверждал, что революционная теория не может быть создана на основе абстрактных рассуждений или внешних наблюдений, но является результатом только конкретной практики, которую она осмысляет и отражает. Действительно, Харсток считала, что феминистки посредством метода «пробуждения сознания» заново изобрели изначальный марксистский метод, который утверждает, что теория основывается на опыте и интегрирует в себе личную и политическую трансформацию и что и то и другое являются частью одного процесса революционного действия (Harstock, 1979).

Следовательно, можно предположить, что на этом этапе нет обоснованных причин, почему марксизм должен противоречить основным феминистским постулатам. Однако для тех, кто придерживается идеи абсолютной первичности классовых или половых различий, проблемы неизбежны. Поэтому здесь необходимо отделить неспособность самого Маркса развить свои идеи применительно к женщинам от более широкого понимания того, какое развитие они могли иметь. В особенности важно помнить, что, несмотря на недостаточное развитие своего постулата, Маркс и Энгельс все же говорили о том, что воспроизводство, как и производство, является частью материальной базы общества. В «Немецкой идеологии» они писали: «... производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения» [1], и Энгельс утверждал, что

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 3, с. 28.

«общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи» [2].

Из этого следует, что между двумя этими сферами, в принципе, возможно взаимодействие, а не односторонние причинные отношения. Значит, патриархат также обладает материальной базой, не зависящей от классового угнетения, имеющей корни в воспроизводстве и семье, а не в условиях производительного труда. Это положение обеспечивает марксистскую теорию концептуальным инструментом, позволяющим анализировать конфликт между мужчинами и женщинами, не считая при этом, что этот концепт вторичен в сравнении с экономическим и классовым расслоением. Здесь привлекаются сложные аргументы, которые будут рассмотрены ниже. Однако некоторые авторы считают необходимым сначала попытаться расширить экономические положения Маркса и использовать их для анализа конкретного положения женщин. Этот анализ в основном концентрируется на так называемых «дискуссиях о домашнем труде» и на идее, в соответствии с которой женщины рассматриваются как «резервная армия занятости».

Дискуссии о домашнем труде

На первый взгляд дискуссии о домашнем труде, большая часть которых проходила на страницах британского журнала «Нью лефт ревью» («Новое левое обозрение») в 70-е гг., могут показаться образцом докучности и непонятности современной марксистской теории, поскольку включали мелочные терминологические разногласия, интересующие только марксистских сектантов и были далеки от реальных проблем и интересов женщин. Однако, как утверждает Вогел, эти дискуссии не являются просто «заумными упражнениями в марксистском педантизме» (Vogel, 1983, p. 21), но попытками сделать видимым домашний женский труд и, исследуя его взаимосвязь с капиталистической экономикой, утвердить его стратегическую значимость и возможные способы использования его для социалистических изменений (для обзора и анализа дискуссии см.: Foreman, 1978; Coole, 1988; Vogel, 1983; Burton, 1985).

С позиций классического марксизма, в процессе развития капитализма женщины и дети постепенно должны были вовлекаться в рынок оплачиваемого труда, что, в свою очередь, должно было повлечь и усиление эксплуатации за счет понижения ценности мужской рабочей силы, поскольку отпада-

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 21, с. 57.

ла необходимость оплачивать ему как содержание семьи, так и его самого. Маркс никогда не исследовал ни возможность обратимости этого процесса и распространения «семейных выплат», ни экономической значимости домашнего не оплачиваемого труда, который продолжал выполняться женщинами независимо от их участия в оплачиваемом труде. Участники дискуссий о домашнем труде были согласны как в том, что эти упущения были серьезным ограничением для усвоения марксистской теории, так и в том, что эти идеи должны получить свое развитие с целью заполнить существующие пробелы. Однако имелись и разногласия по поводу того, рассматривать ли домашний женский труд как докапиталистическую форму производства, стоящую вне денежной экономики, является ли он основополагающим для воспроизводства рабочей силы при капитализме и можно ли считать, что он имеет меновую стоимость в чисто марксистском понимании (в виде рабочей силы взрослого мужчины, продаваемой, как любой предмет потребления на рынке, когда его одежда аккуратно выглажена, а бутерброды положены в карман). Эти разногласия нельзя считать «чисто академическими», поскольку значение домашнего труда при капитализме имеет отношение к виду политического протеста, к которому могут прибегнуть женщины. Таким образом, некоторые авторы заявляют, что, поскольку домашний труд имеет цену, так же как и любые другие формы производительного труда, то роль домашней хозяйки не менее важна стратегически, как и роль фабричного рабочего, а дом, как таковой, может рассматриваться как пространство антикапиталистической борьбы, так как «женщина — рабыня оплачиваемого раба, а ее рабство обеспечивает рабство ее мужа» (James (цит. по: Malos, 1980, p. 178); см. также: Dalla Costa, 1973). Исходя из этого, женщины не должны выходить на рынок оплачиваемого труда, как говорится в ранних марксистских трудах, но должны требовать, чтобы домашний труд был оплачен. Международная кампания «Оплата домашнего труда» подвергалась серьезной критике за предполагаемое непонимание марксистских понятий, за то, что домашний труд закреплялся за женщинами как их обязанность, и за нереалистичность самого требования. Однако оппоненты этой кампании доказывают, что она отвечает насущным потребностям женщин из среды рабочего класса, которые не могут освободиться от работы, доступной им на рынке труда, и что требование оплаты домашнего труда капиталистическим государством, с одной стороны, демонстрирует его значение как части классовой борьбы, с другой — подвергает сомнению тот факт, что домашний труд является естественным атрибутом женщин. Большинство авторов не идут так далеко, но с развитием дискуссии участники пришли к общему мнению, что

домашний женский труд не просто является личной услугой конкретному мужчине, но, что он служит интересам капиталистической экономики, воспроизводя и сохраняя рабочую силу наиболее дешевым и эффективным способом, из чего, в свою очередь следует, что мужское превосходство в семье не просто факт индивидуального патриархатного угнетения, но что оно включено в экономические структуры.

Таким образом, эти дискуссии показали, что не оплачиваемая работа, исполняемая женщинами в доме, связана с экономикой в широком смысле и объяснили, что семья в условиях капитализма продолжает выполнять важную экономическую, а также идеологическую и психологическую функцию, которая должна приниматься во внимание при выработке любых стратегий социального изменения. В результате вместо изначального предположения о том, что домашний труд не является проблемой, заслуживающей внимания, которая будет разрешена автоматически «после революции», был поставлен принципиальный вопрос о реальном экономическом положении женщин. В этих дискуссиях тем не менее не был поставлен вопрос о том, почему домашний труд выполняется преимущественно *женщинами*, и не исследованы ранее существовавшие структуры или же патриархатные установки, которые создали существующую систему разделения труда. Таким образом, любое предположение о том, что мужчинам, так же как и капитализму, выгодно такое положение вещей, так и не было сформулировано. Подобным же образом не были осмыслены межклассовые различия в положении женщин и не была рассмотрена динамическая взаимосвязь между гендерными различиями и капиталистической экономикой, в которой потребность в домашнем обслуживании вступает в конфликт с потребностью в женском оплачиваемом труде, последствия которой определяются не просто абстрактными «капиталистическими потребностями», но и тем, как организованная система занятости выступает в защиту «семейного заработка» мужчин, и в которой возрастают феминистские требования увеличения мужского участия в домашнем труде. Другие сложности возникают в связи с тем, что акцент на вопросе о домашнем труде исключил непосредственно связанную с ним и, возможно, более важную проблему ухода за детьми. Неверным было и предположение о том, что экономическое самоопределение женщины базируется преимущественно на ее роли домашней хозяйки, а не оплачиваемого работника. Важнейшим недостатком, возможно, является то, что дискуссии имели тенденцию привести к новой форме экономического детерминизма, доказывая, что, поскольку существующее положение вещей выгодно капитализму и обусловлено им, оно не может быть изменено в его условиях. В действительнос-

ти, несмотря на то, что это может быть дороже и менее удобно, в принципе, не существует причин, по которым домашняя работа *не может быть* разделена на равных с мужчинами или же предоставляться на коммерческой основе либо за счет государства. Безусловно, на этом пути могут возникнуть серьезные политические трудности, поскольку семья определенно исполняет важные психологические и идеологические функции, и, возможно, капитализм будет серьезно дестабилизирован в результате таких изменений. Впрочем, эти аргументы следует отделить от чисто экономического анализа для того, чтобы увидеть, что значение домашнего труда нельзя трактовать только в экономической терминологии. Как заключила Молиньо в своем обзоре этой дискуссии в 1979 г., обсуждаемые темы, безусловно, важны, но должны пониматься в более широком контексте, поскольку «ни понимание подчиненного положения женщин, ни политика по устранению его не могут возникнуть только из анализа домашнего труда» (Molyneux, 1979, p. 22).

Женщины и рынок труда

Для некоторых авторов значение женского домашнего труда определяется не тем, каким образом он интегрирует семью в капитализм, а скорее тем, как он структурирует отношение женщин к денежной экономике. Это значит, что вопреки предсказанию Энгельса, что занятость женщин вне дома положит конец их угнетению, женщины вступают на рынок труда в статусе подчинения, что отражается и усиливается условиями их труда. Здесь используются сложные аргументы, и временами они переходят из одного уровня трактовки в другой. Главная стартовая позиция заключается в том, что предполагаемая зависимость женщин от мужчин-добытчиков приводит к тому, что их зарплаты гораздо ниже в сравнении с зарплатами мужчин, поскольку работодателям нет необходимости выплачивать им полную стоимость воспроизводства их собственной рабочей силы или же воспроизводства следующего поколения. В свою очередь, заниженная оплата труда закрепляет как их экономическую зависимость в браке, так и экономическую потребность в замужестве. Эта зависимость также означает, что женщин можно сделать безработными гораздо легче, чем мужчин во время экономического спада. Отсюда и берет начало употребляемое некоторыми авторами понятие «резервной армии труда», которое Маркс считал основополагающим для анализа экономического положения женщин в условиях капиталистической экономики. В соответствии с его теорией потребность капитализма в рабочей силе колеблется в соответствии с циклами экономических подъемов и спадов. Следовательно, необходимо наличие группы работников, которую можно рассмат-

ривать как маргинальную для экономики, от которой можно избавляться во время экономического спада. И хотя он не указывал конкретно, какая социальная группа выступает в качестве этой «резервной армии», некоторые марксистские феминистки считают, что это понятие особенно точно характеризует занятость женщин. Однако, несмотря на интуитивную привлекательность этой идеи, она не до конца обосновывается эмпирическими доказательствами. В частности, относительная дешевизна женского труда порождает противоположную тенденцию предпочтения женского труда мужскому и реальная ситуация показывает, что женщины реже, чем мужчины, оказываются занятыми в тех сферах, которые особенно уязвимы в периоды экономических спадов (в основном фабричное производство). Кроме того, во многих государствах обеспечение хотя бы минимальных социальных гарантий, создало условия для существования мужской безработицы.

Вполне очевидно, однако, что домашние обязанности женщин снижают их возможности на рынке труда. На деле это означает, что их труд скорее, чем мужской, обозначается как «неквалифицированный» и, соответственно, низко оплачивается и имеет низкий статус. Маркс считал, что с развитием капитализма работодатели будут стремиться упрощать производственные процессы и заменять квалифицированных работников неквалифицированными и что вступление женщин и детей на рынок труда являлось отражением этого процесса. Однако Филипс и Тейлор настойчиво возражали, что понятие «квалификация» не только не объективно и не нейтрально, но зачастую является идеологической категорией, обусловленной борьбой мужчин за сохранение доминирующего положения в иерархии полов и что мужчины нередко успешно сопротивлялись процессам «дисквалификации» и переадресовывали ее женщинам. Исходя из этого, женщинам платят меньше не просто потому, что они не имеют достаточной квалификации, но потому, что мужчины-рабочие смогли защитить свои интересы за счет женщин. Они преуспели в этом потому, что в соответствии с доминирующими установками любая работа, исполняемая женщинами, оценивается более низко, нежели мужская. Это означает, что между рабочими — мужчинами и женщинами — существует конфликт и необходимо обратиться к деятельности мужчин, особенно в организованном профсоюзном движении, чтобы увидеть и понять, почему условия труда и зарплата женщин хуже, чем у мужчин.

Отсюда не следует, что борьба между полами всегда носит открытый характер, что смысл ее ясен и не вызывает сомнений, поскольку доминирующие гендерные идеологии могут точно так же быть приняты женщинами, как и работодателями и работниками-мужчинами. Эти идеологии, вероятно, мо-

гут усваиваться на самом глубинном эмоциональном и психологическом уровне, так что идентичность женщин и их понимание самореализации связаны прежде всего с семьей и личной жизнью, а не с оплачиваемым трудом, и они, поэтому, склонны предпочитать такие формы занятости, как неполный рабочий день, не требующий серьезной ответственности и временных затрат. Более того, по мнению Хампфрис, в определенные периоды требование предоставления «семейной зарплаты» или законодательного обеспечения пособий могут рассматриваться как часть общей классовой борьбы за улучшение уровня жизни рабочего класса, а не как стремление усилить доминирующее положение мужчин (Humphries, 1982). Тем не менее, положение в профессиональной иерархии всегда отражало борьбу между мужчинами и женщинами, равно как и между трудом и капиталом, так что потребность капитализма в маргинальной или резервной армии дешевых, послушных, неквалифицированных работников всегда реализовывалась в специфически гендерной системе.

Идея о том, что гендерные проблемы могут в определенной степени существовать независимо от классовых проблем, была исследована Мишель Барретт, которая испытала на себе сильное влияние идей французского марксиста Луи Альтюссера об «относительной автономии» идеологии. В этой теории утверждается, что, вопреки традиционной марксистской интерпретации, идеи не просто определяются экономическими отношениями, но могут обладать и определенной независимостью. В контексте политической деятельности и ее результатов это означает, что «борьба идей» является важной сама по себе и что социальные установления могут быть как следствием, так и причиной доминирующей идеологии. В своем труде «Women's Oppression Today» («Угнетение женщин сегодня», 1980) Барретт использует эту теорию применительно к положению женщин и утверждает, что угнетение женщин не может быть сведено к потребностям капиталистической экономики, но является еще и продуктом специфической гендерной идеологии. Сама по себе она может быть весьма полезной капитализму, но определенно не является его порождением. Возражая тем своим критикам, которые считали, что это угнетение должно иметь материальную базу и что оно берет основу в биологическом воспроизводстве и необходимости для женщин организовывать свою трудовую занятость в зависимости от ухода за детьми, она утверждает, что биологические «факты» на практике всегда опосредованы социальными (так, например, в XIX в. уровень рождаемости в Америке снизился вдвое, а в Британии — нет) (Brenner and Ramas, 1984; Barrett, 1984; Lewis, 1985). Она утверждает, что невыгодное положение женщин в сфере оплачиваемого труда

вовсе не являлось неизбежным, но явилось результатом конкретной борьбы, включая отстаивание мужчинами из среды рабочего класса протекционистского законодательства и семейных зарплат. Остается, однако, открытым вопрос, откуда изначально возникла гендерная идеология. Хотя Маркс мог бы согласиться с Барретт в том, что идеология не возникает механически из экономики, однако он не считал доминирующие в обществе идеи автономными, но скорее рассматривал их как отражение реальных социальных отношений, пусть даже в искаженной форме. Барретт иногда, похоже, согласна с ним, но она никогда по-настоящему не исследовала докапиталистические предпосылки, которые могли стать источником той самой гендерной идеологии, которая воспринимается как ничем не объясняемая данность. Она, однако, считает, что отношения подавления настолько присущи капиталистической экономике, что стали практически неотделимыми от нее, и, значит,

> «угнетение женщин хотя и не является функциональной предпосылкой капитализма, но приобрело материальную базу в отношениях производства и воспроизводства сегодняшнего капитализма» (Barrett, 1988, p. 249).

Две системы или одна?
«Двойственная система» *versus* «капиталистического патриархата»

Для некоторых авторов взаимодействие классового и гендерного неравенств означает, что в истории существует две динамические силы, которые должны, следовательно, пониматься в контексте как классовой, так и гендерной борьбы. Эта гипотеза использовалась многими современными теоретиками социалистического феминизма, пытавшимися сблизить идеи марксизма с новыми открытиями радикальной феминистской мысли. Хайди Хартманн, в частности, утверждала, что современное общество должно рассматриваться как капиталистическое и патриархатное одновременно. И хотя эти социальные системы оказались неразрывно связанными друг с другом, ни одна из этих «двойственных систем» не может быть сведена к другой, и хотя они временами взаимно усиливают друг друга, они же могут вступать и в конфликт между собой (ярчайшим примером служит потребность капитализма в женской рабочей силе и противоречащее ей патриархатное требование обеспечения индивидуального обслуживания в семье). Она говорит о том, что марксистская философия упускает тот факт, что мужчины, так же как и капитализм, выигрывают от существующего положения вещей, и утверждает, что, поскольку «их уровень жизни выше, чем у женщин, в смысле потребления предметов роскоши, свободного времени и индивидуального обслуживания», мужчины всех классов имеют хотя бы кратковременный материальный инте-

рес в поддержании женского угнетения, что предшествовало капитализму и может существовать и после него (Hartmann, 1986, p. 9). Энн Фергюссон также утверждала, что существуют полуавтономные системы патриархата и что, поскольку традиционная марксистская теория неспособна полностью распознать угнетение женщин, необходимо развивать новые концепции, основывающиеся на радикальном феминизме. Она заявляет, что, помимо экономического способа производства, общество основано и на «эффективном с точки зрения взаимоотношений полов производстве». Этим несколько неуклюжим термином она характеризует социальные связи, физические и эмоциональные взаимодействия, возникающие в таких сферах, как сексуальность, родительство, семья и дружба, и она считает, что «организационные формы, которые общество формирует для удовлетворения материальных потребностей человека в этих социальных связях, становятся столь же важными для понимания этих сообществ, как и их экономические системы» (Fergusson, 1989, p. 83). Соответственно, как и Хартманн, она утверждает, что история патриархата должна быть изучена отдельно и что эта система не сводима к концепции экономического развития, как считают традиционные марксисты. Она, в частности, полагает, что современное американское общество нужно рассматривать как общественный и капиталистический патриархат, но противоречия между капиталистическими и патриархатными интересами создают возможность для внутреннего раскола, что соответствует как социалистическим, так и феминистским целям.

Другие авторы отказались от этой теории «двойственной системы» и утверждают: то, что мы сейчас имеем, есть общая система капиталистического патриархата. По мнению Янг, патриархат основывается на мужском контроле над женским трудом, который сам по себе является частью производственного процесса. Она полагает, что необходима такая трансформация марксистского понимания производства и класса, чтобы последние анализировались вместе с гендерным разделением труда. С этих позиций анализ гендерных отношений для марксистов не является неким дополнительным элементом, но становится основополагающим для определения любой экономической системы, то есть базисом для всего общества (Young, 1986). Джаггар также говорит о том, что патриархат и капитализм неразделимы, но ее аргумент отличается тем, что ключом к пониманию угнетения женщин является расширение марксистской трактовки экономических основ общества с включением в нее воспроизводства наравне с производством. Из этого следует, что сексуальность и условия воспроизводства могут рассматриваться как часть экономического базиса, а не как его производное, хотя она согла-

шается с тем, что природа этой взаимосвязи пока не ясна (Jaggar, 1983).

В книге «Marxism and the Oppression of Women» («Марксизм и угнетение женщин», 1983 г.) Лиз Вогел развивает сходный аргумент, но в более «ортодоксальном» ключе. Она использует не до конца прописанную позицию Маркса, согласно которой сохранение и воспроизводство рабочего класса являются насущными потребностями капитализма, с тем чтобы доказать, что материальная база угнетения женщин лежит в *общественном воспроизводстве*, то есть в воспроизводстве условий производства, включающем поставку рабочей силы. Хотя, в принципе, рабочая сила может обновляться за счет иммиграции, она, разумеется, обычно осуществляется через поколенческое воспроизводство, и именно в этом, по утверждению Вогел, — основа угнетения женщин в классовом обществе. Очевидно, что биологическая функция вынашивания детей обусловливает базисное разделение труда и означает, что экономическая отдача женщины в период репродуктивной активности временно снижается. Здесь заключается противоречие для правящего класса, поскольку его интерес в извлечении максимальной пользы из женского труда противоречит потребности эффективной замены поколений рабочей силы. Для решения этой проблемы правящий класс успешно использует исконно существовавшие отношения родства для институциализации системы поддержки менее производительных женщин более производительными мужчинами, поскольку, несмотря на то, что исторически условия воспроизводства и формы семьи варьировались,

«практически во всех случаях они подразумевали большую ответственность мужчин за обеспечение материальных средств существования, большую ответственность женщин за выполнение рутинной домашней работы и в институциализированных формах мужского превосходства над женщинами» (*Vogel*. Marxism, p. 149).

Другими словами, в классовом обществе женская биологическая функция вынашивания детей практически всегда влечет за собой экономическую зависимость от мужчин, так же как и усугубление разделения труда, по причине диспропорционально высокой ответственности женщин за домашний труд, необходимый для поддержания рабочей силы, и ответственности мужчин за производство прибавочной стоимости. При капитализме увеличивается разрыв между домом и работой, а система оплачиваемого труда формализует различия между домашним и производственным трудом и экономическую зависимость женщин от мужчин. Однако в социалистическом обществе, где производство существует для потребления, а не для прибыли, исчезнет экономическая необходимость в извлечении прибавочной стоимости из женского труда, уход за детьми и домашний труд будут обобществлены и

биологическое разделение труда не будет больше означать экономическую зависимость. Все это означает, что

«именно в различии ролей в воспроизводстве рабочей силы коренится угнетение женщин... обеспечение мужчинами средств существования во время вынашивания детей женщинами, а не разделение труда само по себе формирует материальную базу для подчинения женщин в классовом обществе» (*Vogel*. Marxism, pp. 145, 147).

Важно осознавать, что Вогел не просто говорит о том, что мужчины могут эксплуатировать женщин, потому что они нянчат младенцев, но что их подчинение разрешает экономическую проблему правящего класса, который нуждается в воспроизводстве рабочей силы. Она, таким образом, доказывает, что, вопреки классической марксистской теории, женщины подвержены специфической форме угнетения по признаку пола и что марксистские понятия могут быть использованы для того, чтобы это понять. Однако, используя аргумент о том, что это угнетение разрешает противоречия внутри самого капитализма, она избегает анализа автономной системы патриархата, интересы которого, возможно, противоречат интересам капитализма; да, пролетарские женщины угнетены как женщины, говорит она, но не мужчинами-пролетариями, а капиталистической системой.

Хотя знание и понимание ею марксизма значительно глубже, чем у многих последующих марксистских феминисток, подход Вогел к теме порождает несоответствия на разных уровнях. Во-первых, она не пытается обосновать свои утверждения какими-либо отсылками к антропологическим доказательствам или анализом докапиталистических обществ. Таким образом, вся аргументация о том, что разделение труда по признаку пола является угнетением только в классовом обществе, остается всего лишь теоретическим изысканием, уязвимым для споров на эмпирическом уровне. Во-вторых, используемая ею концепция социального воспроизводства ограничена рамками классических марксистских установок и упускает из виду исследования о сексуальности или прогресс в контрацептивных знаниях и репродуктивных технологиях. В этой трактовке ответственность женщин за социальное воспроизводство рассматривается как нечто постоянное и не анализируются изменения в материальных условиях репродукции и основанных на ней общественных отношениях. Возможность того, что новые репродуктивные технологии могут радикально изменить роль женщины в рождении детей, вообще не рассматривается.

В-третьих, как указывала ранее Хартманн (Hartmann, 1986), любая попытка свести объяснение угнетения женщин только к интересам классового

общества приводит к тому, что игнорируется тот факт, что оно может быть выгодно мужчинам вообще и к непониманию того, что даже мужчины-рабочие и социалисты могут быть заинтересованы в сохранении гендерного неравенства. Так, например, Вогел отмечает, что «существующие социалистические общества ... не смогли по сути разрешить проблему домашнего труда и подчинения женщин» (Marxism, p. 174), даже не рассматривая возможность того, что эта «неспособность» является на деле *нежеланием*, обоснованным продолжающимся доминированием мужчин во всех сферах. Точно так же она констатирует, что при переходе к социалистическому обществу обобществление домашнего труда будет сочетаться с участием в нем мужчин и игнорирует возможность несогласия со стороны мужчин. И, наконец, ее неспособность разглядеть общую мужскую заинтересованность в доминировании приводит к тому, что она не видит других форм угнетения, обозначенных радикальными феминистками, и ничего не говорит о мужской агрессии, сексуальной эксплуатации или о контроле над языком и знанием (Янг, которая, как мы видели, тоже не соглашается с идеей «двойственных систем», упоминает сексуальные домогательства и порнографию, но настаивает на том, что их можно толковать с позиций иерархических отношений и стремления к прибыли, которые присущи капиталистической экономике (см. Young, 1986). Подобные теоретические просчеты имеют далеко идущие последствия для феминистской политики, так как отказ от признания того, что интересы женщин-представительниц рабочего класса могут не только быть общими, но и расходиться с интересами мужчин, лишает женщин базиса для создания автономных женских организаций или возможности распознавать сексизм и маргинализацию женщин. В результате также снижается значимость феминистской борьбы, возникает фаталистическая вера в то, что, поскольку подчинение женщин служит нуждам капитализма, никакие значимые улучшения в их положении не могут быть достигнуты, пока он не свергнут.

Это значит, что определение западного общества как «капиталистического патриархата» не просто предлагает нам броское название, описывающее систему, в которой сложным образом сосуществуют две системы доминирования. Скорее, здесь подразумевается некая форма экономического детерминизма, который, даже в расширенном виде, включая в себя «воспроизводство условий производства», игнорирует важные сферы жизни женщин и отрицает тот факт, что материальная база патриархата, относимая к воспроизводству, может сама по себе подвергаться изменениям, а иногда, обладая собственной динамикой развития, она может представлять собой арену борьбы, в которой интересы женщин противоположны интересам мужчин.

Семья, идеология и «структуры угнетения» Митчелл

Вид «ортодоксального» марксизма, рассмотренный выше, не только оказался неспособным воспринимать основные проблемы, поднятые радикальными феминистками, но и стал все больше выпадать из контекста современной марксистской мысли, которая, как было сказано в начале этой главы, становится все более открытой к исследованию внеэкономических факторов. Некоторые марксистские феминистки, таким образом, пытаются отойти от чисто экономического анализа угнетения женщин, пытаясь создать философию, которая включает в себя те области жизни, которые традиционно считались «частными» и внеполитическими, хотя и допускает определенную их автономию.

Первооткрывательницей этой идеи, оказавшей большое влияние на последующих авторов, стала Джулиет Митчелл, чья книга «Women, The Longest Revolution» («Женщины, самая долгая революция», впервые опубликованная в 1966 г.) была названа «поистине первым текстом о британском женском освободительном движении» (Wilson, 1980, p. 196). В этой книге, а также в других: «Woman's Estate» («Женское сословие», 1971) и «Psychoanalysis and Feminism» («Психоанализ и феминизм», 1974) она стремится «задавать феминистские вопросы, но пытается найти некоторые марксистские ответы» (Estate, p. 99) и доказывает, что, хотя ранние марксисты были правы, придавая определяющее значение взаимосвязи женщин и производства, их анализ остановился на полпути и упустил из виду критическую значимость тех способов, благодаря которым поддерживается подчинение женщин в семье. Говоря конкретнее, она выделила четыре структуры, влияющие на положение женщин: в дополнение к структуре производства, традиционно рассматриваемой марксистской теорией, феминистки должны исследовать структуры, заложенные в семье — воспроизводство, сексуальность и социализацию детей. Отсюда она переходит к анализу тех способов, с помощью которых женщинами усваивается их подчиненная позиция и конструируется система видимого согласия, что, в свою очередь, приводит к необходимости исследования функции бессознательного и того, какими путями формируется идентичность взрослого человека в обществе.

В работе Митчелл присутствуют два ключевых аспекта. Во-первых, под влиянием Альтюссера она отстаивает относительную автономию и вместе с тем взаимосвязанность этих четырех структур, а также важность идеологии в понимании функционирования общества; во-вторых, предпринятое ею углубленное изучение психоаналитической теории побудило ее к реабилита-

ции Фрейда и утверждению того факт, что, несмотря на неверные толкования и критику со стороны феминисток, его идеи могут быть использованы в феминистской теории. В этом смысле ее взгляды совпадают с критикой семейных отношений, сексуальности и мужского контроля над познанием у радикальных феминисток, хотя она и пытается исходить из предпосылок, основанных на теории развития производства. Она заявляет, что ее ожидания и предсказания будущего основаны на анализе настоящей ситуации, в которой экономические условия играют фундаментальную роль, но в которой ключевое значение имеют также политическая и идеологическая борьба. Таким образом, она избегает того самого грубого редукционизма, к которому тяготеет марксистская теория. Ее аналитический подход приводит также к утверждению необходимости автономии женских организаций; она настаивает, что, как угнетенная социальная группа, женщины должны сами бороться за свое освобождение и что без феминистской борьбы не может произойти автоматическое исчезновение патриархата.

Что касается более поздних теорий «двойственных систем», рассмотренных выше, остается неясным, как именно взаимодействуют между собой четыре структуры, обозначенные Митчелл, и возникает опасность, что ее теория может привести к созданию искусственного разделения между экономической и идеологической борьбой, поскольку «марксизм являет собой теорию классовой борьбы, а психоанализ — теорию, анализирующую патриархат» (Wilson, 1980, p. 199; см. также: Foreman, 1978). Сходная проблема возникает из подхода Барретт и Макинтош, которые в своей работе «The Anti-Social Family» («Антисоциальная семья», 1982) утверждают, что основное значение семьи в современном капиталистическом обществе носит скорее идеологический, а не экономический характер, и, подобно Роберту Оуэну в начале XIX в., они утверждают, что

> «семья заключает в себе принципы эгоизма, изолированности и стремления к частным интересам и идет вразрез с альтруизмом, общностью и стремлением к интересам коллективным» (Barrett and MacIntosh, 1982, p. 47).

Семья, по их мнению, является одновременно продуктом эгоистического, индивидуалистского общества и тех идеологических средств, которые используются для ее поддержания. Такая идеология должна подвергаться феминистской критике, но, поскольку она предлагает удовлетворение реальных потребностей в любви и близости, что не может быть реализовано в других жизненных сферах, серьезные изменения возможны только посредством трансформации экономических отношений в обществе. Такая постановка вопроса, похоже, противопоставляет феминистскую идеологическую борь-

бу экономической борьбе классов, когда успешность первой полностью зависит от второй.

Подобного разделения, однако, можно избежать, если дополнить подобные рассуждения идеей о том, что социальное воспроизводство (включающее в себя воспроизводство и физическое поддержание рабочей силы) должно рассматриваться как часть экономического базиса общества. Согласно этой точке зрения, идеология является отражением материальных условий как в семье, так и в производственной жизни, а изменения в структуре семьи сами по себе представляют форму материальных изменений, которые не сводятся просто к потребностям капиталистической экономики. Например, изменения в сексуальном поведении могут быть результатом как расширения знаний и доступности контрацептивов, так и распространения СПИДа. Отсюда следует, что попытки изменить структуру семьи могут сами по себе породить конкретную экономическую, а также политическую и идеологическую борьбу, а такие успехи, как увеличение участия мужчин в воспитании детей, следовательно, представляют собой реальные изменения в условиях социального воспроизводства, которые могут иметь независимое влияние на производство (например, снижая привлекательность сверхурочной работы). Таким образом, хотя семья может сама играть важную идеологическую роль в обеспечении в нужном направлении социализированной и мотивированной рабочей силы, она не может быть сведена только к этой функции. Точно так же предоставление контрацептивов на рабочих местах как часть процесса производства не должна затенять тот факт, что это может играть идеологическую роль, усиливая не только иерархичность производственных отношений, но и сексистское отношение к женщинам (например, развешанные в офисе портреты моделей).

Отчуждение и социальное воспроизводство

В некоторые современных феминистских теориях предполагается, что сложные взаимоотношения между семьей и рыночной экономикой могут быть исследованы с помощью марксистской концепции отчуждения. Как было показано выше в гл. 3, эта концепция играла важную роль в ранних работах Маркса и означала критику условий труда при капитализме с гуманистической позиции. Было показано, что стремление к прибыли и разделение труда привели к тому, что труд стал отчужденным видом деятельности, контроль над которым рабочими был утрачен, и перестал быть выражением человеческого творчества. Как Форман, так и Джаггар расширили эту идею, говоря, что у женщин отчуждение происходит не только в сфере оплачиваемого тру-

да, но также в семье и частной жизни. Здесь подразумевается утрата контроля над воспроизводством и сексуальностью и обеспечение эмоциональной поддержки мужчинам в таких формах, которые не включают потребности самих женщин. Это означает, что, в то время как для мужчины семья является одной сферой жизни, где удовлетворяются его человеческие потребности,

> «для женщин здесь нет облегчения. Поскольку эти интимные отношения одновременно формируют структуру ее угнетения ... тогда как отчуждение превращает мужчину в рабочий инструмент в производстве, оно превращает женщину в инструмент его сексуального удовольствия в семье» (Foreman, 1978, pp. 102, 151).

С этой точки зрения личные отношения женщин не могут пониматься как свободно избранная форма выражения собственных желаний, но как навязанные им отношения. Это отчуждение, однако, не проявляется, поскольку отношения в семье не определяются деньгами, а господствующая идеология не признает, что они основаны на чем-либо, кроме любви. Мужчины выигрывают и эмоционально, и сексуально, и экономически от такого скрытого отчуждения, следовательно, они будут всячески сопротивляться любым попыткам коммерциализировать услуги женщин, поскольку это будет означать финальную стадию отчуждения и окончательное отрицание их личности. Однако эта стадия будет прогрессом, поскольку Маркс не оценивал отчуждение как отрицательное явление, но понимал его как необходимый этап человеческой эволюции, предпосылку для абсолютного осознанного контроля и самореализации человека, его господства над природой. Форман и Джаггар утверждают, следовательно, что отчуждение женщин обусловлено исторической спецификой и не является неизменным аспектом гендерных отношений. Будучи таковым, оно является результатом экономической зависимости женщин и обеднения человеческих взаимоотношений при капитализме. Современные знания в области физиологии и репродуктивных технологий используются для манипулирования женщинами, но в будущем они могут быть применены для их освобождения. Таким образом, впервые в человеческой истории воспроизводство и сексуальная активность могут реализоваться на основе свободного выбора.

Если, как было сказано ранее, мы рассматриваем воспроизводство и сексуальность как часть материального базиса общества, подобное «частное» отчуждение и преодоление его должны иметь столь же фундаментальное значение, как и в производстве. Причем в отличие от религиозного и политического отчуждения, также выделенных Марксом, воспроизводство и сексуальность не являются только отражением базиса. Из этого следует, что сферы жизни, традиционно игнорируемые политическими теориями, могут на са-

мом деле быть интегрированными в марксистскую историческую теорию, если прибегнуть к одной из первоначальных концепций Маркса о том, что

> «моделирование образцов отношений мужчин и женщин есть жизненно важный элемент для завершения марксистской теории о человеческом сознании. Изменение их определяет, насколько человеческие существа выражают себя спонтанно, как в примитивном обществе, или же на уровне реальности, исключенной из сознательного мышления, как в капиталистическом обществе; или же мужчины и женщины способны выражать себя осознанно во всех видах отношений, как это предполагается в будущем коммунистическом обществе» (Foreman, 1978, p. 110).

Важный аспект теории, впрочем, до сих пор не исследованный современными феминистками, заключается в том, каким образом Маркс увязывал концепцию отчуждения с критикой разделения труда в обществе. Он говорил, что при капитализме специализация принимает такие крайние формы, что умения утрачиваются и труд становится скорее отрицанием, нежели выражением человеческого творчества. Однако в будущем коммунистическом обществе позитивное использование технологий, направленное на удовлетворение человеческих потребностей, позволит либо уничтожить, либо значительно снизить разделение труда, что позволит индивиду пользоваться беспрецедентной возможностью выбирать и менять различные виды деятельности. В отличие от сегодняшней жалкой, обедненной личности трудящийся завтрашнего дня сможет использовать весь свой потенциал продуктивного труда, который станет средством самореализации, а не деградации. В отличие от ранних утопических социалистов Маркс никогда не применял эти идеи к разделению труда по признаку пола. Именно это, однако, и представляет центральную идею многих феминистских трудов, где говорится о том, что женщинам должна быть дана возможность выполнять «мужскую» работу, а мужчины должны развивать способности поддержки и заботы о ближних через участие в производственной жизни и воспитании детей. Эти изменения являются необходимым условием не только для достижения гендерного равенства, но и как самоцель. На первый взгляд, такие рассуждения выглядят как логическое продолжение идей самого Маркса; в том же ключе видятся и радикальные феминистские требования об освобождении сексуальности от гендерных стереотипов и противопоставлений, что означает отказ от предписанных гендерных ролей, так как Маркс видел своей целью становление полноценной личности, свободной в выборе самовыражения всеми возможными способами. Марксистский подход, однако, не просто означает констатацию этих потребностей, но включает их в исторический контекст, утверждая, что реализация их возможна только на определенной ста-

дии человеческого развития. Отсюда также следует, что феминистские требования не могут быть изолированы от других социальных изменений, но являются частью более общего социального движения. Другими словами, прекращение отчуждения женщин не может быть достигнуто само по себе, как это, возможно, видится с либеральных или радикальных позиций, поскольку оно непосредственно зависит от борьбы за прекращение отчуждения во всех его формах.

Современный марксизм, постмодернизм и расовые различия

Все вышесказанное вполне укладывается в более общие тенденции в современной марксистской философии, которая, по всей видимости, отходит от позиций экономического детерминизма и классовых противоречий в узком понимании и стремится как к плюралистическим толкованиям политической и идеологической борьбы, так и к более независимому, в отличие от прежних ортодоксальных установок, толкованию социальной базы общества и социального воспроизводства. Некоторые авторы утверждают, что последние теоретические открытия сами по себе являются отражением изменений в технологической базе и в классовой структуре развитого капиталистического общества, в котором прежнее экономическое социальное деление стало более фрагментарным, и социалистическая борьба должна восприниматься в контекстах множественных форм борьбы и областей сопротивления, а не однозначного классового противостояния. В этом новом контексте раса и гендер становятся самостоятельными и значимыми сферами борьбы, а центральное значение приобретают сражения за идеологическое господство и контроль (особенно ясный анализ данного подхода см. в кн.: Hall and Jaques (eds.) New Times, 1989).

Временами этот подход пересекается с теориями «постмодернизма», который, как говорилось в предыдущей главе, целиком подвергает критике концепцию достоверности и объективности человеческого мышления и ставит своей целью показать, как власть конструируется через язык и познание. Постмодернизм также подвергает сомнению правомерность таких категорий, как «рабочий класс», отрицая существование стабильных и познаваемых классовых интересов, и утверждает, что такие грубые определения скрывают вариативность и разнообразие человеческого опыта и субъективности. В этом смысле он диаметрально противоположен большинству традиционных интерпретаций марксизма, но прекрасно сочетается с некоторыми идеями новых «ревизионистов». Эти идеи поэтому были с готовностью восприняты некоторыми бывшими социалистическими феминистками. Так, Барретт недавно отмежевалась

от своей прежней позиции, заявив в новом вступлении к «Women's Oppression Today», что попытка построить марксистский феминистский анализ в целом провалилась и что «аргументы, используемые постмодернизмом, являют собой, по моему мнению, ключевые положения, вокруг которых, вероятно, будет развиваться феминистская теория в будущем» (Barrett, 1988, p. xxiv).

Доведенная до крайности позиция постмодернизма может вылиться в релятивизм и индивидуалистский редукционизм, что влечет за собой отказ от любых коллективных действий и парализует политическую волю. Тем не менее он также может предложить здравое предостережение от упрощенных определений и причинных связей. В особенности, как считает Баррет, он может в принципе помочь избежать зарождающегося расизма, присущего большей части феминистских работ, где все женщины трактуются как субъекты одних и тех же процессов и разнообразный опыт самых разных групп не принимается во внимание.

Как мы уже видели в предыдущих главах, феминистки всегда были уязвимы перед обвинениями в том, что их интересы и предпочтения отражают потребности белых женщин среднего класса, а феминистки-социалистки были склонны основывать свои теории на базе развитых индустриальных обществ и игнорировать точку зрения небелых женщин. Однако некоторые авторы начинают признавать собственную ограниченность. Так, например, Баррет и Макинтош соглашаются с тем, что в своих исследованиях семьи они не приняли во внимание весьма отличающиеся структуры и отношения, обнаруженные в сообществах афро-карибского и азиатского происхождения, проживающих в Британии (Barrett and MacIntosh, 1985). Однако критики не считают, что этих «признаний» достаточно. Проблема заключается не просто в признании, что существуют различия, но в том, чтобы пойти дальше и проанализировать изначальную установку, что белые женщины считаются нормой, а опыт черных женщин, цветных женщин или женщин третьего мира — посторонней «проблемой» или «дополнительным элементом». Эта позиция не только обесценивает и отодвигает на задний план опыт «других», но нередко приводит к снисходительному отношению и упрощенным обобщениям либо к созданию типовых образов всех небелых женщин. Одновременно игнорируется «боль, страсть и сила расизма, простирающегося гораздо дальше, чем все, что могли бы представить себе Баррет и Макинтош» (Ramazanoglu, 1986, p. 84), а также то, насколько белые феминистки не только участвуют в поддержании расизма, но и выигрывают от него, являющегося, в свою очередь, для многих женщин главенствующим опытом их жизни (отличную дискуссию, соединяющую множество различных точек зрения см. в кн.: Bulbeck, 1988).

Многие авторы видят решение проблемы в создании и развитии специфического феминистского подхода, основанного на опыте черных женщин и ставящего расизм во главу угла. Это может вылиться в сепаратистское черное или черное женское движение, поскольку

«точно так же, как женщины не могут доверить мужчинам собственное «освобождение», черные женщины не могут доверять белым свое «освобождение» в процессе или «после революции»; отчасти потому, что имеется мало оснований считать, что они знают как, а отчасти потому, что непосредственные интересы белых женщин базируются на поддержании расового угнетения» (Joseph, 1986, pp. 104—105).

Проблема остается, однако, неразрешенной, поскольку, так же как определение «мужчина» маргинализирует женщин, а определение «женщина» маргинализирует небелых женщин, таким же образом определение «черные женщины» (или «цветные женщины», или «афроамериканские женщины» или «женщины третьего мира») может маргинализировать некоторые другие группы и игнорировать огромные экономические и культурные различия и расхождения среди тех, кто подпадает под эти определения. Из поля зрения также исчезает и классовое деление, и расизм, который может существовать внутри и между «черными» группами, или условия, при которых черные американские женщины выигрывают от американского империализма.

Постмодернистский подход может, таким образом, быть полезен, напоминая нам о многообразии этих опытов и о субъективности, неизбежно присущей этим категориям. Тем не менее феминистский проект в целом утверждает, что категория «женщина» имеет большое значение и критическое осмысление проблем, связанных с употреблением таких терминов, как «белые женщины» или «черные женщины», отнюдь не обесценивает использование самих определений или основанных на них политических действий. В этом смысле марксизм может указать на историческую специфику положения различных групп женщин и указать, почему расизм, как и сексизм, не просто являются проблемой индивидуального порока или несправедливости, но производным конкретной исторической ситуации, лежащей в основе общественного устройства. На глобальном уровне это означает, что различия между женщинами не могут рассматриваться вне контекста колониализма, империализма и националистической борьбы за независимость. В ситуации афроамериканских женщин ключевое значение определенно играет наследие рабства, как экономическое, так и психологическое. Из этих рассуждений вытекает, что расизм имеет свои корни в колониализме и империализме и, подобно сексизму, дает определенные преимущества капитализму, посколь-

ку служит разобщению рабочего класса и создает маргинализированную рабочую силу. Следовательно, он не может быть уничтожен только призывами к справедливости или индивидуальными желаниями и «правильным» политическим сознанием, но непосредственно связан с экономическими и политическими структурами общества. Тем не менее также совершенно ясно, что расизм сегодня нельзя свести к потребностям капитализма, поскольку он укоренился в нашем языке и проник в психологию как черных, так и белых. И здесь, похоже, «открытая» марксистская интерпретация, допускающая определенный уровень независимости от политической и идеологической борьбы, оказывается более употребимой, чем та, которая предполагает узкий экономический детерминизм и абсолютное главенство классовой борьбы.

Анжела Дэвис

В контексте политической активности такой анализ привел многих феминисток к выводу о том, что не только вопросы класса, пола и расы изначально связаны между собой, но и что подход с позиций черных феминисток является наиболее радикальным, так как «необходимость реагировать на все формы угнетения является одним из критериев черной феминистской теории» (King, 1988, p. 43). Анжела Дэвис считала, что, в то время как белые феминистки склонны выигрывать только ради самих себя, положение черных женщин, находящихся на самом дне общества, означает, что их успех приведет к подрыву всех существующих структур власти, следовательно, «движение вперед цветных женщин практически всегда инициирует прогрессивные изменения для всех женщин» (Davis, 1990, p. 31) [3]. С этой точки зрения радикальная феминистская идея *сестринства*, утверждающая, что угнетению подвержены все женщины, открывает путь к *солидарности*, основанной на понимании, что разные виды борьбы всех женщин связаны между собой, но не являются одним и тем же (Hooks, 1984). Такая позиция означает попытку избежать политически стерильных дискуссий на тему, что же именно — половое, классовое или расовое угнетение — являются «самым сильным», сохраняя при этом марксистское понимание, что все они имеют базис в материальном устройстве общества.

Социалистические феминистские стратегии

В Америке либеральный и радикальный феминизм имел гораздо боль-

[3] См. также: *Дэвис А.* Расизм и миф о черном насильнике // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 190—217. — *От изд-ва.*

шее влияние, чем любая форма марксистского социалистического феминизма. В Европе, где социалистические партии и профсоюзы были гораздо сильнее, именно этот вариант феминизма оказался в большей мере включенным в общий политический контекст, и, хотя в нем по-прежнему доминируют «социалисты-интеллектуалы» среднего класса, исключенность из него представительниц рабочей среды гораздо менее выражена, чем в Америке, хотя маргинализация или исключение черных женщин по-прежнему сохраняется. С начала 70-х гг. рассуждения левых о зарождающейся революции в развитых индустриальных странах постепенно сошли на нет и сменились более прагматичным подходом, при котором предпочтение оказывалось реформе системы изнутри и коалициям «прогрессивных» групп, а не «революционному свержению капитализма» и классовой борьбе. Эти перемены нашли отражение в социалистических феминистских стратегиях. Таким образом, первоочередной задачей феминисток-социалисток в Британии стала критика сексизма в профсоюзах и левых партиях, кампании в поддержку лейбористской партии на выборах и организованные действия вокруг конкретных требований, относящихся к классовым, гендерным, расовым, локальным или экологическим проблемам, поскольку считалось, что эти проблемы взаимосвязаны и борьба за их решение может иметь совокупное влияние на все общество. Эта позиция резюмирована в широко обсуждавшейся книге «Beyond the Fragments» («За фрагментами», 1979), которая пронизана оптимизмом, сильно пошатнувшимся после десяти лет консервативного правления. В ней три ведущих социалистических феминистских автора и активистки Хилари Уэнрайт, Шила Роуботтам и Линн Сигал (H. Wainwright, S. Rowbottham, L. Segal) пытались переформулировать социалистический проект, с одной стороны, подвергнув критике элитарность, сексизм и иерархичность существующих левых организаций, с другой — отстаивая новые общественные организации, в которых они видели надежду на формирование более демократичного и массового движения против всех форм угнетения. Они также утверждали, в частности, что феминистская критика всех форм власти имеет центральное значение для социализма как движения к изменению общества, так и для модели будущего общества, поскольку

> «движение за освобождение женщин есть часть процесса создания нового общества, в котором будут отсутствовать любые формы господства. Это общество не может быть отделено от процесса формирования этого движения» (Rowbottam in Fragments, p. 50).

Хотя эти аргументы не прошли незамеченными в левых политических организациях, с середины 80-х гг. наблюдалось значительное снижение уве-

ренности в среде феминисток-социалисток (Segal, 1987; Lovenduski, 1988). Это отчасти объясняется экономическим спадом и изменением политического климата, когда социалистические ценности стали утрачивать свое значение, а рабочее движение значительно ослабло. Кроме того, имели место реакция на критику радикальных и черных феминисток и чувство вины за то, что обвинения в элитарности действительно могут иметь основания, и многие женщины отторгнуты все более эзотерической и эгоцентричной природой теоретических дискуссий, описанных выше.

Однако, несмотря на то, что социалистический феминизм сегодня пребывает в оборонительной позиции, объявление о его кончине или полном перерождении было бы преждевременным, и тем более необходимо отделить политические методы от теории. Основополагающей идеей здесь остается взаимосвязанность целей социализма и феминизма. С точки зрения некоторых авторов, суть заключается в простом утверждении, что равенство между полами не имеет значения в системе, где большинство мужчин, как и большинство женщин, эксплуатируемы. Другие авторы, упомянутые в этой главе, идут дальше, считая, что угнетение женщин было, или стало, необходимым капитализму, поэтому патриархат не может закончиться без фундаментальных экономических изменений. Также утверждается, что, насколько необходимо участие женщин в достижении социализма, настолько и социалистическое движение обязано разобраться со своим сексизмом, так как движение, подавляющее некоторых из своих членов, неспособно построить равноправное общество. К этим основным позициям марксизм добавляет теоретическое обоснование того, что существующие материальные условия ограничивают или определяют, чего можно достичь в любой конкретной ситуации. И, кроме того, марксистская теория постепенно продвинулась от примитивного экономического редукционизма к более широкому подходу.

Все это дает нам теорию, которая определенно не предлагает никаких простых решений, но открывает пространство для дискуссии. Это означает, что тема «личностного» угнетения, поднятая радикальными феминистками, может рассматриваться в социоэкономическом контексте, а не в качестве внеисторических деклараций об угнетении женщин мужчинами. Это, в свою очередь, означает, что борьба против всех форм подавления включает в себя не только прямую конфронтацию, но и борьбу против общественных структур, их породивших. Многие марксистские и социалистические феминистки могут теперь утверждать, что угнетение женщин не может быть просто объяснено «потребностями капитализма» или вписано в общую клас-

совую борьбу, так как интересы женщин могут временами противоречить мужским. Как пишет Энн Филлипс,

«мы живем в классовом обществе, которое также структурировано по гендерному принципу, из чего следует, что мужчины и женщины имеют разный классовый опыт, а возможное классовое единение разрушается гендерно обусловленными конфликтами»

и

«класс, и раса, и пол не являются параллельными основаниями для угнетения, и путь, продиктованный одним, может легко отклониться от путей, продиктованных другими» (Phillips, 1987a, p. 12).

В контексте феминистской политики это означает восприимчивость к исторической специфике любой ситуации и возможности, которые она представляет для развития. Следовательно, социалистические феминистские приоритеты и тактики не должны быть консервативными, но должны основываться на реалистичном восприятии существующих обстоятельств. Тем не менее борьба за условия производства является точкой общего согласия, так как здесь феминистки-социалистки выступают от имени и женщин, и рабочих. Как говорит Джаггар, «когда женщины-работницы получают средства к существованию, они не просто рабочие, добившиеся уступки от капитализма, они также и женщины, отстаивающие экономическую независимость от мужчин» (Jaggar, 1983, p. 328). Однако эта борьба должна пойти дальше и пересматривать условия *социального воспроизводства* и разделение труда по признаку пола, что может включать в себя вопросы сексуальной автономии, «репродуктивные права» и новые формы семейной организации. Это, в свою очередь, может вызвать конфликты как с государством, так и с отдельными мужчинами в семье. Подобные формы политической «личностной» борьбы также не должны, впрочем, рассматриваться изолированно, поскольку достигнутые на этом уровне успехи могут иметь значение только в более широком социальном и экономическом контексте. Отсюда следует, что для многих современных феминисток-социалисток достижения в области закона и в общей политической деятельности не исключаются как простая формальность, за которой скрываются неизменные формы реального капиталистического и патриархатного угнетения. Подобно семье и работе вне дома, закон и государственные институты являются «ареной борьбы», на которой могут выигрываться битвы и достигаться реальные цели. В соответствии с позицией многих марксистских авторов немало феминисток видят особую важность борьбы в сфере идеологии. Во всех этих областях женщины могут обнаружить, что работают бок о бок с мужчинами, разрешая классовые проблемы, или найти поддержку

мужчин в их феминистской деятельности. Однако многие готовы воспринимать мужчин как врагов в одних сферах, как союзников — в других и, следовательно, выступать за автономные женские организации, одновременно участвуя в существующих структурах (откуда пошло определение феминистки-социалистки как женщины, «посещающей в два раза больше собраний»).

Подобно некоторым более сложным радикальным теориям, феминизм марксистского и социалистического толка постепенно отходит от идеи, что существует простое решение проблемы угнетения женщин. В этом процессе он утратил веру в простые истины, которые придавали уверенность ранним авторам, и во многом стал очень неоднородным. Как и все формы социализма, феминизм социалистического толка, похоже, вышел теперь из политической моды. Отчасти поэтому высока вероятность того, что термин «феминистка-социалистка» будет гораздо реже, чем раньше, использоваться в качестве политического символа, из чего не следует, однако, что его открытия утрачены. В нем все еще можно обнаружить стартовые позиции для более комплексной феминистской теории.

Глава 14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ФЕМИНИСТСКАЯ ТЕОРИЯ В 90-Х ГОДАХ

Как показано в настоящей книге, история феминистской политической теории не развивалась равномерно. За истекшие 300 лет судьба феминизма пережила немало спадов и подъемов. В некотором смысле положение женщин в западных обществах определенно улучшилось, и многие вопросы, которые поднимали феминистки прошлого, стали сегодня частью обыденного сознания в нашем [западном] обществе. Так что мало кто сегодня будет протестовать против права женщин на образование, оплачиваемый труд или право голоса или выступать за возврат к вопиющему неравноправию XIX в. Во многих странах мира, однако, женщинам по-прежнему отказано в этих правах, а преимущества от произошедших изменений распределены далеко не поровну в Европе и Америке. Более того, некоторые современные феминистки считают, что очевидные достижения представляют собой скорее сдвиг в системе неравенства или угнетения, а не его завершение, то есть юридическое неравноправие и личностное подчинение в семье отчасти сменились более размытыми или менее осязаемыми формами угнетения, где экономическая зависимость от государства, управляемого мужчинами, и манипулирование сексуальностью через порнографическую культуру становятся ключевыми проблемами, и

> «женщины больше не сидят в заточении у домашнего очага, но находятся в обществе, в котором подвержены эксплуатации на каждом шагу» (Walby, 1990, р. 201).

Даже в наиболее развитых странах остается прежний порядок, где высокие должности во властных структурах заняты в подавляющем большинстве мужчинами. Женщины как социальная группа продолжают отрабатывать больше часов, чем мужчины (особенно в доме), и получать значительно меньшее материальное вознаграждение, тогда как страх сексуального насилия ограничивает их свободу, и им не дано права распоряжаться собственной репродуктивной функцией.

При таком положении вещей рассуждения прессы о «периоде постфеминизма» абсолютный нонсенс. Феминизм может показаться сегодня менее популярным, чем несколько лет назад, но его идеи вошли в сознание слишком многих людей, чтобы не обращать на него внимание. Возможно, за исключением Соединенных Штатов, феминистская политическая теория все еще не завоевала свое место в первых рядах академических или политических дискуссий. Тем не менее она продолжает развиваться, прежде всего в направлении осознания феминистских проблем, а знание о том, что эти проблемы неверно интерпретировались, подвергались манипуляциям и маргинализировались в прошлом, является жизненно важным, если мы хотим отстаивать достижения феминизма и продолжать поднимать феминистские вопросы в политической повестке дня.

Это означает, что само разнообразие современных политических теорий является источником силы, путем к сохранению этих тем на виду и гарантией того, что они не будут утеряны под грузом феминистской ортодоксальности. Однако, как уже было показано в предыдущих главах, внешне противоречащие друг другу положения, представленные различными школами феминистской мысли, не позволяют увидеть, до какой степени они взаимосвязаны. Это значит, что, несмотря на наличие серьезных разногласий, можно определить принципы согласия, на которых должен сформироваться базис для любой феминистской теории в будущем.

Стартовой позицией для такой теории должна стать расширенная концепция политики, основанная на понимании того, что отношения власти между мужчинами и женщинами не ограничены лишь публичными сферами закона, государства и экономики, но пронизывают все сферы жизни. Это значит, что, вопреки утверждениям традиционной политической теории, семья, воспроизводство и сексуальность должны быть включены в политический анализ. Положение о том, что «личное есть политическое», является, безусловно, центральным для радикального феминизма, и сегодня должно быть совершенно ясно, что ни одна теория, претендующая на то, что она воспринимает потребности женщин всерьез, не может игнорировать этого тезиса. Хотя эта

концепция отсутствует в традиционной марксистской теории, она не исключена из социалистической традиции, а некоторые из аспектов рассматривались социалистками-утопистками прошлого Шарлоттой Перкинс Гилман и Александрой Коллонтай. В наши дни многие феминистки-социалистки пытаются расширить, пересмотреть или дополнить ортодоксальные марксистские концепции с целью их применения к проблемам частной жизни. Либеральные феминистки также все чаще заявляют, что равенство и справедливость требуют изменений в семье наравне с законом и общественной сферой. Для многих эти представления есть просто результат практического опыта, когда семейные обязанности вступают в противоречие с профессиональной карьерой и даже суперженщины испытывают усталость. На теоретическом уровне Окин сформулировала новую концепцию справедливости, которая основывается на либеральных идеях и в качестве основополагающего принципа рассматривает справедливость в рамках семьи, отказываясь от дихотомии общественного/частного.

Таким образом, феминизм критикует не только положения, но и само содержание традиционной политической теории. С помощью феминизма было обнаружено, что существующие идеи и ценности не только не являются гендерно нейтральными, но часто отражают ограниченные представления мужчин. Поэтому невозможно в рамках феминизма пользоваться ими как готовыми инструментами для феминистского анализа. Однако их можно критиковать, модифицировать или использовать для создания более полноценных концепций. Например, марксистская концепция производительного труда была расширена для того, чтобы включить в нее традиционно женский труд, а более критичный подход к либеральным ценностям допускает возможность формирования концепции равенства, которая не исключает значимость различий и автономии и признает человеческую взаимозависимость и идею разума, не противопоставляя его эмоциям, интуиции или другим психологическим качествам.

Хотя феминистки все больше приходят к тому, что установки существующей политической теории неадекватны, они все еще не выработали общей согласованной позиции, и трудно найти общность между теми, кто ищет успеха в зале заседаний, теми, кто жаждет коммунистической революции, теми, кто утверждает, что «женские достоинства» должны быть оценены и поняты мужчинами, и теми, кто предпочел бы заменить мужчин на хранилища спермы или патогенез. Некоторые прибегают к аргументации, основанной на постмодернистской теории, чтобы оправдать такое положение вещей, и отказываются от самой идеи определения согласованной феми-

нистской позиции как общего дела, которое не приемлет разнообразия и специфичности женского опыта. Доведенная до крайности, эта позиция может лишить феминизм всякого смысла и содержания, не признавая значение объединяющего опыта, стремления к освобождению из цепей рабства или возможности коллективного действия. Тем не менее она может служить здравым предостережением об опасной возможности перепутать конкретные решения проблем с достижением конечной цели. Очевидно, очень мала вероятность привести к согласию тех феминисток радикального толка, которые верят, что гендерное разделение обусловлено биологией и, следовательно, видят единственное решение в лесбийском сепаратизме, и то большинство, которое продолжает верить, что мужчина не так уж неисправим и что гендерно равноправное общество в принципе возможно. Однако за всем этим можно разглядеть признаки того, что разные подходы стремятся к сближению, постепенно отдаляясь от истоков мужской теории и все больше опираясь на реальный женский жизненный опыт и опыт борьбы. Поэтому, хотя феминистки либерального направления надеются изменить только гендерные отношения, оставив нетронутыми все остальные общественные структуры, на практике их идеи имеют далеко идущие последствия, которые бросают вызов как традиционному устройству семьи, так и господствующей системе экономического мышления. В то же время феминистки социалистического направления все меньше заинтересованы в проповеди неизбежности антикапиталистической революции, и, подобно феминисткам радикального толка, теперь они все больше склонны защищать существующие правовые нормы и реформы (такие, как право на аборт или семейные пособия), чем отвергать их как «пустую формальность» В целом большинство согласны с тем, что идеальным обществом будет общество, в котором гендерному неравенству придет конец, и женщины смогут полностью реализовывать свой личностный потенциал во всех сферах жизни. Похоже также, что для существования такого общества необходимо, чтобы деятельность, традиционно приписываемая женщинам, оценивалась более высоко, чем в прошлом. Здесь феминистки либерального толка могут увидеть возможный аспект жизненной самореализациив воспитании детей с участием мужчин или профессиональных воспитателей, тогда как развитие марксистских концепций позволяет социалисткам понять важность домашнего труда, и все могут согласиться с необходимостью большей заботы о нашей планете и поддержании ее ресурсов. В практическом плане особенно важно было бы обеспечить систему более разумного сочетания вынашивания и воспитания детей с другими видами дея-

тельности, так чтобы матери тоже могли стать полноценно активными гражданками и работницами — для этого могут потребоваться более гибкие системы организации труда, коллективное обеспечение ухода за детьми и участие в нем мужчин или комбинация всех трех факторов.

Если феминистская теория призвана создать базис для политического действия, она должна не только открыть природу общества гендерной справедливости, но также и проанализировать связанные с этим возможности и проблемы. Поэтому необходимо понять, что, поскольку мужчины как социальная группа имеют явные преимущества от существующего гендерного неравенства, то они непосредственно заинтересованы в его сохранении. Это не значит, что все мужчины сознательно и активно угнетают всех женщин или же что они в каком-то смысле не могут находиться в невыгодном положении при существующем положении вещей, но просто отметить, что в общем и целом им систематически отдается предпочтение перед женщинами и что структуры общества поддерживают их интересы. Следовательно, такие основные институты, как государство или образовательная система, не являются гендернонейтральными, но отражают интересы, взгляды и приоритеты мужчин, которые ими же управляют. Осознание этого факта не обязательно означает, что общество как единое целое является угнетателем или что нужно отказаться от политической борьбы, но позволяет нам основываться на реалистической оценке того противостояния, на которое могут натолкнуться женщины, и дает возможность понять, что, вопреки мнению многих феминисток либерального толка, правота и разумность феминистских требований все же недостаточны для обеспечения успеха. Некоторые мужчины, однако, могут поддерживать феминистские идеи или потому, что их можно убедить соблюдать справедливость, или же потому, что они понимают, что могут выиграть в результате феминистских изменений в обществе. В этом случае хорошая феминистская теория должна помочь нам увидеть возможность такой поддержки, отделив структуры угнетения от его агентов, понять, что отдельные мужчины не просто и не обязательно враги, но могут стать потенциальными союзниками. Это значит, что, хотя женщины нередко предпочитают создавать организации отдельно от мужчин и подходят с осторожностью к предложениям мужской поддержки, они не должны автоматически отвергать возможность совместной работы с мужчинами для достижения феминистских целей.

Впрочем, не только корыстные интересы мужчин могут вступать в противоречие с феминистскими требованиями, но конкретные экономические интересы или даже вся господствующая экономическая система. Феминис-

тки социалистического и марксистского толка глубоко проанализировали те аспекты, благодаря которым гендерное неравенство обслуживает потребности капитализма и правящего класса, и многие утверждали, что положение женщин не может значительно улучшиться без далеко идущих экономических реформ. Хотя, в принципе, либеральные феминистки не признают их выводы и не стремятся менять основы капиталистической системы и свободного рынка, логика их последних требований соответствует тому, что говорят феминистки-марксистки. Так, например, законодательное утверждение равной оплаты труда, уничтожение сексизма в образовании и мониторинг системы найма на работу — все это требует увеличения участия государства и улучшения его системы планирования, хотя и маловероятно, что экономическая система, основанная только на получении прибыли, может обеспечить качественную структуру уходя за детьми и гибкие рабочие графики, позволяющие мужчинам и женщинам сочетать полное участие в воспитании детей с профессиональной карьерой. Чтобы понять источники сопротивления феминистским требованиям, необходимо понимать все его первопричины и возможность наличия противоречащих интересов. Это не значит, что феминистские цели могут быть достигнуты только в результате настоящей революции, но отсюда следует, что для их реализации необходимы широкие социальные и экономические реформы и что весьма вероятно сильное сопротивление со стороны всех существующих господствующих групп.

Хотя совершенно очевидно, что женщины являются основой феминистской теории, важно также признать, что гендерное противостояние — не единственный значимый источник социального неравенства и что для многих женщин расовые и классовые различия могут быть более важны. Это значит, что упрощенные трактовки типа универсальности женского опыта должны быть отвергнуты. Они игнорируют весьма реальные различия, существующие между женщинами и привлечение надуманной концепции сестринства, рассматривающей в качестве модели белых женщин среднего класса, может способствовать развитию расизма и элитарности. Вместо того чтобы заниматься абстрактными рассуждениями о том, что важнее, феминисткам следует разработать анализ, включающий в себя взаимодействие различных форм угнетения и не рассматривающий женщин как гомогенную группу, которую можно вычленить из всех остальных общественных отношений. Такой подход допускает солидарность с некоторыми мужчинами в их борьбе против расовой или классовой дискриминации, но также позволяет увидеть сексизм в среде черных или рабочих мужчин и расизм и

элитарность некоторых белых и обеспеченных женщин-феминисток. В конечном итоге станет возможным создание всемирного феминизма, основанного на понимании того, что существуют как базисные схемы гендерного неравенства, так и огромное многообразие потребностей и опытов, разделяющих и объединяющих женщин.

Помимо всего прочего, современная феминистская теория должна признать, что проблемы гендерного неравенства не имеют простого объяснения или легкого решения. Необходимо избегать того особого вида редукционизма, согласно которому экономическая система (или семья, или законодательство, или порнография, или воспроизводство, или язык ...) содержит в себеключ к пониманию способов изменения положения женщин. Вместо этого важно осознавать многозначность и взаимосвязанность тех сил, которые сохраняют существующее неравенство, неадекватность однонаправленных попыток изменить положение и невозможность изоляции гендерного неравенства от других структурно обусловленных неравенств. И хотя есть опасность того, что подобное понимание приведет к ощущению беспомощности и параличу политической воли, правильное понимание может показать нам, что, даже если любое отдельное действие само по себе неадекватно, оно приобретает значение и силу, когда ему сопутствуют другие формы борьбы. Это означает, что необходимы гибкость и плюрализм во всех формах феминистской политической деятельности, которые нужно рассматривать как взаимодополняющие, а не соперничающие феминистские стратегии. Это, однако, не избавляет феминисток от необходимости определять приоритеты и возможности или утверждать, что все действия имеют одинаковую ценность. Хорошая феминистская теория должна обеспечить нам возможность делать правильные политические выборы и не позволить плюрализму превратиться в абсолютный релятивизм.

Следовательно, феминистская политическая теория должна сама освободиться от категорий, восходящих к мужским ценностям, и тех, которые не имеют смысла в свете женских потребностей и опытов. В настоящее время она по-прежнему неизбежно является продуктом западной политической мысли, но должна быть открыта идеям, приходящим извне. Это не только вопрос «присоединения» точек зрения разных культур или не белых женщин, но, возможно, и столь же радикального пересмотра наших взглядов, сколь радикальна критика мужской теории со стороны западных феминистически ориентированных мыслительниц. Кроме того, важно все время быть начеку по поводу эгоистической элитарности, позволяющей делать академические карьеры, но недоступной большинству женщин. Нелегко сформулировать хо-

рошую феминистскую теорию, но она не должна быть беспричинно заумной, и, если она призвана создать основу для коллективного действия и взаимопонимания, то должна покинуть свою башню из слоновой кости и войти в сознание женщин. Феминизм — не закрытая книга, и эта книга должна быть доступной для чтения.

БИБЛИОГРАФИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ [1]

Антология гендерной теории. М.: Пропилеи, 2000: статьи Дворкин А., Чодороу Н., Рубин Г., Коллинз Р., Печески Р., Кесслер-Хэррис Э., Дэвис А., Месснер М., хукс б., Рингельхайм Дж., Малви Л., Батлер Дж., де Лауретис Т., Смейкалова-Стрикланд И.

Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о "постмодернизме" // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 89—107.

Бебель А. Женщина и социализм. М.: Госполитиздат, 1959.

Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.

Брайдотти Р. Путем номадизма // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, сс. 18—44.

Воронина О. А. Женщина в "мужском обществе" // *Социологические исследования*, 1988, № 2.

Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 7—29.

Дворкин А. Порнография: мужчины обладают женщинами // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, сс.6—17.

Иригарэй Л. Пол, который не единичен // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 64—70.

Киллиган Кэрол. Иным голосом (предисловие, гл. 1) // *Этическая мысль: Научно-публицистические чтения*. М., 1991, сс. 352—372; *Артемьева О.* Человек равняется мужчина плюс женщина (Предисловие к публикации К. Гиллиган) // *Там же*, сс. 345—351.

Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (письмо к трудящейся молодежи) // *Молодая гвардия*. М., 1923, № 3, сс. 111—124.

Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М., 1972.

Коллонтай А. М. Новая мораль и рабочий класс. М., 1918.

Коллонтай А. М. Письма к трудящейся молодежи // *Молодая гвардия*. М., 1922, №№ 1—2, сс. 136—144.

Коллонтай А. М. Письма к трудящейся молодежи // *Молодая гвардия*. М., 1922, № 3, сс. 128—137.

Коллонтай А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства (лекции, прочитанные в Университете им. Я. М. Свердлова). М.- Пг., 1923.

Кософски Ив Сэджвик. Эпистемология чулана (главы из книги) // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 4, 2000, сс. 45—70.

---

[1] В библиографии сделана попытка представить все переведенные на русский язык источники, имеющие отношение к содержанию книги. — *От изд-ва*.

Кристева Ю. Силы ужаса. Эссе об отвращении // *Гендерные исследования.* Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 79—87.

Маркс К. — Л. Кугельману. В Ганновер. Лондон. 12 декабря 1868 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 32.

Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 8.

Маркс К. К еврейскому вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 1.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е. изд., т. 42.

Маркс К., Энгельс Ф. Критика Готской программы // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 19.

Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии. Предисловие // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О женском вопросе. М., 1978.

Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // *Вопросы философии*, 1994, № 9, сс. 148—172.

Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. Под ред. К. Цеткин. М., 1929.

Милль Дж. Автобиография. История моей жизни и убеждений. М.: Книжное дело, 1896; Автобиография Дж. С. Милля. СПб., 1874.

Милль Дж. Основы политической экономии. М., 1980 (см. также: Основания политической экономии. СПб, 1909.)

Милль Дж. С. Подчиненность женщины. СПб., 1869 (см. также: О подчинении женщин. Пер. с англ. под ред. и с предисл. Г. Е. Благовестова. Изд-е 3. СПб., 1882)

Милль Дж. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Леман, 1914.

Милль Дж. Утилитаризм. О свободе. СПб., 1900.

Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // *Гендерные исследования.* Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 108—124.

Рингельхайм Дж. Женщины и Холокост: переосмысление исследований // *Антология гендерной теории.* М.: Пропилеи, 2000, сс. 254—279.

Рубин Г. Обмен женщинами // *Антология гендерной теории.* М.: Пропилеи, 2000, сс. 99—113; Размышляя о поле: заметки о радикальной теории сексуальных политик // *Гендерные исследования.* Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 5—63.

Сиксу Э. Хохот Медузы // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 3, 1999, сс. 71—88.

Троцкий Л. Д. Строить социализм — значит освобождать женщину и охранять мать // *Троцкий Л. Д.* Охрана материнства и борьба за культуру. М., 1926 г., сс. 20—32.

Фридан Б. Загадка женственности. М., 1994.

хукс б. Наука трансгрессировать. Образование как практика свободы // *Гендерные исследования*. Харьков: ХЦГИ, № 2, 1999, сс. 242—253.

Чодороу Н. Воспроизводство материнства (главы из книги) // *Антология гендерной теории*. М.: Пропилеи, 2000, сс. 29—76.

Цеткин К. Из записной книжки // *Цеткин К.* Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1955, 1976, сс. 40—65.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 2.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 21.

Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полн. собр. соч. 1955 г., 2-е изд., т. 42.

Abel, E and Abel, E. (eds) (1983) *The Sigtis Reader*. Chicago: Chicago University Press.

Alcoff, L. (1988) Cultural Feminism versus Poststructuralism: The Identity Crisis in Feminist Theory // *Sigtis*, vol. 13.

Alexander, S. (1987) Women, Class and Sexual Difference // A. Phillips (ed.)

Alexander, S, and Taylor, B. (1982) In Defence of Patriarchy // M. Evans (ed.)

Amos, V. and Parmar, P. (1984) Challenging Imperial Feminism // *Feminist Review* no. 17.

Annas, J. (1977) Mill and the Subjection of Women // *Philosophy*, vol. 52.

Anthony, S. B. (ed.) (1987) *The Histori of Woman Suffrage*, vol. III. New York: Fowler and Wells. Anthony, S. B. and Harper, I. H. (eds) (1902) *The Histore of Woman Suffrage vo. IV*. New York: Fowler and Wells.

Appignanesi, L. (1988) *Simone de Beauvoir*. Harmondsworth: Penguin.

Arditti, R. *et al.* (1984) *Test-tube Woman*. London: Pandora Press.

Ashton, F. and Whitting, G. (eds) (1987) *Feminist Theory and Practical Policies. Shifting the Agenda in the 1980s*. Bristol: School for Advanced Urban Studies.

Assiter, A. (1989) *Pornography, Feminism and the Individual*. London: Pluto Press.

Bacchi, C. (l990) *Same Difference. Feminism and Sexual Difference*. London: Allen and Unwin.

Badinter, E. (1989) *Man/Woman The One is the Other*. London: Collins Harvill.

Badran, M. and Cooke, M. (1990) *Opening the Gates. A Century of Arab Femtttist Writing*. London: Virago.

Baker, K. (ed.) (1976) *Condorcet. Selected Writings*. Indianapolis: Bobs-Merrill.

Ball. T. (1980) Utilitarianism, Feminism and the Franchise: James Mill and his Critics // *History of Political Thought*, vol. 1.

Banks, O. (1985) *The Biographical Dictionary of British Feminists* vol. 1, 1800—1930. Brighton: Harvester Press.

Banks, O. (l986) *Faces of Feminism*. Oxford: Basil Blackwell.

Banner, L. (1980) *Elizabeth Cady Stanton. A Radical for Woman's Rights*. Boston and Toronto: Little, Brown.

de la Barre, F.P. (1990) *The Equality of the Sexes* translated and with an introduction by D. Clarke. Manchester and New York: Manchester University Press.

Barrett, M. (1984) Rethinking Women's Oppression: a reply to Brenner and Ramas // *New Left Review* no. 146.

Barrett, M. (1985) Weir and Wilson on Feminist Politics // *New Left Review*, no. 150.

Barrett, M. (1987) Marxist Feminism and the Work of Karl Marx // A. Phillips (ed.).

Barrett, M. (1988) *Women's Oppression Today, The Marxist/Feminist Encounter* (London: Verso). Barrett, M. Campbell, B., Phillips, A., Weir, E. and Wilson, E. (1986) Feminism and Class Politics: A Round-Table Discussion // *Feminist Review*, no. 23.

Barrett, M. and McIntosh, M. (1979) Christian Delphy: Towards a Materialist Feminism? // *Feminist Review*, no. 1.

Barrett, M. and McIntosh, M. (1982) *The Anti-Social Family*. London: Verso.

Barrett, M. and McIntosh, M. (1985) Ethnocentricism and Socialist-Feminist Theory // *Feminist* Review, no. 20.

de Beauvoir, S. (1968) *Force of Circumstance*. Harmondsworth: Penguin.

de Beauvoir, S. (1972) *The Second Sex*. Harmondsworth: Penguin.

de Beauvoir, S. (1974) *All Said and Done*. London: Andre Deutsch and Weidenfeld and Nicolson).

de Beauvoir, S. (1987) Women and Creativity / T. Moi (ed.).

Bebel, A. (1904) *Woman under Socialism* translated by D. de Leon. New York: New York Labour Press.

Beecher, J. and Bienveneau, R. (1972) *The Utopian Vision of Charles Fourier. Selected texts on Work, Love and Passionate Attraction*. London Jonathan Cape.

Beechey, V. (1979) On Patriarchy // *Feminist Review*, no. 3.

Beechey, V. (1982) Some Notes on Female Wage Labour in Capitalist Production / M. Evans (ed). Beechey, V. and Perkins, T. (1987) *A Matter of Hours: Women, Part-time Work and the Labour Market*. Cambridge: Polity Press.

Benhabib, S. and Cornell, D. (eds) (1987) *Feminism as Critique*. Oxford: Polity Press.

Benston, M. (1969) The Political Economy of Women's Liberation // *Monthly Review* vol. 21, no. 4. Bernstein, S. (1962) *The First International in America*. New York: Augustus M. Kelly.

Bhavnani, K. and Coulson, M. (1986) Transforming Socialist Feminism: The Challenge of Racism // *Feminist Review* no. 23.

Bhavnani, R. (1987) Race, Women and Class: Integrating Theory and Practice / F. Ashton and G. Wittig (eds).

Bland, L. (1987) The Married Woman, the 'New Woman' and Femininity: Sexual Politics in the 1890s' // J. Rendall (ed.).

Boralevi, L. (1987) Utilitarianism and Feminism / E. Kennedy and S. Mendus (eds).

Borchorst, A. and Siim, B. (1987) Women and the Advanced Welfare State — A New Kind of Patriarchal Power? // A.S. Sassoon (ed.).

Bouchier, D. (1983) *The Feminist Challenge*. London: Macmillan.

Boxer, M. and Quataert, J. (eds) (1978) *Socialist Women. European*. New York.

Braidotti, R. (1986) Ethics Revisited: Women andlin Philosophy // C. Pateman (ed.).

Braun, L. (1987) *Selected Writings on Feminism and Socialism* translated and edited by G. Meyer. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Brennan, T. and Pateman, C. (1979) Mere Auxiliaries to the Commonwealth: Women and the Origins of Liberalism // *Political Snidies*, vol. 27.

Brenner, J. and Ramas, M. (1984) Rethinking Women's Oppression // *New Left Review*, no. 144. Brittan, A. and Maynard, M. (1984) *Sexism, Racism and Oppression*. Oxford: Basil Blackwell.

Brody, M. (1983) Mary Wollstonecraft: Sexuality and Women's Rights / D. Spender (ed.).

Brooke, C. (1978) The Retreat to Cultural Feminism // Redstockings (ed.).

Browne, A. (1987) *The Eighteenth Century Feminist Mind*. Brighton; Harvester Press.

Brownmiller, S. (1977) *Against Our Will*. Harmondsworth: Penguin.

Buckley, M. (1989) *Women and Ideology in the Soviet Union*. New York and London: Harvester Wheatsheaf.

Buhle, M. (1981) *Women and American Socialism* 1870—1920. Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press.

Buhle, M. and Buhle, P. (eds) (1978) *The Concise History of Woman Suffrage. Selections from the Classic Works of Stanton, Anthony, Gage and Harper*. Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press.

Bulbeck, C. (1988) *One World Women' Movement*. London: Pluto Press.

Burton, C. (1985) *Subordination. Feminism and Social Theory*. London: Allen and Unwin.

Bussey, G. and Tims, M. (1980) *Pioneers for Peace. Women's International League for Peace and Freedom*. London: WILPF British Section.

Caine, B. (1982) Feminism, Suffrage and the Nineteenth Century Women's Movement // *Women's Studies International Forum*, vol. 5, no. 6.

Caldecott, L. and Leland, S. (eds) (l983) *Reclaim the Earth. Women speak out for Life on Earth*. London: Women's Press.

Cambridge Women's Peace Collective (1984) *My Country is the Whole World. An Anthology of Women's Work on Peace and War*. London: Pandora Press.

Cameron, D. (1985) *Feminism and Linguistic Theory*. London: Macmillan.

Cameron, D. (ed.) (l990) *The Feminist Critique of Language*. London: Routledge.

Canovan, M. (1987) Rousseau's Two Concepts of Citizenship // E. Kennedy and S. Mendus (eds).

Carter, A. (1988) *The Politics of Women s Rights*. London and New York: Longman.

Carver, T. (1985) Engels' Feminism // *History of Political Thought* vol. 6.

Charvet, J. (l982) *Feminism*. London: Dent.

Cheatham, A. and Powell, M. (1986) *This Way Daybreak Comes. Women"s Values and the Future.* Philadelphia: New Society Publishers.

Chester, O. and Dickey, J. (eds) (1988) *Feminism and Censorship: The Current Debate.* Bridport, Dorset: Prism Press.

Chodorow, N. (1978) *The Reproduction of Mothering. Psychoanalysis and the Sociologl of Gender.* Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press.

Cixous, H. (l981) The Laugh of the Medusa // E. Marks and I. de Courtrivon (eds).

Clark, L. and Lange, L. (1979) *The Sexism of Social and Political Theory. Women and Reproduction from Plato to Nietzsche.* London: University of Toronto Press.

Clements, B. (1979) *Bolshevik Feminist. The Life of Alexander Kollontai.* Bloomington and London: Indiana University Press.

Cliff, T. (l987) *Class Struggle and Women s Liberation.* London: Book-marks.

Coates, J. (1986) *Women, Men and language.* London and New York: Longman.

Cocks, J. (1989) *The Opposttional Imagination.* London: Routledge).

Collard, A. with Contrussi, J. (1988) *Rape of the Wild. Man's Violence against Animals and the Earth.* London: Women's Press.

Collins, P. (1989) The Social Construction of Black Feminist Thought // *Signs,* vol. 14.

Collins, P. (1990) *Black Feminist Thought.* London, Sydney and Wellington: Unwin Human.

Condorcet (1976) *Selected Writings* edited and with an introduction by K. Bärker. Indianapolis: Bobs-Merrill.

Cook, B.W. (ed) (1978) *Crystal Eastman on Women and Revolution.* Oxford: Oxford University Press.

Coole, D. (1988) *Women in Political Theory.* Brighton: Wheatsheaf.

Coote, A. and Campbell, B. (1982) *Sweet Freedom.* London: Picador.

Coote, A. and Patullo, P. (1990) *Power and Prejudice Women ancl Politics.* London: Weidenfeld and Nicolson.

Corea, G. *et al.* (1985) *Man-Made Woman. How New Reproductive Technologies Affect Women.* London: Hutchinson.

Cott, N. (1987) *The Groundmg of Modern Feminism.* New Haven and London: Yale University Press.

Cottrell, R. (1975) *Simone de Beauvoir.* New York: Frederick Ungar.

Coulson, M., Magas, B. and Wainwright, H. (1979) The Housewife and her Labour under Capitalism: a Critique // *New Left Review,* no. 89.

Coward, R. (1983) *Patriarchal Precedents.* London: Routledge and Kegan Paul.

Dahlerup, D. (1986) *The New Woman's Movement. Femintsm and Political Power in Europe and the USA.* London: Sage.

Dahlerup, D. (1987) Confusing Concepts — Confusing Reality: A Theoretical Discussion of the Patriarchal State // A. S. Sassoon (ed).

Dale, J. and Foster, P. (1986) *Feminists and State Welfare.* London: Routledge and Kegan Paul.

Dalla Costa, M. (1973) *The Power of Women and the Subversion of the Community.* Bristol: Falling Wall Press.

Daly, M. (1973) *Beyond God the Father. Towards a Philosophy of Women's Liberation.* Boston: Beacon Press.

Daly, M. (1978) *Gyn/Ecology. The Metaethics of Radical Feminism.* Boston: Beacon Press.

Daly, M. (1984) *Pure Lust. Elemental Feminist Philosophy.* London: Women's Press.

Davis, A. (1982) *Women, Race and Class.* London: Women's Press.

Davis, A. (1990) *Women, Culture and Politics.* London: Women's Press.

Davies, M. (ed) (1978) *Maternity. Letters from Working Women.* London: Virago.

Degler, C. (1966) Introduction to C. P. Gilman, *Women and Economics.* New York: Torchbook.

Delmar, R. (1976) Looking Again at Engels' "Origin of the Family, Private Property and the State" // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Delmar, R. (1986) What is Feminism? // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Delphy, C. (1977) *The Main Enemy.* London: Women's Research and Resources Centre.

Delphy, C. (1980) A Materialist Feminism is Possible // *Feminist Review,* no. 4.

Delphy, C. (1981) For a Materialist Feminism // *Feminist Studies,* no. 2.

Delphy, C. (1984) *Close to Home. A Materialist Analysis of Women's Oppression.* London: Hutchinson.

Dietz, M. (1985) Citizenship with a Feminist Face. The Problem with Maternal Thinking // *Political Theory,* vol. 13.

Dinnerstein, D. (1987) *The Rocking of the Cradle and the Ruling of the World.* London: Women's Press.

Draper, H. (1972) Marx and Engels on Women's Liberation // R. Salper (ed.).

Draper, H. and Lipow, A. (1976) Marxist Women versus Bourgeois Feminism // *Socialist Register,* ed. R. Miliband. London: Merlin.

Dubois, E. (1979) The Nineteenth Century Woman Suffrage Movement and the Analysis of Women's Oppression // Z. Eisenstein (ed.).

Dubois, E. (1981) *Elisabeth Cady Stanton and Susan B. Anthony: Correspondence, Writings, Speeches* with a critical commentary by E. Dubois. New York: Schocken Books.

Dubois, E. (1987) The Radicalisation of the Woman Suffrage Movement // A. Phillips (ed.).

Duchen, C. (1986) *Feminism in France.* London: Routledge and Kegan Paul.

Dworkin, A. (1974) *Woman Hating*. New York: E. P. Dutton.

Dworkin, A. (1981) *Pornography. Men Possessing Women*. London: Women's Press.

Dworkin, A. (1982) *Our Blood. Prophecies and Discourses on Sexual Politics*. London: Women's Press.

Dworkin, A. (1983) *Right-Wing Women. The Politics of Domesticated Females*. London: Women's Press.

Dworkin, A. (1988) *Letters from a War Zone*. London: Secker and Warburg.

Eastman, C. (1978) *Crystal Eastman on Women and Revolution* edited by B. Cook. Oxford: Oxford University Press.

Eckhart, C. (1984) *Fanny Wright: Rebel in America*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Edmondson, L. (1981) Sylvia Pankhurst: Suffragist, Feminist or Socialist? // J. Slaughter and R. Kearns (eds).

Eisenstein, H. (1984) *Contemporary Feminist Thought*. London: Unwin Paperbacks.

Eisenstein, Z. (ed.) (1979) *Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminism*. New York and London: Monthly Review Press.

Eisenstein, Z. (1981) *The Radical Future of Liberal Feminism*. New York and London: Longman.

Eisenstein, Z. (1984) *Feminism and Sexual Equality*. New York: Monthly Review Press.

Elshtain, J. (1981) Against Androgyny // *Telos*, no. 47.

Elshtain, J. (1981) *Public Man, Private Woman*. Oxford: Martin Robertson.

Elshtain, J. (ed.) (1982) *The Family in Political Thought*. Brighton: Harvester Press.

Elshtain, J. (1987) *Women and War*. Brighton: Harvester Press.

Engel, B. (1978) From Separatism to Socialism: Women in the Russian Revolutionary Movement of the 1870s' // M. Boxer and J. Quataert (eds).

Engels, F. (1973) *The Condition of the Working-class in England*. Moscow: Progress Publishers.

Engels, F. (1978) *The Origin of the Family, Private Property and the State*. Peking: Foreign Languages Press.

Ericson, Y. and Jacobsson, R. (eds) (1985) *Side by Side. A Report on Equality between Women and Men in Sweden*. Stockholm: Gotab.

Evans, J. *et al.* (1986) *Feminism and Political Theory*. London: Sage.

Evans, M. (ed.) (1982) *The Woman Question. Readings on the Subordination of Women*. London: Fontana.

Evans, M. (1985) *Simone de Beauvoir. A Feminist Mandarin*. London and New York: Tavistock.

Evans, M. (1987) Engels: Materialism and Morality // J. Sayers, M. Evans and N. Redclift (eds).

Evans, R. (1977) *The Feminists: Women's Emancipation Momements m Europe, America and Australasia* 1840—1920. London: Croom Helm.

Evans, R. (1980) Bourgeois Feminists and Women Socialists in Germany 1894—1914: Lost Opportunity or Inevitable Conflict? // *Women's Studies Interiiatronal Quarterly*, vol. 3.

Evans, R. (1987) *Comrades and Sisters. Feminism, Socialism and Paciftsm m Europe,* 1870—1945. Sussex: Wheatsheaf Books.

Evans, S. (l980) *Personal Politics. The Roots of Women's Liberation in the Civil Rights Movement and the New Left.* New York: Vintage Books.

Fairbairns, Z. (l979) *Benefits.* New York: Avon.

Farnsworth, B. (1978) Bolshevism, the Woman Question and Alexandra Kollontai // M. Boxer and J. Quataert (eds).

Feminist Review (1984) Many Voices, One Chant. Black Feminist Perspectives // *Feminist Review*, no. 17.

Feminist Review (ed.) (1986) *Waged Work. A Reader.* London: Virago.

Ferguson, A. (1981) Androgyny as an Ideal for Human Development // M. Vetterling-Braggin, F. Elliston and J. English (eds).

Ferguson, A. (1989) *Blood at the Root.* London: Pandora Press.

Ferguson, K. (1980) *Self, Society and Womankind. The Dialectics of Liberation.* Westport, Conn.: Greenwood Press.

Ferguson, M. (ed.) (l985) *First Feminists. British Women Writers* 1578—1799. Bloomington: Indiana University Press.

Ferguson, M. and Todd, J. (1984) *Mary Wollstonecraft.* Boston: Twayne Publishers.

Figes, E. (l978) *Patriarchal Attitudes.* London: Virago.

Firestone, S. (1979) *The Dialectic of Sex.* London: Women's Press.

First, R. and Scott, A. (1980) *Olive Schreiner, a Biography.* London: Andre Deutsch.

Flax, J. (1981) Do Feminists Need Marxism? // *Building Feminist Theory. Essays from Quest.* London: Longman.

Flax, J. (1986) Postmodernism and Gender Theory // *Signs*, vol. 12.

Flax, J. (1990) *Thmking Fragments.* Berkeley, California: University of California Press.

Flexner, E. (1959) *Century of Struggle. The Women s Rights Movement in the United States.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Florence, M. *et al.* (1987) *Militarism versus Feminism. Writings on Women and War.* edited by M. Kamester and J. Vellacott. London: Virago.

Florent, S. (1988) Women and Politics 1830—1850. unpublished MA Dissertation, Manchester Polytechnic.

Foner, P. (1984) *Clara Zetkin. Selected Wntings.* New York: International Publishers.

Foreman, A. (1978) *Femininity as Alienation.* London: Pluto Press.

Forster, M. (1984) *Significant Sisters. The Grassroots of Active Feminism* 1839—1939. Harmondsworth Penguin.

Forster, P. and Sutton, I. (eds) (1989) *Daughters of de Beauvoir.* London: Women's Press.

Freeman, J. (1975) *The Politics of Women's Liberation.* New York and London: Longman.

French, M. (1985) *Beyond Power. Women, Men and Morals.* London: Jonathan Cape.

Friedan, B. (1986) *The Feminine Mystique.* Harmondsworth Penguin Books.

Friedan, B. (1970) Our Revolution is Unique // M. L. Thompson (ed).

Friedan, B. (1977) *It Changed My Life. Writings on the Women's Movement.* London: Victor Gollanz.

Friedan, B. (1981) *The Second Stage.* London: Michael Joseph.

Gardiner, J. (1975) Women's Domestic Labour // *New Left Review*, no. 89.

Garnett. R. G. (1972) *Co-operation and the Owenite Socialist Communities in Britain 1825—1845.* Manchester: Manchester University Press.

Garry, A, and Pearsall, M. (eds) (1989) *Women, Knowledge and Reality. Exploration in Feminist Philosophy.* Boston and London Unwin Hyman.

George, M. (1970) *One Woman's 'Situation': a Study of Mary Wollstonecraft.* Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press.

German, L. (1989) *Sex, Class and Socialism.* London: Bookmarks.

Gilligan, C. (1982) *In a Different Voice. Psychological Theory and Women's Development.* Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press.

Gilman, C. P. (1904) *Human Work.* New York: McClare, Phillips.

Gilman, C. P. (1906) *Women and Economics.* London Putnam, and Boston: Small, Maynard.

Gilman, C. P. (1911) *The Man Made World.* London: T. Fisher Unwin.

Gluck, S. (1987) Socialist Feminism Between Two World Wars: Insights from Oral History // C. Scharf and J. Jenson (eds).

Goldman, E. (1979) *Red Emma Speaks. The Selected Speeches and Wwritings of the Anarchist and Feminist Emma Goldman* edited by A. K. Shulman. London Wildwood House.

Goldstein, L. (1980) Mill, Marx and Women's Liberation // *Journal of the Philosophy of History*, vol. 18.

Goldstein, L. (1982) Early Themes in French Utopian Socialism: the St. Simonians and Fourier // *Journal of the History of Ideas*, no. 43.

Goreau, A. (1983) Aphra Benn: a Scandal to Modesty // D. Spender (ed.).

de Gouges, O. (1980) Declaration of the Rights of Woman // E. Reimar and J. Fout (eds).

Greer, G. (1979) *The Female Eunuch*. London: Paladin.

Greer, G. (1984) *Sex and Destiny. The Politics of Human Fertility*. London: Secker and Warburg.

Grewal, S. *et al.* (1988) *Charrting the Journey. Writings by Black and Third World Women*. London: Sheba.

Griffin, S. (1981) *Pornography and Silence: Culture's Revenge against Nature*. London: Women's Press.

Griffin, S. (1984) *Woman and Nature. The Roaring Inside Her*. London: Women's Press.

Griffith, E. (1984) *In Her Own Right. The Life of Elizabeth Cady Stanton*. New York and Oxford: Oxford University Press.

Griffiths, M. and Whitford, M. (eds) (1988) *Feminist Perspectives in Philosophy*. Basingstoke: Macmillan Press.

Grimshaw, J. (1982) Feminism: History and Morality // *Radical Philos-phy*, no. 30.

Grimshaw, J. (1986) *Feminist Philosophers: Women's Perspectives on Philosophical Traditions*. Brighton: Wheatsheaf.

Grimshaw, J. (1989) Mary Wollstonecraft and the Tensions in Feminist Philosophy // *Radical Philosophy*, no. 52.

Gross, E. (1986a) Philosophy, Subjectivity and the Body: Kristeva and Irigaray // C. Pateman and E. Gross (eds).

Gross, E. (1986b) What is Feminist Theory? // C. Pateman and E. Gross (eds).

Grosz, E. (1990) *Jacques Lacan: a Feminist Introduction*. London and New York: Routledge.

Guettel, C. (1974) *Marxism and Feminism*. Ontario: Canadian Women's Educational Press.

Gunew, S. (ed.) (1991) *A Reader in Feminist Knowledge*. London: Routledge.

Hall, S. and Jacques, M. (eds) (1989) *New Times. The Changing Face of Politics in the 1990s*. London: Lawrence and Wishart.

Hanmer, J. (1978) Violence and the Social Control of Women // O. Littlejohn *et al. Power and the State*. London: Croom Helm.

Hardy, D. (1979) *Alternative Communities in Nineteenth Century England*. London and New York: Longman.

Harrison, J. (1969) *Robert Owen and the Owenites in Britain and America*. London: Routledge and Kegan Paul.

Harstock, N. (1979) Feminist Theory and the Development of Revolutionary Strategy // Z. Eisenstein (ed.).

Hartmann, H. (1983) Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex // E. Abel and E. Abel (eds.).

Hartmann, H. (1986) The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union // L. Sargent (ed).

Hawkesworth, M. (1988) Feminist Rhetoric. Discourses on the Male Monopoly of Thought // *Political Theory*, vol. 16.

Hawkesworth, M. E. (1990) *Beyond Oppression* (New York: Continnuum).

Hayek, F. A. (ed.) (1951) *John Stuart Mill and Harriet Taylor. Thetr Friendship aud Subsequent Marriage.* London: Routledge and Kegan Paul.

Heath, J. (1989) *Simone de Beauvoir*. New York and London: Harvester Wheatsheaf.

Hedman, C. (1990) The Artificial Womb // *Radical Philosophy*, no. 56.

Heinen, J. (1978) Kollontai and the History of Women's Oppression // *New Left Review*, no. 110.

Hernes, H. (1988) The Welfare State, Citizenship and Scandinavian Women // K. Jones and A. Jonasdottir (eds).

Herstein, S. R. (1985) *A Mid-Victorian Feminist: Barbara Leigh-Smith Bodichon*. London and New Haven: Yale University Press.

Hewlett, S. A. (1988) *A Lesser Life. The Myth of Women's Liberation*. London: Sphere.

Hill, B. (1986) *The First English Feminist. Reffections upon Marriage and other Writigs by Mary Astell*, edited and with an Introduction by B. Hill. Aldershot: Gower.

Hill, M. A. (1980) *Charlotte Perkins Gilman. The Making of a Radical Feminist* 1860—1896. Philadelphia: Temple University Press.

Hills, J. *et al.* (1986) *Feminism and Political Theory*. London: Sage.

Holland, B. (ed.) (1985) *Soviet Sisterhood*. Bloomington: Indiana University Press.

Holt, A. (1977) *Alexandra Kollontai. Selected Writings*. London: Allison and Busby.

Honeycut, K. (1981) Clara Zetkin: A Socialist Approach to the Problem of Women's Oppression // J. Slaughter and R. Kearns (eds).

hooks, b. (1981) *Ain't I a Woman. black women and feminism*. Boston: South End Press.

hooks, b. (1984) *Feminist Theory: from margin to center*. Boston, Mass.: South End Press.

hooks, b. (1991) *Yearning. race, gender and cultural politics*. London: Turnaround.

Hull, O. Scott, P. and Smith, B. (eds) (1982) *But Some of Us Are Brave. Black Women's Studies*. New York: Feminist Press.

Humphries, J. (1982) The Working-Class Family: A Marxist Perspective // J. Elshtain (ed.).

Humphries, J. (1987) The Origin of the Family: Born Out of Scarcity, not Wealth // J. Sayers, M. Evans and N. Redclift (eds).

Hunt, K. (1986) Crossing the River of Fire: the Socialist Construction of Women's Politicization // J. Evans (ed.).

Hunt, K. (1988) Equivocal Feminists. The Social Democratic Federation and the Woman Question 1884—1911, Unpublished PhD Thesis, University of Manchester.

Inman, M. (1936) *In Woman's Defence.* Los Angeles: Mercury Printing.

Irigaray, L. (1991) This Sex Which Is Not One // S. Gunew (ed.).

Jaggar, A. (1983) *Feminist Politics and Human Nature.* Brighton: Harvester.

James, S. (1980) Introduction to 'The Power of Women and the Subversion of the Community' // E. Malos (ed.).

Janeway, E. (1972) *Man's World. Woman's Place. A Study in Social Mythology.* London: Michael Joseph.

Jebb, C. (ed.) (1912) *Mary Wollstonecroft.* London: Herbert and Daniel.

Jeffnes, S. (1982) Free From All Uninvited Touch of Man: Women's Campaigns Around Sexuality 1880—1914 // *Women's Studies International Forum,* vol. 5, no. 6.

Jeffries, S. (1990) *Anticlimax.* London: Women's Press.

Johnston, J. (1982) Lesbian Nation: The Feminist Solution // M. Evans (ed.).

Jones, K. and Jonasdottir, A. (eds) (1988) *The Political Interests of Gender, Developing Theory and Research with a Human Face.* London: Sage.

Joseph, O. (1986) The Incompatible Menage a Trois: Marxism, Feminism and Racism // L. Sargent (ed.).

Kamm, J. (1966) *Rapiers and Battleaxes: The Women's Movement and Its Aftermath.* London: Allen and Unwin.

Kamm, J. (1977) *John Stuart Mill in Love.* London: Gordon and Cremonesi.

Kanter, S., Lefanu, S., Shah, S. and Spedding. C. (eds) (1981) *Sweeping Statements. Writings from the Women's Liberation Movement* 1981—83. London: Women's Press.

Kauffman, L. (ed.) (1989) *Feminism and Institutions.* Oxford Basil Blackwell.

Kazi, H. (1986) The Beginning of a Debate Long Due: Some Observations on "Ethnocentricism in Socialist Feminist Theory" // *Feminist Review,* no. 22.

Keefe, T. (1983) *Simone de Beauvoir: a Study of Her Writings.* London: Harrap.

Kelly, L. (1987) *Women of the French Revolution.* London: Hamish Hamilton.

Kennedy, E. and Mendus, S. (eds) (1987) *Women in Western Political Philosophy: Kant to Nietzsche.* Brighton: Wheatsheaf Books.

Kent, S. (1990) *Sex and Suffrage in Britain.* London: Routledge.

King, B. (1988) Multiple Jeopardy. Multiple Consciousness: the Context of a Black Feminist Ideology // *Signs,* vol. 14.

King, Y. (1983) The Eco-feminist Imperative // L. Caldecott and S. Leland (eds).

Kinnard, J. (1983) Mary Astell: Inspired by Ideas // D. Spender (ed.).

Klein. V. (1946) *The Feminine Character. History of an Ideology.* London Routledge and Kegan Paul.

Koedt, A. (1970) The Myth of the Vaginal Orgasm // L. Tanner (ed.).

Kollontai, A. (1977) *Selected Writings,* translated and with an introduction and commentary by A. Holt. London: Allison and Busby.

Komisar, L. (1971) *The New Feminism.* London and New York. Franklin Watts.

Koonz, C. (1987) *Mothers in the Fatherland. Women, the Family and Nazi Politics.* London: Jonathan Cape.

Kraditor, A. S. (1965) *The Ideas of the Woman Suffrage Movement* 1890—1920. New York and London: Columbia University Press.

Kramnick, M. (1978) 'Introduction' to Mary Wollstonecraft's *Vindication of the Rights of Woman.* Harmondsworth: Penguin).

Kristeva, J. (1981) Woman Can Never Be Defined // E. Marks and I. de Courtrivon (eds).

Kuhn, A. and Wolpe, A. (eds) (1978) *Feminism and Materialism. Women and Modes of Production.* London: Routledge and Kegan Paul.

Land, H. (1980) The Family Wage // *Feminist Review,* no. 6.

Land, H. (1984) The Introduction of Family Allowances // C. Urgenson (ed.).

Landy, A. (1943) *Marxism and the Woman Question.* New York: New York Workers Library).

Lane, A. (1976) Women in Society: A Critique of Fredenck Engels // B. Carroll (ed.). *Liberating Women's History.* Urbana, Chicago and London: University of Chicago Press.

Lane, A (l983) Charlotte Perkins Gilman: The Personal Is Political // De Spender (ed.).

Lean, P. (1986) The Role of "The Family" in Recent Feminist Thought // Unpublished MA Dissertation, University of Manchester.

Lederer, L. (ed.) (1980) *Take Back the Night.* New York: William Morrow.

Leeds Revolutionary Feminist Group (l982) Political Lesbianism: the Case Against Heterosexuality // M. Evans (ed.).

Lees, S. (1986) Sex, Race and Culture: Feminism and the Limits of Cultural Pluralism // *Feminist Review,* no. 22.

Leighton, J. (1975) *Simone de Beauvoir on Women.* London Associated University Press.

Lenin, V. (1977) *On the Emancipation of Women.* Moscow: Progress Publishers.

Lerner, G. (1986) *The Creation of Patnarchy.* Oxford and New York: Oxford University Press.

Levin, M. (1987) *Feminism and Freedom.* New Brunswick and Oxford: Transaction Books.

Levine, P. (1987) *Victorian Feminism* 1850—1900. London Hutchinson.

Lewis, J. (ed.) (1983) *Women's Welfare, Women's Rights.* London and Canberra: Croom Helm.

Lewis, J. (l985) The Debate on Sex and Class // New Left Review, no 149.

Liddington, J. (1984) *The Life and Times of a Respectable Rebel. Selina Cooper* 1864—1946. London: Virago.

Liddington, J. and Norris, J. (l978) *One Hand Tied Behind Us. The Rise of the Women's Suffrage Movement.* London Virago.

Lloyd, O. (1984) *The Man of Reason. 'Male' and 'Female' in Western Philosophy.* London: Methuen. Lockwood, G. (1971) *The New Harmony Movement.* New York Dover.

Lorde, A. (1984) *Sister Outsider. Essays and Speeches.* New York: Crossing Press.

Lovell, T. (ed.) (1990) *British Feminist Thought. A Reader.* Oxford: Basil Blackwell.

Lovenduski, J. (1988) Feminism in the 1980s' // *Politics,* vol. 8, no.1.

Lovibond, S. (1989) Feminism and Postmodernism // *New Left Review,* no. 178.

Lutz, A. (1944) *Created Equal. A Biography of Elizabeth Cady Stanton.* New York: John Day.

Luxemburg, R. (1971) *Selected Political Writings,* edited and with an introduction by D. Howard. New York and London: Monthly Review Press.

MacKinnon, C. (1983) Feminism, Marxism, Method, and the State: an Agenda for Theory // E. Abel and E. Abel (eds).

MacKinnon, C. (1989a) Sexuality, Pornography and Method: Pleasure under Patriarchy // *Ethics,* vol. 99, no. 2.

MacKinnon, C. (1989b) *Towards a Feminist Theory of the State.* London: Harvard University Press. Maconachie, M. (1987) Engels, sexual divisions and the family // J. Sayers, M. Evans and N. Redclift (eds).

Malos, E. (1980) *The Politics of Housework.* London: Allison and Busby Ltd.

Malmgreen, O. (1978) *Neither Bread nor Roses: utopian feminists and the English working class.* Brighton: John L. Noyce.

Mansbridge, J. (1986) *Why We Lost The ERA.* Chicago and London: University of Chicago Press. Marcus, J. (ed) (1987) *Suffrage and the Pankhursts.* London and New York: Routledge and Kegan Paul.

Marks, E. and de Courtrivon, I. (eds) (1981) *New French Feminisms.* Brighton: Harvester Press. Marsh, S. M. (1981) *Anarchist Women* 1870—1920. Philadelphia: Temple University Press.

Marx, K. (1972) *Critique of the Gotha Programme.* Peking: Foreign Languages Press.

Marx, K. (1963) *Early Writings,* translated and edited by T. B. Bottomore. London: Watts.

Marx, K. and Engels, F. (1982) *The German Ideology.* London: Laurence and Wishart.

Marx, K. and Engels, F. (1968) *Selected Works.* London: Lawrence and Wishart.

Marx, K., Engels, F., Lenin, V., and Stalin, J. (1975) *Women and Communism.*

Selections from the Writings of Marx, Engels, Lenin and Stalin. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Maynard, M. (1989) Privilege and Patriarchy: Feminist Thought in the Nineteenth Century // S. Mendus and J. Rendall (eds).

McLaren, A. (1991) *A History of Contraception*. Oxford: Basil Blackwell.

McMillan, C. (1982) *Women, Reason and Nature. Some Philosophical Problems with Feminism*. Oxford: Basil Blackwell.

McMillan, J. (1981) *Housewife or Harlot: The Place of Women in French Society* 1870—1940. Brighton: Harvester Press.

Meehan, E. and Sevenhuijsen, S. (eds) (1991) *Equality Principles and Politics*. London: Sage.

Mendus, S. (1989) The Marriage of True Minds: the Ideal of Marriage in the Philosophy of John Stuart Mill // S. Mendus and J. Rendall (eds).

Mendus, S. and Rendall, J. (eds) (1989) *Sexuality and Subordination*. London: Routledge and Kegan Paul.

Michels, R. (1962) *Political Parties*, translated by E. Paul and C. Paul. New York: Free Press.

Midgley, M. and Hughes, J. (1983) *Women's Choices. Philosophical Problems Facing Feminism*. London: Weidenfeld and Nicolson.

Mill, J. S. (1971) *Autobiography*, edited by J. Stillinger. Oxford: Oxford University Press.

Mill, J. S. (1900) *Principles of Political Economy*. London: Longmans, Green.

Mill, J. S. (1983) *The Subjection of Women*. London: Virago.

Mill, J. S. (1985) *John Stuart Mill on Politics and Society* edited by O. Williams. Glasgow: Fontana.

Miller, B. (1990) The Resurgence of Political Theory // *Political Studies*, vol. 38.

Millett, K. (1985) *Sexual Politics*. London: Virago.

Mirza, H. (1986) The Dilemma of Socialist Feminism: A Case for Black Feminism // *Feminist Review*, no. 22.

Mitchell, C. (1989) Madame Pelletier (1874—1939): The Politics of Sexual Oppression // *Feminist Review*, no. 33.

Mitchell, H. (1977) *The Hard Way Up*. London: Virago.

Mitchell, J. (1971) *Woman's Estate*. Harmondsworth: Penguin.

Mitchell, J. (1974) *Psychoanalysis and Feminism*. London: Allen Lane.

Mitchell, J. (1984) *Women: the Longest Revolution*. London: Virago.

Mitchell, J. and Oakley, A. (eds) (1979) *The Rights and Wrongs of Women*. Harmondsworth: Penguin.

Mitchell, J. and Oakley, A. (eds) (1986) *What is Feminism?* Oxford, Basil Blackwell.

Moi, T. (ed.) 1987) *French Feminist Thought. A Reader.* Oxford: Basil Blackwell.

Moi, T. (1990) *Feminist Theory and Simone de Beauvoir.* Oxford: Basil Blackwell.

Molyneux, M. (1979) Beyond the Domestic Labour Debate // *New Left Review,* no. 116.

Moon, S. (1978) Feminism and Socialism: the Utopian Synthesis of Flora Tristan // M. Boxer and J. Quataert (eds).

Moraga, C. and Anzaldua, G. (eds) (1983) *This Bridge Called My Back: Writings by Radical Women of Color.* New York: Kitchen Table, Women of Color Press.

Morewedge, R. (ed.) (1975) *The Role of Women in the Middle Ages.* London: Hodder and Stoughton.

Morgan, R. (ed.) (1970) *Sisterhood is Powerful. An Anthology of Writings from the Women's Liberation Movement.* New York: Vintage.

Morgan, R. (1978) *Going Too Far. The Personal Cronicle of a Feminist.* New York: Vintage.

Morgan, R. (1982) *The Anatoms of Freedom.* Oxford: Martin Robertson.

Morgan, R. (1984) *Sisterhood is Global. The International Women's Movement Anthology.* Harmondsworth: Penguin.

Morrell, C. (1980) "Black Friday": Violence Against Women in the Suffragette Movement // *Explorations in Feminism.* no. 9. London: Women's Research and Resources Centre.

Muncy, R. (1973) *Sex and Marriage in Utopian Comunities.* London and Bloomington: Indiana University Press.

Nicholson, L. J. (ed.) (1990) *Feminism/Postmodernism* (New York and London: Routledge.

Nye, A. (1990a) *Feminist Theory and the Philosophies of Man.* London: Routledge.

Nye, A. (1990b) *Words of Power: a Feminist Reading of the History of Logic.* London: Routledge.

Oakley, A. (1972) *Sex, Gender and Society.* London: Maurice Temple Smith.

Oakley, A. (1979) Wisewoman and Medicine Man: Changes in the Management of Childbirth // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Oakley, A. (1983) Millicent Garrett Fawcett: Duty and Determination // D. Spender (ed.).

O'Brien, M. (1979) Reproducing Marxist Man // L. Clark and L. Lange (eds).

O'Brien, M. (1981) *The Politics of Reproduction.* London: Routledge and Kegan Paul..

Okely, J. (1986) *Simone de Beauvoir: A Re-reading.* London: Virago.

Okin, S. M. (1980) *Women in Western Political Thooght.* London: Virago.

Okin, S. M. (1987) Justice and Gender // *Philosophy and Public Affairs,* vol. 16, no. 1.

Okin, S. M. (1989) Reason and Feeling in Thinking about Justice // *Ethics,* vol. 99, no. 2.

Okin, S. M. (1990) *Justice, Gender and the Family*. New York: Basic Books.

O'Neil, W. (1969) *The Woman Movement. Feminism in the United States and England*. London: Allen and Unwin.

Owen, R. (1972) *A New View of Society and Other Writings*, introduced by J. Butt. London: David.

Owens, R. (1984) *Ssmashing Times. A History of the Irish Women's Suffrage Mobement* 1889—1922. Dublin: Attic Press.

Paine, T. (1894) An Occasional Letter on the Female Sex // *The Writings of Tom Paine*, vol. I, collected and edited by M. B. Conway. New York and London: Putnam.

Pankhurst, C. (1987) The Great Scourge and How to End It // J. Marcus (ed.).

Pankhurst, S. (1977) *The Suffragette Movement*. London: Virago.

Pateman, C. (1986a) The Theoretical Subversiveness of Feminism // C. Pateman and E. Gross (eds).

Pateman. C. (1986b) Review of Genevieve Lloyd's "The Man of Reason" // *Political Theory*, vol. 14.

Pateman, C. (1987) Feminist Critiques of the Public/Private Dichotomy // A. Phillips (ed.).

Pateman, C. (1988) *The Sexual Contract*. Cambridge: Polity Press.

Pateman, C. (1989) *The Disorder of Women*. Cambridge: Polity.

Pateman, C. and Gross, E. (eds) (1986) *Feminist Challenges. Social and Political Theory*. London: Allen and Unwin.

Perry, R. (1986) *The Celebrated Mary Astell*. Chicago and London: University of Chicago Press.

Phelps, L. (1981) Patriarchy and Capitalism // *Building Feminist Theory. Essays from Quest*. London: Longman).

Phillips. A. (1983) *Hidden Hands. Women and Economic Policies*. London: Pluto Press.

Phillips, A. (1987a) *Divided Loyalities: Dilemmas of Sex and Class*. London: Virago.

Phillips, A. (ed.) (1987b) *Feminism and Equality*. Oxford: Basil Blackwell.

Phillips, A. and Taylor, B. (1986) Sex and Skill // Feminist Review (ed.) *Waged Work: a Reader*. London: Virago.

Piercy, M. (1979) *Woman on the Edge of Time*. London Women's Press.

Pollard, S. and Scott, J. (eds) (1971) *Robert* Owen, *Prophet of the Poor*. London: Macmillan.

Pornography and Sexual Violence. Evidence of the Links: The complete transcript of Public Hearings on Ordinances to add Pornography as Discrimination Against Women. Minneapolis City Council, Government Operations Committee. Dec. 12 and 13, 1983. London: Everywoman.

Power, E. (1975) *Medieval Women*. Cambridge: Cambridge University Press.

Quataert. J. (1978) Unequal Partners in an Uneasy Alliance: Women and the Working Class in Imperial Germany // M. Boxer and J. Quataert (eds).

Quataert, J. (1979) *Reluctant Feminists in German Social Democracy* 1885—1917. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Ragland-Sullivan, E. (199l) Jacques Lacan. Feminism and the Problem of Gender Identity // S. Gunew (ed.).

Ramazanoglu, C. (1986) Ethnocentricity and Socialist-Feminist Theory: a Response to Barrett and Mclntosh // *Feminist Review*, no. 22.

Ramelson, M. (1967) *The Petticoat Rebellion. A Century of Struggle for Women's Rights*. London: Lawrence and Wishart.

Randall, V. (1987) *Women and Politics*. Basingstoke: Macmillan.

Rathbone, E. (1927) *The Disinherited Family. A Plea for Direct Provision for the Costs of Child Maintenance through Family Allowances*. London: Allen and Unwin.

Rauschenbusch-Clough, E. (1898) *A Study of Mazy Wollstonecraft*. London, New York and Bloomsbury: Longmans Green.

Rawls, J. (1971) *A Theory of Justice*. Oxford: Oxford University Press.

Redstockings (1970) Manifesto // R. Morgan (ed.).

Redstockings (1978) *Feminist Revolution. An Abridged Edition with Additional Writings*. New York: Random House.

Reeves, M. (1979) *Round About a Pound a Week*. London: Virago.

Reid, M. (1988) *A Plea for Women*, introduced by S. Ferguson. Edinburgh: Polygon.

Rendall, J. (1985) *The Origins of Modern Feminism: Women in Britain, France and the United States* 1780—1860. London: Macmillan.

Rendall, J. (ed.) (1987) *Equal or Different. Women's Politics* 1800—1914. Oxford: Basil Blackwell.

Rich, A. (1977) *Of Woman Born. Motherhood as Experience and Institution*. London: Virago.

Rich, A. (1980) Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence // *Signs*, vol. 5, no. 4.

Richards, J. R. (1982) *The Sceptical Feminist*. Harmondsworth: Penguin.

Richards, J. R. (1982) Reply to Grimshaw. Philosophy and Feminism // *Radical Philosophy*, no. 32.

Riemar, E. and Fout, J. (eds) (l980) *European Women. A Documentary History* 1789—1945. Brighton: Harvester Press.

Robertson, P. (1982) *An Experience of Women. Pattern and Change in Nineteenth Century Europe*. Philadelphia: Temple University Press.

Rogers, K. M. (1982) *Feminism in XVIIIth Century England*. Brighton: Harvester Press.

Romero, P. (1987) *Sylvia Pankhurst. Portrait of a Radical.* New Haven and London: Yale University Press.

Rose, H. (1986) Women's Work: Woтen's Knowledge // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Rosen, A. (1974) *Rise Up Women! The Militant Campaign of the Women's Social and Political Union* 1903—1914. London and Boston: Routledge and Kegan Paul.

Rosenberg, C. (1989) *Women and Perestroika. Present, Past and Future for Women in Russia.* London: Bookmarks.

Rossi, A. (ed.) (1970) *Essays on Sex Equality. John Stuart Mill and Harriet Tay1or.* Chicago and London: University of Chicago Press.

Rossi, A. S. (ed.) (1973) *The Feminist Papers from Adams to de Beauvoir.* New York and London: Columbia University Press.

Roszak, B. and Roszak, T. (eds) (1969) *Masculine/Feminine. Readings in Sexual Mythology and the Liberation of Women.* New York: Harper Colophon Books.

Rousseau, J. J. (1955) *Emile*, translated by B. Foxley. London: Dent.

Rover, C. (1967) *Women's Suffrage and Party Polincs in England* 1866—1914. London: Routledge and Kegan Paul.

Rover, C. (1970) *Love, Morals and the Feminists.* London: Routledge and Kegan Paul..

Rowan, C. (1982) "Mothers, vote Labour!" The State, the Labour Movement and Working-Class Mothers, 1900—1918 // R. Brunt and C. Rowan (eds) *Feminisrn, Culture and Pohtics.* London: Lawrence and Wishart.

Rowbotham, S. (1972) *Women, Resistance and Revolution.* Harmondsworth: Penguin.

Rowbotham, S. (1973a) *Hidden From History.* London: Pluto Press.

Rowbotham, S. (1973b) *Women's Consciousness, Man's World.* Harmondsworth: Penguin.

Rowbotham, S. (1977) *A New World for Women: Stella Browne — Socialist Feminist.* London: Pluto Press.

Rowbotham, S. (1982) The Trouble with Patriarchy // M. Evans (ed.).

Rowbotham, S. (1983) *Dreams and Dilemmas.* London: Virago.

Rowbotham, S. (1989) *The Past is Before Us: Feminism in Action since the 1960s.* London: Pandora Press.

Rowbotham, S., Segal, L. and Wainwright, H. (1979) *Beyond the Fragments.* London: Merlin Press.

Rowbotham, S. and Weeks, J. (1977) *Socialism and the New Life: the Personal and Sexual Politics of Edward Carpenter and Havelock Ellis.* London: Pluto Press.

Rubin, G. (1970) Woman as Nigger // L. Tanner (ed).

Rubinstein, D. (1986) *Before the Suffragettes.* Brighton: Harvester Press.

Ruddick, S. (1980) Maternal Thinking // *Feminist Studies,* vol. 6, no. 1.

Ruddick, S. (1984) Preservative Love and Military Destruction: Some Reflections on Mothering and Peace // J. Trebilcot (ed.).

Ruddick, S. (1990) *Maternal Thinking. Towards a Politics of Peace.* London: Women's Press.

Sabrovsky, J. A. (1979) *From Rationality to Liberation. The Evolution of Feminist Ideology.* Westport Conn. and London: Greenwood Press.

Salper, R. (1972) *Female Liberation. History and Current Politics.* New York: Knopf.

Sarah, E. (1983) Christabel Pankhurst: Reclaiming her Power // D. Spender (ed.).

Sargent, L. (1986) (ed.) *The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: A Debate on Class and Patriarchy.* London: Pluto Press.

Sassoon, A. S. (1987) *Women and the State. The Shifting Boundaries between Public and Private.* London: Hutchinson.

Sawicki, J. (1991) Foucault and Feminism: Towards a Politics of Difference // M. Shanley and C. Pateman (eds).

Sayers, J. (1982) *Biological Politics. Feminist and Anti-Feminist Perspectives.* London and New York: 1982.

Sayers, J. (1986) *Sexual Contradictions. Psychology, Psychoanalysis and Feminism.* London and New York: Tavistock.

Sayers, J., Evans, M, and Redclift, N. (eds) (1987) *Engels revisited. New Feminist Essays.* London and New York: Tavistock.

Schapiro, J. S. (1978) *Condorcet and the Rise of Liberalism.* New York: Octagon Books.

Scharfe, L. (1980) *To Work and To Wed Female Emp!oymem, Feminism and the Great Depression.* Westport, Conn. and London: Greenwood Press.

Scharfe, L. and Jensen, J. M. (eds) (1978) *Decades of Discontent. The Women s Movement* 1920—1940. Boston: Northeastern University Press.

Schneewind, J. (ed.) (1965) *J. S. Mill. Essays on Literature and Society.* London: Collier-Macmillan.

Schneir, M. (ed.) (1972) *Feminism: the Essential Historical Writtings.* New York: Vintage.

Schwarzer, A. (1984) *Simone de Beauvoir Today. Conversations 1972—1982,* translated from the French by M. Howarth. London: Chatto and Windus.

Scott, H. (1982) *Sweden's Right to be Human.* London: Allison and Busby.

Scott, J. (1989) French Feminists and the Rights of "Man": Olympe de Gouge's Declarations // *History Workshop,* no. 28.

Seccombe, W. (l974) The Housewife and her Labour under Capitalism // *New*

Left Review, no 83.

Seccombe, W. (1975) Domestic Labour: Reply to Critics // *New Left Review*, no. 74.

Segal, L. (1987) *Is the Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism*. London: Virago.

Sevenhuijsen, S. (1991) Justice, Moral Reasoning and the Politics of Child Custody // E. Meehan and S. Sevenhuijsen (eds).

Shaffer, R. (1979) Women and the Communist Party U.S.A. 1930—1940 // *Socialist Review*, vol. 9, no. 3.

Shahar, S. (1983) *The Fourth Estate: A History of Women in the Middle Ages*, translated by C. Galai. London and New York: Methuen.

Shanley, M. L. and Pateman, C. (eds) (1991) *Feminist Interpretations and Political Theory*. London: Polity Press.

Shulman, A. K. (ed.) (1979) *Red Emma Speaks. The Selected Speeches and Wrttings of the anarchist and feminist Emma Goldman*. London: Wildwood House.

Shulman, A. K. (1983) Emma Goldman: "Anarchist Queen" (1869—1940) // D. Spender (ed.). Sichterman, B. (1983) *Femininity. The Politics of the Personal*. Oxford: Polity Press.

Signs (1981) Special edition on French Feminist Theory // *Signs*. vol. 7, no. 1.

Siim, B. (1991) Welfare State. Gender Politics and Equality Principles — Women's citizenship in the Scandinavian welfare state // E. Meehan and S. Sevenhuijsen (eds).

Slaughter, J. and Kern, R. (eds) (1981) *European Women on the Left. Socialism, Feminism and the Problems Faced by Political Women 1880 to the Present*. Westport, Conn. and London: Greenwood Press.

Smart, C. (1989) *Feminism and the Power of Law*. London and New York: Routledge.

Smart, C. and Smart, B. (1978) *Women, Sexuality and Social Control*. London: Routledge and Kegan Paul.

Smith, H. L. (1982) *Reason's Disciples. Seventeenth Century English Feminists*. Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press.

Smith, H. L. (ed.) (1990) *British Feminism in the Twentieth Century*. London: Edward Elgar.

Solaris, V. (1970) Excerpts from the SCUM Manifesto // R. Morgan (ed).

Sowerwine, C. (1982) *Sisters or Citizens? Women and Socialism in France since 1876*. Cambridge: Cambridge University Press.

Spelman, E. (1988) *Inessential Woman. Problems of Exclusion in Femintst Thought*. Boston: Beacon Press.

Spender, O. (1983a) *Women of Ideas (and What Men Have Done to Them)* London: Ark.

Spender, D. (ed.) (1983b) *Feminist Theorists. Three centuries of Women's Inteliecttal Traditions*. London: Women's Press.

Spender, O. (1985a) *Man Made Language*. London: Routledge and Kegan Paul.

Spender, D. (1985b) *For the Record. The Making and Meaning of Feminist Knowledge*. London: Women's Press.

Stacey, J. (1986) Are Feminists Afraid to Leave Home? The Challenge of Pro-Family Feminism // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Stacey, M. and Price, M. (1981) *Women, Power and Politics*. London and New York: Tavistock.

Stanley, L. (1983) Olive Schreiner: New Women, Free Women, All Women // D. Spender (ed).

Stanton, E. C. and Anthony, S. B. (1981) *Correspondence, Writings, Speeches*, edited and with a critical commentary by E. C. Dubois. New York: Schocken.

Stanton, E. C., Anthony, S. B. and Gage, M. (eds) (1881 and 1882) *The History of Woman Suffrage*, vols I. and II (New York: Fowler and Wells).

Stanworth, M. (ed.) (1987) *Reproductive Technologies*. Oxford: Polity Press.

Steinem, G. (1984) *Outrageous Acts and Everyday Rebelltons*. London: Fomana.

Stenton, M. (1957) *The English Woman in History*. London: Allen and Unwin.

Stites, R. (1978) *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism* 1860—1930. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Stites, R. (1981) Alexandra Kollontai and the Russian Revolution // J. Slaughter and R. Kern (eds).

Stone, L. (1979) *The Family, Sex and Marriage in England 1500—1800*. Harmondsworth: Penguin.

Strachey, R. (1974) *The Cause. A Short History of the Women's Movement in Great Britain*. Bath: Cedric Chivers.

Strange, P. (1983) *It'll Make a Man of You — A Feminist View of the Arms Race*. Nottingham: A Peace News/Mushroom pamphlet.

Tanner, L. (ed) (1970) *Voices from Women's Liberation*. New York: Mentor.

Taylor, B. (1983) *Eve and the New Jerusalem: Socialism and Feminism in the Nineteenth Century*. London: Virago.

Taylor, D. *et al.* (1985) *Women, A World Report*. London: Methuen.

Taylor, H. (1983) *The Enfranchisement of Women*. London: Virago.

Thatcher, M. (1954) Article in *Onward*, a Conservative Party publication, April 1954. Reprinted in *The Guardian*, 21 March 1990.

Thompson, D (1987) Women, Work and Politics in Nineteenth Century England: the Problem of Authority // J. Rendall (ed.).

Thompson, D. (ed.) (1983) *Over Our Dead Bodies. Women Against the Bomb*. London: Virago.

Thompson, M. L. (ed.) (1970) *Voices of the New Feminism*. Boston: Beacon Press.

Thompson, R. (1974) *Women In Stuart England and America.* London: Routledge and Kegan Paul.

Thompson, W. (1983) *Appeal of one Half of the Human Race, Women against the Pretensions of the Other Half, Men, to retain them in Political, and Thence in Civil and Domestic Slavery.* London: Virago.

Thonnessen, W. (1973) *The Emancipation of Women. The Rise and Decline of the Women's Movement in German Social Democracy 1863—1963* translated by J. de Bres. Bristol: Pluto Press.

Thornton, M. (1986) Sex Equality is not enough for Feminism // C. Pateman and E. Gross (eds).

Todd, J. M. (ed.) (1977) *A Wollstonecraft Anthology.* Bloomington and London: Indiana University Press.

Tomalin, C. (1974) *The Life and Death of Mary Wollstonecraft.* London: Weidenfeld and Nicolson.

Tong, R. (1989) *Feminist Thought. A Comprehensive Introduction.* London: Unwin Hyman.

Tovey, B. and Tovey, G. (1974) Women's Philosophical Friends and Enemies // *Social Science Quarterly*, vol. 55.

Treblicot, J. (ed.) (1984) *Mothering. Essays in Feminist Theory.* New York: Rowman and Allenheld.

Tress, D. (1988) Comment on Flax's "PostModernism and Gender Relations in Feminist Theory" // *Signs*, vol. 14.

Trotsky, L. (1924) *Problems of Life*, translated by Z. Venerora, with an introduction by N. Minsky. London: Methuen.

Trotsky, L. (1970) *Women and the Family.* New York: Pathfinder.

Tulloch, O. (1989) *Mill and Sexual Equality.* Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf.

Ungerson, C. (ed.) (1985) *Women and Social Policy: A Reader.* Basingstoke: Macmillan.

Urbanski, M. (1983) "Margaret Fuller: Feminist Writer and Revolutionary // D. Spender (ed.).

Vetterling-Braggin, M., Elliston, F. and English, J. (eds) (1981) *Feminism and Philosophy.* Totowa, NJ: Littlefield, Adams.

Vogel, L. (1983) *Marxism and the Oppression of Women.* London: Pluto Press.

Vogel, L. (1986) Rationalism and Romanticism: Two Strategies for Women's Liberation // J. Evans *et al.*

Vogel, U. (1989) Is Citizenship Gender Specific? // Unpublished paper presented to the Political Studies Association Annual Conference.

Voronina, O. (1989) Women in a "Man's Society" // *Soviet Sociology*, vol. 28, no. 2.

Walby, S. (1990) *Theorizing Patriarchy*. Oxford: Basil Blackwell.

Walker L. (1984) *The Women's Movementin England in the late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*, Unpublished PhD Thesis, University of Manchester.

Walters, M. (1979) The Rights and Wrongs of Women: Mary Wollstonecraft, Harriet Martineau, Simone de Beauvoir // J. Mitchell and A. Oakley (eds).

Waltzer, M. (1983) *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. New York: Basic Books.

Wandor, M. (ed.) (1972) *The Body Politic. Women's Liberationin Britain*. London: Stage 1.

Wandor, M. (ed.) (1990) *Once a Feminist: Stories of a Generation*. London: Virago.

Wardle, R. (1951) *Mary Wollstonecraft: a Critical Study*. London: Richards Press.

Ware, S. (1981) *Beyond Suffrage. Women in the New Deal*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Warnock, M. (ed.) (1966) *Utilitarianism*. London: Collins.

Waters, E. (1989) Restructuring the "Woman Question": Perestroika and Prostitution // *Feminist Review*, no. 32.

Weedon, C. (1987) *Feminist Practice and Poststructuralist Theory*. Oxford: Basil Blackwell.

Weiner, O. (1983) Harriet Martineau: a Reassessment // D. Spender (ed.).

Weir, A. and Wilson, E. (1984) The British Women's Movement // *New Left Review*, no. 148.

Wenzel, H. (1986) Interview with Simone de Beauvoir // *Simone de Beauvoir: Witness to a Century*. New Haven, Conn.: Yale French Studies, no. 42.

Wexler, A. (1984) *Emma Goldman. An Intimate Life*. London: Virago.

Wheeler, L. (1983) Lucy Stone: Radical Beginnings 1818—93 // D. Spender (ed.).

Whitelegg, E. *et al.* (1982) *The Changing Experience of Women*. Oxford: Martin Robertson.

Willard, C. (1975) A Fifteenth Century View of Woman's Role in Medieval Society: Christine de Pizan's "Livre des Trois Vertus" // R. Morewedge (ed.).

Williams, G. (ed.) (1985) *John Stuart Mill on Politics and Society*. Glasgow: Fontana.

Wilson, E. (1980) *Only Halfway to Paradise. Women in Postwar Britain 1945—1968*. London and New York: Tavistock.

Wilson, E. with Weir, E. (1986) *Hidden Agendas. Theory, Politics and Expenence m the Women's Movement*. London: Tavistock.

Wiltsher, A. (1985) *Most Dangerous Womn. Feminist Peace Campaigners of the Great War*. London: Pandora Press.

Winegarten, R. (1988) *Simone de Beauvoir. A Critical View*. Oxford Berg.

Wittig, M. (1981) One is Not Born a Woman // *Feminists Issues*, vol. 1. no. 1.

Wolgast, E. (1980) *Equality and the Rights of Women*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Wollstonecraft, M. (1978) *Uvindication of the Rights of Woman*. Harmondsworth: Penguin.

Wood, E. M. (1986) *The Retreat from Class: A New 'True' socialism*. London: Verso.

Young, I. (l986) Beyond the Unhappy Marriage: a Critique of the Dual Systems Theory // L. Sargent (ed.).

Young, I. (1989) Polity and Group Difference: A Critique of the Ideal of Universal Citizenship // *Ethics*, vol. 99. No 2.

Zetkin, C. (1984) *Selected Writings*, edited by P. Foner. New York: International Puhlishers.